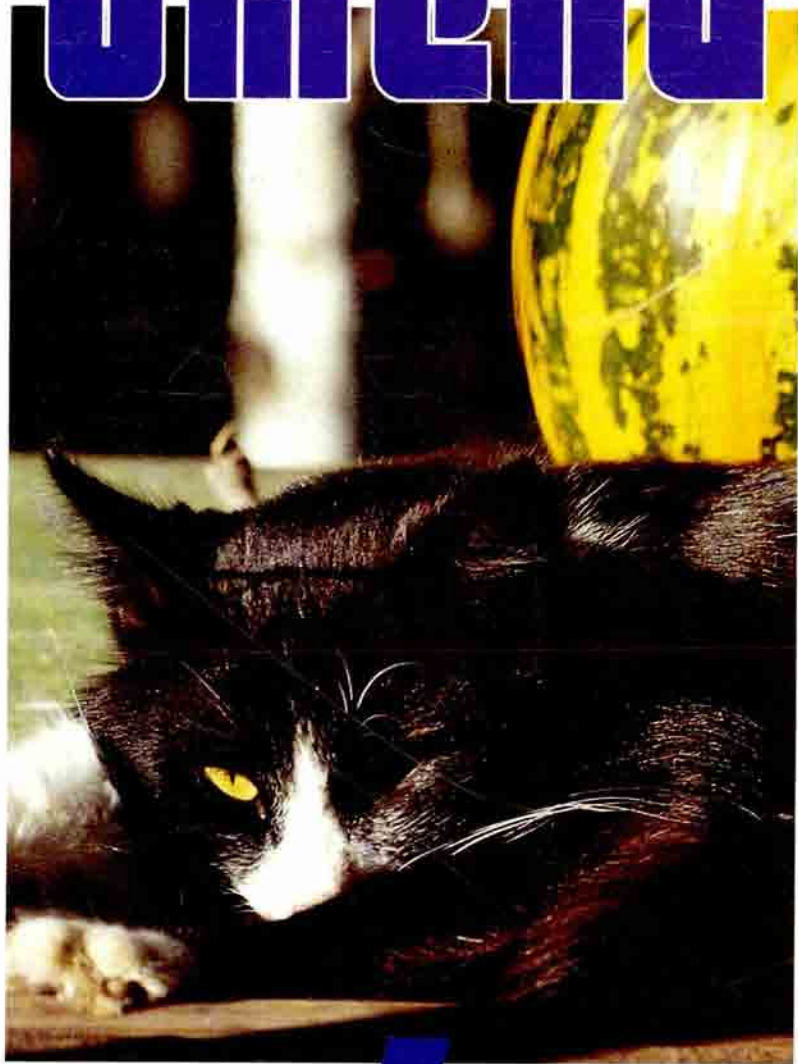

СМОЛД

ISSN 0131 - 6656

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ ■ ТРИ ЛЮБВИ ПУЗГА

ЮБЕР МОНТЕЛЕ ■ СМЕРТЕЛЬНЫЙ БРАК

10 / 95

М. В. НЕСТЕРОВ. Георгий Победоносец. 1908 г.

10'95

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

зам. главного редактора
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ
МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН

главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление
ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА

*Художественно-
технический редактор*
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 25.07.95.
Подписано к печати 18.08.95.

Формат 84×108½.

Бумага «Офсетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10.

Тираж 76 800 экз.

Заказ № 575.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати

и массовой информации

Российской Федерации.

Reg. №166.

Учредитель — коллектив

редакции журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака
обращаться в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

10 (1571) ОКТЯБРЬ

© «Смена», 1995.

58 ПРОЗА

*Юбер Монтеле***СМЕРТЕЛЬНЫЙ БРАК** *Детективный роман*

176

*Олесь Бенюх***БУМЕРАНГ** *Рассказ*

260

*Эдвард Бенсон***МОРСКОЙ ТУМАН** *Рассказ*

20 ПОЭЗИЯ

**ИСПАНСКИЕ СОНЕТЫ
ПЕРЕВОДЫ СЕРГЕЯ ГОНЧАРЕНКО**

4 ВРЕМЯ И МЫ

*Евгений Добровольский***ГУСЬ КОЗЕ НЕ ТОВАРИЩ**

28

*Валентин Курбатов***В ОВСЯНКЕ У АСТАФЬЕВА**

42

*Александр Пьянков***ТУЛЬСКИЕ СТВОЛЫ**

50

*Анатолий Дерябин***ДЕНЬГОПРОВОД**

166

*Иван Зюзюкин***ПИСЬМА ИЗ КЛАДОВКИ**

248

Клара Скопина

ХОТИТЕ ПОПРОБОВАТЬ ДРУГУЮ ЖИЗНЬ?

---

148 ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Николай Евреинов

НЕСТЕРОВ

206

Лев Каневский

ТРИ ЛЮБВИ ПОЭТА

■
На I-й обложке: фотоэтиюд ОЛЕГА БЕЛОУСОВА.
На II-й обложке: М. В. НЕСТЕРОВ. Георгий Победоносец. 1908 г.
НЕСТЕРОВ. (Читайте стр. 148)

Григорий Глазов.

**«ЗАПАХ СТОЙКОГО
ЛОСЬОНА».**

*Детективная повесть
Григория Глазова
затрагивает*

актуальнейшую проблему современной жизни — с образованием коммерческих структур возникают и новые отношения между людьми, связанными общим делом. Кража на предприятии, смерть в больнице молодого спортсмена, разработка нового препарата в институтской лаборатории — все эти события неожиданно переплетаются друг с другом, а распутывать их клубок приходится главному герою повести Ефиму Левину — сыщику, работающему в частном сыском агентстве «След».

Галина Сергеева.

«НЕ ОТ МИРА СЕГО».

*В необычной
командировке*

побывала журналист «Смены» — в женском монастыре в подмосковном городе Хотьково. Кто они — обительницы монастыря, добровольно отказавшиеся от яркого, шумного мира со всеми его страстями, заботами, противоречиями и радостями? Инокисы — наши соотечественницы и современницы. Об их удаленной от соблазнов жизни в монастыре — фоторепортаж наших корреспондентов.

АНОНС

1195

Город Гусь-Хрустальный. Железная дорога. Грохот пронсящегося поезда. Мелькание колес и окон. Красные огни в пыли у переезда. И опять тишина, грузовая станция второго класса с одноэтажным, обшарпанным зданием вокзала, про который в городе существует стойкая легенда, уверяющая, что его построили по личному указанию вождя. Будто бы группа рабочих с торфопредприятия написала, что их город достоин своего вокзала. И отправила письмо по адресу — Москва, Кремль, лично товарищу Сталину. Приписав — **в собственные руки**. Сталина это растрогало. Он приказал — и построили. В удачную минуту попали. А ведь мог расстрелять.

Дежурный с пониманием вздыхает, досасывает чинарик, гасит о каблук. В его вздохе извечная тоска российского гражданина по порядку. Оно, конечно, порядок был. От и до. По железной дороге сверяли часы. По железке Лазаря Моисеевича...

Вдоль перрона, за низенькой, покосившейся оградкой заплываный палисадник. Дежурный сидит на лавочке, вытянув ноги в жарких ботинках, в черной форменной фуражке с зеленым еловым кантом, шурится на закат. Солнце падает в леса.

По привокзальной площади, унылой и неухоженной, неприкаянный ветер гонит песчаную пыль, бумажный мусор. Все знакомо. Все как всегда. Справа трубы Хрустального завода, красные кирпичные здания текстильного комбината, над крышами маячат телевизионные антенны и купол только недавно отреставрированной Акиманской церкви, где многие годы, развесив на просушку свои брезентовые рукава, благополучно размещалась городская пожарная военизированная команда.

4
Мягко покачиваясь, подъезжает «Икарус» из Москвы, почти пустой. Раньше в столицу ездили чаще, а теперь дорого и никакого смысла нет. Дежурный говорит, сплевывая табачную горечь: «Покатались за колбаской...»

Это он о **колбасных рейсах**, на которые в свое время билеты брали штурмом. И загадка была — длинный, красный, для жизни опасный, пахнет мясом, а шерсти нет. Что такое? Надо было отвечать — «Икарус» из Москвы. После чего следовали понимающие вздохи и неперемный смехок — допрыгались...

Город Гусь-Хрустальный — типичный город русского Нечерноземья. Он фабричный, он заводской, он такой же, как его ближай-

ЕВГЕНИЙ ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ГУСЬ КОЗЕ

НЕ ТОВАРИЩ

ФОТО ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

шие соседи, как Муром и Ковров, как Вязники и Петушки. Больше, меньше, не о том речь. Он такой же по житейским привязанностям и пристрастиям, те же прокопченные трубы стоят возле тяжелых фабричных зданий дореволюционной еще кладки, те же бесхитростные занавесочки с кружавчиками в его не мытых с Пасхи окнах, и тот же голубой, кинескопный отсвет по вечерам, тот же стиль повседневного, скромного быта с картошкой на завтрак, картошкой на обед и на ужин, те же заботы ниже черты бедности, город внешне неброский, неторопливый, но при рассмотрении полный своих непростых забот, тот же разбитый асфальт на его дорогах, по которым катятся осевшие на один бок — это от вечных перегрузок в часы пик, — провинциальные автобусы-инвалиды на лысой резине, хронически страдающие от дефицита запасных частей.

Гусевские автобусы требуют от своих пассажиров хорошей физической подготовки. Бодрости. Оптимизма. И такого качества, как **сминаемость**, то есть способность стискиваться в лепешку и так же легко, не сходя с места, обретать прежнюю форму.

Давным-давно в торжественной обстановке городу обещан троллейбус. Чтоб, как во Владимире или даже в Москве! Приезжал министр союзного министерства, чтоб **привязать** одно вредное производство, и обнадежил, дескать, с нами, дорогие гусевчане, не пропадете, и один городской журналист, поверивший тем обещаниям, взял да и описал, как по гусевским улицам катит троллейбус. Он наивно полагал, что, пока брошюра его печатается в областном издательстве, так оно и будет: протянут первую линию. Пойдет троллейбус. Но брошюру напечатали, а троллейбус, увы, не пошел. Конфуз вышел, однако, как и можно предположить, не слишком громкий на фоне других конфузов. Что же касается вредного производства, то его, разумеется, **привязали**. В этом плане малый город незащищен. Он не может постоять за себя. Его голос протеста не слышен в этом грохочущем мире.

Как и большинство своих соседей, в советское время Гусь рос по периферии, там, где по воле большевиков возникали новые производства, а рядом с ними — рабочие барачные **соцгородки** и самостроевские улицы индивидуальных застройщиков со всеми удобствами во дворе на свежем воздухе зимой и летом под литерами М и Ж. Позже все это вошло в городские микрорайоны.

Если идти от вокзала к Акиманской церкви, а потом по улице Луначарского — к новому кладбищу, попадешь на Вторую Народную улицу, где я жил целых два года. Дело в том, что первую свою жилплощадь — не папину, не мамину, не бабушкину по наследству, а **свою** — я получал здесь в доме для малосемейных от Текстильного комбината.

Сразу же возник вопрос с пропиской. Я не хотел расставаться с Москвой. «А, живите так, чего сложности городить, — сказал начальник местного УВД майор Торгов и добавил: — Надеюсь на вашу гражданскую сознательность». Мы врзали с тем майором за мое новоселье, закусили зеленым лучком, редисочкой, огурчиком, все по сезону, о чем и вспоминаю, чтоб сразу означить характер провинциальных ценностей, систему общения и душевную

простоту нравов. На этом формальности закончились. Дом вот-вот, со дня на день, как на чистом глазу заверил меня тогдашний мэр Владислав Сергеевич, которого весь город называл паном Владиком, должны были сдать под ключ. Я поехал в Москву за семьей, задержался на две недели, а когда вернулся, то оказалось, что дом все еще не готов. Госкомиссия не подписывает акта.

Жить с ребенком в гостинице было неудобно и дорого. Была весна, непролазная грязь. Во всю сыяло солнце. С утра по городу трубили горластые петухи, и наглые, беспородные кошки грелись на заборах и подоконниках.

В конце концов мы решили рискнуть. Запаслись керосиновой лампой и ведрами, потому что света не было, а за водой надо было ходить к водоразборной колонке, здесь называемой **Фонталом**, на улицу Красных зорь или совсем рядом — на улицу Красных партизан. Вокруг на сколько хватало глаз простиралось раскисшее строительное месиво с торчащими во все стороны ржавыми арматурными штырями, обкромсанными кусками железобетона, тоннами битых кирпичей. Из всего этого запросто можно было построить еще один дом. Или даже, может быть, два. И вот как-то сидел я у своего подъезда, это мы уже въехали, размышлял о неустроенности писательского быта, об издержках профессии, когда ко мне подсел прораб Иван Семенович, грузный, большой мужик в прорезиненном, хрустящем плаще, в высоких сапогах, обляпанных многослойной грязью, но при галстук-самовязе. Прораб нервничал. Сам факт появления непонятого человека из Москвы настораживал. Тертый калач Иван Семенович терялся в догадках, не понимая, что к чему. Ему уже из прокуратуры звонили — пора сдавать, пригрозили, что собирают материал, следствие ведут знатоки. Потом — из городской газеты «Ленинское знамя», которую здесь называли листком или даже **брехунцом**, впрочем, ее никто не читал, новости черпались с телеэкрана, а потому в ходу было выражение: «Морда у тебя честная, как у политического обозревателя!» Приходил товарищ Лебедев, заместитель главного редактора. Короче, Иван Семенович терялся и хотел разведать обстановку, на всякий случай объяснив ситуацию, чтоб я не очень-то жаловался по начальству. Он, по-бабьи подобрав полы своего плаща, мягко опустился рядом, крикнув, вытянул из кармана мятую пачку «Явы», тяжелой лапой погладил ребенка, которого я прогуливал, сказал:

— Вот вы меня ругаете, кроете, можно сказать, матерно. Простите. Супруга ваша давеча по воду шла, я ей — дозвольте, дамочка, помогу. Так она аж не взглянула. Фыркнула по-копачьи, будто я ей главный враг. А если серьезно, в чем я враг? Вас как по отчеству? Чем я враг, Евгений Николаевич? С домостроительного комбината, смотрите, какие панели возят? Брак? Брак! Могу не взять? Могу! Но ведь других-то не привезут. Опять же перемычки, лестничные марши... Все маде ин Кривой Рог! Уж такой кривой...

Он, загибая пальцы, начал перечислять свои беды, сокрушался, что фундаменты клали зимой, коммуникации вовремя не подвели, людей то и дело срывали на горящие объекты, потом не было сантехники, потом еще чего-то.

— И кто виноват? — в сердцах спросил я чисто риторически.

— Кто, кто, — живо откликнулся он, — система! — И оглянулся по сторонам, чтоб я понял, **какую** систему он имеет в виду. Я понял, и он взял меня за локоть и ласково так повлек в свою подсобку.

Догорал светлый весенний день, тихий и гулкий в пустом, незаселенном доме. Я крикнул жене, чтоб присматривала за ребенком, и следом за прорабом вошел в двухкомнатную квартиру на первом этаже, где на полу лежали рулоны рубероида, валялась пакля в разодранных тюках, поблескивали куски линолеума... Стояли друг на дружке белые сливные бачки, фляги с краской, сваленные в угол, змеились душевые шланги, а рядом, прислоненные к стене, опасно кренились на меня дверные коробки, одна к одной...

— Прятать приходится, — вздохнул Иван Семенович, хозяйски стягивая плащ, — иначе растащат к шутам. Утром пришел — ни шпингалетов тебе, ни ручек, ничего... Сторожа ночного без права сна держим. Фонари вон повесили, подходы освещаем, как в тюрьме. Малоэффективно.

В соседней комнате штукатур Зинаида Григорьевна, взрослая, серьезная женщина с облупленным маникюром, совковой лопатой в ржавом корыте шевелила цементный раствор. Прораб ей мигнул, а мне сообщил шепотом: «Только за жилплощадь у нас и работает, получит — уйдет».

— Все тащат, — сокрушался он. — Кто про запас на всякий случай, кто просто так, из хулиганских побуждений, возьмет и кинет. Вот я дом сдавал на микрорайоне, у меня в одну ночь пять крышек со сливных бачков увели. Кто, что... Ищи ветра в поле, свищи. Я с другого дома снял, все-таки опыт есть, туда поставил. А откуда взял, проблема, впору у себя красть. Так-то вот, Николаич, но акт тогда они у меня подписали. И у вас подпишут, никуда не денутся. Людям жить надо, квартиру годами ждут, а тут, понимаешь, за мелочи цепляются. Там протечку ликвидируй, здесь непрокрас! Да бросьте вы, говорю, блох искать, товарищи дорогие, жилец вселится, сам все исправит. Дом надо заселять, иначе хуже будет. Через полгода вы его все равно не узнаете, так его раскурочат и отделают за милую душу. Зачем же принципиальничать на пустом месте?

— Пустом, — тихо откликнулась Зинаида Григорьевна.

— Мы свое государство, — продолжал Иван Семенович, — на жилищном строительстве разорим, если подход не изменим. Только куда там... Жилье для себя каждый гражданин должен строить на свои средства. Это и Леонида Ильича, и Зинаиду Григорьевну, и нас с вами, грешных, в равной степени касаемо, без скидок, чтоб все по единым строительным нормам и правилам. У тебя зарплата больше, ты себе лучше строишь, у меня меньше, я по карману выбираю.

Такой подход по тем временам показался мне крамольным. Я крикнул.

— Есть предложение... — осторожно молвил прораб, следя за моим выражением лица.

— Нет возражений, — как надо, но все-таки настороженно отвечал я, и сразу же передо мной возник поставленный на попа фанерный ящик. Зинаида Григорьевна, взмахнув руками, накрыла его чистым полотенчиком и выставила с застенчивой улыбки бутылку «Российской».

— Недавно копали мы котлован под нулевой цикл, — возясь с бутылкой, так ее поворачивая в коленях и эдак, вспоминал прораб, — а на том месте размещалось кладбище. Богатое... Склепы. И вот ковшом экскаваторным четвертькубовым растревожили мы две могилки. В одной лежал купец, по всему видно, купец: весь в коричневом бархате, на груди золотой крест. Смотрим, а он на глазах осыпается, лицо, руки, а крест, как огонь горит. Наш сварщик Тютюнин, да ты его знаешь, Зинаида, прыгнул, крест себе забрал. Вроде на память. Ладно. А рядом лежал мужичонка фабричный, пиджачок такой, рубашечка, две пуговики на вороте, белевские, тоже осыпается в прах, а в головах стоит она, мамонька! Надо понимать, любил покойный, ну и друзья поставили, чтоб в раю не простудился.

— И что же вы с бутылкой? — уже догадываясь, охнула Зинаида Григорьевна.

— Что, что... Приняли за упокой души. Бутылка зеленая. Теперь таких нет. Мало показалось, на Дзержинского бульдозериста сгоняли, добавили.

— Много пьем, — довольно-таки фарисейским тоном заметил я.

— Чем предлагаете стресс снимать? — зорко глянув на меня, поинтересовался прораб. — Про вашу работу не скажу, не знаю, а строителю, как лесорубу. Ни пожрать, ни согреться негде. Весной — грязь по самый, можно сказать... зимой — снег, летом — жара да пыль. Работа рывками, неритмичная, то тишина, то аврал. А это не каждый выдержит. В строительстве, как в сельском хозяйстве, трудней всего порядок навести. **Хозяина нет.** Все кругом колхозное, все кругом ничье. Все-таки свой дом — не просто крыша над головой.

Разливая, он не оставлял этой темы, продолжал:

— Так, сказал бедняк, в колхоз пойду, а работать не стану... Зиночка Григорьевна, за компанию? Мы ж понимаем...

Выпили, Иван Семенович признался, что у него душа болит, строителю, как крестьянину, надо работать на совесть, а зачем, спросите, зачем на совесть, если совестному да бессовестному одна тарифная ставка. Мы мастера с недоучкой равняем. Мастера обижаем, а недоучке делаем подстрекательство, чтоб он так же, спустя рукава, всю жизнь баклуши бил. На стройке все-таки, как и на земле, главная квалификация — старание и трудолюбие. А трудолюбивому да старательному зачем, бедолаге, в резиновых сапогах — по жизни топтать?

Зинаида Григорьевна согласно закивала. Она ждала квартиру, а получив, намеревалась вернуться на старое место, в музыкальную школу. Она там преподавала по классу баяна. Я ей предложил: «Сыграли бы...» Она засмеялась, махнула рукой.

Темнело. Во дворе на бетонной мачте зажегся фонарь, направленный на незаселенный наш дом так, чтоб в ночное время злоумышленник не мог подкрасться незамеченным. На окнах квар-

тиры, превращенной в склад, четко означились решетки из арматурных прутьев.

— У нас жилье это как счастье на халяву, — сказал Иван Семенович, — ни порядка, ни справедливости не добьешься. Почему ему, а не мне? Почему он свои метры десять лет ждал, а я вот уже пятнадцать жду и мне не светит? Ладно, вы не волнуйтесь, подпишут они акт, все примут, как есть, никуда они не денутся. Дайте им поиграться, они ж все при должностях. А что потом будет, сами увидите...

И точно, это я вперед забегаю, побродив вокруг дома, помесив грязь, комиссия признала качество удовлетворительным и подписала акт: дом буквально разваливался на глазах. То лестничный марш начинал шататься, то стена — дышать. Качество доводили сами новоселы. Подумаешь, мелочи. Нашелся газосварщик, он свой сварочный аппарат привез на ручной тележке, вытер с лица пот и весь день варил балконные ограждения, а то детей боялись выпустить. Моим соседом оказался сантехник, он по-соседски менял всем желающим краны и прокладки. (В своем подъезде бесплатно.) Нашлись электрик и малярша-плиточница. Приехал из Москвы чей-то родственник по фамилии Василевский, он с рулоном ворованного лидера и бухтой медной проволоки ходил по этажам, уже с утра полыхающий винным жаром, и по сходной цене обивал двери. (Все почему-то в Гусе обивали их изнутри и только мы — снаружи. На нас поглядывали с недоумением. Мы наивно решили, что не учитываем каких-то традиций. И Василевский нас смутил: «У вас оно культурней...»)

К дому подкатывали заводские грузовики, груженные домашним скарбом, еще довоенными дубовыми буфетами, теми самыми славянскими шкапами, получившими распространение в тридцатые годы, а потом сгинувшими в небытие, но только не здесь. Видимо, дорого доставались гусевчанам каждый стул, каждая табуретка, и складывалось впечатление, что живут здесь люди бережливые, скуповатые, консервативные хранители семейных традиций. Счастливые хозяева с друзьями шумно сгружали полированные серванты на курьих ножках, склизкую мебель. Соседские старушки, стоя в сторонке, наблюдали, кто как живет, делали выводы. Мимо них несли завернутые в стеганые одеяла зеркала и телевизоры. Незнакомые люди, долго извиняясь, просили посмотреть планировку квартиры, а то комендантша не давала ключей. Несли на руках кошек: в новую квартиру первой должна войти кошка. Потом ее можно отпустить на все четыре стороны, так что очень скоро у нас в подвале начались кошачьи концерты. Кошки выли о любви и орали от голода. Их голоса заглушали электродрели. А по ночам молодые голоса выводили и каблуками, каблуками приколачивали в бетонные плиты перекрытий: «Виновата ли я, виновата ли я, виновата ли я, что люблю...» Еще пели про Хаз-Булата — «Хаз-Булат удалой, бедна сакля твоя...» Других песен не было. И это оказалось для меня загадкой. Ведь Пахмутова сочиняла песни, по радио передавали каждый день, Дунаевский, Блантер... Черта лысого, ничего не было, кроме Хаз-Булата.

В августе мне пришлось уехать в Москву по издательским делам. Я уехал, а когда вернулся в конце сентября, то ужаснулся открывшимся вдруг переменам. Я не узнал своего дома. Лавочка перед подъездом была поломана, качели на детской площадке сорваны, они были как-то даже закручены узлом. Вставало раннее утро. Я поднимался к себе на третий этаж и ничего не узнавал. Во-первых, дверь в подъезд была вырвана с мясом, все стены испараны, лампочки разбиты. Вот, оказывается, о чем предупреждал многоопытный прораб Иван Семенович! Какие там недоделки — протечки, непрокрас, он не первый дом сдавал.

Мусоропровод с пятого по первый этаж был глухо забит скотканной бумагой, картофельными очистками, остатками супа. Подъезд наполнял кислый, трупобный запах. Я подумал, что отныне дух дома, его Вэн-Шуй, — а по восточным поверьям, у каждого жилища есть свой дух, — останется таким, и его уже не вытравить. Сто лет пройдет, и двести, хотя, конечно, на такой срок наш дом не был рассчитан, и это как-то утешало.

Дверь нашей квартиры была жестоко порезана бритвой — вот почему соседи обивали изнутри! — жена попыталась на скорую руку все это как-то заштопать, но порезали еще раз, чтоб не штопала!

Я стоял на лестничной площадке. Где-то рядом, за стеной, играла музыка, утренняя, бодрая, гудела электробритва, лилась вода из крана. Соседи готовили завтрак, собирались на работу. В окне передо мной нежаркое солнце золотило крыши соседней улицы. Меня душила злоба. Я читал надписи вроде:

*Мы не верим в Бога,
Храм нам, как доска.
Но мы свято верим
В победу ЦСКА!*

Чувство тошноты подкатывало к горлу. Я намеревался действовать. Ловить хулиганов, собирать общественность, устраивать ночные дежурства, чтоб охранять и беречь! Но тут же сомнение возникло — охранять можно свое, можно охранять чужое, по найму, допустим, но как охранять ничье? Тяжелая, равнодушная усталость навалилась на меня. Я просто увидел в том окне свою страну, все ее расхристанные подъезды, захарканные лестницы, выбитые стекла. И еще мне привиделся дом на Большой Бронной, в котором жил Михаил Андреевич Суслов, пальмы сквозь зеркальные стекла на первом этаже, ковровые дорожки на вымытых ступенях, неусыпные, интеллигентного вида лифтерши. С этим видением напрямую стыковались заявления мудрого прораба о том, что счастье на халяву для всех не построишь и вдруг припомнившаяся мне без повода вроде бы английская поговорка, гласящая, что бесплатный сыр бывает только в мышеловках. Я понял, что никуда не пойду, не стану ни жаловаться, ни организовывать дежурства в своем подъезде, пустое все, пока не дано человеку самого главного права — иметь и распоряжаться.

Дом — не просто квадратные метры, не просто крыша над головой, чтоб ночь переспать и ладно. Дом — это культура, отношение к жизни, система ценностей, и, когда говорят о мастерстве Хру-

стального Гуся, о высоком качестве его продукции, не хуже, чем там, то есть в далеком загранице, я вспоминаю свой подъезд и не верю. Не может быть ни качества, ни уровня производства при таком отношении к жилью. Чудес не бывает. И само собой возникает недоумение: что же делал здесь великий архитектор Леонтий Бенуа и что воздвигал на этих улицах — уж не ошибка ли? — архитектор Покровский, строивший Верхние торговые ряды в Москве, нынешний ГУМ и нарядное здание судной казны в Настасьинском переулке, чем прельстил этот безликий и серый город профессора Александра Платоновича Иваницкого, разработавшего его планировку в конце двадцатых годов?

Первая мысль, что произошла катастрофа, и горожане до сих пор не могут оправиться. А потому главная задача не жить, а — выжить. Если так, то в режиме выживания в городе уже много лет возводят вполне современные типовые дома из серого силикатного кирпича и панельные, убогие строения с лоджиями, которые ответственные квартиросъемщики переделывают кто во что горазд, используя подручные, самые неожиданные материалы — фанеру, битые магазинные ящики, стекло, шифер, алюминий... Каждый реализует свою индивидуальность согласно персональному вкусу. И какие же скворешни, какие коробки лепятся у вас над головой. А что делать — в малогабаритных квартирах жителю малого города тесно. Куда прикажете поставить ему бочку с квашеной капустой, куда снести мешок картошки, каждый раз в магазин не набегаешься, да и дорого. Но это что! Это все цветочки индивидуального творчества, войдите во двор современного дома, куда направлена экспансия жителя, ибо у него во дворе есть сарай, эдакая сараюшка, малая форма, принципиально не замечаемая на архитектурных планах, но упорно существующая. Главный архитектор города Валерий Джигкаев скрипит зубами: «У меня нет механизма контроля!» Дело даже не в том, что с некоторых пор отдела главного архитектора нет, остался только сам архитектор, секретарь и девочка-геодезист. Недавно Джигкаев вернулся из Финляндии. Там порядок. Если обнаружены нарушения, финский мэр конфискует земельный участок вместе с домом, принимается решение, как можно исправить ситуацию. Но в Финляндии частный владелец дома, он заинтересован выполнять все законы и с городскими властями не спориться, а у нас сорок семей, живущих в одном доме, не хозяйева, а — **квартиросъемщики**. Еще одно слово, рожденное Октябрем!

Гусевской квартиросъемщик нахрапист и предприимчив. Он себе на уме. Ему нужна лоджия («Развесили исподнее по фасадам!») — негодует Джигкаев) и ему нужен сарай. Надо ведь куда-то ставить велосипед, детскую коляску, а то еще мотоцикл. Где хранить инструмент, старую мебель, припасы на зиму, ведь жизнь у обывателей малого города не совсем городская, она еще и деревенская. От земли. Это своя форма, слияние двух начал крестьянства и ремесла с тех времен, когда редкий горожанин — инженер, доктор, воинский начальник и господин фельдшер — не держали скотины, не имели огорода при доме, так что по современным понятиям система повседневных связей и ценностей

была вполне деревенской. Слободской. С фабричным гудком, но и с неукоснительными сроками, когда сеять, когда собирать, хотя все-таки главный заработок шел с верстака, с ремесла, при том, что картошка всегда была у всех своя и овощи не магазинные, и сено Буренке хозяин сам заготавливал со своими домашними. Звенели косы по городским оврагам и дворовым полянкам, каждый клочок был на учете. Но постепенно органичные связи были разрушены, город поднимался вверх, окончательно отрываясь от земли, бездумно рушил свой малозатяжный фонд — осталось уже совсем немного, и точно еще не ясно, как будет дальше. Рубить ли все под корень или все-таки побережь то небольшое, что связывает современный малый город с его прошлым, даже не в свете продовольственных затруднений. Тем более что в малом городе они были всегда. То муки не хватало, то постного масла, и очереди выстраивались у старинных торговых рядов за хлебом с раннего утра перед сменой. И номер писали на ладошке химическим карандашом, и в Москву ездили за мясом — это непременно! — при том, что в городе свой мяскокомбинат, и манную кашу детям варили на мороженом, тогда по 10 копеек пачка. Московское мороженое. За два года моего пребывания в Гусе я только два раза видел мясо в магазине. Жена — ни разу, она чаще сидела дома. Зато однажды в торговом зале я встретил плакат, сохранившийся с каких-то там времен — «Вам попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы!»

Так было, от ворот мяскокомбината отходили рефрижераторы на Москву, и гусевчане — золотой народ! — мрачно шутили: мы вам вагонами, а назад — рюкзаками.

Были, были трудности, но все-таки город рос и обрастал лоджиями и сараями с амбарными замками на дверях и сложной системой секретов, чтоб не влезли среди ночи.

Когда на микрорайоне поставили первый девятиэтажный дом, Гусь-Хрустальный охнул в едином порыве, восхищенный этой бетонной глыбой. Там еще лозунг повесили со знакомым профилем — «Правильной дорогой идете, товарищи!». Но это не к тому, что в первую же неделю лифты вышли из строя и товарищи двинули на девятый этаж пешком. Ну, еще не было ни горячей, ни холодной воды, это ладно. Постепенно, совсем не сразу все наладилось, но вдруг новоселы стали жаловаться, что по ночам в их доме кто-то воет. И дошли до майора Торгова. Может, пытаются кого? Не то плач, не то стон доносился сквозь бетонные перекрытия и всю душу выворачивал.

Начали расследование и выяснилось, что на седьмом этаже проживает одинокая старушка, которая в ванной держит козу по имени Машка. Старуха не просто верила в чудодейственную силу козего молока. Коза была родным существом, членом семьи и бросить ее на старом месте старушка не могла. Коза же, постоянно проживая в темноте — днем ее отпускали погулять по квартире, и хозяйка тащилась следом, подбирала в совок козий горошек, выговаривала: «Ну, какая же ты бесстыжая, Машка, Мурка тебя не любит!» — очень часто простужалась, от старости коза почти ослепла, рога у нее шелушились, вот она и выла, окруженная со всех сторон холодным кафелем.

О козе так подробно, потому что это символ. Символ растущего и меняющего свой облик малого российского города, где житель не может порвать с прошлым и, кроме лоджий, явочным порядком присоединенных к жилой площади, и кособоких сараев, форпостов частнособственнических устремлений, должен иметь и такое сооружение, как гараж, если он **частник**, то есть владелец личного автотранспорта. В Гусе как-то не принято оставлять машину под окнами: разуют и растащат, а то просто укатят неизвестно куда в один момент. Были тому печальные примеры.

Мой друг коммерсант Леонид Мостовой не без гордости заявляет, что по скорости обворовывания одной условной автомашины Гусь, несомненно, занимает одно из первых мест в России и СНГ. «Про Париж не скажу...» — говорит он, разводя руками.

Личный гараж в малом городе не просто место хранения и ремонта автотранспорта. Как бы не так! Это было бы слишком просто. Настоящий гараж чаще всего напоминает возведенное по всем правилам саперного искусства долговременное фортификационное сооружение, рассчитанное на хорошую фугасную бомбу.

Как-то я был приглашен **побалдеть** — именно так — в гараж к инженеру Иван Васильевичу Климову, рукастому лысому человеку сорока двух лет от роду. Коренному гусяку.

Его гараж — многоярусное сооружение, уходящее вниз на три этажа. На первом — смотровая яма, чулан для старой резины, там навешаны стеллажи для старых, вышедших из строя деталей, но они еще могут пригодиться, стоят канистры с бензином, купленные по случаю, емкости с моторным маслом, и все напоминает лавку арабского старьевщика, в которой можно найти лампу Аладдина, о которой сам хозяин не знает. Ниже — картошка в мешках, пахнет овощехранилищем, стоят банки с компотами; из сарая во дворе запросто могут украсть, да и хочется как-то все объединить, чтоб не разбрасываться.

Самое интересное находится на третьем подземном этаже. Там сыровато, но чисто. Стены и потолок обклеены обоями в мелкий синий горошек. «Моя берлога», — не без гордости произносит Иван Васильевич, тем более что все здесь сделано его руками.

Берлога — просто комната, только без окон. Под потолком висит старый, во многих местах продранный абажур, в центре стоит круглый стол, который в современную квартиру не втащишь, а еще есть книжный шкаф с книгами и журналами, для которых дома нет места. Здесь собираются друзья Климова, сидят на старом диване, иногда **балдеют**, но в меру, смотрят старый телевизор, когда изображение портится, кто-нибудь встает, бьет по телевизору открытой ладонью. Старый, не жалко.

Под гаражи городская администрация регулярно отводит пустопорожные земли, не слишком далеко расположенные, и гаражи строят не из отдельных боксов, но группами, сразу на сто или на двести машин. Эдакий автомобильный городок возникает, издали узнаваемый по радужным бензиновым пятнам на мокром асфальте, по горам ржавого металла, который все собираются вывезти и все никак не соберутся. Там, в этом автомобильном городке, своя, непонятная постороннему, сложная внутренняя жизнь, повышенная криминогенность, что-то покупается, продается, хранится до поры, скрыто от чужого взгляда, туда часто наведывается милиция и следователи прокуратуры. Однажды у ворот гаражного товарищества я видел валяющиеся на земле два

использованных пластиковых шприца. Значит, и наркотой здесь балуются, курят травку вдали от шумного центра. Чтоб без свидетелей. В общем, полная интимность.

Архитекторы настаивают, что гаражи надо строить иначе, совсем не так. За рубежом это многоэтажные здания, потому что земля стоит дорого. Или это подземные сооружения большого объема с системой принудительной вентиляции. Но куда уж нам, тем более в теперешнем сложном положении.

В Гусе все осложняется еще и тем, что время от времени, гораздо чаще, чем хотелось бы, гаражи приходилось отодвигать к окраинам, переносить в другое место, город рос, расширял свои пределы, у него на роду написано было быть местом привязки для новых заводов и фабрик, для которых были закрыты большие города. Под строительство давали средства на жилье, так что пространства, еще недавно запросто отдаваемые под гаражи, отдавались под многоэтажное строительство, под все эти бесхитростные дома с балконами и лоджиями, которые сразу же переделывались на свой вкус, а во дворах вставляли сараи, сарайчики, сараюшки, похожие на курятники и на голубятни, все в зависимости от того, какой материал был под рукой и какие эстетические вкусы проповедовал индивидуальный застройщик. Сейчас у государства денег нет, но есть богатые коммерческие структуры, и новые хозяева жизни на «мерседесах» и «вольво» едут сюда со своими планами, о которых можно только догадываться.

Зеленый город Гусь, Москва рядом, климат здоровый, по безработице держит одно из первых мест во Владимирской области, значит, в избытке квалифицированная рабочая сила, которую можно занять в своих интересах.

Сколько было в свое время горячих споров, каким быть современному селу! Я еще помню. И архитекторы выступали, и строители, и секретари обкомов — была такая должность, — потому что проблему эту называли социальной, то есть политической. От того, как будет жить крестьянин, говорил Никита Сергеевич, зависит то, как будем жить все мы. Ну что, правильно. Тут бы крестьянина и спросить, как он хочет жить. Но крестьянина никто не спрашивал.

Главный начальник ратовал за сборное домостроение и арматуру периодического профиля. Панельные дома башенного типа рисовались ему среди зеленеющих колхозных полей и ферм. И никого, кажется, не волновало, что через год такие дома приходили в полный упадок, потому что на селе не было традиций жить на седьмом этаже, за каждым огурцом бегать вниз и выливать помой из лоджии, когда ни лифт, ни мусоропровод не работали. А они сразу выходили из строя, не выдерживая грубости обращения. Требовалось время, чтоб ко всему этому привыкнуть.

С малым городом та же ситуация, и официально никто не знает, как его строить, но есть традиции и здравый смысл.

Город на речке Гусь, которая дала ему свое имя, возрос из фабричного села, выросшего при стекольной и хрустальной фабрике купцов Мальцовых. Сначала на фабрике работали крепостные, проблем не было. Но, когда крестьян освободили, возникла проблема, как удержат крестьянина на своем рабочем месте. Как сделать так, чтоб его не переманили соседи, чтоб не ушел в Москву, в другие города, еще хуже — к конкурентам, да еще если мужик с квалификацией. С живинкой в деле. За таких держались

и берегли. А потому один из Мальцовых начал строить для своих рабочих коттеджи. Это он в Англию съездил и заявил, что превратит Гусь в **промышленный пункт** под стать Манчестеру. Начал строить текстильные фабрики, перевел сюда своих рабочих из Питера и Москвы, и вот что любопытно: вся Владимирская область говорит «окая» и только в Гусе говорят по-московски «акая». Это к размышлениям о силе традиций.

Юрий Степанович Мальцов пригласил к себе в Гусь академика архитектуры Леонтия Бенуа, по его проекту построили великолепный Георгиевский храм, и художник Васнецов украсил иконостас. Вдоль прямых улиц стояли кирпичные коттеджи, **половинки**, каждый на две семьи. В них жили тогдашние стахановцы, рукастые мастера, фабричная администрация. После 25 лет работы на фабрике дом переходил в собственность того, кто в нем жил. А еще были построены гимназия и больница, которые служат до сих пор, в гимназии — школа, в больнице — ЦРБ, то есть центральная районная больница, и старые корпуса удивляют своей капитальностью, продуманной планировкой.

Город, еще не получивший статус города, удивлял приезжих чистотой своих улиц, ухоженностью строений, гордился своим озером, красивее которого трудно сыскать, сосновыми рощами по берегам, аккуратными домиками один к одному, крытыми цветной черепицей — зеленой и красной, кирпичными тротуарами, ныне разбитыми и заросшими грязью, их раскапывать надо, ибо система стирала всякую индивидуальность, не позволяла ничего от себя. Каждый шаг санкционировался свыше. И город послушно начинал строить то Дом коммуны, то самую большую в области фабрику-кухню, чтоб «освободить женщину-работницу от рутинного непроизводительного труда у плиты». Потом строили здесь свои Новые Черемушки, и в погоне за показателями, о завтрашнем дне не помышляя, ставили убогие пятиэтажки-хрущобы в такой близости друг от друга и так густо, что не оставили места, чтоб детям было где побегать среди деревьев, взрослым посидеть на лавочке, поиграть в любимую игру домино, посудачить с соседками, да и просто вывесить постиранное белье.

Скученность и низкое качество строительства, кривые лестницы, шершавые стены, исписанные матерщиной, вывороченные входные двери, зловонные помойки за каждым углом воспитывали нового человека, определяя архитектурное лицо своего времени. «Раньше на века строили, — вздыхал прораб Иван Семенович, — а теперь ночь переспал — и лады». Зато городское начальство трепетно прислушивалось к указаниям сверху и на тихой улице готово было строить подземный пешеходный переход для кур, наверное, только они изредко пересекали проезжую часть в этом месте. Так же рьяно взялись за устройство общественного туалета в самом центре. Несколько лет он распространял запах хлорки, а потом угас сам собой, и все стало по-старому. Несколько лучшая судьба ожидала памятник героям-комсомольцам с вечным газовым огнем, тоже возведенным по распоряжению областного руководства к какому-то юбилею, и стелу, посвященную освоению Космоса. Но самым неожиданным украшением города стал фонтан. Не какой-нибудь там заурядный фонтан, а **поющий**. Это пан Владик ездил отдыхать на юг, в Сочи, кажется, там увидел и загорелся. Инициатива снизу была поддержана на областном уровне. Выписали оборудование,

вырыли котлован. Выбили ставку, чтоб в соседнем здании клуба имени Ленина дежурил слесарь-фонтанщик и в урочные часы сквозь оконце, прорубленное в стене, мог следить за упругостью струи, поворачивать туда-сюда водопроводные краны и включать магнитофон, исполняющий песни советских композиторов по списку, одобренному городским секретарем по пропаганде.

Фонтан не оправдал надежд. Зимой его заносит снегом, летом в его ванне стоит дождевая вода, плавают раскисшие окурки. Стела почти разрушилась. Памятник героям-комсомольцам доставляет много хлопот городскому архитектору. Там кладка оказалась некачественной, на кирпичном знамени систематически выступают белесые известковые следы, будто комсомольцы свершали свои подвиги под белым знаменем.

Как всякий малый город, Гусь старательно и ревниво выполнял любую команду сверху. По первому же сигналу включался в широкие кампании по разоблачению поджигателей войны, безродных космополитов, сионистов, требовал на своих заводских митингах свободу Манолису Глезосу. По первому же сигналу рапортовал о досрочном выполнении и перевыполнении взятых обязательств. При этом за конечные результаты никто не отвечал, ибо главное было — включиться и доложить. А там хоть трава не расти, городское начальство выдвигали на новую работу в область или даже в Москву. На их место приходили новые функционеры, которые, в свою очередь, задерживаться в глуши тоже не собирались, и город оставался местом привязки для новых промышленных предприятий, притом что все системы его жизнеобеспечения — водопровод, канализация, электросеть, — все работало на пределе, давно прогнило, перержавело, пришло в предаварийное состояние и требовало ремонта в объемах, неподъемных для малого города.

За определенного рода уступки министерства освобождали руководящие должности в Москве, обещали и давали, наверное, не то чтобы на лапу, — я об этом ничего не знаю, — но фонды, машины вне очереди, гарнитуры, а город любезно предоставлял для нового строительства свои земли и воды, так что настал день — и свободных земель не стало, а озеро обмелело: слишком много воды стали забирать из него на промышленные нужды.

Вместе с природными ресурсами давал город новым предприятиям и свой жилищный фонд. Надо ж было как-то расселять приезжих строителей и специалистов. Свои могли подождать. И среднестатистический горожанин ждал жилплощади 13 лет.

Самое интересное начиналось, когда новые заводы становились на ноги и из просителей превращались в хозяев жизни. На их балансе были все котельные, и они могли закрыть задвижку в самые лютые морозы. Они строили ведомственное жилье и ведомственные детские садики, куда чужого ребенка не брали ни под каким видом. У них был свой транспорт, свои столовые, свои магазины. Но это разве только в Гусе? О какой же индивидуальности города могла идти речь при таком сугубо ведомственном подходе и во что мы превратили свою страну, если интегрировать гусевскую ситуацию в общероссийских пределах?

Проблемы Гуся не просто проблемы одного какого-то там отдельно взятого людского поселения. Это жизнь всех малых наших городов вообще. Городов и городков, сельских поселков и поселков городского типа, где о картошке всегда говорили больше,

чем о политике, держали при доме скотину, где всегда было мало бытовых удобств, но всегда была своя музыкальная школа, где за новыми журналами в городской библиотеке всегда стояла очередь, а зимой по воскресеньям на катке происходили кулачные бои до первой крови. В таких городах проживает ни много ни мало, а 62 процента россиян! Что известно об их жизни, об их каждодневных заботах? Как же быть малому российскому городу, как ему жить?

Прежде всего, наверное, не лезть из кожи вон в большие. Строить многоэтажные дома — общежития, административные здания, гостиницы, раз без них не обойтись, но вместе с тем не забывать веками сложившуюся малоэтажную застройку.

Все-таки малый город — это малоэтажное строительство, как во всем мире. В Германии, во Франции, в Скандинавских странах. Высотные дома строят только в центре, потому что очень дорогая земля, а нормальные люди предпочитают жить в своем доме на своей земле. И не надо городить лоджию на узком балконе, строить где-то гараж, копать в нем свою «берлогу», чтоб иногда иметь право на одиночество, возводить во дворе сарай из ворованных досок. А потом интриговать, писать заявление, чтоб выделили где-то на бросовых землях участок в шесть соток в садово-огородном товариществе. Все сводится в один объем. Есть такая веками отработанная форма.

Мой друг доктор-реаниматолог Олег Лопатухин, работающий в Гусевской ЦРБ, обменял свою панельную квартиру на дом в историческом центре, построенный еще в прошлом веке. Там при доме был клочок земли, гараж, сараюшка, которую он превратил в баню. Надо было привести в порядок сам дом, все-таки сто лет простоял как минимум. И вот взял наш доктор очередной отпуск, завез кирпич, цемент, работал с утра до вечера бетонщиком и каменщиком, а новые соседи поглядывали на него с интересом, что, мол, за такой кулак объявился? И одна бабушка, вся эдакая идейная, в штопанной шерстяной кофточке, остроносенькая, пронюхав за ним весь день, подошла и брезгливо, как классового врага, спросила:

— Вы знаете, на какой улице вы живете?

— На улице Ленина, бывшей Васильевской, кажется, так, — ответил наш доктор.

— Плохо знаете... — сказала бабушка и пошла, пошла прочь, и, глядя ей в спину, доктор понял, что она его ненавидит.

У выхода из здания вокзала, там, где останавливаются и откуда отчаливают междугородние автобусы, коммерсанты поставили палаток и ларьков. Место это считается очень прибыльным, потому что здесь всегдалюдно, пассажиры торопятся на поезд, на автобус, покупают в дорогу съестное, и палатки эти работают днем и ночью. Так вот, сидели ночью в такой палатке ребята, парни и девушки, они подрядились помогать хозяину за какую-то там сумму к стипендии. Говорят, что накрапывал дождь, а у них музыка играла, светились огоньки среди красивых бутылок, шоколадок в ярких обертках, пачек печенья. Горела электрическая плитка, чтоб было теплей, на дворе стояла поздняя осень. Неизвестно из каких соображений, но кто-то приоткрыл дверь и бросил вовнутрь банку с бензином. Палатка мгновенно вспыхнула, и в огне в тот вечер сторело восемь молодых людей. Следствие ничего не выяснило, милиция преступника не нашла.

И вот, думая о причинах этой трагедии, доктор Лопатухин вспомнил ту старушку. Ее ненависть. Не то же ли чувство руководило тем убийцей, метнувшим банку с бензином?

Еще совсем недавно отцы города возражали против малоэтажного строительства, и были у них свои резоны. Говорили, что коммуникации придется растянуть, трубы там лишние, дороги, тротуары, а это деньги, и немалые. Будто возведение многоэтажек так уж дешево обходится городу, у которого нет своей строительной базы. Но так говорили. Существовало мнение.

В кабинете мэра стоял белый макет будущего Гусь-Хрустального, склеенный из белого ватмана. Весь центр был застроен высотными домами, а на самом видном месте должен был встать Дом Советов аж на двадцать этажей! Макет выглядел солидно, все, как в большом городе, и это стремление, чтоб все было, как в большом, грело сердца тех, кто мечтал о столичной, о министерской карьере и задерживаться в Гусе не собирался.

Тут надо сказать, что истинными хозяевами города всегда были отнюдь не его чиновники, не горсовет и даже не горком партии, а директора предприятий. Директорский корпус. У них были деньги. Они стояли как бы в тени, но заказывали музыку и, если что, могли сорвать любой замысел городской администрации.

Можно много порассказать о гусевских директорах... Один вдруг, повинувшись внутреннему велению, начинал строить зимний спортзал, который и сейчас стоит не до конца достроенный, как памятник тем спортивным порывам. Другой перед уходом на пенсию (хотя до конца не верил, что ждет его этот удел, он себя незаменимым считал, и теплилось у него в душе, что министр не подпишет, не найдут замены) решил возвести самую большую в городе поликлинику. Возвести и так развернуть, чтоб стояла она ко всему городу задом, а передом к его рабочему кабинету, из окон которого был виден тяжелый декоративный козырек над входом, на который он, опять же по собственному велению, выписал дополнительные средства и который в один прекрасный день рухнул со страшным грохотом. Чего-то там не ушли.

Но вот мнение о бесперспективности малоэтажного строительства как-то само собой исчезло. В Гусе, как и по всей стране, началось строительство директорских особняков. Господи, я помню этих людей, с пеной у рта доказывавших, что самое страшное — это спуститься на землю, растянуть коммуникации, дать городу расползтись... Куда девалась их убежденность, или это совсем разные категории, когда для всех и когда для себя? Всем нельзя, а мне можно! И встают на тихих гусевских улицах красавцы дома, возведенные по индивидуальным проектам с американской сантехникой, какой здесь не видывали, с бассейнами, с саунами, с каминами, отделанными мрамором. Прав был прораб Иван Семенович: свое жилище каждый должен строить себе сам.

Испания

Переводы СЕРГЕЯ ГОНЧАРЕНКО

20 ГАРСИЛАСО ДЕ ЛА ВЕГА

(1501 — 1536)

Ваш взор вчekanен в сердце мне, сеньора,
И сколько бы я ваш ни славил взгляд,
Стиха красноречивее стократ
Чеканное стихотворенье взора.

Сонеты ваших глаз... Пускай нескоро
Я до конца пойму их смысл и лад,
Но веру в вас принять на веру рад
И приговору внемлю без укора.

Я вас люблю. Я изваял ваш лик
Под стать своей любви, но страсти пламя
Не в силах вам расплавить сердца твердь.

Лишь вами осепен мой каждый миг:
Рожденный ради вас, живущий вами,
Я из-за вас приму — приемлю! — смерть.

Когда в соитии с моей душой
Зачал любовь я, сколь ей было радо

Сонеты

*Все существо мое! Казалось, чадо
Желанное мне послано судьбой.*

*Но страсть была беременна бедой
И родила дитя — исчадь ада,
И вот отравлена моя отрада,
А в жилах — яда яростный настой.*

*Жестокий внук! В кого ты вышел правом?
Как завязалась эта злая завязь?
Неужто ты — моя же кровь и плоть?*

*Яд ревности! Перед тобою зависть,
Твоя сестра, привычная к отравам,
И та не в силах страха побороть.*

МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС

(1547—1616)

==
*Едва зима войдет в свои права,
Как вдруг, лишаясь сладкозвучной кроны,
Свой изумруд на траур обнаженный
Спешат сменить кусты и дерева.*

*Да, времени тугие жернова
Вращаются, тверды и непреклонны:
Но все же ствол, морозом обожженный,
В свой час опять укутает листва.*

*И прошлое вернется. И страница —
Прочитанная — снова повторится...
Таков закон всеобщий бытия.*

*И лишь любовь не воскресает снова!
Вовеки счастья не вернуть былого,
Когда ужалит ревности змея.*

ЛОПЕ ДЕ ВЕГА

(1562 — 1653)

*Ну, Виоланта! Задала урок!
Не сочинил я сроду ни куплета,
А ей — изволь сонет. Сонет же — это
Геенна из четырнадцати строк.*

*А впрочем, я четыре превозмог,
Хоть и не мыслил о судьбе поэта...
Что ж, если доберусь я до терцета,
Катрены не страшны мне, видит Бог.*

*Вот я трехстишья отворяю дверь...
Вошел. И не споткнулся, право слово!
Один терцет кончаю. А теперь,*

*С двенадцатым стихом — черед второго...
Считайте строчки! Нет ли где потерь?
Четырнадцать всего? Аминь! Готово.*

ЛУИС ДЕ ГОНГОРА

(1561 — 1627)

*О дьявольское семя! Род напасти!
Ехидна, скорпион, осиный рой...
О подлая змея в траве густой,
пригревшаяся на груди у счастья.*

*О яд, примешанный к нектару страсти;
в любовном кубке гибельный настой.
О меч, на волоске над головой,
лишающий Амура сладкой власти.*

*О ревность, раю вечный супостат!
Коль сможет эту тварь вместить геенна,
молю, сошли ее туда, Господь!*

*Но горе мне! Свою снедая плоть,
она растет и крепнет неизменно,
и, значит, мал ей сам бездонный ад.*

≡

*Пока руно волос твоих течет,
Как золото в лучистой филиграни,
И не светлей хрусталь в изломе грани,
Чем нежной шеи лебединый взлет,*

*Пока соцветье губ твоих цветет
Благоуханнее гвоздики ранней
И тщетно снежной лилии старанье
Затмить чела чистейший снег и лед,*

*Спешу изведать наслажденье в силе,
Сокрытой в коже, в локоне, в устах,
Пока букет твоих гвоздик и лилий*

*Не только сам бесславно не зачах,
Но годы и тебя не обратили
В золу и землю, в пепел, дым и прах.*

НАПОМИНАНИЕ О СМЕРТИ И ПРЕИСПОДНЕЙ

*В могилы сирые и в мавзолеи
вникай, мой взор, преодолевая страх, —
туда, где времени секирный взмах
вмиг уравнивал монарха и плебея.*

*Нарушь покой гробницы, не жалея
останки, догоревшие впотьмах;
они давно сотлели в стылый прах:
увы! бальзам — напрасная затея.*

*Обрушьясь в бездну, пламенем объят,
где стонут души в адской круговерти,
скрипят тиски и жертвы голосят;*

*проникли в пекло сквозь огонь и чад:
лишь в смерти избавление от смерти,
и только адом побеждают ад!*

ПОСЛАНИЕ ЛОПЕ ДЕ ВЕГЕ

*Брат Лопе, погоди писать коме-:
и так известно всем, какой ты вру-
Зачем берешь Евангелие в ру-?
Ведь ты же в этой книге не бельме-.*

*И вот тебе еще один нака-:
чтоб не сгореть дотла в огне чисти-,*

*«Ангелику» спали как ерети-,
и разорви в клочки свою «Арка».*

*От «Драгонтеи» впору околе-
Добро еще, что мягкая бума-!
На четырех наречьях околе-
несешь ты, а тебе и горя ма-*

*Намедни, говорят, ты написа-
шестнадцать книг, одна другой скучне-
и озаглавил их «Иеруса-»...
Назвал бы лучше честно: «Ахине-!»*

ФРАНСИСКО ДЕ КЕВЕДО

(1580—1645)

МСТИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ В ФОРМЕ СОВЕТА КРАСАВИЦЕ, УТРАТИВШЕЙ БЫЛУЮ ПРЕЛЕСТЬ

*Какая тягостная тишина
теперь, Лаура, под твоим балконом,
где так недавно голосам влюбленным
гитары томной вторила струна!
Но что поделать? Бурная весна
впадает в осень, и по всем законам
мертвеет свет зари в стекле оконном,
а кровь и кудри метит седина.
Препоручи же зеркало Венере,
красавица, сводившая с ума,
и не сходи теперь с ума сама,
разглядывая в нем свои потери,—
увы, весна ушла, и ныне в двери
стучит не осень даже, а зима.*

24

МИГЕЛЬ ДЕ УНАМУНО

(1864—1936)

СОНЕТ О РИФМЕ

*Скрипят колеса рифм. Ползет с трудом
тяжелый воз: строка... строфа... страница...
Грозит повозка вовсе развалиться,
когда в пути случается подъем.*

*Не ты ли, рифма, виновата в том,
что стих — телега, а не колесница,
и в том, что заменил рифмач-возница
Пегаса своего ломовиком?*

*То камень на пути его, то яма,
но наш тяжеловоз бредет упрямо:
мол, ничего не сделаешь — судьба!*

*Покуда не приспело время воли,
уж лучше так, чем зря топтаться в стойле
и ржать у коновязного столба.*

СОНЕТ О СУДЬБЕ

*Судьба, измучь меня своим оброком.
Ревниво тайну от меня храня,
на вечный поиск обреки меня
и жизнь даруй мне ровно в поиск сроком.*

*Не позволяй мне даже ненароком
передохнуть в моем пути ни дня.
Под тяжестью несомого огня
согни и стань мне не судьбой, а роком.*

*Хочу сойтись в бою, судьба, с тобой.
Разлейся, рок, передо мной рекою —
я все равно приму неравный бой,*

*чтоб дотянуться до мечты рукою,
чтоб в смертный час, назначенный судьбой,
я был достоин вечного покоя.*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ДОНЖУАНСТВО

*Ты, донжуан мыслительного склада,
легко идею соблазнить умея,
уже наутро расставался с нею,
другой прельстившись с первого же взгляда.*

*Устав от умственного маскарада,
блудливый разум твой изрек, старея:
«На свете, юноши, порочны все идеи,
а значит, вовсе мудрствовать не надо».*

*Не страсть к познанию истины водила
тебя в публичный дом дешевых дум,
а умственная похоть. Эта сила*

*влечет и впрямь, да только наобум.
Что ж, истина жестоко отплатила
тебе, бесплодьем наградив твой ум.*

ЗЕЛЕНАЯ ПЛАМЯ

*Гудит, как пламя, пальма на ветру,
корнями попирая мертвый камень.
Зеленый факел долгими глотками
из неба пьет гремучую жару.
Приник зенит к зеленому костру,
к стволу, где под набухшими узлами,
как брага, бродит солнечное пламя,
пролившееся в крону и кору.*

*А вверх по жилам листьев, пламеня,
из бездны, раскаленной добела,
струятся вулканические змеи:
расплавленная лава поняла,
что к солнцу путь не может быть прямее,
чем вертикаль вот этого ствола.*

ВИСЕНТЕ АЛЕЙСАНДРЕ

(род. 1898)

Фрай Луису

≡
*Что за упругая кровь по излучкам
льется, точка ледяную плотину?
Хлынуло в сжатые губы лавиной
небо, смывая оплот акведука.*

*Певчие струи, и смута, и мука
ветра, всверлившего свист соловьиный
в пену, кипящую первопричиной
кровосмешения света и звука.*

*Ширится полночи грузная крона,
пряча в листве, вороненой и влажной,
звездную тяжесть ночного плода.*

*Бриз, низвергающийся с небосклона,
черную ветку качнул — и протяжно
звоном ответила ветру звезда.*

Луису де Гонгоре

≡
*Что за державного зодчества строй
жиждется над естеством и над явью,
точным расчетом бурля и буравя
воздух — и свет замещая собой?*

*Четкость чеканна. Но льнет по кривой
кромка к вершинам, и в этой оправе,
сущее к вящему слову и славе
дышит, вдыхая триумф и покой.*

*Гонгорианская поступь заката,
трепет звезды — этот ритм небоската
не промахнется, продуман и тверд,*

*чтобы, дрожа в сопрягаемых звездах,
каждый подструнком откликнулся воздух
и воцарил безупречный аккорд.*

КОНЕЧНАЯ МГЛА

*Мутится мысль. И смущена душа.
Кого сейчас мои ласкали губы?
Свет или сгусток мглы меня погубит,
мой жар в себя вбирая не спеша?*

*Как билось сердце, грудь мою круша,
как пела кровь и как трубила в трубы!
Но, верно, страсть, ослепнув, шла на убыль:
уже мерцает дно ее ковша.*

*Ты здесь струилась меж моих ладоней,
рекой упругой подо мной текла,
вникая кровью в дрожь моих агоний...*

*Все кончено. Закатная зола
не лжет рассудку. Свет потусторонний
надежно заволакивает мгла.*

РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ

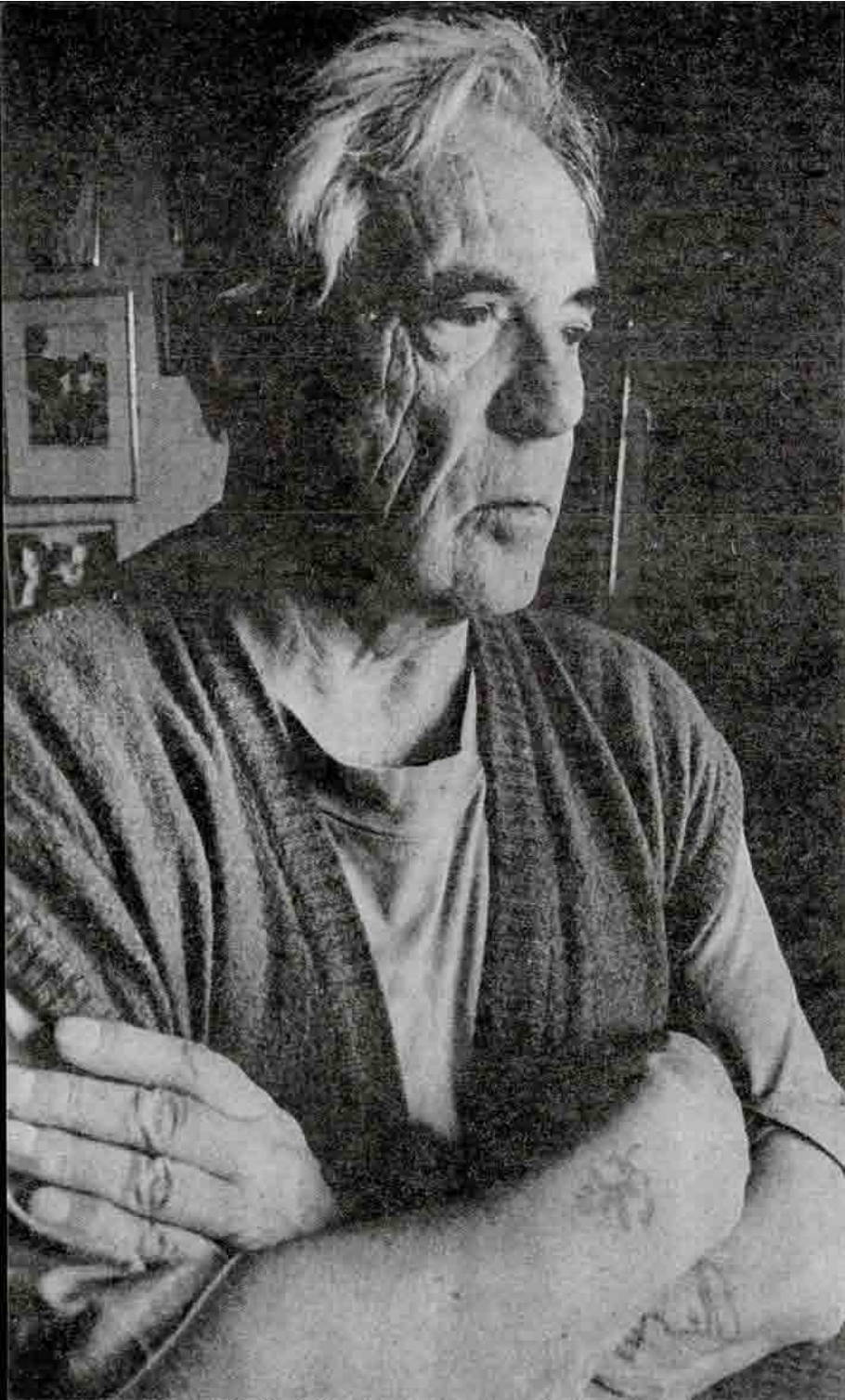
(род. в 1902 г.)

*РОЗА ДЕ АЛЬБЕРТИ,
ЗАДУМЧИВО ИГРАЮЩАЯ НА АРФЕ
(XIX век)*

*За струнной балюстрадой, с вышины
террасы, что синей аквамарина,
арфистка неба и моя кухня
перебирает струны тишины.
Пусть в струны ветра пальцы вплетены
и в раму арфы вписана ундина,
чьи руки извиваются, как тина,
колеблемая синевой волны;
пусть в сад, где брызжут розовые тени,
ее, светильню зыбких сновидений,
певучий ветер музыки вознес,
но в том саду она пребудет юной,
перебирая солнечные струны —
задумчивая Роза среди роз.*

*КАТАЛИНА ДЕ АЛЬБЕРТИ,
АНДАЛУЗСКАЯ ИТАЛЬЯНКА*

*Грудь у нее полюбнажена,
в руке — гвоздика, пламени багровей.
Она — огонь гонгоррианской крови
и моря альбертийского волна.
Взошла гвоздикой в Кордове она;
звездой взошла у моря в изголовье —
она, неописуемая в слове,
Сицилии жемчужная луна.
Я чувствую в себе ее поныне:
гвоздику в пене, перламутр морей,
песок на дне залива под волнами —
в морском прибое и в морской пучине
живет она — звезда судьбы моей,
гонгоррианской крови цвет и пламя.*

Кажется, впервые перерыв был так долг. Обыкновенно мы встречались с Виктором Петровичем ежегодно, а то и два раза на год: в деревне встретимся, а там еще какой-нибудь съезд поспеет. Ну, а теперь уж какие съезды. А в деревню не наездишься — Сибирь вернулась в пространстве на свое положенное географическое расстояние: год скачи — не доскачешь. Вот и минуло без малого три года с поры, когда мы снимали на Алтае фильм «Жизнь на миру», в котором мне предстояло кивать в кадре, чтобы Виктору Петровичу говорить не в пустоту. И что это были за годы! Виктор Петрович и до этого успел много разного наскзать к досаде многих прежних товарищей, а уж в последнее время и того больше. Мы успели разойтись в переписке, наговорить друг другу тяжестей и объясниться, но уже письмо приходилось под-талкивать — живая связь ослабла. Началось складывание образа «из бумаги», литературного суррогата, которыми мы часто и живем и которые судим вместо живых писателей. Мне начинало казаться, что он устал от двух частей огромного материалом и напряжением романа «Прокляты и убиты», встреченного где сдержанно, а где и с резкой неприязнью, устал от нового окружения и, хотелось верить, тайно тоскует по прежним друзьям и утраченному единству. А уж когда сочинишь образ и в нем укрепишься, покажется, что все только подтверждает его: и устные и письменные высказывания, и телевизионные «свидания».

Однако, как и следовало ждать, все построения оказались ложны: жизнь опять торжествовала над умозрением. И это пошло

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

29

В ОВСЯНКЕ АСТАФЬЕВА

Лица

обнаруживаться как-то прямо с порога. Виктор Петрович только-только приехал из Енисейска, где мы и собирались встретиться:

— Нечего там делать. Все залило. Никакой рыбалки, хотя, когда «жизнь сломалась», в тайге зверь пошел, рыбы по рекам без колхозных удобрений прибавилось. Хотелось самому это проверить, да и просто в тайге посидеть с мужиками. Таежный мужик, он не наш говорун — всё умеет и дома, и на реке. На всякий случай я сразу сказал: заведете про политику, одни и сидите. Так стали заводить про охоту, а этого добра у таежника не переслушаешь. Ну, и почитал маленько. Обычно-то в таежной избушке «Человек и закон» какой-нибудь, «Охота», еще что по мелочам, а тут чивилихинская «Память» попалась. В свое время пропустил, теперь полистал. Ох, зверский мы народ! Студентишки какие-нибудь чуть поперек скажут — сгноить в тюрьме, расстрелять, в ссылку загнать! Ребятишек, которые еще и жизни не видели. Не жалко человека. Много его у нас. Потому и на войне — первое дело трупами завалить, парнишек миллионы положить, которых потом даже не потрудиться собрать по полям сражений — до сих пор по костям сеем.

Конечно, усталость тут есть — теперь долго всякое чтение будет его в болезненную сторону толкать, вокруг романа, вокруг его «Проклятых и убитых» вертеться. О чем ни заговорит, обязательно каким-нибудь боком туда заедет. Вторую-то часть только-только закончил. Теперь отдыхает, набирается сил для третьей. Но и не одна усталость. Пока книжка не кончена, от нее так просто не отдохнешь, мысль на бок не положишь и в рыбалке не отключишь. Я про роман и говорить не хотел, чтобы ему до времени поменьше заглядывать в ту тяжелую сторону, но почта-то и в деревню дотягивается.

— Лжеоднополчане разные прочувствованно пишут: «Витек, что же ты так про нас?» И мат им все покоя не дает. Не употребляли они таких слов и не слышали. Кто поученее, те про «ненормативную лексику» заводят. А я вспоминаю, как центр нападения киевской команды Осип Решко, когда они после Венгрии все захотели стать такими же длинноволосыми (ребятишки ведь), а их Лобановский силой постриг и они первую же игру проиграли, в ответ на укор тренера зло сказал: «Яки бакенбарды, така и гра!» Какая жизнь — такая и лексика. А Тургенев, говорят, а Толстой? Да Толстой при нашей-то жизни и при нашей войне, пожалуй, еще и покрепче бы завертывал. Хотя, конечно, когда перегоришь, можно уж и другие слова поискать. В последней повести в «Знамени», там уж вон мата почти нет.

На другой день выбрались в соседний поселок «Молодежный» «поискать кой-какого товару». Я с большой «хитростью», «незаметно» (как же обманешь его!) подъехал: не сама ли, мол, нынешняя жизнь виновата, что роман так «крут», что раньше-то бы, пожалуй, побоевее написал, с «ура», подвигами, и никто бы не корил.

— Бог берег. А то талантишко был. Мог и до Сталинской премии дописаться. Конечно, романы надо писать молодым, как Толстой, пока сил полно. Но зато сейчас все как-то шире и всякий день и герой сходятся в дело и словно для твоего замысла и живут.

У меня там и Сахарову место найдется. Я тут заикнулся в «Известиях», что вот, мол, сочинил смерть на все времена — и герой. Эх, и взвились все — как смеешь икону нашу! Будет, будет он у меня. Много чего будет. Щусь даже в Воркутинском лагерном восстании 1952 года поучаствует, когда уж солдаты-зеки взялись. Танки пришлось вызывать. Походит он у меня по своим войкам, поглядит, «кому на Руси жить хорошо». Это, может, самое страшное, что предстоит сказать в третьей книге, как наше «поколение победителей» стало трусливым, мелочным, до кусочников доехало. Тут уж мне говорили: ну, что еще кусочниками-то обзываешь? Это-то еще зачем? А я говорю: а кто же вы? Дадут к Дню Победы пол-литра с бутербродом — и скуете. Как же назвать? Да ты-то, ты-то от другого куска, что ли? А я, говорю, себя и не выделяю — из того же поколения. Всех сделали кусочниками. Это мне часто подсовывают, что я будто один всю правду о войне сказать хочу, словно до меня никто ее не писал. Не ставил я себе такой задачи — кому ж она по силам? Мне бы с вою войну успеть рассказать, а там будущий Толстой, глядишь, все получше разглядит и ему и мой «नावильник назьма» в дело сгодится — вот и вся гордость.

И я уже не рад, что «подъехал». Помрачнел Виктор Петрович. Видно, уж и не рад, что пошел. Но только куда свое любопытство денешь? Все мы так с большими писателями. Просто пожить рядом не можем. Непременно что-то выведать хочется, какую-то последнюю тайну узнать. Он «подслушивает» мою мысль и, уже отходя, бормочет: «И ведь всегда так — только соберешься с людьми посидеть, вышить, обязательно подсядет один: «Я хотел спросить...» Да ты что, следовательно, спрашивать? Что я тебе скажу, чего ты сам не знаешь...»

Он уйдет читать владимовского «Генерала и его армию», а я займусь леоновской «Пирамидой». День веселый, нежаркий, в избе не усидишь. Лучше уж в «кущах», которые насадил в огороде Виктор Петрович. Тут тебе и кедр, и боярышник, и березы, и ирга, и рябина, и лесные цветы — венерин башмачок, жарки, стародубы. Под огород-то ничего и не осталось. Не зря покойная тетка Апроня ворчала: «Это ты чё там опять посадил? — Боярку. — Ну, и каку холеру она тебе даст? — Вдохновение, говорю, тетка Апроня. — Это чё за продохт?»

Трясогузка ходит по настилу у избы по-хозяйски и будто сама по себе идет, а косится в мою сторону и взгляд девчоночий — с плохо скрытым любопытством. Солнышко сквозь листву дразнит, пятнает книжку, слепит, как мальчишки зеркальцем. Тетка Валентина кроет своих собак на весь переулок, облака медленно лепят свои снежные фигуры, дразня воображение, золотая муха неподвижно висит над лицом. И странно, и так попереk интонации дня читать у Леонова: «Экое кострище из России содеяли — еще полвека отполыхает, пока не прогорит дотла. У них сколько веков плакал Иеремия, а мы только лишь спочинаем. И кто знает, надолго ли хватит наших слез». А воробья кричит на соседней крыше, чтобы птенцы не высовывались, и коршун медленно и низко кружит и кружит над огородами, вышаривает цепким глазом зазевавшегося цыпленка, и

можно не торопясь разглядеть дивный испод его крыльев во всей роскоши непередаваемых оттенков. Какой плач? Какой Иеремия? Какая политика посреди этого долгого сверкающего дня?

Виктор Петрович выходит с журналом. Всегда диву даюсь, как быстро он умеет читать одним-то надсаженным глазом — подлинно Бог бережет, чтобы на все хватило.

— Ну вот, и говори теперь, что русская литература кончилась. Придет один такой Владимов и все оправдает своим романом — и выпендрит всякий, и пустословие, как когда-то своим романом Толстой. Тогда, конечно, тоже не сплошь гениальные вещи являлись в журналах, но то Решетников придет со своими «Подлиповцами», то Писемский с «Тысячью душ», то Григорович. Вторые, третьи, поди разбери их. А тут и Толстой посередине. И все они вместе и составляют понятие «русская литература». А тут набегут, разделят — это наш, этот не наш. Да кто ты такой и что до твоего деления русской литературе? Ах, какой молодец! Жалко я с ним не виделся во Франкфурте — времени было только час. И пусть себе в Германии живет — может, поменьше шпынять будут и попрекать куском. И какое сердце сохранил! Хотя часто их там жалко. С Копелевым когда я последний раз виделся — уезжаю, оглядываюсь в заднее стекло, — стоят они с женой какие-то маленькие, чужие этому немецкому городу. Ну, с Беллем повидаются, так ведь все по строгой линейке — какое там общение, а душа-то русская, жизнь повидавшая, толк в общении знает. Как он теперь там один после смерти жены...

К вечеру, когда собрались на реку, правда, посетует, что последнюю главу Владимову писать не надо было — вопрекор она вышла тому, что самому Виктору Петровичу казалось близко и единственно верно. Эти вечерние прогулки я всегда любил более всего. И в прежние приезды, и теперь. Солнце уже ушло и поджигает снизу последние легкие облака. На нежном, подбеленном, словно снятом небе становятся особенно черны жерди скворечников — сплошь пустых, потому что вороны перетаскали и яйца, и скворчат, а потом уж и самих скворчих наловчились ловить — сидят и сидят напротив, осадой берет.

— Сколько я их перестрелял. Поубавились, отлетели на другой конец, а все держатся. Хуже пырея, который завелся у нас с болтухинского огорода. Раньше ни у кого не было, а теперь, погляди, прет как будто нарочно сажений, хотя бабы уж его пытались, как тараканов, кипятком по корням отливать. Ничем не возьмешь.

Вываливается из-за Слизнева луна, звездочка рядом проклевывается. Воскресенье доходит, а на улице никого. Река просверкивает так, что, кажется, слышно течение. Виктор Петрович кашляет, пошаркивает ногами, останавливается отдохнуть — все чаще, все тяжелее, чем в прошлый приезд.

— Тут вот двоюродный брат живет. Помоложе меня на семь дней. Детей нет, вдвоем коротают дни со старухой. А вот в этой избе я последний раз встречался с дядей Сорокой. Кто уж у него тут жил — не помню. Тут жил продавец наш. Замечательный мужик — Жуковский. Феня, жена его, все жаловалась: в дом ничего, а из дома, чуть зазеваешься, какой-нибудь последний

голик туда утащит. Помер — вся деревня провожала. А здесь у нас церковь стояла, растащили большевики на дрова. Для меня не хуже храма Христа Спасителя была — высокая, всё видать. Баушка меня тут успела окрестить. Так и помню — баушка, мальчик какой-то в белой рубашке, может, я. Это детское-то главным и осталось. В Высшую силу я посеичас верю, помогает она мне, может, потому, что лишко просьбами не докучаю. А с попами не выходит. Знаю я и владык некоторых, и отца Федора базанхинского, и отца Геннадия в Енисейске, дело они хорошее делают, а на исповедь все-таки к ним не пойду. Я уж сам как-нибудь. Может, христианин я плохой, может, и совсем никакой, а детское все так и храню по-детски — баушка, белая рубашка, священник в нарядном — это как-то навсегда церковь для меня и есть, лучшее в ней.

Я помалкиваю. Лучше об этом лишнего не говорить. Душа у него сама знает что к чему, а сунешься с поучениями, быстро на землю вернет. Земля его пока больше неба держит. Почему он с первым теплом и рвется в деревню и живет там до самых уж последних холодов. ... Река примолкла совсем. Никого.

— А нас, бывало, с реки не выгонишь. Матери уж обязательно сразу с прутьями к реке выходили. Моя баушка тоже. Наловишься, накидаешься камней... Птицу влет спибаля. Баушка сшила карман и уж не рада. «Зашью, говорит, все штаны у него криво на ползадницы сползают. Это он их камнями набивает — жидов подбивать (Бог весть почему по деревням всегда так воробьев зовут). Тошно мне. Чё они ему сделали? Зашью!» А теперь, пока никто не видит, пуцу камень — рука болит, в грудь вступает. Тьфу!

Бабушка каждый день не по разу является в беседах и все заботливо ограждает его, все длит в нем внука. И, кажется, он еще и потому тянется в деревню-то, что она в старики его не пускает. И не зря, когда мимо кладбища проходим, говорит, что больше уж с ними говорит, чем с живыми. Хотя и живой родни еще, слава Богу, хватает. «Позвонят: померла тетка Таня. Ладно, говорю, приду. Денег-то надо? — Да мы уж собрали. — Дак а мою-то долю? Повидаешь всех, посидишь, оглядишься. Сам помрешь — все придут. Великое дело — родня».

Великое! Он, может, потому и «торчит» так особо теперь в нашей литературе, что не в политике, а в грядке с родней сидит, в почве своей и нас, оранжерейных, понимает плохо.

— О, постой! Это у Ивана Семеновича, у учителя бывшего поют. Анна наша запеваает. Раньше Августа так высоко вела. А это Анна сидоровская вступила.

Сирень мглится, с реки тянет холодом, на дальнем конце дежурно перекликаются собаки. А тут чуть треснуто — певицам-то под восемьдесят — но еще чисто проливается через закрытое и занавешенное окно: «Его увижу, сердце сразу в моей волнуется груди...»

— Слава Богу, хоть в одной избе на деревню еще поют. А вот не станет нашей Анны и сидоровской и некому будет петь. Да и стряпать некому. Эти все умеют.

Утром «наша Анна» пришла с неизменным Тишкой — собачон-

кой, которую я помню, сколько езжу. «Эту бы власть,— сразу пустила Анна,— в мешок скласть, дратвой зашить, да по-старому жить. На Мане была. Какая у нас там пашня была! Насмотрелась, наплакалась...» Да уж. Я был там днем раньше. И даже с прошлым приездом все уже несравнимо. Весь берег в битых бутылках. У магазина «Рябинушка» неизменные связки бананов, чужих апельсинов и таких глупых в Сибири киви.

Виктор Петрович после ухода Анны сидел, смотрел «Играй, гармонь».

— Ни одной передачи не пропускаю. Вот он — этот уходящий-то народ. Сижу часто один и плачу. Лица какие — прекрасные, добрые, чистые. Видно, что и люди поют хорошие. Сегодня муж с женой пели. С молодости, видно, вместе. Такое пение жизнью дается. Про Россию поют, про просторы русские. А перед ними река течет грязная, желтая. Я уж давай и всю передачу повнимательней глядеть. Из Перми парень пел. Славную такую песню, жалостливую, как подстрелили уточку. И всего-то одна дробинка, — да прямо в сердце. Обрешься. Но ведь издали снимают реку-то. И я знаю, почему издали. Там уж и для съемок чистой реки не найдешь. А последнее гляжу — закат, дорожка золотая плавится. Красота! А я место-то узнаю — это Обское море, поганое, сгнившее, болото больше, чем море. Так что уж и песня не в радость. А больше люблю, когда дети поют. Сам был когда-то мастер — вот и гляжу, как у этих выходит. Один тут лет восьми из Владимира дал «У зари-то у зореньки». И песню-то любимую. Выворотил так рот и поехал. Я ревел на три ручья. И сегодня из Кирова десятилетний парнишка пел «Ночь светла над рекой», так зал тоже замер. Вон Валя Распутин пишет, что одна надежда на детей. Да, наверно — вот на таких...

А мне вдруг делается жалко, что он сам перестал писать о музыке. Как он прежде голос и песню слышал! Достаточно «Ясным ли днем» поглядеть. О Нестеренко как писал, о Виктории Ивановой, об Образцовой! Глухой услышит. Счастливые герои в один голос говорили, что это было лучшее из написанного о них. А теперь как в Овсянке воскресным вечером — темно и молчаливо.

— Роман вытолкал все. А ведь этюды о музыке и сами требуют музыки в душе. Да и ответственности тоже. А комплексы-то свои куда денешь, скованность свою? Хотя я написал недавно затесь «Аве, Мария». Долго ее мозолил и еще буду мозолить, чтобы совсем-то себя не забыть. Тут с «Новым миром» пролетел. Дал им первый вариант «Плацдарма» — пусть поддержат, посмотрят, пока я правлю. А они возьми и сдай в номер. Когда я узнал и кинулся править, уж было поздно. Расстроился тогда. Москву видеть не мог. Поехал вечером к Андрею Золотову. Только там и отошел. До ночи он говорил мне о Рихтере, записи ставил. Мравинского, Тосканини сравнивал — тоже мне урок был хороший. А сам что слушаю? Некогда особенно слушать-то. А так — что всегда, к чему привык: «Неоконченную» шубертовскую, Альбини совсем заездил. Ну, и когда Виталий Третьяков или Дмитрий Хворостовский домой приезжают — хожу. Благородные ребята, денег с родного города не берут — детям отдают, культуре.

Вдруг привалил целый автобус из Ирши, из ФЗО. «С ответным визитом» — он у них уже выступал. («Когда я сказал, что тоже фэззошник, несколько человек встали и ушли — чё путнего от фэззошника ждуть».) Молока навезли, своих постряпушек, меду. Тут уж и мы чем могли пустились угощать их в саду. Потом Виктор Петрович повел показывать гордость свою — Овсянскую библиотеку, о которой хлопотал несколько лет, да зато уж и библиотека вышла — храм, а не библиотека. Из сельских-то, наверно, лучшая в России. Вернулись — девчонки пол кинулись в избе мыть, морковку в огороде прореживать. Всем хотелось что-то сделать. Директор смеется: «Я говорю: ну, ладно, меня не слушаете, а Виктор-то Петрович вам что говорил, ему-то вы что обещали? Действует. Так что и эта поездка теперь для них урок долгий».

— Ну и хорошо, что приехали. Все, может, хорошим воспоминанием больше будет. Детское-то оно долго держится. Мы вон с Маней в Игарке были. Привел я ее к нашей школе. Там такая площадка была, первой весной выганавала — девчонки «классы» рисовали, мы в «чику» играли. Рассказываю Мане, как мы хорошо тут жили, как дружно, как тепло нам было, а она плачет. То, что нам казалось тогда так хорошо, при правильном-то взгляде так горько, убого — жалеть только и ужасаться, как тут можно было жить. А этим уже посветлее.

Сам он цену спасительному воспоминанию знает, почему бабушка-то и является по десять раз на дню. А в «Последнем поклоне» он и всех нас соединил в таком счастливом воспоминании. Теперь уж кажется такой объединительной книги в нашей литературе больше не будет. И не потому, что талантами оскудели, а потому что слишком развела нас жизнь, будто в разных странах живем. И в книгах так разошлись, что про общие-то скрепы хоть совсем забывай. Сколько раз Астафьев говорил о книжке Д. Трамбо «Джонни получил винтовку» как о лучшей антивоенной книге, а спроси-ка на улице, кто еще ее прочитал, даже и среди тех, кто любит Астафьева, из сотни хорошо если двох найдешь.

— Видно, время прошло. Ремарка вон в очередь читали — на всех не хватало. В своей литературе ничего похожего не было, от человека у наших «инженеров» пошли одни чертежи оставаться — вот и ухватились. Хотя, по-моему, «На Западном фронте без перемен» как раз не самая сильная книга. «Возвращения» лучше. Впрочем, может, это только для меня, потому что самому подходит пора «возвращения» писать. Ну, а что Трамбо пропустили, так ведь у нас и Константина Воробьева почти не заметили в свое время. Мимо Вани Акулова совсем прошли. А ведь рядом с его «Касьяном Остудным» наши деревенские книжки много позади. Да и с Трамбо, может, оттого так вышло, что я сам уже о войне думал, и книжка просто в унисон попала, в самую боль. Огромное она на меня влияние оказала...

Мне, конечно, не терпится спросить, кто еще, но он может так поглядеть в ответ, что лучше бы и не спрашивать. И я вспоминаю только, что видел на столе «Несвоевременные мысли» Горького и там много чего подчеркнуто такого, что читатели последних

интервью Астафьева могли счесть чуть не прямой цитатой. И не в интервью только, но и в военном романе общие ноты в размышлении о народной сбивчивости хорошо слышны. А он и не отрицается.

— Конечно, и Горький. Это с детства. Первым у меня Шишков был, вторым Горький. Мы на высших курсах заходили в его музей. Там завели нас в дальнюю комнату с длинными стеллажами и намекнули, что этого при нашей жизни мы не увидим. Наверно, там были и «Несвоевременные мысли». Сейчас еще двухтомник из той комнаты готовится — я очень жду. А тут был на Сыме, взял с собой бунинские «Окаянные дни». Читал с оstanовками. Слишком сильным было впечатление. Если бы народ наш был внимателен, да литературе рот не затыкали, не душили такие книги, едва бы мы до такой беды дожили.

Эти книжные темы возникали постоянно, да только уж больно в широком контексте вязли — теперь оттуда не всегда и вытщишь.

— ... Я даже фамилию на табличке запомнил «Чайковский». Профессор Чайковский. Наверно, судя по библиотеке, профессор был медик. Киев был очень разбит. Этот дом стоял без целого угла и книги выплеснулись на улицу. Я их вытирал от кирпичной и уличной пыли рукавом шинели и складывал стопочкой, пока не наткнулся на двухтомник Куприна, потом на роман Э. Ожешко «Мужики». И тут увидел «Мартина Идена». Я уже знал немного, о чем он, но все не мог прочитать — негде было взять. Дальше даже и перебирать не стал. Три раза подряд потом перечитал. Вслух пытался ребятам навязать. А им чего — только зубы скалить. Разозлишься, дашь книжкой по башке и уйдешь. Так он где-то и остался между катушками, когда меня ранили...

...Недавно перечитывал «Старосветских помещиков». Наткнулся на фразу потрясающую. Это когда уж Пульхерия Ивановна умерла и Афанасий Иванович «мутными глазами глядел на нее, как бы не понимая значения труппа». Потрясающе! Никто так не смог бы.

— Разве Платонов, — говорю я.

— Нет, он затянул бы фразу и занудил ее. Его ведь не читают. В народе не читают, хоть он вроде и про народ и народным языком пишет. Дыхание неестественное, никак не приспособишься. А у Николая Васильича, как бы ни был сложен, дыхание не рвется — как раз по слуху и глазу.

... Последней я читал «Лолиту». Сначала-то о ней начитался и напугался. Человек вроде хороший. На могиле я его был в Швейцарии. И лежат они там с женой Верой по-русски скромно. Прочтешь, думаю, какой-нибудь срам (а иначе ведь и не преподносилось), и что потом делать с этим впечатлением? И действительно, с омерзением прочитал первую часть и не бросил — ну, думаю, как ты, голубчик, будешь выбираться из этой ловушки, куда сам себя загнал. А ничего — без наших партторгов выпутался. И хорошо вышел, благородно, даже с покаянием как будто. Огромный все-таки мастер...

Но это все подлинно только островками — к слову, а так все больше матушка-жизнь на языке: то свои «гробовозы», то красно-

ярские «придурки». А то и в оставленную Вологду памятью завернет и непременно какой-нибудь сюжет выдернет, где и мораль какая-никакая мелькнет, вроде бессознательной «затеси». Поглядит, например, на овсянские замки и вспомнит, что в Сибле под Харовском, где у него была на Вологодчине изба, приставят батожок к двери да и пошли.

— Хорошие, — говорю соседке Анне, — вы люди, доверчивые. А она мне: «Люди ничё, хотя, если по правде, так доверчивые, потому что взять нечего». Тонкий народ. Вдруг гляжу — не здороваются со мной. Зайду в магазин и кричу бодрым голосом: «Здравствуйте, товарищи женщины!» А они молчок, будто не видят. Разве что Анна по-соседски, деваться некуда, поздоровается. Что, думаю, за притча? И хожу-то разве к одному Лавре, бывшему учителю, книжки у него есть, говорим о том о сем. Где, думаю, оступился? Ну, заманил Анну. — Садись, говорю. — Да нет, — жметса, — я уж как-нибудь у порога, натопчу тут. — Нет уж, ты проходи, говорю, топчи и скажи, чего это вы рыло воротите? — А ты, будто, не знаешь? — Не знаю, говорю. — А ты бы к Лавре-то не ходил. Коммунист он. В комсомол гонял нас из-под палки. А в партию записался, все под окнами подслушивал. Сколько мужиков наших погубил своими писаниями. — Да что же ты раньше-то не сказала? — А мы думали, грамотный сам, книжки пипешь. Сам, поди-ка, должен увидеть... Перестал я к Лавре ходить...

И особенно милы сюжеты, где в герои нечаянно выходят его книги и наглядно поверяется их правда и выговаривается народный взгляд на творческие законы.

— Ездил в Игарку на очередной юбилей города. Как раз сигшел — грех было на рыбалку не напроситься. Ну, начальство постаралось: хоть четыре вертолета. Да я, говорю, хоть и толстый, но не такой пока, чтобы по четырем вертолетам раскладывать. Чё уж будет, то будет, да и удочки у меня нет. — А это уж, говорят, не ваша забота. Утром и правда — вертолет, удочки, энцефалитка, сапоги, все чин чином. Летим, меня в кабину зовут. Не бывал никогда. Разулся у входа. Носки у меня были колумбийские — было что показать. Думал, у них там чистота как в операционной. Пилот выпялился на мои носки. — Это что? — Ну, как же, говорю, помещение. А он глядит внимательно, будто ждет чего. — Ну, что, — говорит, — не узнаешь? — Нет, — говорю, — глаз один, вижу плохо. — Ну как же — Игорь Батурханов. — Нет, — говорю, — нет. — Ну, конечно, — обиделся он, — ты же третий год в четвертом классе сидел, а я только во втором и ты мне щелбаны не забывал ставить, когда я попадусь. Где же запомнить? Лучше бы щелбаны забывал ставить». Ну, летим, поспеиваемся и низко чего-то летим, кудряво, по речке петляем. И опять он глядит. Что еще, думаю. — Что опять не так? — спрашиваю. — Да ты что, опять не узнаешь? — Чего? — Ну, как же, я же нарочно машину мучаю, лечу тем путем, где Эля с Акимом в «Царь-рыбе» шли. Не отсюда что ли списывал? — Да нет, — говорю, — у меня не только память, а и воображение кое-какое есть. Очень я его этим воображением разочаровал. Как игрушку отнял. Сразу повернул машину и пошел чесать напрямую.

Для чего я записываю эти житейские пустяки, в которых так

мало высокой литературы и уже наркотически потребной сегодня злободневности, где злоба уже не фигура красноречия, а только простое наименование реальности? А для того, чтобы, может, и другим сказать то, что сам в этот раз особенно остро почувствовал, а именно — что мы порой в своих претензиях не к нему обращаемся, что «интеллектуальности» наши не то, чтобы неведомы ему, а внутренне чужды. Сколько в последнее время корили, что он народ не любит. А для него «народа-то» в нашем книжном обобщенном понимании и нет, а есть каждый по отдельности со своим именем. Тут именно способ миропонимания другой. Для него даже и Бог земнее нашего, как-то как будто на уровне красного угла, в котором часто, как у его тетки Августы рядом со Спасителем в жестянке может оказаться и Ленин из «Огонька», или как у «нашей Анны», где святитель Николай соперничает с «Шоколадницей» Лиотара. Когда наш брат уходит из народа в «интеллигентны», то он как будто по другому сословию прописывается и уже о народе говорит отдельно — о ни. А Виктор Петрович «переехал в интеллигенцию» вместе со всем народным добром в себе, со всеми чадами и домочадцами, со всем родом-племенем, и когда они тут ведут себя не по-людски, он уже спуска не даст, потому что люди все свои, и скотства, жестокости, хамства, да и просто глупости он им именно по любви и не простит и выражений выбирать не станет. Хотя, конечно, до К. Леонтьева, например, ему далеко. Тот начинал мягко — что не любит «нашу чистую кровь», что «беспорядок, бесхарактерность, неустойчивость надоели смертельно», а потом договаривается уже просто до «подлого славянского теста» («за последние годы как племя решительно начинаю ненавидеть»). Другое дело, что сам народ суда свои художников над собой не признаёт и живет себе как земля и память ведут.

Я и вечера, цветы и реку пишу не для самого пейзажа, а хочу, чтобы цветы эти хоть немного из-за беседы было видно, потому что они ведь не молчком живут, а что-то в интонации жизни и определяют. Зря что ли Виктор Петрович их постоянно на столе держит, перетаскав все из огорода и взявшись за соседний лес. Эти горячие, медно-звонкие жарки, эти «выцветшие», но все нежные марьяны коренья, эти потаенные с деревенской застенчивостью выглядывающие из тяжелой зелени стародубы берегут и хранят его, врачуют усталое сердце. И на реку-то он ходит не для оздоравливающих прогулок — при его легких сырой холодный воздух только во вред, а в надежде, что она унесет самое гнетущее, утишит и успокоит сердце. Да только и тут он часто видит не то, что наш прадокный гад.

— Поденка вон тянется над водой, а ни одного «кружкя», ни одного всплеска. Оскудела река. Оскудела и опустела. Ни суденышка, ни лодки, а раньше как-то нарочно сосчитал: в створе разом шли туда-сюда восемнадцать разных плавсредств. И так было всегда. Теперь люди вышли на берег как на тяжелый и неприродный промысел. Я ведь и плачу-то над заволокинской передачей не только оттого, что все лучшее в людях уходит, а над самими людьми. Душа-то в них еще поет, а понимание как будто израсходовалось. И извели это понимание не враги, не татары и

не немцы и даже, кажется, не родная партия, хотя ее вина самая страшная. Нет, это и раньше, хоть не в такой тяжелой форме, а было в народе — эти лень и равнодушные к своей государственности. Иначе бы почему случилось то, что так смущало Розанова — что Россия упала в три дня. И сейчас-то ведь тоже, как мы ни кричим, а система опять не больше чем в три дня полетела.

Мы об этом с Солженицыным хорошо говорили. С ним сразу было легко. Он приехал в Красноярск в два часа ночи, а в девять уже был у меня в деревне. Ну, конечно, я что-то списывал на двадцать семь лет его отсутствия, делал какие-то скидки. Я что, спорить буду? Это некоторые у нас любят: спорил с самим Твардовским. Ну, и дурак, что спорил. Я вот только слушал, когда судьба свела меня с ним, и заряд получил на всю жизнь, а спорил бы, так кто знает... Вот и тут, мне хотелось больше слушать. Ну, а насчет обустроить нас, тут, говорю, все труднее. Он говорит, что сам уже убедился, пока едет, что процесс сложный. Сложный — это, говорю, слово красивое, на деле все много хуже. За неделю не разглядишь. К тому же, по-моему, он и тут, после приезда, оказался в совершенной изоляции. Будто уже миф, а не живой русский писатель. По телевидению выступает как с другой планеты — и правильно все, и как будто уже механически, будто сердце его и ни при чем. Мы, может, внешне меньше видим, но понимание наше глубже, потому что страдание истинней. Конечно, сказалось и благополучие творческой жизни в Вермонте, отсекала она его от злой нашей толчи.

Ну, тут я не удержался, потому что тоже ведь много чего про самого Астафьева от друзей и недругов слышал, как все мы в последнее время, даже и не литераторы.

— А ваше-то творчество, — говорю, — оно не отсекает вас от жизни?

— Ну, разве только мое? А Тургенева не отсекало, а Федор Михалыча при всей его современности? А нашего любимого Чехова? Он что — всё видел? Да одновременно с ним Горький писал острее, потому что знал жизнь лучше, соприкасался с ней больше. В какой-то мере, конечно, всякий творческий человек погружается в новую реальность, и она дает наслаждение побольше, чем подростковая любовь. И в случае с Солженицыным я не вообще о творческой жизни говорю, а именно благополучной, непересекаемой житейским страданием.

— Но как меру-то эту определить? Не погружается ли художник в творчество настолько, что однажды вообще разрывает с жизнью и народом? Ведь, тяжело сказать, но иногда кажется, что после романа против вас большинство.

— Нет, этого упрека не принимаю. Я, может, странную вещь скажу, но я ведь много об этом думал и все-таки остаюсь при своем — я чувствую внутреннюю правоту по своему чувству боли. Я кажусь себе старше своих и самых умных противников, опытно старше. А может, и от времени ушел, и ушел, кажется, вперед (извини за нескромность), потому что сложное-то оно сложное, но я уже в нем как будто жил и новости его не вижу. Мне больнее то, что обществу только предстоит решать и от чего оно прячется. Да

и потом — на кого ни нападали в свое время: что с Толстым делали, с Лесковым, с Гоголем?

— Но ведь хочется, наверно, понимания, единства, согласия? Мучает трещина-то?

— Нет, это несогласимо. Как бы ни было — несогласимо. Я готов ко всему, что скажут, и подчеркну — это несогласимо. Раньше был моложе, самолюбивее, наверно бы, сдался. А теперь я почти спокоен. И как-то именно право спокоен.

— А я-то сочинил про себя, что вы тут одиноки и тяготитесь этим.

— Да не-ет, не-ет. Я меньше всего чувствую это одиночество. А когда и чувствую, то радуюсь ему. Не бурно, а там, на глубине, в сердце, про себя радуюсь как желанному отдыху, потому что знание тяжело. Не зря в Библии сказано, что во многих мудрости много печали и кто умножает познания, умножает скорбь. Да, наши знания последних десятилетий — военные и увечные мирные эту скорбь увеличивают.

— Но за что-то ведь держитесь, надеетесь на что-то?..

— А вот на то же, на что Валя Распутин, — на детей. Только хватит ли нам сил и времени воспитать нового, готового к труду советского человека — не знаю. Тут два-три поколения нужны, а есть ли у нас такой срок при нашей злой слепоте.

— А этих-то куда девать? Нас-то? Нынешних.

— А нас сметет жизнь. Бог и сметет. Я уверен, что это Господь наказывает нас нынешним временем. Мы оказались отравлены до последней черты. Святое не проникло, а ложь отравила до самого нутра, и в этом виде мы еще смеем какую-то старую правду отстаивать. За одно только и можно похвалить это время, что все наши болезни вылезли наружу и нам дан шанс их увидеть и понять. А хватит ли разума за лечение взяться — пока что-то не видно.

40

Давно стояла ночь. Избах в двух-трех еще горел огонь, но и тот уж будто через силу — деревня спала. Даже и собаки не взирали. Он как-то резко умолк, оборвав себя, и померещилось, что недоволен, что опять завелся. Баракушка — бедная замена европейского соловья — чего-то все перебирала на недалней опушке и как-то особенно подчеркивала внезапное молчание. Да больше, пожалуй, ничего и не надо было говорить. Всего не переговоришь, а главное, и так хорошо видно — опыт лет и ровная слава привели его к зрелой и полной свободе, позволяющей верить своей мысли, не осматриваясь, и вырваться из-под часто невыносимого ига своего утвердившегося в читателе образа, каковым образом на Руси не одного уж писателя на нет свели. Для расчетливого ума это опасное преимущество, потому что при неустойчивом времени на одно попадание непременно приходится два промаха. Но, слава Богу, эта осматрительная арифметика не для него. Он вполне оценил великую силу прямого и искреннего стояния в литературе и уже не страшится неизбежных на таком пути прочетов и разрывов, потому что само чувство полно раскрытой мысли, покрывает и оправдывает все.

Не выдержала, решила ответить на письмо некой Елены, опубликованное в № 4-м. Очень хочется, чтобы мое письмо прочитали и Елена, и другие незамужние женщины. Ведь вы, Елена, судя по вашему рассказу и по стилю письма, человек неглупый и, как мне показалось, интересный, добрый и неповерхностный. Поэтому-то мне и жаль, что вы, да и многие женщины вашего возраста, так ропщете на судьбу.

Разумеется, плохо не иметь своей семьи, детей, но, поверьте, семья это еще не вся жизнь. И, наверное, вы согласитесь со мной, что лучше уж никакого мужа не иметь, чем жить с красивой куклой, упивающейся своим отражением в зеркале, да еще с такой, которая хочет дорого продаться... женщине. А уж про пьющих и говорить нечего.

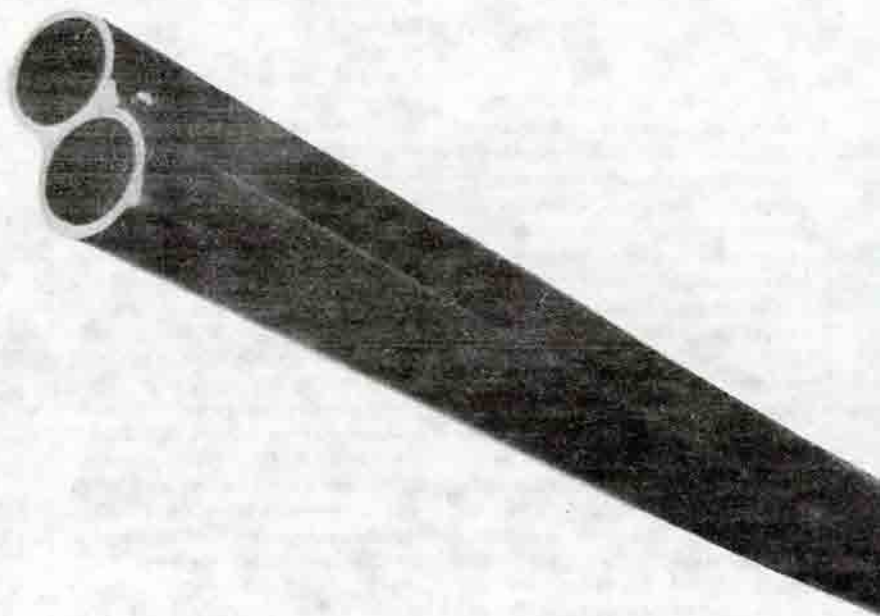
Практически каждый человек испытывает потребность любить и быть нужным кому-то. Семья — только один из способов приложения этой потребности, может быть, самый оптимальный. Но если не сложилось в этом, можно реализовать свои чувства и способности во многом другом. Чем больше добра, тепла, заботы, любви мы отдадим другим, тем больше получим взамен. И, может быть, даже там, где не ожидаем. Мне, право, очень неудобно, даже стыдно что-то вам советовать, тем паче что жизненной мудрости в свои 25 лет я еще не набралась, но, думаю, вы можете принести много радости людям обездолен-

ным, беззащитным, которым, как и всем, необходимы чья-то любовь, поддержка, защита, а судьба лишила их всего этого. Вот вы вяжете салфетки, а вы свяжите носочки, варежки, шапочки и отнесите их в детский дом или покормите беспомощных стариков, помогите больным в госпитале — поработайте не за деньги, а ради людей. Возможно, придется преодолеть нетерпение, раздражение, брезгливость, но скоро вам воздастся — вы почувствуете такую светлую душевную радость, что и счастье придет...

Пожалуйста, простите меня за «нравоучения», просто у меня была такая же проблема, как у вас, но теперь сердце так переполнено счастьем и радостью, что эти чувства даже трудно передать. Постоянно ощущаю, что я нужна, что меня любят и ждут. А ведь многие считают, что незамужняя девушка в 25 лет обречена на одиночество. Но только не я!

И вам, Елена, и многим отчаявшимся женщинам от души желаю найти себя и стать счастливой и любимой.

АННА САРОВА,
Москва

АЛЕКСАНДР ПЪЯНКОВ

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

ТУСЬСКИЕ

Петр Великий в рваном рабочем фартуке, как и подобает истинно народному царю, с тяжелым молотом в могучей руке взирает свысока на потомков. За ним в двух десятках метров возвышаются корпуса Тульского оружейного завода, основанного указом Петра в 1712 году. (Впрочем, оружие в Туле делали задолго до Петра: историки считают, что начали в пятнадцатом веке.) Буквально набитые железной рудой окрестности позволили местному люду ковать во множестве ножи, мечи и топоры. Труд был тяжел, а поборы высоки (ей-богу, все возвращается на круги своя!), и потому (уже в конце XVI века) обратились мастера к царю Федору Иоанновичу — дескать, уменьшить бы надо поборы.

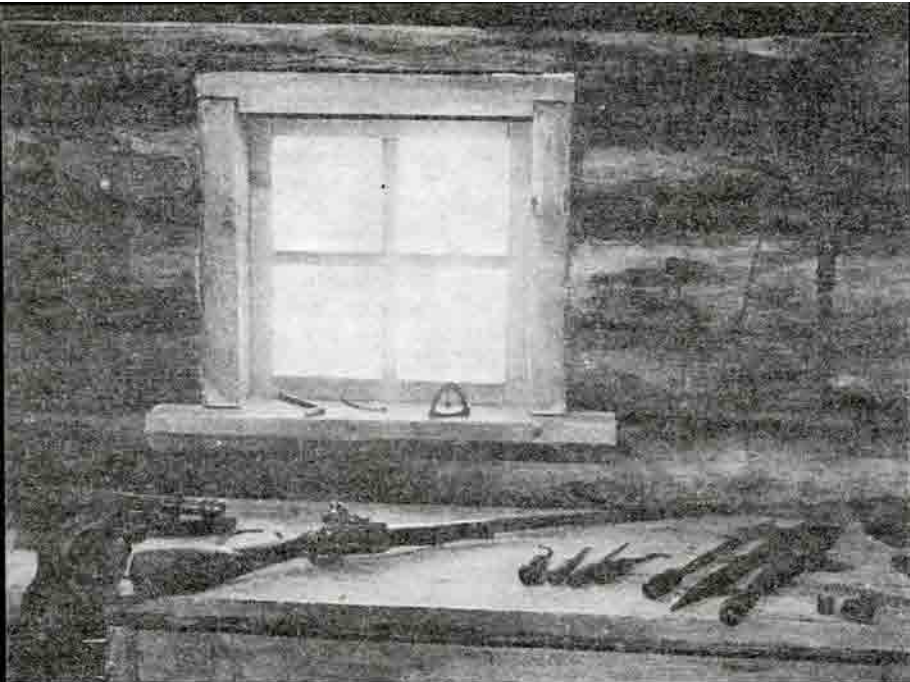
Мудрый царь приказал поселить тульских оружейников отдельной слободой и освободить от всяких податей...

Несмотря ни на что, туляки не

утратили ни способности, ни желания производить оружие. Миновав все формальности и получив пропуски, мы входим в один из цехов Тульского оружейного завода (известная любому российскому охотнику аббревиатура — ТОЗ). В цехе этом делают ружья высокого класса, говоря профессиональным языком — высокой разборки. Я бы сказал, что каждое такое ружье — настоящий шедевр: приклад из орехового дерева, выдержанного, словно хороший коньяк, шесть лет по специальной технологии, покрыт тончайшей ручной резьбой с вкраплениями перламутра, серебряные пластины с изысканной гравировкой, позолоченные спусковые крючки. Полтора-два года трудятся над таким ружьем, и немудрено, что стоит оно более двадцати тысяч долларов. Предназначено это оружие не для наших охотников (ну кто пойдет с такой драгоценной вещью по лесным делям

СТВОЛЫ

Рабочее место оружейника XVIII века.

да болотам?), скорее это прекрасное вложение капитала, да и друзьям при случае можно нос утереть.

Простому человеку подобное ружье не по карману так же, как полотно Ван Гога на аукционе Сотби. Покупают их в основном богатые иностранные коллекционеры и «новые русские», ужасно падкие на все блестящее.

Правда, есть люди, которым эти произведения искусства достаются безвозмездно, то есть даром. Среди них — президент России Борис Ельцин, владеющий одним из лучших образцов завода — гладкоствольным ружьем ТОЗ-84 с гравировкой и резьбой на охотничью тему, а также премьер Виктор Черномырдин, которому тульские оружейники подарили ТОЗ-94 (работчие говорят, что у президента ружье получше будет). И все это — в шикарных, ручной работы, резных подарочных футлярах из того же

орехового дерева. Кстати, как нам потом сказал директор оружейного музея Владимир Парамонов, русские цари, которые часто посещали Тулу, ружей в подарок не брали, а только покупали.

Так то ж цари!

Для рядовых охотников ТОЗ выпускает прекрасную по техническим характеристикам, но более простую по дизайну продукцию. Второй, он же последний цех, в котором разрешили побывать (уж не знаю, почему, но завод сейчас в обстановке строгой секретности, хотя еще года два назад журналистов и даже иностранных телевизионщиков сюда пускали во множестве), делает как раз охотничьи ружья и карабины. Раньше в нем собирали знаменитые автоматы Калашникова, но с началом конверсии их выпуск приостановили. Остались лишь крючки, на которых АКМы передвигались по цеху над головами рабочих.

На одной половине цеха немногочисленная бригада делала ружья марки МЦ-20-01, карабины КО-44 и приснопамятную трехлинейку — для коллекционеров. Зато на другой стороне работа кипела. Здесь собирали, подгоняли и проверяли сравнительно новую разработку — помповое ружье, стреляющее как газом, так и резиновыми пулями (рабочие уверены, что не только резиновыми), и предназначенное для Министерства внутренних дел. Выглядит такое ружье а-ля Терминатор-II очень даже внушительно. По крайней мере, когда перед стендом готовой продукции на меня уставились дула доброй сотни молчаливых стволов, я поймал себя на мысли, что ни на какую демонстрацию, которую могут разогнать с помощью таких ружей, в жизни не пойду...

Из цеха мы отправились в заводской музей. Фанаты оружия, сядьте в кресло и проглотите слюну. Вот я держу предмет, очень похожий на бластер из западного фантастического боевика. Это автомат АС калибра 9 мм. Ну и что, спросите вы. А то, что стреляет он безо всякого шума и пламени. Стоя ночью в двух шагах от стрелка, вы даже не догадаетесь о его существовании, если он не чихнет или не кашляет. Но в войска спецназа, для которых делают этот автомат, как правило, берут людей с отменным здоровьем. Стреляет это не имеющее аналогов чудо смертоносной техники бронебойными пулями, которые запросто пробивают бронезилет или стальной лист толщиной в полсантиметра. (Граждане бандиты, не ссорьтесь со спецназом! В его арсенале есть такая же снайперская винтовка, и пистолет, и даже стреляющий нож!)

Беру в руки еще один уникальный образец — автомат, предназначенный для ведения боя... под водой. Укомплектованный магази-

Подарочный набор.

ном на 26 патронов, он на глубине двадцати метров с расстояния в те же самые двадцать метров отправит на дно любого диверсанта. Пули у него тоже внушительные — 12 сантиметров длины, и за одну секунду их может вылететь до десяти штук.

Короче, «бойся, враг, замри и ляг»!

Много в музее и другой техники. Например, винтовки с лазерным прицелом, разные модификации того же АКМ, в том числе — с подствольным гранатометом. У самого входа на почетном месте висит сертификат, удостоверяющий, что 16 марта 1994 года Европейский фонд развития Востока наградил Тульский оружейный завод Международным призом «Золотой глобус».

Как сказал бы Левша, «и мы не лыком шиты».

Генеральный директор АО «ТОЗ» Николай Дмитриевич Мас-

Из вооружения подводного спецназа.

46

ленников 32 года назад начинал здесь рядовым инженером-конструктором, и вот уже ровно половину этого срока занимает директорское кресло. Реформы не обошли нас стороной, — рассказывает он. — Сейчас больше производим охотничьего и спортивного оружия, чем раньше. Кстати, его делать сложнее, чем боевое. Боевая техника должна быть простой, дешевой и внешне непритязательной. Охотничье ружье — совсем другое дело. Делаем оружие для фермеров — например, раскладное гладкоствольное ружье ТОЗ-106, уменьшенную модель МЦ-20. Для охранников выпускаем ТОЗ-194 с откидным прикладом. Большая мода пошла на помповые ружья с подвижным цевьем, мы их тоже освоили.

А для рядовых граждан завод делает газовые револьверы ТОЗ-101 калибра 5,6 мм и ТОЗ-105-3 калибра 8 мм. Но спрос на эту

продукцию небольшой. По нашим стандартам, дальность действия газового пистолета не должна быть более двух метров... Рынок же завален импортным газовым оружием с дальностью действия в два-три раза большей.

Как профессионал, генеральный директор относится к газовому оружию скептически. Для владельца оно не столько полезно, сколько опасно. Ну, достанете вы свой газовый пистолет, чтобы защититься. А у противника окажется настоящий...

«Золотой глобус» завод получил не зря. Если бы не экспорт, не вылезти бы ему из долговой ямы, в которой тульские оружейники барахтались еще в прошлом году. К нынешнему маю крепко встали на ноги, стали хорошо платить рабочим, приобрели мощную современную технику, позволяющую обнаружить «несуна», если его бес попутал.

Но вообще-то, по словам тульских старожиллов, в городе вряд ли найдется квартира, в которой не было бы хотя бы самого простенького ствола. Практически все туляки так или иначе связаны с производством оружия. ТОЗ — не единственный в Туле завод, выпускающий автоматы и ружья. Второе такое производство — Центральное конструкторско-исследовательское бюро (ЦКИБ) спортивно-охотничьего оружия. Несмотря на название, здесь разрабатывают и выпускают и боевую технику, но какую опять-таки большой секрет. Один из наших провожатых лишь вскользь упомянул о пистолете-пулемете «Кипарис» с откидным прикладом и глушителем, разработанным для спецназа, да еще об особой модели «калашника» и револьвере, способном пробить бронжилет.

Образован ЦКИБ еще в сорок шестом, сразу после войны, как го-

ловное предприятие по выпуску спортивно-охотничьего оружия. Здесь тогда собрались лучшие головы отрасли, и уже через два года появились спортивные пистолеты МЦ-1 и ружья МЦ-5 и МЦ-6 (МЦ означает «модель ЦКИБа»). Кстати, идеи были настолько технологичны, что и до сих пор находят применение. Делали здесь высококлассные спортивные ружья — по пять-шесть экземпляров одной модели в год. Качество, сами понимаете, было отменным — ружья шли на экипировку сборной команды стрелков страны. Они принесли нам несметное число золотых и серебряных медалей на всевозможных международных соревнованиях.

— Вряд ли найдется охотник, который пожалуется на наши ружья МЦ-109 и МЦ-111, — говорит заместитель главного инженера ЦКИБа Николай Сергеевич Рыжов. — Ведь они у нас оснащены

Новые образцы бесшумного оружия.

специальным механизмом для комфортности выстрела. Чтобы и задача была небольшой, и звук не оглушил. Промысловикам мы дали ружья малого калибра для охоты за мелкой дичью. Такое оружие сами не выпускаем — отдаем разработки заводу. Но вообще наши образцы высоко котируются на Западе, у бюро много международных наград. Ружья ЦКИБа раньше входили в подарочный фонд государства — их дарили высоким зарубежным гостям. Например, такие ружья есть у Рейгана, у Кастро...

48 Тульские оружейники и нынче щедрьы на новые идеи и разработки, хотя воплощение идей в жизнь дается нелегко: финансирование сами знаете какое. (В скобках от-мечу: миллионы долларов тратим на закупку стрелкового оружия. Если бы хоть часть этого «зеленого» потока направить в иное русло — тулякам... Не выгоднее для России было бы такое решение?!) Но все-таки совсем недавно здесь стали делать спортивный пневматический самозарядный пистолет МЦ-470 на пять пульек, пневматический пистолет МЦ-471, стреляющий шариками диаметром 4,5 мм, карабин «Ковбой» МЦ-500, малокалиберное самозарядное ружье Ц-2207. В разработке — четырехствольное комбинированное ружье с нарезным и гладким стволами.

Если на заводе нас в тир не пустили, то на ЦКИБе даже дали пострелять из своих уникальных ружей. Думал, что я в жизни ни одну живую тварь, кроме комара, не убью. Но все-таки стрелять из хорошего ружья по мишени — отменное удовольствие. Особенно если попадаешь. Правда, с таким оружием грех не попасть. Им мы (пока!) вполне можем гордиться.

А на тульских рынках вопреки расхожему мнению ни ружей, ни автоматов, ни пистолетов мы не нашли. Даже в оружейном магазине

продавались всего четыре ружья да звуковой пистолет, и то исключительно по лицензии. Так что все это домыслы досужие — будто Тула завалена оружием.

А на память нам ничего не пода-рили. Мы же не президенты...

Дорогие читатели

«СМЕНЫ»!

Несмотря на быстрый рост цен на все и вся, редколлегия журнала решила не увеличивать подписную цену издания в первом полугодии 1996 года, то есть в Каталоге «Роспечати» она остается прежней — 5900 рублей за номер. Конечно, мы рискуем, ибо истинных темпов инфляции не могут предсказать ни экономисты, ни финансисты, а бумага и полиграфические услуги постоянно дорожают. Но, поверьте, риск этот продиктован заботой прежде всего в ваших, дорогие читатели, интересах. Мы отлично знаем ваши материальные возможности, знаем, как трудно вам отказаться от подписки на любимый журнал, и потому надеемся, что вы останетесь с нами и в будущем году.

Москвичей и жителей Подмоскovie, желающих и впредь читать наш журнал, но не имеющих возможности платить немалые деньги почте за доставку или киоскерам, продающим «Смену» с большой наценкой, мы призываем: приезжайте к нам в редакцию, и мы подпишем вас с любого номера по цене, указанной в Каталоге. Кроме экономии своих средств, вы получите еще одно удовольствие — пообщаетесь с нами, теми, кто ежедневно старается сделать журнал «Смена» интересным и занимательным.

Более подробную информацию об условиях подписки мы даем по телефонам:

212-15-07, 250-49-08

ДЕНЬ

АНАТОЛИЙ ДЕРЯБИН,
доктор экономических наук

50

Нам нужны деньги. Нам надо много денег. И каждому россиянину, и стране.

Стране — чтобы построить заводы и фабрики и делать там не танки, а «жигуленки», не иприт, а йогурты, не кирзовые сапоги, а босоножки.

«Дай-дай-дай!» — просим мы у международных фондов, банков и чужих правительств. Между тем, денег у отдельных наших граждан и россиян в целом столько, что можно не один автозавод, подоб-

ный Волжскому, построить, а десяток таких гигантов.

На Запад! На Запад!

— Ты куда свои капиталы вкладываешь? — спросили при мне одного российского богача.

— Я их инвестирую, — отвечал нувориш.

— Куда?

— Вот дом на Лазурном берегу купил. Квартуру в Париже...

Оказалось, капиталист искренне считал, что «инвестировать» означает: покупать что-то на Западе. Ведь это слово, дескать, происходит от английского «in West» (на Запад). Распространенное заблуждение. Больше того, одно из старых изданий толкового словаря Ожегова трактует термин «инвестировать» именно так: «вкладывать капиталы в зарубежную экономику».

«Инвестировать», «инвестор»,

П Р О В О Д

«инвестиции» — слышим мы по десять раз на дню. А что это такое? Зачем инвестиции нужны? Почему плохо, когда их нет? Кому лучше станет, если они будут?

Слово «инвестиции» происходит отнюдь не от английского *in West*, а от латинского *investire* — облачать и означает долгосрочные вложения капитала. В наш язык этот термин пришел вместе с «брокерами», «дилерами» и «менеджментом», для российского уха более привычно слово «капиталовложения» — то есть помещение денег в нечто материальное: строительство дома, моста, железной дороги; сооружение цеха, покупку и наладку оборудования. Но только не использование капиталов на что-то неосязаемое: финансовые операции, спекуляции, игру на бирже. *Инвестиции — это долгосрочные (капитальные) вложения в предприятие, в какое-либо дело.* Инвестор — физическое или юри-

дическое лицо (человек или предприятие, организация), помещающее свои средства с целью получения прибыли.

А «инвестировать» означает: не на Запад свои денежки отправлять, а вкладывать их в экономику России.

Кровопускание

Вспомним закон Ломоносова-Лавуазье: ничто не исчезает бесследно и не появляется ниоткуда. Если у кого-то из наших соотечественников рублей и долларов прибыло — кто-то их потерял.

Кто потерял? Все мы. Вся Россия. И предприятия, и население.

Люди в результате гайдаровских реформ лишились своих сбережений. Свыше трехсот миллиардов рублей, лежавших «на книжках и в кубышках» россиян, превратились в мусор.

Еще больше пострадали в ре-

зультате скачка цен предприятия. Они лишились оборотных средств. Оборотные средства — деньги, используемые предприятиями на покупку сырья, запчастей, материалов, на оплату электроэнергии, на зарплату, — это своего рода кровь экономики. Она несет организму-заводу питательные вещества. После «освобождения цен» оборотные средства (эта кровь) иссякли. Заводы продавали продукцию, но пока до них добирались вырученные деньги, сырье, необходимое, чтобы сделать следующую порцию товара, стоило уже больше, чем выручали от реализации. Предприятия должны были умереть...

Но выжили. Вы, конечно, видели кадры, как тяжелораненых бегом несут на носилках и держат над каждым капельницу и мешочек с кровезаменителем. Такой вот суррогат крови, такую «разжиженную кровь» вливали нашим предприятиям в виде кредитов. Кредиты фабрикам, фирмам и заводам давали коммерческие банки — под бешеные проценты. Для банков это было самым выгодным помещением капитала. Капитал, в полном соответствии с марксовыми законами, переливался туда, где можно было получить наибольшую прибыль. Ни строительство, ни развертывание новых производств не могли дать больше дохода, чем коммерческие кредиты. «Новые русские» в банках делали деньги, ничего не строя, никакой продукции не выпуская. Из воздуха.

Если деньги — кровь экономики, то сердце ее — банки. Коммерческие банки за последние годы увеличили свой капитал в десятки, сотни, тысячи раз! Сейчас у нас две с половиной тысячи банков. Их активы исчисляются миллиардами долларов. Есть признанные во всем мире — «Мост»,

«Возрождение», Столичный банк сбережений... А начинали они с «капельки». Мосбизнесбанк, сейчас один из крупнейших, начинал, владея лишь зданием. Инкомбанк стартовал с нескольких тысяч рублей, там работало трое сотрудников...

Огромные капиталы наших коммерческих банков составлялись, как правило, не в прямой форме, не из взносов предприятий или фирм, а опосредованно. Наполнение их деньгами шло благодаря кредитам, которые финансисты выдавали предприятиям и фирмам.

И вот теперь наступил момент, когда крови в сердце достаточно. Отечественный банковский капитал перестает быть паразитическим. Еще два года назад финансисты практически не вкладывали деньги в промышленность. Теперь они 20—25 процентов кредитов дают производству и строительству. Это сотни миллиардов рублей.

Государство любит столы и стволы

БАМ строила вся страна. И ЗИЛ, и ГАЗ, и ВАЗ, и КамАЗ... Государство было у нас инвестором номер один. Точнее, единственным. А сегодня оно дает на развитие промышленности крохи.

Нормальная держава обильно вкладывает деньги в те отрасли, куда другие, частные инвесторы, помещать их не будут. Например, в строительство железных дорог. Почти везде в мире они убыточны, их финансирует государство. Развитие дорог необходимо: оно дает мощный импульс промышленности и сельскому хозяйству. Вспомним: граф Витте снизил в начале века тарифы на железнодорожные перевозки. Это окупилось возросшими объемами перевозок — и, как

следствие, возросшим импортом, экспортом и производством продукции.

Наше нынешнее государство носит столь паразитический характер, как, наверное, ни одно в мире. Деньги, собираемые с нас в виде налогов, оно не в новые железные дороги вкладывает, а в содержание столначальников. В бюджете на нынешний год запланировано потратить на государственное управление 3 триллиона 896 миллиардов рублей — больше, чем на экологию, культуру, транспорт и связь вместе взятые.

Пройдемся по Москве: ведь заполнены все здания, оставшиеся от союзных министерств, ЦК, Госплана... И ведь не детсады там разместились, не больницы! В 1982 году в СССР насчитывалось 64 министерства и комитета. Теперь в России, где население в два с лишним раза меньше, 73 ведомства.

Больше того! Государство стремится те деньги, что могли бы пойти на инвестиции, израсходовать на текущие свои нужды. Я имею в виду выпуск государственных краткосрочных обязательств и других ценных бумаг. Они, эти бумаги, «оттягивают» деньги населения, банков, финансовых структур, — те деньги, что могли бы хлынуть в модернизацию производства. Да, с точки зрения людей и предприятий, покупающих государственные ценные бумаги, это — инвестиции. Но инвестиции — во что? В государственное текущее потребление. В столы и стулья!

Государство увеличивает свой внутренний долг — но не создает базы для погашения этого долга. Оно просто строит колоссальную финансовую пирамиду по типу «МММ». Такое впечатление, что во главе нашего министерства финансов стоят люди типа Мавроди — только в десятки раз изощреннее.

Не дороги, мосты и порты — забота наших руководителей. Они озабочены тем, как бы сегодня прожить и выжить. Мы не можем надеяться на государство как на серьезного инвестора.

Где экскаватор, Леня?

Будущие историки могут назвать 1994 год апофеозом народной глупости. А могут разглядеть за финансовыми скандалами проявление прекрасных черт, свойственных русскому народу: заботу о собственных детях (не ради сиюминутной наживы многие несли деньги в «Тибет» и «Чару»; старались накопления — сыну на квартиру да дочке на свадьбу — уберечь от инфляции). Не одним днем живут россияне, не по принципу: «После нас хоть потоп»... Но оголтелая реклама (по сто раз на дню — телевидение, радио, газеты), пример нуворисшей, что делали деньги из воздуха, заморозили россиян. К тому же отсутствие какого-либо опыта, законов, правил игры привело к тому, что наши соотечественники стали жертвами аферистов.

Мошенические фирмы действовали по принципу: «Нам бы и мерку снять, и задаток взять». И мерку снимали, и задаток брали. Сотни компаний по всей стране погнуло, триллионы рублей — миллиарды долларов — исчезли... Куда пошли они? In West!

Правительство, похоже, стимулировало деятельность прохиндеев. Вряд ли оно делало это сознательно, но фактически поощряло обманщиков: преступно медлило с законами, не проверяло деятельность аферистов и ничего не объясняло народу. Всего за 1992—1995 годы «новые русские» обманым путем перевели на Запад, по разным оценкам, от 20 до 80 миллиардов долларов. (Я склоняюсь к цифре 80 миллиардов.)

Теперь-то россияне прививку от мошенников, я надеюсь, получили. Они готовы вкладывать деньги в реальное производство. Деньги немалые. Больше того: российское население — самый крупный потенциальный инвестор нашей экономики. Уже сейчас на руках у людей, по моим прикидкам, около 20 миллиардов долларов. Но лишь единицы покупают акции заводов, фабрик, фирм, занятых производством...

Почему сбережения людей «пролетают» мимо предприятий, чрезвычайно нуждающихся в средствах?

Развитый рынок — это не только свободные цены. Это еще и рынок капитала. На нем действуют страховые компании, пенсионные и инвестиционные фонды, где работают специалисты, знающие, куда направлять деньги, откуда их изымать. Подобное регулирование — задача сложная. Финансовые и фондовые организации вполне можно уподобить мозгу экономики. Они переправляют деньги именно в те отрасли, которые в них больше всего нуждаются; изымают средства из тех, что пришли в застой или упадок. На Западе механизм такой отлажен давно. В нашем Отечестве частный вкладчик брошен на произвол судьбы. Здравый смысл и немногочисленные профессионалы подсказывают ему: вкладывать деньги надо, как писал крупный финансист Питер Линч, в «непопулярные компании со скучным названием, делающие что-либо обыденное, развивающиеся средними темпами в медленно растущих отраслях». Но бешеная реклама, до сих пор вспыхивающая то там, то здесь, призывает: «Подари деньги мошенникам!»

А Леня Голубков, так и не купивший экскаватор, прячет свои сбережения в коробке из-под конфет...

Восстановление разрушенного хозяйства

За последние годы в расширение производства денег практически не вкладывали. Не успевали даже менять то оборудование, что изнашивалось. Если принять капиталовложения в народное хозяйство России в 1990 году за 100 процентов, то в 1992 году в производственную сферу было направлено 47 процентов этих денег, а в 1994-м — 23,5 процента. В непроизводственной сфере падение поменьше, но тоже ощутимо: 100 процентов (1990 год); 61 процент (1992 год); 51 процент (1994 год). А ведь 1990 год был не самым лучшим для нашей экономики!

(Правда, у нас цифры всегда лукавят. Раньше показатели завышали — теперь занижают, чтобы укрыться от налогов. Учитывая «приписки наоборот», получим, что реальные капиталовложения, особенно в непроизводственную сферу, процентов на пять — семь больше. Но общей картины это не меняет...)

Мало хорошего, конечно, в том, что не обновлялась отечественная промышленность, устарело и износилась оборудование на наших заводах. Но каждая медаль имеет две стороны. Новое оборудование, как правило, стоит столько же, что и машины предыдущего поколения — а производительность его гораздо выше. Особенно наглядно это проявляется в вычислительной технике: каждые полтора-два года на рынок приходит новый компьютер, цена которого такая же, как у предшественника, а быстродействие — выше. (Оборудование, не обновлявшееся десять лет, проще выкинуть, а не заменять узлы.)

Есть экономический закон: каждое последующее вложение капитала менее эффективно, чем

предыдущее, если совершается на той же технической основе. Как это понимать?

Поясню на примере. Вот вы привезли на ваши шесть соток машину навоза. Картошка стала расти изо всех сил. Урожайность повысилась в два раза! На будущий год вы две машины удобрений высыпали, а урожай собрали только процентов на двадцать больше, чем в предыдущем. Еще год прошел — вы три машины ввалили: но не только прибавки не получили — почти все «сторе́ло».

Или, представьте: вы директор фабрики — и делаете продукцию, пользующуюся спросом. В одну смену производство работает хорошо; запустили две смены — стали выпускать в два раза больше; организовали третью смену — а прирост продукции меньше: надо больше платить рабочим, надо тратить на дополнительное питание, на транспорт... Короче, экстенсивный путь развития имеет предел.

Заграница нам поможет?

Столько разговоров об иностранных инвестициях! Такое впечатление, что манна на нас посыпается, если западная фирма построит в России фабрику или две. Не посыплется! Я проанализировал статистику и могу сказать уверенно: объемы возможных западных инвестиций составляют не более десяти процентов от потенциала инвестиций отечественных!

Однако одна десятая часть — это тоже немало. Зачем от денег отказываться?

Многие боятся капиталовложений из-за рубежа: «Закабалят!». Я ничего плохого в этом не вижу. Допустим, построил заграничный капиталист в России обувную фабрику. Нужна она нам? Нужна! И для меня, потребителя этой обуви, глубоко безразлично, кто ее хозяин —

Кузнецов, Ковач, Ковальский или Смит. Ради Бога, пусть будет Смит — лишь бы ботинки не жали.

Как он, этот капиталист, ограбит Россию? Фабрику в карман не положит, не унесет. Извлечет прибыль и увезет ее за границу? Может и так поступить. Но если уж вложил деньги в нашу экономику — значит, ему это выгодно. Стало быть, есть хорошие условия, чтобы получать доходы в России. Выгоднее использовать деньги здесь, чем за тридевять земель их везти — и капиталист станет свое производство расширять. А будет обуви достаточно, начнет пускать «приварок» на производство, скажем, соков или тары для них...

Не всякий иностранец готов прийти в Россию — по своему менталитету, мироощущению. Американцы тут как тут, если только пахнет нефтью, но безразличны к другим отраслям. Англичане, французы с радостью пускают свои деньги в рост — дают нам займы, но не больше. Наиболее близки нам по своим традициям немцы. Они вкладывали и вкладывают свои средства в наше производство.

А вот зарубежные займы нельзя назвать инвестициями. Государство расходует их, чтобы поддерживать свою «вялотекущую» жизнь. Мы все останемся должны Западу, а государство эти миллиарды долларов проедает.

Царская Россия в период между русско-японской и первой мировой войнами тоже охотно брала займы, хотя ее золотой запас был в то время самым большим в мире. Но получали мы тогда займы под пять процентов годовых — а деньги эти, вкладываемые в российскую промышленность, приносили до 30 процентов ежегодно! Иное дело сейчас. Государственный долг растет, а новых эффективных производств от этого не прибавляется. Когда речь идет о капиталовложе-

ниях, тем более о западных, воля государства должна стать определяющей: во что эти деньги вкладывать можно и нужно, а куда — ни в коем случае. «Невидимая рука рынка» (о которой так любят говорить некоторые экономисты) ничего сама не отрегулирует!

Запад нам интересен скорее не своими деньгами, а теми технологиями, что может дать. Нам не надо самим все придумывать и изобретать. Существует международное разделение труда. В чем-то сильны американцы, в чем-то японцы... И при зарубежных инвестициях государство обязано следить, чтобы не устаревшее оборудование у нас устанавливали, а новейшее. Поощрять тех, кто передовые технологии в России вводит. Надо заботиться и о том, чтобы в России закордонные капиталисты устанавливали полный цикл производства. Ведь нередко бывает так: самое трудоемкое, экологически грязное оборудование организуют в развивающихся странах — а какой-нибудь «бантик», без которого изделие не работает, выпускают в Чикаго. Там же и плоды пожинают.

Государство обязано создать условия, чтобы прибыль, полученную иностранным капиталом в нашей стране, «западникам» было бы выгоднее использовать у нас — реинвестировать ее, а не вывозить за кордон. Чтобы мистеру Смигу даже личные свои денежки было выгоднее тратить в России, не говоря уж о том, чтобы прибыль от своей обувной фабрики он пускал на производство соков у нас, а не где-нибудь в Калифорнии. А из-за наших законов иностранные инвесторы поставлены в худшие условия, чем отечественные. Иноземные специалисты не должны платить налогов дважды — у себя в стране и у нас. Обычно государства (на уровне правительств) заключа-

ют договоры об исключении двойного налогообложения. Человек сам выбирает, где ему платить — у себя в стране или в России. У нас такие соглашения подписаны далеко не со всеми...

Да, не стоит отгораживаться от мира чем-то вроде северокорейских идей чучхэ: мы, мол, сами с усами. Но и смотреть с вожделинием на Запад, как на палочку-выручалочку, нечего. Заграница нам поможет — если ей это будет выгодно.

Впрочем, скорее мы поможем себе сами.

Нужен не ученый, а смысленный

Где взять деньги для нашей промышленности — в общих чертах понятно. А куда их вкладывать? В макаронную фабрику или в текстильную? Или в металлургический комбинат? А может, еще один БАМ построить?..

Плановая система была плоха не тем, что она плановая, а тем, что предписывала, как производить каждый гвоздь и сколько этих гвоздей СССР надо. Но нынче, надеясь все на ту же «невидимую руку рынка», отпустили на волю даже те процессы, на которые необходимо влиять. Хотя известнейший экономист Гэлбрейт говорил, что тот, кто надеется, что рынок сам все расставит на места, страдает психическим заболеванием клинического характера. В момент сложнейшей перестройки — даже психологической, не говоря уже о производственной — государство все выпустило из рук (хотя, опять-таки повторюсь, чиновников у нас стало больше).

Деньги России даст мелкий собственник. Вы, я, он, она, они. Но мы не можем — все вместе — владеть

или распоряжаться даже крохотной обувной фабрикой, не говоря уже о металлургическом гиганте; не сможем планировать производство, управлять им. Владение должно осуществляться через промежуточные институциональные органы: страховые, пенсионные, инвестиционные фонды.

Взрослую или детскую обувь производить? Молоко или ракеты? Мне, мелкому собственнику, абсолютно все равно, где работают мои деньги. Куда идут капиталы — решает рынок ценных бумаг.

Вложили мы по миллиону в шоколадную фабрику и металлургический комбинат. У кондитеров дела пошли в гору. У металлургов застой. Акции шоколадной фабрики выросли. Акции производителей металла падают. Капитал стал переливаться к тем, кто выпускает линии для производства шоколада. Их акции повысились в цене... Вся цепочка пришла в движение. Причем на фондовой (где торгуют акциями) бирже эти изменения случились раньше, чем в конкретном производстве.

Казалось бы, вот он, рынок, сам себя регулирует. Но для этого, во-первых, надо этот фондовый рынок создать. А у нас попытки его организовать крайне неуклюжи. Им пытаются руководить чиновники — те, кто знает о деятельности фондовых бирж только по книгам и ни одной сделки по купле-продаже акций ни разу не совершил. (Все равно что правила чемпионата по боксу будет определять судья, ринга в глаза не видевший...)

Нам, мелким вкладчикам, безразлично, куда пойдут наши деньги — на производство молока или детских игрушек. Нельзя требовать от простого человека государственного мышления. Не должна кухарка управлять государством. Специалистам инвестиционных фондов тоже неважно, где кон-

кретно используются деньги вкладчиков. Лишь бы была прибыль! Государство — именно оно! — должно регулировать потоки инвестиций.

Да, государству это не должно быть безразлично! Ему надо следить, куда расходуются средства. Если на животноводство — помогать этому процессу. А ежели на съемки порнофильмов? Неужели быть безучастным?

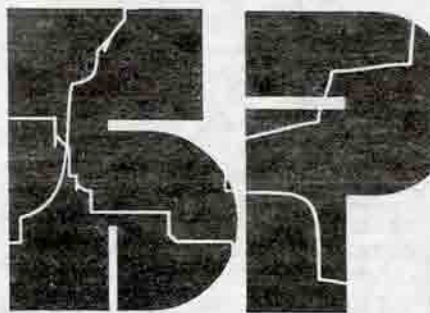
Влияние государства на потоки капиталовложений может проявляться в разных формах: уменьшение налогов тем, кто занят важным, с точки зрения общества, делом; предоставление льготных кредитов; подстраховывание субсидиями тех, кто берется за рискованное, но необходимое для страны предприятие...

Однако наше правительство практически никак не регулирует процесс капиталовложений. В народе говорят: «Всему учен, да только не изловчен». Точь-в-точь про нынешних руководителей...

Да, жизнь возьмет свое и уже в ближайшее время начнутся инвестиции в народное хозяйство, а значит, и экономический рост. Но будущее не приходит само — в этом мы убедились за последние годы — нужны воля, ум и сила.

ЮБЕР МОНТЕЛЕ

СМЕРТЕЛЬНЫЙ

58

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА

Чтение книг знаменитых писателей, лучших мастеров художественного слова, увлекало меня с юности. Однако получаемое при этом удовольствие имело и свою оборотную сторону: рано пробудившуюся склонность к придирчивой критике. Поэтому теперь я уже не могу поверить, будто обладаю достаточным талантом и фантазией для создания собственной, вполне самостоятельной книги. Я удовлетворился решением более скромной задачи, составив подборку документов, проливающих свет на одну криминальную историю, уже известную широкой публике.

Моя работа ограничивалась выяснением фактов и их расстановкой в хронологическом порядке. Все имена слегка изменены, но язык и стиль остались в неприкосновенности. Надеюсь, что таким образом мне удалось сохранить верность истине — это главный принцип во всяком произведении искусства — и в то же время избежать упреков в неделикатности. К тому же авторы всех использованных мною писем — люди культурные и образованные, так что даже допускаемые ими кое-где отступления от светского тона лишь оживляют стиль, отнюдь не делая его отталкивающим или оскорбительным. Таким образом, из отдельных

Юбер Монтеле — известный французский писатель, мастер детективного жанра. Роман «Смертельный брак», впервые опубликованный в 1960 году, по мнению критиков, его лучшая работа. В том же году роман был удостоен высшей литературной премии «Гран-при».

ЛЬНЫЙ

Рисунок
АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕНЦКОГО

кусочков, постепенно складывающихся в мозаику, возник этот роман.

Я полагаю, что детективный жанр отвечает самым насущным потребностям современного общества. В мире, где нервы постоянно напряжены, а ум истощен однообразными заботами, очень желательно отвлечься от повседневности, испытать бескорыстную радость или невинный страх вместе с героями книги. А описание сцен алчности или насилия порой заставляет человека задуматься о собственных поступках и собственном характере; в этом смысле детективы оказывают определенный терапевтический эффект, едва ли достижимый другими средствами.

Признаюсь сразу, что я не придерживался канона, принятого в этом жанре литературы — напряженного действия чуть ли не на каждой странице. Я постарался уделить основное внимание психологии персонажей и думаю, что такой способ создания атмосферы гнетущего ужаса не хуже, чем при помощи описания каких-либо внешних обстоятельств. Удалось ли мне справиться с этой задачей — судить читателям; надеюсь, каждый из них найдет в книге то, что хочет найти.

Ю. М.

1 ПЕРЕПИСКА

Монпелье, 13 декабря 1923 г.

Поль Канова, профессор городской гимназии — директору страховой компании «Ла-Сальватрис», Лозанна.

Многоуважаемый господин директор,

после основательных раздумий я решил воспользоваться услугами Вашей фирмы для помещения капитала в 250 000 швейцарских франков. В настоящий момент указанная сумма, полученная мною в наследство от двоюродного деда по отцовской линии, хранится в федеральном банке в Лозанне.

Мне хотелось бы, чтобы ко времени выхода на пенсию я мог рассчитывать на два миллиона швейцарских франков. В случае моей смерти до этого срока все деньги должна будет получить моя жена.

Полагаю, что самым разумным способом осуществления такого пожелания стало бы заключение двух страховых договоров: 1) договор на страхование жизни сроком на сорок лет; 2) страховка от несчастного случая.

Возможно, Вас удивит мое решение, поскольку существуют и более выгодные способы пустить деньги в оборот. Но я уже сейчас могу считать себя достаточно обеспеченным человеком и к тому же никогда не увлекался финансовыми операциями. Моя специальность — древняя история — и положение, при котором само время будет работать на меня, кажется мне наиболее надежным. Действуя таким образом, я надеюсь к старости сделаться обладателем значительного капитала, большую часть которого предполагаю использовать на нужды культуры и образования. Это стало бы достойным завершением моей карьеры.

Я понимаю, что выказанные мною условия довольно необычны, и в связи с этим хотел бы обратить Ваше внимание на то, что мы оба — я и моя жена — принадлежим к академическим кругам, где Вы можете получить о нас любые требуемые сведения и гарантии.

В ожидании Вашего решения желаю Вам всего наилучшего и остаюсь и т. д...

Лозанна, 19 декабря 1923 г.

Управляющий городским филиалом страховой компании «Ля-Сальватрис» — г-ну Полю Канове, профессору гимназии в Монпелье.

Многоуважаемый господин профессор, настоящим мы с благодарностью подтверждаем получение Вашего письма (от 13 числа сего месяца), с содержанием которого ознакомились с большим интересом.

Изложенные Вами условия действительно не совсем обычны — а именно, в том, что касается размера страховой премии. При заключении договоров на страхование жизни мы, как правило, стараемся не превышать определенного порога, и делается это в интересах самого клиента. Однако в данном случае мы готовы отступить от традиции и пойти навстречу Вашим пожеланиям.

Единственное, о чем вынуждены Вас просить, — это соблюдать полную конфиденциальность в ходе дальнейших переговоров с нашей фирмой, не прибегая ни к услугам Вашего адвоката, ни к каким-либо иным посредникам. Все интересующие нас сведения, включая медицинские данные о состоянии Вашего здоровья, соберет один из наших инспекторов, который специально ради этого

выезжает в Монпелье. Затем мы встретимся с Вами для обсуждения всех пунктов договора.

Позвольте поблагодарить Вас за оказанное доверие и выразить Вам глубочайшее уважение от имени нашей фирмы...

Монпелье, 11 февраля 1924 г.

Пьер Руссо, страховой инспектор — управляющему филиалом компании «Ла-Сальватрис» в Лозанне.

Предварительная информация по договору с г. Кановой.

Уважаемый господин директор,

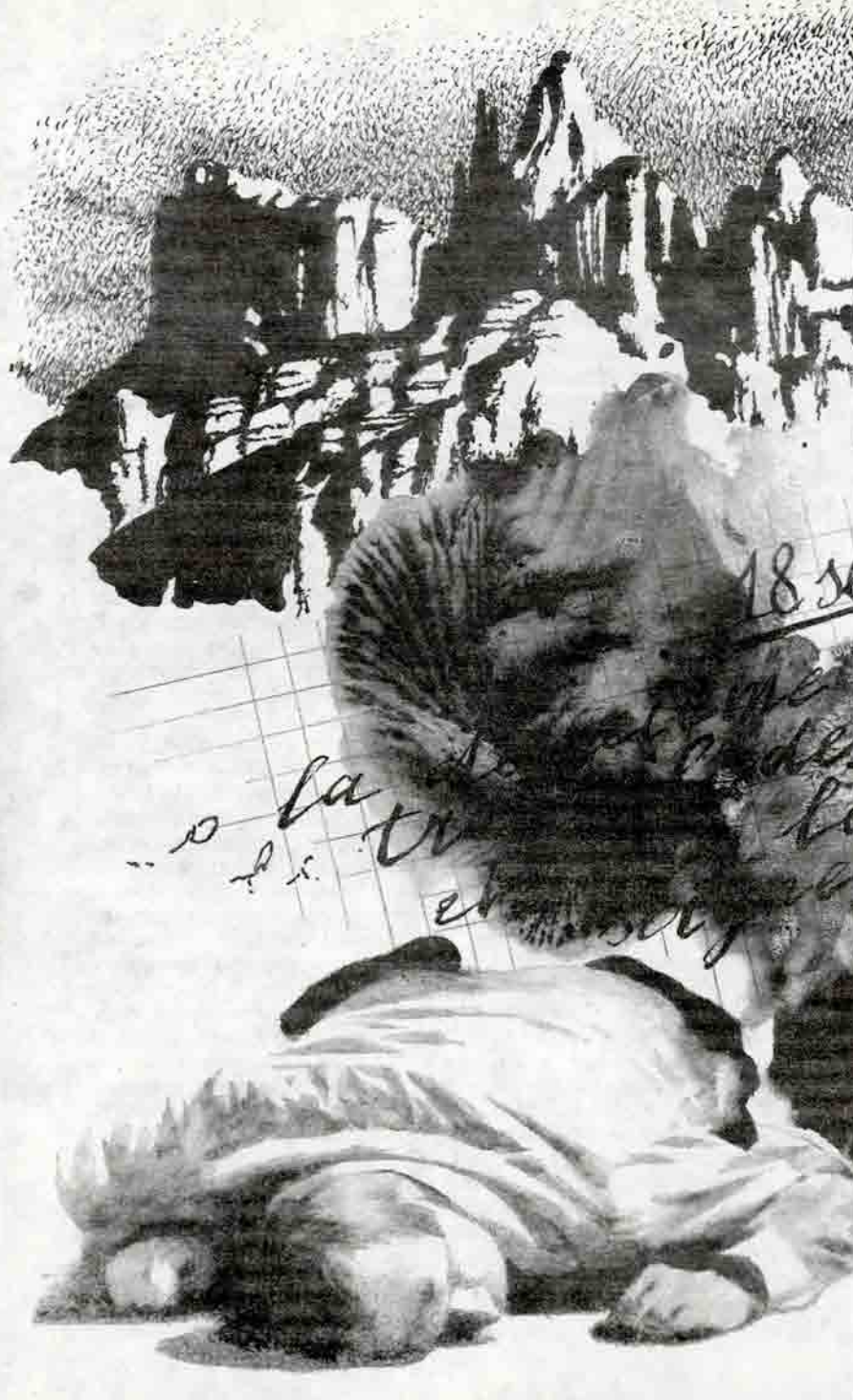
я позволил себе немного увеличить обычный объем доклада, тем более что Вы сами выразили желание подробно ознакомиться со всеми обстоятельствами данного дела. Это привело к небольшой задержке — за меньший срок я не успел бы собрать нужное количество сведений. Досье разделено на рубрики.

А. Данные о клиенте.

Биография: родился 14 января 1897 г. в 6-м округе Парижа. Отец — профессор литературы в Сорбонне. Мать — домохозяйка. Единственный ребенок в семье. Первый ученик в гимназии. Второе место в национальном конкурсе на лучшее историческое сочинение в 1913 г. В том же году с блеском сдает выпускные экзамены. Затем — учеба в университете. В 1916 г. отец нашего клиента погибает на фронте, и сын идет добровольцем в армию. В 1917 г. — легкое ранение осколком гранаты, не повлекшее за собой инвалидности. Награжден Крестом за военные заслуги и в чине лейтенанта переведен в Генеральный штаб. В 1918 г. выходит в отставку; вскоре после этого, во время эпидемии испанского гриппа, скончалась мать клиента. Он остается один. В 1919 г. — непродолжительная связь с артисткой варьете. С 1920 г. — кандидат на замещение преподавательской должности; в 1921 г. — получает преподавательский диплом. С 1922 г. — внештатный профессор истории и географии, и в том же году назначен читать курс лекций в городской гимназии в Монпелье. Женат на Антуанетте Мериньяк (брак зарегистрирован 13 марта 1923 г.), дочери профессора той же гимназии. Незадолго до свадьбы получает наследство от скончавшегося двоюродного деда — Самюэля Кановы, гражданина Швейцарской конфедерации, вице-президента Объединенной Электрической компании. В настоящее время занимается научными изысканиями на тему «Этрусские и эллинистические влияния на культуру Древнего Рима».

Состояние здоровья: как явствует из прилагаемых врачебных заключений, здоровье г-на Кановы не дает оснований для тревоги. До сих пор он не страдал никакими существенными недугами. Обычные детские болезни переносились им легко и не оставили осложнений, равно как и тяготы фронтовой службы. Газовым атакам во время войны наш клиент не подвергался. Незначительная сердечная аритмия и связанная с ней одышка объясняются, по мнению врачей, сидячим образом жизни и нервной возбудимостью, что вполне естественно для молодого ученого. Наследственными заболеваниями не страдает, телосложение нормальное.

Имущественное положение: в настоящий момент нет причин

18 x

la
p. r.
et
de

tembre.

noitié
pro-
mèti
se men
t

ожидать резкого повышения доходов нашего клиента. Однако профессорское жалование, а также небольшие наследства, полученные ранее, дают ему возможность вести размеренную и вполне обеспеченную жизнь. Г-н Канова — владелец собственной квартиры на авеню де ль'Обсерватуар в Париже и летнего дома в Фонтенбло, а также некоторого количества надежных ценных бумаг. Имеет счет в банке. Участие в составлении учебников и публикации научных статей приносят ему дополнительную прибыль.

Имущество супругов Канова юридически разделено; личный капитал г-жи Канова составляет двадцать тысяч франков (ее приданое). Г-н Канова сделал завещание в пользу своей жены.

Можно добавить, что наш клиент хотя и ценит комфорт, но не стремится к роскоши и не обладает какими-либо расточительными привычками.

Профессиональное положение: любим учениками, уважаем коллегами. В общении с сослуживцами сдержан, скромен и неизменно тактичен. Близких друзей, по-видимому, нет.

Религиозные взгляды: наш клиент может быть охарактеризован как либеральный протестант. Конфессиональный выбор не сказывается на его повседневной жизни, но дает ему чувство принадлежности к моральной элите и вполне соответствует его характеру. Членом приходского совета он не является и дискуссий на религиозные темы избегает.

Политические взгляды: придерживается умеренно республиканских воззрений со слегка антиклерикальным оттенком. Во время выборов не голосует. В демонстрациях и уличных шествиях участия никогда не принимал. О политической карьере не помышляет.

Разное: г-н Канова не замечен в каких-либо особых пороках; ведет спокойную и упорядоченную жизнь; некурящий. Хорошо разбирается в винах. Равнодушен к путешествиям и спорту, к автомобилям относится с предубеждением. Не увлекается ни плаванием, ни охотой, ни верховой ездой. Испытывает стойкое отвращение к азартным играм.

Наружность заурядная, не красив и не безобразен. Выбор спутницы жизни, сделанный нашим клиентом, также определялся отнюдь не внезапно вспыхнувшей страстью, а доводами рассудка. Вообще, он не производит впечатления человека, склонного к увлечениям или могущего стать предметом таковых.

Г-н Канова принадлежит к натурам тонко чувствующим, но вместе с тем весьма уравновешенным. Он далек от проблем повседневной жизни и по-настоящему интересуется только своей работой.

Каких-либо неврастенических симптомов в психике и поведении клиента я не заметил. В личной беседе, особенно с людьми ему знакомыми, профессор держится дружелюбно и непринужденно, проявляет гибкость ума, спокойный оптимизм и изредка — сдержанный юмор. Впрочем, его суждения об окружающих менее основательны, чем о самом себе; он может ошибаться в других, но не склонен к самообману. К собственной речи прислушивается с явным удовольствием...

Б. Сведения о лице, в чью пользу заключается договор (мадам Канова).

Родилась одновременно с XX веком в Каоре. В характере ничего выдающегося. Есть старшая сестра (замужем) и младший брат (служит в школе учителем). Безупречное прошлое. Внешность довольно миловидная, хотя красавицей не назовешь. Из дома выходит редко, посвящает все свое время ведению домашнего хозяйства. Принадлежит к реформистской церкви, регулярно посещает богослужения. Поет в церковном хоре.

Обожает своего супруга, но сколько-нибудь серьезного влияния на него не имеет. В денежной стороне жизни заинтересована больше, чем он, и, как можно предположить, попытается оспорить некоторые статьи планируемого страхового договора.

Могу прибавить, что г-н Канова, зная об особых мерах предосторожности, соблюдаемых в данном случае нашей компанией, старается всячески облегчить мою задачу. Он даже изъявил готовность подвергнуться психиатрической экспертизе — весьма показательное предложение, которое я тем не менее отклонил (не столько из деликатности, сколько из-за скептического отношения к достоверности результатов, получаемых при такого рода обследовании). Он с полной откровенностью отвечает на все мои вопросы и, кажется, находит их довольно забавными. Я бы сказал, что его безразличие к своим имущественным делам граничит с легкомыслием. С г-жой Кановой я почти не общался и о ее мнении могу лишь догадываться.

Я понимаю, г-н директор, что Вы наверняка сочтете излишними многие детали, приведенные в настоящем докладе. Однако, учитывая необычно большие размеры страховой суммы, я предпочел заручиться столь же большим объемом сведений о клиенте: о том, какие из них являются наиболее существенными, предоставляю судить Вам.

Позволю себе заметить, что, на мой взгляд, дело весьма выгодное и нам не следует откладывать заключение обоих договоров. Возникновение в будущем обстоятельств, не желательных для компании, крайне маловероятно. Г-н Канова не из тех людей, которые способны на самоубийство, и столь же трудно предположить, что он станет жертвой умышленного убийства. Что касается г-жи Кановы, то я никак не могу представить ее в роли убийцы своего мужа и тем более — убийцы достаточно хитрой, чтобы избежать разоблачения (а интересы компании пострадают только в этом последнем случае). Еще добавлю, что наш клиент охотно согласился на включение в текст договора дополнительных статей, благодаря которым риск для фирмы-страхователя сводится к минимуму. Согласно им страховка не выплачивается, если: 1) клиент кончает жизнь самоубийством в первые десять лет после подписания договора; 2) клиент становится жертвой убийства, совершенного лицом, находящимся с ним в родственных отношениях; 3) клиент умирает от одного из перечисленных в прилагаемом списке эпидемических заболеваний.

Ни в коей мере не желая преувеличивать свои заслуги, все же смею надеяться, что сумел вполне удовлетворительно выполнить данное мне поручение. Желаю Вам, г-н директор, всего наилуч-

шего и, в ожидании Вашего решения, остаюсь здесь, в Монпелье...

Лозанна, 21 февраля 1924 г.

Управляющий лозаннским филиалом страховой компании «Ласальватрис» — страховому инспектору Пьепу Руссо, Монпелье.

По поводу договора с г-ном Кановой
Уважаемый г-н Руссо,

настоящим подтверждаю получение Вашего доклада от 11-го числа сего месяца. Вам действительно удалось собрать много дополнительных сведений, но вместе с тем в досье имеются досадные пробелы; прежде всего это касается г-жи Кановой и ее семейства. Такие обороты, как «родилась одновременно с веком» и «ничего выдающегося», делают честь Вашему литературному стилю, но я предпочел бы более точную информацию об этой молодой даме, ее характере, родне и круге знакомств. Как вам известно, главный источник опасности при страховании жизни — если не говорить о заболеваниях с летальным исходом — заключен в лицах, в чью пользу составляется договор, т. е. в людях, наиболее близких нашему клиенту. Самый «безобидный» человек может — разумеется, по чистой случайности — оставить зимой незакрытое окно в комнате, где его застрахованный родственник лежит с воспалением легких. Однако последствия подобной забывчивости окажутся уже не столь безобидными.

Мне хотелось бы иметь более ясное представление о состоянии здоровья г-жи Кановой — ведь в случае ее преждевременной смерти наш клиент, возможно, пожелает вступить во второй брак. И не исключено, что выбор профессора падет на особу, которая не столь регулярно посещает богослужения, как нынешняя его жена.

Но в целом я нахожу ситуацию приемлемой и уполномочиваю Вас на оформление обоих договоров. Вам же, г-н Руссо, я советую постучать по чему-нибудь деревянному и молиться, чтобы г-же Канове не вздумалось — теперь или в будущем — украсить рогами голову нашего уважаемого и столь дорогостоящего клиента.

С наилучшими пожеланиями и т. д.

Монпелье, 25 февраля 1924 г.

Месье Пьер Руссо — мадам Руссо, Лозанна.

Сокровище мое,

слава Богу, завтра вечером я снова буду рядом с тобой! Старик по обыкновению немного поворчал, но в конце концов предоставил мне свободу действий. Он отчаянно недоверчив и всегда опасается какого-нибудь подвоха. Но теперь бумажная волокита завершилась! Наш клиент, как и положено профессору, — человек не от мира сего; этрусская мазня восхищает его куда больше, чем перспектива получить два миллиона швейцарских франков. Занятный тип! У него нет врожденного почтения к деньгам, как у нас, швейцарцев. Со мной он был чрезвычайно любезен, даже поселил в лучшей комнате на своей вилле. Особо важный договор требует особо нежного обращения со страховым агентом! Еда здесь вели-

колепная, но в разлуке с тобой все кажется пресным и безвкусным.

До скорого! Целую, твой...

ПЕРЕПИСКА

Париж, 15 октября 1947 г.

Поль Канова, профессор Сорбоннского университета — директору страхового общества «Ла-Фамилиаль», Париж.

Глубокоуважаемый господин директор, я хотел бы воспользоваться услугами Вашего общества и застраховать свою жизнь на сумму в двадцать миллионов франков сроком на двенадцать лет.

Договор я предполагаю заключить в пользу моего несовершеннолетнего (1939 г. рождения) сына от первого брака. Если же мой сын умрет до истечения этого срока, все права должны перейти к моей второй жене, с которой я обвенчался в июле текущего года. Ей же надлежит принять опеку над ребенком в случае моей смерти.

Должен прибавить, что мадам Канова уже обеспечена на значительно большую сумму в соответствии с другим договором, заключенным мною в 1924 г. с лозаннским отделением компании «Ла-Сальватрис» в пользу моей первой жены, скончавшейся в прошлом году.

Но в нынешней политической обстановке, при затрудненности любых операций с зарубежными вкладами, мне кажется более разумным оставаться в пределах национальной юрисдикции. Тогда, если со мной что-нибудь случится, мой сын незамедлительно получит причитающуюся ему сумму во французской валюте. Этим шагом я хочу надежно защитить моего ребенка от любых денежных затруднений и обеспечить ему возможность спокойно и без помех завершить образование, которое ввиду слабого здоровья дается ему не очень легко.

В надежде на Ваше благожелательное сотрудничество примите, г-н директор, мои наилучшие пожелания и заверения в совершенном почтении...

Париж, 12 апреля 1948 г.

Мадам Поль Канова — господину Полю Канове, Флоренция, Ассоциация романской культуры.

Любимый,

ты разочаровал меня. Да, да! Я уже настроилась на захватывающий путевой очерк с описанием красот Флоренции... а ты вместо этого пишешь мне о денежных делах!

Сразу, чтобы тебя успокоить, сообщаю: разумеется, я согласна отказаться в пользу Ксавье от части знаменитого наследства твоего дедушки Самюэля. Размер этой части предоставляю определить тебе самому. Вообще должна заметить, что эти деньги меня ничуть не привлекают, поскольку я намереваюсь как можно дольше прожить на твоём попечении, мой дорогой. Тебе незачем было тратить столько слов и так осторожничать, выражая свое вполне естественное и разумное пожелание.

А теперь о более важном. У Ксавье опять начался фурункулез, но, к счастью, не очень серьезная форма и не опаснее, чем его

прежние болезни. Бедный малыш! Я ухаживаю за ним, стараюсь изо всех сил, чтобы он поправился к твоему приезду.

Вот, пожалуй, и все, что мне хотелось сообщить тебе. Остальное — пустяки, на которые мне жаль переводить бумагу и время.
Люблю тебя. Твоя Вера.

Флоренция, 17 апреля 1948 г.

Г-н Поль Канова — мадам Канове, Париж.

Дорогая моя,

я искренне рад, что ты с такой готовностью согласилась отказаться от половины страховки суммы ради блага нашего маленького Ксавье. Как тебе известно, в договоре с «Ла-Сальватрис» не было проставлено имя моей жены, и поэтому с момента нашей свадьбы он автоматически распространяется на тебя. В те дни любовь, сыгравшая, как я верю, главную роль в нашем браке, не позволяла нам с тобой думать и говорить о прозаической стороне жизни. Но даже такая образцовая мачеха, как ты, едва ли может считать своим ребенка другой женщины; в большей или меньшей степени он остается для нее чужим. А твое положение требует еще и дополнительных жертв, ведь Ксавье такой слабенький и болезненный. Я долго колебался, боясь потерять тебя из-за одного лишь неосторожного прикосновения к этой теме... Ну а теперь, когда ты развеяла мою тревогу, мне стыдно, что я только в письме отважился заговорить о страховке. Но я надеюсь, ты сама понимаешь причины моей нерешительности: в устном разговоре кто-нибудь из нас мог необдуманно произнести слова, которые впоследствии омрачили бы наши отношения. Поверь, предосторожность была нелишней!

Итак, в ближайшие дни мой сын будет, выражаясь официальным языком, полностью обеспечен сразу в двух странах — в Швейцарии и во Франции. Представь себе, дорогая: когда ты уговаривала меня заключить новый страховой договор, мне на миг показалось, будто ты стараешься этим удержать меня от мысли внести какие-нибудь изменения в прежний. Теперь я вижу, насколько безумным было бы такое предположение, и прошу простить меня.

Мои лекции о творчестве Тита Ливия пользуются огромным успехом. А итальянская весна — подлинный гимн жизни, и нельзя представить ничего более чарующего, чем берега Арно в это время года. Но все-таки я всей душой стремлюсь домой, мечтаю увидеть вас и обнять маленького Ксавье, здорового и веселого.

Твой любящий муж.

P. S. Я видел здесь недавно чудесные штофные обои, которые, как мне кажется, очень подойдут к моему кабинету — помнишь, ты еще говорила, что его пора отделать заново? Но купить их пока не решился, поскольку боюсь, что ты, с твоим тонким вкусом, вдребезги раскритикуешь мой выбор. К тому же эти итальянцы, когда желают что-нибудь продать, способны превзойти убедительностью самого Цицерона.

О путешествии расскажу тебе при встрече.

Париж, 24 апреля 1948 г.

Мадам Канова — месье Канове, Флоренция.

Дорогой,

эту записку передаст твой коллега Марейль. Он через час выезжает во Флоренцию для участия в заключительном заседании Латинского семинара и любезно предложил мне свою помощь; таким образом, письмо дойдет до тебя почти со скоростью телеграммы. Я бы предпочла тебе позвонить, но, к сожалению, не знаю, в каком отеле ты остановился.

У меня очень плохие новости. Прошлой ночью у Ксавье внезапно начались сильные боли в животе; рентген показал наличие инородных тел в желудке и пищеводе. Врачи решили, что, несмотря на фурункулез и слабое сердце мальчика, необходима срочная операция. При операции хирург обнаружил и удалил множество мельчайших осколков стекла. Когда и при каких обстоятельствах он их наглотался, Ксавье то ли не помнит, то ли не хочет говорить. Я думаю, что причиной беды стала ваза дедушки Самюэля — она недавно разбилась, и хотя я сразу же тщательно выбила и вычистила ковер, какая-то часть осколков могла остаться незамеченной. А потом Ксавье стал играть со своей любимой железной дорогой и так увлекся, что когда пришло время полдника, перетащил на ковер еду...

Делать прогнозы еще рано, однако состояние малыша очень серьезно. Врачи опасаются инфекции или осложнений со стороны сердца. Ты веришь в Бога, и я прошу тебя: помолись, попроси Его о помощи. И возвращайся поскорее.

Я в полном смятении и не знаю, что сказать и как утешить тебя. Я вновь и вновь спрашиваю себя — могла ли я предотвратить такое несчастье? Упрекаю себя за невнимательность, говорю себе, что...

Ну вот, пришел Марейль, и надо заканчивать письмо. Целую тебя, мой бедный, любимый муж.

Твоя Вера.

Париж, 29 апреля 1948 г.

Профессор Поль Канова — доктору Анри Сезару, хирургу университетской клиники.

Глубокоуважаемый г-н доктор, к великому сожалению, я находился в отъезде во время несчастного случая, жертвой которого стал мой единственный и горячо любимый сын. Несмотря на все усилия, мне так и не удалось полностью выяснить обстоятельства происшедшей трагедии, и эта неизвестность еще усугубляет мое горе.

Г-н доктор, я позволю себе спросить: не заметили ли Вы или Ваши коллеги, оперировавшие моего сына, что-нибудь необычное, аномальное в картине его заболевания? Понимаю, что этот вопрос может Вас ошеломить; понимаю, сколь нелепыми и чудовищными выглядят мои опасения. Если угодно, считайте их временным помрачением рассудка. Но ведь всегда очень трудно смириться с мыслью, что смерть дорогого тебе существа объясняется естественными причинами.

Каким бы ни был Ваш ответ, позвольте мне просить Вас о

полной конфиденциальности. С искренним уважением, Ваш...

Париж, 2 мая 1948 г.

Доктор Анри Сезар — профессору Полю Канове.

Многоуважаемый г-н профессор,

я получил Ваше письмо, содержание которого, при всем уважении к Вашему горю, неприятно поразило меня. Могу лишь заверить, что если бы я сам или мои коллеги заметили хоть малейший подозрительный признак в облике или поведении ребенка, то мы немедленно известили бы об этом официальные инстанции.

Ваш сын стал жертвой несчастного, но, увы, нередкого случая. Предполагать чей-то злой умысел нет никаких оснований. Возможно ли вынудить ребенка наглотаться битого стекла, и при том так, чтобы он сам ничего не заметил? На мой взгляд, это совершенно невероятно.

Мы не скрывали от Вашей супруги, насколько рискованно хирургическое вмешательство, но выбора, в сущности, не было. Не будет преувеличением сказать, что мы пытались совершить невозможное. К сожалению, это нам не удалось.

Одним словом, с медицинской точки зрения трагический исход операции представляется вполне закономерным. Мне остается лишь выразить Вам, г-н профессор, глубокое и искреннее соболезнование от имени всех моих коллег и от своего собственного.

Что касается содержания Вашего письма, то Вы можете положиться на нашу профессиональную сдержанность.

Примите заверения и т. д.

Париж, 19 мая 1948 г.

Поль Канова, профессор Сорбоннского университета — полицейскому комиссару 6-го округа.

Уважаемый г-н комиссар,

несколько дней назад у моей жены пропало обручальное кольцо. Потерять его она не могла, в этом убеждены мы оба; в таких обстоятельствах мне показалось самым разумным обратиться непосредственно к Вам. Пропавшее кольцо представляет немалую ценность как ювелирное изделие, но, конечно, главная причина, по которой мне хотелось бы его разыскать, — это связанные с ним воспоминания.

Я позволю себе просить Вас быть предельно тактичным при расследовании этого прискорбного эпизода. Даже если подозрения, возникшие у нас с женой относительно определенного лица, подтвердятся, мне не хотелось бы доводить дело до суда. Лицо, о котором я говорю, служит у меня уже много лет и до сих пор отличалось безупречным поведением.

Заранее благодарю Вас, г-н комиссар, за Ваши усилия, и с выражением глубочайшей признательности остаюсь...

Письменное заявление, обнаруженное полицией 6-го округа после смерти мадемуазель Гертруды Сюриссо, 49 лет. (Бумага находилась на столике возле кровати, рядом с телом покойной. Смерть наступила от отравления газом.)

Париж, 3 июня 1948 г.

Настоящим я торжественно, перед Богом и людьми, заявляю, что не совершала того постыдного деяния, в котором меня обвиняют. Я не находила этого бриллиантового кольца, я никогда не держала его в руках и даже не имела понятия о его стоимости. И хотя его обнаружили в моей сумочке, мне не известно, как оно там очутилось.

Я ни в чем никого не виню. Врагов у меня нет, я никогда не возбуждала чью-либо зависть или ревность и не постигаю, кто мог быть заинтересован в том, чтобы очернить меня. Раскаиваться мне не в чем, ведь я никогда никому не причиняла зла. Я умираю, так и не поняв, откуда и почему свалилась на меня такая беда. Более печальную смерть нельзя даже вообразить, но иного выхода у меня нет. Я не смогла бы жить с мыслью, что месье Канова, у которого я столько лет проработала секретаршей, отныне будет считать меня воровкой. Я надеялась, что он вмешается и защитит меня, но он лишь выразил свое глубокое сожаление по поводу случившегося. Все, все отвернулись от меня.

Теперь, когда я набралась мужества и усыпила мою бедную кошку, уже ничто не привязывает меня к жизни. А что подумает обо мне мадам Канова, мне безразлично.

Аквариум с золотой рыбкой я ставлю на коврик перед дверью — там она будет в безопасности от газа и, надеюсь, не пострадает. Может быть, ее согласится взять домохозяйка; эта милая женщина всегда относилась ко мне по-дружески и к тому же любит животных.

Я не воровка, но моих сбережений хватит, чтобы оплатить счета за газ и похороны. Не в моих привычках вводить других в расходы!

3

**Дневник мадемуазель Беатрис Мансо (20 лет),
переданный в полицию 25.07.50 г. мэтром Шардуа,
парижским нотариусом**

23 мая 1948.

Вчера вечером мы с Бернаром ходили в кино, посмотрели еще раз «Вечное возвращение». По-моему, Жан Мюра в этом фильме просто обворожителен... Бернара я выставила около четырех утра, причем шумел он так, словно находился у себя дома. Похоже, он думает, что моей репутации уже ничто не повредит. Выбором темы разговора он тоже не затрудняется и вообще старательно изображает милого несмышленища...

24 мая.

Маньи, младший преподаватель семинара по древней истории, случайно упомянул, что Канова ищет себе новую секретаршу. Я очень заинтересовалась этой новостью, и он любезно предложил порекомендовать меня профессору. Как хорошо, что я выучилась печатать на машинке и стенографировать!

25 мая.

Завтра днем, ровно в одиннадцать тридцать, иду представляться Канове. Любопытно будет познакомиться с ним поближе.

26 мая.

Все удалось! Канова очень симпатичен: около пятидесяти, но прекрасно сохранился, строен, с изысканными манерами. Очки ему очень к лицу, а седина нисколько не старит, даже наоборот... Его лекции немного суховаты, но в личной беседе он оказался совсем другим человеком — красноречивым и обаятельным.

Мы проболтали полчаса на самые разные темы, посвятив главной цели моего прихода не более пяти минут. Он в полной мере обладает искусством, столь редким в наши дни: умением говорить, говорить долго и красиво — и при этом ничего не сказать. Он часто употребляет старомодные и высокопарные обороты речи, но в его устах они звучат совершенно естественно и не кажутся смешными. «До сих пор, из опасения, что женские чары нарушат ход моих научных занятий, я имел обыкновение приглашать на работу лишь самых непривлекательных секретарш. Но вас рекомендовал мой друг... И кроме того... возможно, наступило время, когда мне следует уделять науке чуть меньше внимания?» Потрясающе! Уходя, я встретила мадам Канову, и мы обменялись несколькими фразами. Она держалась очень дружелюбно. Это ослепительная красавица, и одета в полном соответствии с внешностью. Каштановые волосы, бронзовый загар и огромные темно-голубые глаза, которые, впрочем, остаются холодными и внимательными, даже когда она смеется.

У профессора неплохой вкус!

Я приступаю к работе с четвертого июня.

72

27 мая.

Провела ночь с Бернаром — он, кажется, совсем не ждал такой удачи. Уже в постели на миг представила его с седыми волосами и не смогла удержаться от смеха.

4 июня.

Моя новая работа — интересная и нетрудная. Кабинет обставлен старомодно, но в нем царит атмосфера спокойствия и уюта; из окон открывается вид на авеню де ль'Обсерватуар.

Канова выглядел сегодня расстроенным и удрученным; диктуя, он несколько раз умолкал, видимо, потеряв мысль. Потом, извинившись, он объяснил, что вчера покончила самоубийством его прежняя секретарша. Но дело здесь, разумеется, совсем не в несчастной любви, и профессор тут ни при чем. Кажется, она впуталась в какую-то грязную историю, но толком никто ничего не знает.

Я попыталась выразить ему свое соболезнование, но он так погрузился в воспоминания об умершей, что едва ли расслышал мои слова.

5 июня.

У меня задержка. Поговорила с Бернаром, но его это, похоже, ничуть не беспокоит.

6 июня.

Профессор сегодня опять не в лучшем настроении. Он только

что вернулся с похорон секретарши, где оказался единственным, кто пришел проводить ее в последний путь. Теперь он сам не свой — все пытается понять, нет ли его вины в том, что она решилась на роковой шаг.

Ах, если бы Бернар обладал таким же чувством ответственности!

7 июня.

Канова не менее получаса рассказывал мне о своем умершем ребенке. Временами казалось, что профессор вот-вот разрыдается. Это был такой умный, тонко чувствующий, художественно одаренный мальчик... И т. д. и т. п. Я даже была удостоена чести полюбоваться листами с какой-то бессмысленной разноцветной мазней — все, что осталось от первого творческого периода Кановы-младшего. В общем, беседа вышла не из приятных, особенно, если учесть мое нынешнее состояние.

8 июня.

Бернар дал мне отставку: ему достало хладнокровия и наглости заявить, что нам лучше не встречаться! Я уже давно ждала чего-нибудь в этом роде, но все-таки очень расстроилась...

Впрочем, горевать не о чем: роль мужа он в любом случае не годится.

10 июня.

Была у врача. Подозрения подтвердились. И этот идиот — доктор — счел необходимым поздравить меня!

После обеда Канова опять рассказывал о своем сыне, потом о его матери (своей первой жене) и опять о сыне. Я позволила себе немного расчувствоваться, придвинулась ближе и положила ладонь на рукав его пиджака. В ответ он робко обнял меня и поцеловал.

Можно сказать, что день был богат событиями!

11 июня.

Канова становится все смелее и настойчивее, а я не могу решить, как же мне себя вести. Заводить интрижку в моем положении было бы глупо.

13 июня.

Это все-таки произошло! Мадам Канова уехала на пару дней в летний домик профессора в Фонтенбло, а ее супруг не замедлил использовать представившуюся возможность. Такого старого — и в то же время такого нежного! — любовника у меня еще не бывало. Он до смешного стыдлив, но это даже приятно своей необычностью.

...Полная противоположность Бернару!

18 июня.

Канова немного привык ко мне и стесняется уже меньше, чем прежде, но в разговоре соблюдает известную осторожность.

Похоже, ему очень недостает человека, которому он мог бы полностью доверять. Как-то раз я заметила (возможно, слишком легкомысленным тоном):

— А вы, кажется, не очень-то часто обманывали своих жен!

Он помолчал, потом ответил:

— Мадемуазель Мансо! В молодости, когда люди обычно руководствуются лишь своими чувствами, я заключил брак по расчету, а по любви женился, уже находясь в зрелом возрасте, когда естественнее было бы прислушиваться к доводам рассудка. И я хотел бы попросить вас не ставить знак равенства между моими женами, как вы изволили выразиться. Если я их и обманывал, то это происходило по совершенно различным причинам.

...А потом такое началось! Правду говорят, что возраст любви не помеха.

20 июня.

Мадам Канова вернулась в Париж. Подарила мне коробку шоколадных конфет.

22 июня.

Манья сделал очень толковый и успешный доклад про этрусков, а затем пригласил меня вместе пообедать. Ассистент кафедры — важная птица, не так уж часто проявляющая интерес к простым студенткам, а уж повести кого-нибудь из них в Лаперуз — дело и вовсе не бывалое. Но, конечно, самое странное — это когда приглашенная, сидя в шикарном ресторане, не может проглотить ни кусочка. Меня начало тошнить, едва я успела съесть несколько ложек супа. Дело дрянь!

23 июня.

Сегодня утром мадам Канова вручила мне серьгу, которую, по ее словам, она обнаружила на кушетке в кабинете профессора. При этом одарила меня многозначительной улыбкой и шепнула: — Вам следует быть внимательнее, дорогая. Серьгу могла найти служанка...

Нелегко мне было держаться столь же непринужденно, как она!

Ужинала с Манья. Потом немного потанцевали. В сущности, он совсем недурен собой.

24 июня.

Снова ужин с Манья и снова танцы. Сегодня он меня здорово удивил одним своим замечанием. Я пошутила насчет его худобы, а он ответил с деланным равнодушием:

— Я верующий христианин, мадемуазель. И для меня легче было бы совершить преступление, чем согрешить, нарушив установления религии — в частности, пост.

Довольно своеобразная логика!

На обратном пути он остановил машину в Булонском лесу и попытался перейти к поцелуям. Я увернулась и заметила:

— Ведь это было бы грехом!

Он отреагировал очень странно — сразу притих, несколько секунд глядел на меня, словно впервые увидел, а потом произнес:

— Неизбежным грехом...

Очарование момента рассеялось без остатка, но в конце концов я все же позволила ему поцеловать меня — что еще оставалось делать в подобном положении! Маньки стремился развить свой успех, но, видно, судьба не пожелала в этот вечер подвергать мою добродетель слишком серьезным испытаниям. К боковому стеклу неожиданно прижалась физиономия какого-то старого бродяги. То ли он хотел попросить подаюния, то ли решил, что машина пуста, и собирался что-нибудь стянуть. Маньки подскочил, как подброшенный пружиной, и вперил в старика яростно-возмущенный взгляд. А тот в ответ снял шляпу, закивал головой и ободряюще ухмыльнулся. Он, кажется, был не прочь подольше сохранить свою роль благосклонного зрителя, но Маньки дал полный газ, и мы умчались...

25 июня.

Маньки по всем правилам объяснился мне в любви, но прозвучало это так фальшиво, как будто он спешил оттарабанить надоевший урок. Или это следствие смущения?

Канова окончательно приручен. Он уже настолько доверяет мне, что сегодня печальным голосом прочитал сонет собственного сочинения, посвященный его первой жене; профессор написал его к третьей годовщине их свадьбы. Я его переписала, чтобы доставить удовольствие профессору. Вот он:

*С тех пор, когда мы обрели друг друга,
В срок одряхлев, вновь народились сорок лун,
И лишь негромкий унисон сердечных струн
Ни разу не прорвался страстной фугой.
Судьбою связаны навеки неразделимо,
Рука в руке мы обречем конец пути.
Хмельных восторгов чужды, скуки крест нести
Обречены, куда бы ни брели мы.
Но если б на рассудочность удела
Пред тьмой безгласной возроптали мы несмело:
— Ужель любовь и есть унылый сей покой? —
Нам ангел вдруг явил бы облик свой
И молвил гласом, полным кроткой страсти:
— Неблагодарные, молчите! Это — счастье!*

Буду очень удивлена, если окажется, что профессор сочиняет столь же чувствительные, канонически сложенные вирши и своей второй суженой!

27 июня.

Наконец решилась и поговорила с Кановой о моих теперешних трудностях; рано или поздно он бы и сам обо всем догадался. Соблазн намекнуть на его причастность к этому делу был велик, но я устояла. Лучше не прибегать к нечестным приемам. Да и вряд ли мне удалось бы его убедить — ведь он-то всегда, даже в самые бурные моменты, помнил об осторожности и принимал все необходимые меры.

Впрочем, он и так нисколько не рассердился. Отнесся к моей беде с пониманием, как добрый папочка. Говорит, что лучше

всего для меня будет уехать на несколько месяцев куда-нибудь в провинцию, а потом, когда минует ожидаемое событие и я поправлюсь, можно как ни в чем не бывало вернуться в Париж. Расходы он берет на себя. Конечно, господин профессор побаивается, что ввиду определенных ухудшений в моей фигуре пострадает его репутация... Вообще-то он мог побеспокоиться об этом и раньше.

В итоге я согласилась провести лето на лоне природы, предоставив Канове изобрести какой-нибудь благовидный предлог моего отъезда, чтобы мадам Канова не терзалась напрасными подозрениями.

28 июня.

Со стороны мадам — всепонимающий взгляд старшей сестры и несколько многозначительных слов в очень дружеском тоне. Что у этой женщины на уме — понять невозможно.

Опять ужин с Маньи и затем танцы. Он весь вечер держался с необычайным достоинством, словно герой-любовник из классической трагедии.

29 июня.

Невероятно! Кажется, со мной начинают твориться чудеса: Маньи попросил моей руки! Это произошло в перерыве между двумя танцами, так что сначала я приняла все за шутку и не обратила на его слова особого внимания. Но в конце вечера он достал из кармана кольцо и торжественно надел мне на палец! Такое колечко должно стоить не меньше двухсот тысяч франков, и я уставилась на него, как последняя дура, не веря собственным глазам. Маньи, похоже, не допускал мысли, что его предложение может быть отвергнуто, и на какой-то миг меня это здорово разозлило. Я попросила дать мне время подумать, но мой восторг при виде кольца не укрывлся от него; он наверняка понял, что все уже давно обдумано!

30 июня.

Кристиан назначил свадьбу на 19-е июля; значит, все это всерьез! Я стараюсь выглядеть покорной, как жертвенный барашек, но держусь начеку, чтобы не прозевать какой-нибудь неприятный сюрприз. По сути дела, он ничего обо мне не знает — по крайней мере, ничего из тех вещей, которые принято выяснять о своей невесте, прежде чем вести ее к алтарю. А я никак не могу решиться рассказать ему все, не дожидаясь вопросов. Боюсь, его любовь не выдержала бы такого сурового испытания.

3 июля.

Кажется, свадьбе не бывать — по милости Кановы, который сегодня совершенно неожиданно разразился целой проповедью на тему морали и тому подобного. Вот уж действительно — беда приходит, откуда не ждешь. Он требует, чтобы я поговорила с Кристианом начистоту и просветила его насчет моего нынешнего состояния. Но я отлично понимаю, чем вызван такой всплеск щепетильности: он не может смириться с мыслью, что я женю на себе Маньи. Нет, ревность тут ни при чем, Канова не настолько

мелочен. Но он считает своим долгом выступить в защиту прав Кристиана. Манья — молодой человек из высшего общества, с прекрасной репутацией, за чьей карьерой он, профессор, наблюдает с живейшим интересом, и т. д. А стало быть, он обязан предостеречь своего молодого коллегу и друга от опрометчивых шагов. Лицемер проклятый! Я не удержалась и позволила себе какое-то замечание о ханжестве, но Канова, нисколько не смутившись, заявил:

— Циники любят попрекать совестливых людей тем, что последние стараются скрывать свои греховные побуждения. Но в действительности утаить неблаговидный поступок очень трудно, и наши критики, сторонники свободного и раскованного поведения, об этом прекрасно знают.

А когда я попросила дать мне отсрочку, чтобы сделать аборт, он ответил:

— Как раз недавно я прочел у Эдгара Вале следующие строки: «Когда Авель лежал на земле бездыханный, от его тела бежали два Каина: один с окровавленным кинжалом в руке — тот, что убил брата, и другой, державший пальмовую ветвь — он не убивал, но допустил убийство». И я желаю Вам, мадемуазель, встретить поскорее этого второго Каина. Думаю, это вам удастся — людей такого сорта несметное множество.

Никогда в жизни не стану больше спать с протестантом!

4 июля.

Поговорила с Кристианом, призналась во всем. Он лишь поцеловал меня и не сказал ни слова. Кажется, впервые судьба свела меня с порядочным человеком. Такое благородство ему зачтется. А вот Канова промахнулся.

Я зачислена на семинар по древней истории. И думаю, что с большим основанием, чем кто бы то ни был!

5 июля.

Канова принял новость с философским равнодушием.

— В конце концов, — шутливо заметил он, — Пресвятая Дева, выходя замуж, была в таком же положении. Но я никак не предполагал, что Манья согласится выступить в роли Иосифа.

Честно говоря, я этого тоже не предполагала.

7 июля.

Все-таки очень здорово, что я сохранила ребенка. Сама теперь не пойму, как можно было думать об аборте!

По мнению Кристиана, мне и после замужества не следует бросать работу у Кановы — на первых порах мой заработок будет для нас неплохим подспорьем. Возразить мне нечего, хоть я и не в восторге от этой перспективы. Но как быть? Снова признаться? Честность — прекрасная вещь, однако и в ней нужно соблюдать меру.

Канова, сделав две-три безуспешные попытки, держится безукоризненно. Это и неудивительно — он не из тех мужчин, которые способны затащить в постель чужую возлюбленную.

Буржуазная мораль тоже имеет свои хорошие стороны!

8 июля.

Выкидыш. Этого следовало ожидать — после стольких волнений. На душе прескверно.

Манья — само внимание, проявляет всяческую любовь и заботу, но ему с трудом удается скрыть понятное чувство облегчения. Вообще, похоже, что великодушные жесты требуют от него большего напряжения сил, чем мне показалось вначале.

Желая развеять мою грусть, он принялся рисовать картины свадебного путешествия, которое прежде было невозможным из-за моей беременности.

Что ж, попробуем!

13 июля.

Получено согласие на брак от моего опекуна.

Вчера — чаепитие у родителей Маньи. Семья respectableного юриста, где ко мне отнеслись более чем прохладно. Мать — маленькая, сморщенная, весьма нервная дама с бегающими глазками; отец — воплощенная вежливость, и это все, что о нем можно сказать.

Кристиан весь вечер сидел, как на иголках, с неподдельно страдальческим выражением лица.

14 июля.

Вместе с будущим супругом любовалась парадом. Он в явном восторге от военной музыки, хотя, конечно, вида не подает и нипочем не сознался бы в таком пристрастии. О, мой очаровательный буржуа!

18 июля.

Были у нотариуса: составлен и подписан брачный контракт. Имущественные права получили законное оформление...

4

ПЕРЕПИСКА

Париж, 13 июля 1948 г.

Мадам Александр Манья — месье Кристиану Манья.

Мой дорогой мальчик, ты всегда обращаешь так мало внимания на мои слова, что я решила изложить их на бумаге; подобно всем интеллигентным людям, ты с большей охотой воспринимаешь прочитанное, а не услышанное...

Скажу сразу: я тебя не понимаю. Уже довольно давно многое в твоих поступках кажется мне совершенно непостижимым, а твое последнее, столь удивившее меня решение показало со всей очевидностью, насколько различны наши взгляды. Как ни печален этот вывод, но он неизбежен, и мне следовало прийти к нему гораздо раньше.

Ты достаточно взрослый, чтобы понимать — нельзя жениться по мимолетной влюбленности. Такие браки недолговечны и чаще всего плохо кончаются, оставляя в душе лишь горькое сожаление. Женщина, которую любишь, может стать твоей подругой на один-два совместно прожитых года; иногда, впрочем, хватает и двух

месяцев. Но затем любовь должна дополниться взаимным уважением, общностью вкусов и воспитания — тем, что не меняется с годами и действительно связывает людей на всю жизнь. Одним словом, свою судьбу можно соединять только с человеком, которого хорошо знаешь и в котором уверен. Ты, действительно, думаешь, что в твоём случае все обстоит именно так?

Я не осуждаю эту девушку за ее прошлые любовные увлечения; но мне очень не нравится, что она не смогла или не пожелала удержаться в границах допустимого. Я далека от того, чтобы попрекать ее бедностью, но меня возмущает свойственное ей пренебрежение к деньгам. Наконец, хотя я никак не могу осуждать ее за происхождение и недостаток воспитания, мне грустно видеть, сколь много нитей связывает твою избранницу с ее далеко небезупречным прошлым.

Вчера вечером мне на миг показалось, что ты просто не осознаешь последствий своего решения, если, конечно, оно будет осуществлено. Ты смотрел на эту девушку, не отрывая глаз, как замороженный. Чем она так околдовала тебя? Ее даже нельзя назвать очень красивой — во всяком случае, красивой в истинном смысле этого слова. Я в растерянности, я никак не могу понять тебя, Кристиан. Ты меня почти пугаешь...

Заклинаю тебя, удержись от этого шага. Время еще есть.

Обнимаю, мама.

Дневник мадемуазель Беатрис Мансо (продолжение).

17 июля.

Официальное бракосочетание в магистратуре шестнадцатого округа. Несмотря на торжественную обстановку и предупредительность чиновников, Кристиан с явным усилием перенес весь этот маскарад — ему по нраву только церковное венчание. А здесь — дурацкий обмен заученными репликами перед гипсовой статуей.

Как мило, что Кристиан настолько тонко все чувствует! Но все же незачем, по-моему, так волноваться из-за простой формальности.

18 июля.

В ожидании завтрашнего события мне пришлось сходить к исповеди и уладить отношения с Господом Богом. Католические священники всегда на удивление деловиты, и это действует весьма успокаивающе. Насколько же нужно быть уверенным в своей правоте, чтобы так мало заботиться о впечатлении, производимом на паству!

19 июля.

Ну вот, наконец настоящее венчание! Все прошло очень удачно и торжественно, в недавно отреставрированной церкви Сен-Клод. Я слишком волновалась, чтобы уследить за всеми подробностями церемонии, но белое подвенечное платье было мне очень к лицу.

Среди собравшейся публики я заметила и профессора Канову. Когда все закончилось, он приблизился к нам и произнес подходящие случаю поздравления.

А еще через час мы уже были в купе Восточного экспресса. Конечная цель — Югославия: путешествие туда не слишком подорвет наши финансы.

Кристиан почему-то с самого утра выглядит так сумрачно, словно возвращается с похорон, а не со свадьбы. Видимо, так отражается на нем любое волнение.

29 августа.

Со вчерашнего дня мы снова в Париже. Мой муж снял небольшую квартирку на рю де Пасси, хотя и обставленную в современном стиле, но очень удобную. У нас есть кое-какая старинная мебель, которая смотрится здесь особенно выигрышно.

Это было чудесное путешествие. Сначала — поездом до Венеции, где я почувствовала себя ошеломленной, но вместе с тем и разочарованной. Затем, уже на корабле, отплыли в Дубровник (раньше он назывался Рагуза); там мы прожили три недели.

Дубровник — прелестнейшее место, какое только можно представить! Старый и новый город разделяет могучая каменная стена, ничуть не уступающая укреплениям Каркассона. Старый город совсем маленький, очень четко распланирован и весь сложен из гладко обтесанного белого камня, искрящегося и отливающего нежно-розовым в лучах восходящего солнца. Это истинная, неподдельная красота — не то что венецианские гипсовые орнаменты, придающие городу сходство с накрашенной старухой. Здесь же многие здания являют собой безупречные по стилю образцы южнороманской готики. Даже самые простые дома украшены балкончиками, скульптурами и барельефами с поразительным разнообразием сюжетных мотивов.

Оказавшись на главной улице (она делит старый город на две равные части), испытываешь ни с чем не сравнимое восхищение: тут можно одновременно любоваться и общей панорамой, и отдельными, всегда неповторимыми деталями.

Когда-то прилив достигал городских стен, но потом, с постройкой дамбы, море отступило. Теперь снизу поднимаются бесконечные каменные лестницы, они словно выползли из моря и стараются штурмом взять обрывистый берег. Ступени ведут к двойной стене с исполинскими зубчатыми башнями — раньше они защищали Рагузу от нападения с суши. А на другой стороне виден лабиринт чистеньких белых переулков — поначалу они идут прямо, потом начинают петлять, карабкаясь по склону горы, и наконец упираются в стену, с высоты которой открывается синяя гладь моря.

Вечерами, когда зажигаются фонари, город приобретает еще более сказочный вид. Кажется, что ты попала в прошлое, но оно не призрачное, а донельзя живое и реальное. Улицы и площади заполнены загорелыми улыбчивыми людьми; они беседуют, гуляют, наслаждаются прохладным ночным ветром и, по-видимому, принимают, как должное, всю эту немислимую красоту, созданную для них природой и предками.

Бродя по Дубровнику, не устаешь. Мы с мужем облазили все закоулки. Здешние достопримечательности не столь многочисленны, чтобы надоесть, но каждая из них — подлинное произве-

дение искусства, к которому хочется возвращаться вновь и вновь. Мы осматривали могучие порталы, дворцы, церкви, перекрестки, игрушечные садики и маленькую сонную гавань... С верхней площадки сторожевой башни мы глядели вниз, на зеленую долину, усеянную яркими черепичными крышами, такими приветливыми, что невольно возникает мысль — как хорошо под ними любить друг друга, любить без конца.

Кристиан был всегда крайне внимателен, так что иногда его забота даже немного утомляла. Почему-то приходила на ум аналогия с терпением, которое проявляет даже самый бесчувственный человек, общаясь со смертельно больным родственником. Кстати говоря, в Дубровнике у меня не раз возникала мысль о смерти, что не так уж странно — тут настолько хорошо, что хочется окончить дни среди всей этой красоты и спокойствия.

Мне рассказали историю некоего иностранца, немца, поселившегося незадолго до войны в этих краях. Он построил себе домик в долине, у спуска к морю, и жил там совсем один, очень редко бывая в городе. Постепенно все о нем забыли. Но летом 1943 года к нему явилась группа партизан. Они пришли убить его — убить только за то, что он немец, и исполнили свое намерение. Судя по рассказу, несчастный отшельник до самой последней минуты не мог понять, чего хотят от него эти вооруженные люди. Свой домик он называл «вилла Робинзона».

За три дня до отъезда мы загорали на пляже отеля «Эксельсиор», а потом решили искупаться. Море было спокойным, теплым, и мы заплыли довольно далеко. Внезапно со мной что-то произошло: то ли головокружение, то ли приступ слабости. Я вскрикнула и, кажется, потеряла сознание. А очнулась уже на берегу. Оказывается, мой муж — он плыл рядом — подхватил меня, когда я уже начала тонуть, и в одиночку дотащил до пристани, где ему наконец пришел на подмогу инструктор по плаванию. Мне теперь остается только восклицать в стиле мадам д'Арси: «Он спас мою честь! Он спас мою жизнь!» Впрочем, на самом деле мне было не до шуток.

На следующий день мы отправились на Ловчен и любовались оттуда чудесным видом — вся Которская бухта как на ладони. Я еще не совсем оправилась от пережитых тревожных волнений и с трудом промямлила несколько слов благодарности — накануне мне никак не удавалось сделать это. Кристиан очень смутился и ответил резко, почти сердитым тоном:

— Тебе незачем благодарить меня. Я обязан тебе куда больше, чем ты можешь себе представить.

Меня поразили не столько эти странные слова, сколько интонация, с которой они были произнесены. Но лицо его оставалось замкнуто-сосредоточенным. Что же он хотел этим сказать? Не люблю загадок...

На обратном пути видели знаменитое озеро Плитвице. Неопишуемая прелесть!

26 августа.

Встретила на улице Бернара. Выглядит вполне довольным жизнью; посмотрел на меня с любопытством.

3 сентября.

Канова вернулась из отпуска, и моя работа у него возобновилась. Он готовит для какого-то журнала большую статью про своих этрусков. Статья должна быть готова к пятнадцатому октября.

Мадам Канова куда-то ушла, а я, вероятно, после отдыха в Дубровнике имела очень соблазнительный вид. Профессор не сводил с меня глаз и предпринял несколько попыток посягнуть на мою добродетель, но я их решительно пресекла. Он очень смутился.

По возвращении домой — сюрприз: аромат незнакомых духов в нашей квартире. Это мне не нравится.

6 сентября.

Как ни неприятно, приходится признать: во время моего отсутствия у нас кто-то бывает. Более того, диван прямо пропитался этим чужим ароматом. Кристиан его не замечает — как всякий заядлый курильщик, он вообще нечувствителен к запахам. Но мой-то нос в порядке! Думаю, меня нельзя назвать болезненно ревнивой, однако все же хотелось бы знать, что тут происходит. В конце концов это ненормально — обманывать жену, начиная чуть ли не с медового месяца. Комедия, да и только!

10 сентября.

Опять этот невыносимый аромат и в придачу — легкий, но вполне ощутимый запах пота. Вся история здорово действует мне на нервы. Много раз я была близка к тому, чтобы спросить Кристиана напрямик и тем самым окончательно лишиться надежды узнать правду. Пока можно считать твердо установленным следующее: время от времени, примерно между пятью и семью часами вечера (когда я работаю у Кановы), Кристиан принимает какую-то женщину. Сомневаться в характере этих визитов не приходится — после них по ночам мой муженек оказывается явно не в форме. Но даже застав их врасплох, я ничего не достигну: во-первых, такие сцены вышли из моды, и во-вторых, он мне этого никогда не простит. Быть поставленным в смешное положение перед любовницей — разве такое забудешь! Нет, всю необходимую информацию надо собрать осторожно, исподволь, чтобы потом спокойно обдумать ее и принять решение.

14 сентября.

Снова эта женщина!

Терпение мое лопнуло, и к полудню я уже входила в частное сыскное агентство Дюбрёйля. В тесной полутемной конторе меня встретил владелец фирмы — грузный пожилой человек, похожий одновременно и на полицейского, и на домашнего врача. Я изложила дело, прибавив, что стеснена в средствах. Немного подумав, месье Дюбрёйль предложил мне использовать магнитофонную запись — это гораздо дешевле, чем оплачивать услуги постоянного агента, а выяснить, при удачном стечении обстоятельств, можно даже больше, чем при помощи слежки.

Да, так будет лучше всего! Я согласилась, и теперь меня уже разбирает любопытство — правда, с небольшой примесью страха. Что мне предстоит узнать? Скорее всего банальная история — интрижка на стороне, связанная лишь с постелью и ни с чем больше; короче говоря, нечто такое, из-за чего не стоило волноваться. Не исключено, что пленка запечатлеет слова, которые

меня совсем не возмутят, а развлекут и позабавят. Воспитанные мужчины нередко считают, что их долг — с искренним жаром расхваливать достоинства своей законной супруги, беседуя с любовницей. И очень может быть, что скоро я наслушаюсь таких вот косвенных комплиментов, свидетельствующих, как пылко любит меня мой Кристиан...

16 сентября.

Специалист из агентства Дюбрёйля явился вскоре после завтрака, когда Кристиан уехал в Севр (он преподает там в одной частной школе).

Агент оказался маленьким евреем — ловкий, хитрый и жизне-радостный тип. Он явно знает наперечет все беды и горести нашего мира, пригляделся к ним чуть ли не с пеленок, и теперь его уже ничем не удивишь. Окинув комнату критическим взглядом, он объяснил, что здесь можно разместить микрофон на проводе, но столь же скрытная установка магнитофона представляет определенную трудность...

Ну, эта проблема разрешима. Жильцы с нижнего этажа сейчас в отъезде и на время своего отсутствия сдали комнату какому-то молодому человеку — если не ошибаюсь, он работает на киностудии. Его комната удалена от нашей всего на несколько метров и идеально подойдет для студии звукозаписи.

Завтра же утром навещу киношника и обо всем договорюсь.

17 сентября.

Чересчур элегантно одетый молодой красавчик, тип героя-любовника из мьельной оперы. Именно то, что надо! Всегда готов оказать услугу даме, разумеется, надеясь на ответную благосклонность. Он сразу пошел мне навстречу: во-первых, ему любопытно поучаствовать в столь таинственном деле, и, во-вторых, поддавшись очарованию моей скромной персоны. Он даже благодарил за доверие и попробовал было удержать меня для дальнейшей беседы, но я дала понять, что он немного перегибает палку и что мужчине, который желает завоевать мое расположение, следует научиться ждать. Теперь он там внизу пускает слюнки, предвкушая грядущие радости. Что ж, посмотрим!

18 сентября.

Вся процедура была закончена сегодня во второй половине дня. Что за удовольствие смотреть на работу мастеров своего дела! Какая потрясающая точность, сноровка и быстрота! Микрофон установили в книжной полке над диваном, аккуратно спрятав его за парой монументальных классических томов, которые никто никогда не читал и читать не станет. Тонкий, еле заметный провод идет вдоль задней стенки шкафа, затем по полу под ковром и, наконец, маскируясь в складках занавесок, взбирается к подоконнику. В тех немногих местах, где провод ничем не прикрыт, его слегка окрасили под цвет соответствующей поверхности. Заметить его с улицы практически невозможно — красноватая нить совершенно теряется на фоне кирпичной стены. Вниз, вниз, и вот она исчезла в форточке нашего услужливого соседа. Там, у него в комнате, уже смонтирован магнитофон и всякое вспомогательное оборудование, позволяющее как можно лучше выделять, записывать и воспроизводить человеческий голос.

Мой новый приятель поглядывает на эти приготовления со все возрастающей надеждой. Ему не терпится рыцарски предоставить в мое полное распоряжение и себя самого, и свое жилье; потом, конечно, придется утешать бедную обманутую женщину и в виде утешения затащить ее к себе в постель. Пока техники из сысского агентства устанавливали аппаратуру и обучали меня обращению с ней, он путался у них под ногами, всем мешал и старательно хвастал своими познаниями в области звукозаписи. Видимо, надеялся, что я предложу ему поучаствовать в прослушивании, но был жестоко разочарован. Вместо того я велела ему в пять минут шестого позвонить по телефону Кановы и попросить мадам Манья, то есть меня; это даст мне предлог уйти пораньше, сославшись на какое-нибудь внезапно возникшее дело.

Сейчас двадцать минут пятого. Маленький еврей со своей командой уже отбыл к месье Дюбрёйлю. Скоро вернется из Севра Кристиан, а я в это время буду стенографировать рассуждения Кановы. Затем — звонок. Поговорив по телефону, я извинюсь, попрощаюсь с профессором, прыгну в такси и, примчавшись домой, устроюсь в апартаментах киношника пожинать плоды своих стараний. Предчувствую, что скучать мне не придется — любовники не виделись с четырнадцатого числа, и им наверняка есть что сказать друг другу.

5

Магнитофонная запись, сделанная мадам Беатрис Манья

18 сентября 1948 г.

84

Голос мадам Кановы: Да присядь же наконец! У меня голова идет кругом, когда ты бегаешь взад-вперед. Вообще-то тебе сейчас следовало бы лежать в полном изнеможении... (пауза) Значит, на второй неделе октября...

Голос Кристиана Манья: Когда у вас закончится ремонт?

Мадам Канова: Второго числа. Кабинет отделают новыми шелковыми обоями в стиле Людовика XVI. Надеюсь, тебе там понравится.

Манья: Так далеко я не заглядываю.

Мадам Канова: И правильно делаешь. Сперва присяжные должны объявить тебя невиновным.

Манья: Я был бы тебе очень признателен, если бы ты перестала отпускать подобные шуточки. В конце концов судить будут не тебя, а меня!

Мадам Канова: Немножко трусишь, не правда ли, милый? Да ведь ты же станешь героем дня! Подумать только: мужчина, который отомстил за поруганную честь!

Манья: Если бы речь шла только об этом!

Мадам Канова: Но в таком случае о чем вообще речь, как выразился бы ваш незабвенный Фош...

Манья: Ради всего святого, не паясничай! Позволь напомнить, что я иду на это только для тебя и только ради тебя. Колебаться я не стану, ибо знаю, что жить без тебя уже не смогу. Но я совсем не расположен к веселью по поводу предстоящего. Можно еще как-то примириться с тем, что я убью твоего мужа. Но моя жена!..

Мадам Канова: Твоя жена — я!

Маньи: Конечно, дело совсем не в официальных брачных узах, а в том, что она молодое жизнерадостное существо, доверившееся мне, и...

Мадам Канова: И я очень надеюсь, что ты не дашь ей повода утратить это доверие!

(Пауза.)

Думаю, нам с тобой не в чем упрекнуть друг друга: я позаботилась о том, чтобы место мадемуазель Сюриссо стало вакантным, а ты устроил туда Беатрис. Как и планировалось, она вскоре очутилась в объятиях моего уважаемого супруга. Потом ты сводил девицу в церковь и даже успел спасти ей жизнь. Судьба помогла нам только в истории с ее несостоявшимся ребенком. Неужели тебе нравится тащить этот груз: жить с женщиной, которую не любишь и с которой по законам церкви ты связан на вечные времена!

Маньи: Я женился на Беатрис, чтобы пожертвовать ею, и теперь не перестаю себя спрашивать, можно ли считать действительным такой брак...

Мадам Канова: Вот именно! А избавившись от нее, ты тем самым докажешь правоту своих сомнений. И ты заранее оправдан перед Высшим Судом!

Маньи: Любопытно.

Мадам Канова: То есть?

Маньи: Мать писала мне недавно нечто похожее...

Мадам Канова: Весьма польщена, что наши взгляды совпадают... Но все-таки давай договорим. По счастью, ты воспитывался в иезуитском колледже, и твой характер сложился под влиянием наставлений святых отцов. Ты верующий католик — примем это за основу. А с основами надо разбираться основательно, таково мое правило. Кстати, мне очень нравится твоя религиозность — всегда заранее ясно, как и на что тыотреагируешь... Итак, ты можешь позволить себе убить кого захочешь, но с тем, чтобы впоследствии раскаяться в содеянном. Ведь сущность религии — в идее покаяния. О, я знаю тебя, мой милый, и в любой момент наберу тебе сколько хочешь первоклассных, неопровержимых аргументов! Так вот: тебе предстоит долгие годы честной и безмятежной старости; у тебя будет достаточно времени, чтобы раскаяться и отойти в вечность примерным христианином. Да что я говорю — долгие годы! Целый океан грехов может быть искуплен в последний миг, и разбойнику на кресте хватило одной минуты, чтобы заслужить прощение и спастись. Целая армия исповедников к твоим услугам — кайся, сделай одолжение! Нехорошо лишать Господа Бога возможности проявить свое бесконечное милосердие. Он же все понимает... Совсем как я! А уж я в своих собственных глазах сумею тебя оправдать!

Маньи: Ох, не потчуй меня дешевыми парадоксами. Мне, чтобы оправдаться, тоже следовало бы медленно умереть на кресте.

Мадам Канова: И тогда три друга, которые всегда заодно...

Маньи: Я уже говорил тебе и повторяю снова: мне очень неприятно, когда ты в таком тоне упоминаешь о Троице.

Мадам Канова: О, прости. Но это выражение придумано не мной. А что до спасения души, то покаяться ты все-таки успеешь. Если же Богу будет угодно призвать тебя во сне, то и ответственность ляжет на Него. Только я очень сомневаюсь, что Он так поступит. Он ведь не захочет погибели нераскаившегося грешника, а твой случай определенно заинтересует Его. Спешить же Ему некуда.

И не переоценивай жестокость твоего будущего преступления. Как раз недавно я пролистывала судебные протоколы эпохи Реставрации и натолкнулась на занятный случай: некий чиновник прикончил, одну за другой, трех или четырех своих жен, и все ради наследства. Разнообразием он их не баловал: женился, потом жена беременела, а когда наступали роды, незаметно отравлял бедняжку. В то время судебная медицина едва появилась на свет, и смерть при родах казалась вполне естественной.

Маньи: Да уж, точнее тут не скажешь!

Мадам Канова: Прости за невольный каламбур. Я имела в виду лишь то, что более удачного момента не выберешь...

Маньи: И все-таки его разоблачили!

Мадам Канова: Да, потому что ему взбрело в голову заодно избавиться и от своего многочисленного потомства. Это было слишком самоуверенно... Так что видишь — по сравнению с тем случаем я предлагаю тебе преступление вполне чистое и прямо-таки невинное! А твоя малышка лучшей участи не заслуживает. В конце концов она была любовницей моего мужа и скорее всего остается ею теперь. Да еще пыталась навесить тебе на шею своего щенка...

Маньи: Какое счастье, что он умер не родившись! Если бы мне предстояло убить еще и ребенка...

Мадам Канова: Да, тут небеса пошли тебе навстречу. Но, возвращаясь к теме: как видишь, у тебя есть все основания для ревности и мести.

Маньи: Ты же сама только что говорила, что я не люблю Беатрис. При чем же тут ревность?

Мадам Канова: Прекрасно, тогда постарайся немножко полюбить ее, если тебе от этого будет легче... Но самое главное — возьми себя в руки! Твоя роль вовсе не так тягостна, если обуздать свою фантазию и перестать изводить себя надуманными сомнениями. А то они так тебя и распирают, как дойную корову — молоко.

Мы, атеисты, не приучены мерить реальность призраками и полагаемся на собственный разум. Наши поступки окончательны — для нас не существует Бога, который пересмотрит и взвесит их в день Страшного суда. Вы, верующие, избрали себе более удобную, хотя и очень наивную точку зрения.

Маньи: А ты никогда не верила в Бога?

Мадам Канова: Я знаю, что меня крестили в православной церкви, но и только! В моей стране проводится огромная антирелигиозная работа, особенно среди молодых.

Маньи: И там все такие, как ты?

Мадам Канова: Нет, многие веруют. Их кумир — человечество. Это, конечно, неважная замена представлению об Абсолюте и о

потустороннем мире, неважная хотя бы потому, что не приносит никакого облегчения своим приверженцам. Жертвовать чем-либо во имя абстрактного человечества просто глупо. И этот искусственный миф перестает работать быстрее, чем религия. Даже властям становится все труднее поддерживать его на плаву. В конце концов победа будет за последовательными, логичными атеистами — такими, как я...

Маньи: Я знаю нескольких атеистов, не верящих ни в Бога, ни в человечество. Но они все-таки придерживаются определенных моральных принципов.

Мадам Канова: Такие люди — особый случай. Для них мораль — удобное средство, закон, оправдывающий удовольствия, получаемые от жизни. Это игра, где все участники образуют своего рода братство — братство людей, нашедших в себе силу отречься от любых мифов. Они могут заниматься чем угодно: лечить больных, ловить бабочек, быть гомосексуалистами, математиками, обманщиками, профессорами... Каждый из них живет для себя, выбирая цели, которые ему по душе.

Если Бога не существует, то все безразлично и все дозволено. Личное удовольствие — достаточное основание для любых поступков, и преуспевающий вор не хуже и не лучше преуспевающего полицейского. Каждый имеет право на то, чего сумел достичь!

Что касается меня, то мне недостает воображения для заботы о ближних — по крайней мере, о тех, кто в отличие от тебя не является залогом моего счастья. Но ты — мой, и потому я не могу позволить тебе совершать глупости.

Маньи: Да говорю же тебе, я решил. Просто это ожидание действует мне на нервы. Уже два месяца по ночам такое чувство, словно я сплю с трупом.

Мадам Канова: Вспомни, что и я точно в таком же положении, однако не жалуясь. Надо еще немного потерпеть. Скоро все будет позади.

Маньи: Ты уверена, что Поль клонет на приманку?

Мадам Канова: Клонет с величайшей охотой.

Маньи: Но, мне кажется, они с Беатрис давно не занимаются любовью.

Мадам Канова: Вероятно, нет, но она ему по-прежнему нравится. В этом отношении я отлично знаю своего супруга, и кандидатура была выбрана в точном соответствии с его вкусом. Он не устоит перед соблазном, а мысль, что это происходит в твоей квартире и, значит, вдвойне греховно, еще сильнее разожжет в нем желание. И он решит попытаться счастья...

Маньи: Да, ты его хорошо изучила.

Мадам Канова: И в этом мое преимущество.

Маньи: Только все ли мы учли? Если всплывет какая-нибудь неувязка...

Мадам Канова: Я думаю, все... Впрочем, давай для верности еще разок проследим ход событий. Значит, так: поскольку кабинет профессора ремонтируется, Беатрис вынуждена брать часть работы домой. Мой муж согласился с таким режимом, и тем охотнее, что питает в связи с ним тайные надежды не совсем благоче-

стивого свойства: за это его и покарает библейский Бог... (Вообще-то поначалу они собирались работать у нас в гостиной, но я, конечно, решительно воспротивилась.) Так что не будет ничего удивительного, если Поль объявится здесь — разумеется, под благовидным предлогом — уже в самое ближайшее время.

Маньи: Да, пожалуй.

Мадам Канова: Это как раз то, что нам надо. Пусть приходит почаще. По субботам ты обычно обедаешь у родителей, в Венсене — не так ли? Я выбрала субботу, 11 октября, поскольку в этот день у вас, если не ошибаюсь, намечен маленький семейный праздник...

Маньи: Неужели тебе обязательно надо впутывать в это дело мою мать?

Мадам Канова: О да, конечно! Мы должны разыграть все среди как можно более ярких, драматических декораций — это очень понравится сентиментальным присяжным. Итак, в назначенный день ты выйдешь из дома чуть позднее обычного, примерно в восемнадцать тридцать, а в начале восьмого вернешься обратно, поскольку забыл взять роскошную коробку конфет, припасенную в подарок мамочке. Ведь ты и прежде не раз дарил ей конфеты, так?

Маньи: Да.

Мадам Канова: Не забудь купить эти конфеты... и не забудь оставить их дома!

88
Перед выходом, примерно в восемнадцать двадцать, позвонишь мне. У нас только один аппарат — он в прихожей, как раз напротив моей комнаты. Поль утверждает, что телефону не место на рабочем столе — звонки будут отрывать господина профессора от размышлений... Итак, я беру трубку. Для Беатрис, которая всегда держит ушки на макушке, ты говоришь со своей матерью и извиняешься, что слегка задержался. Я же отвечаю тебе фразами, обращенными к Беатрис, потом кладу трубку и сообщаю мужу, что звонила его секретарша: она столкнулась с какими-то неясностями на последней странице и хотела бы обсудить их с профессором. А как тебе известно, он должен сдать эту статью к 15 октября...

Маньи: Ну да, я помню. Скажи, а наш разговор не могут подслушать на телефонной станции?

Мадам Канова: Совершенно исключено. У нас автоматическая связь через коммутатор. Но на всякий случай не забывай называть меня «мама»... Да, так вот: как ты знаешь, мой муж всегда ездит на метро...

Маньи: Может, ты наконец перестанешь все время именовать его «мой муж»?

Мадам Канова: Почему? Мужчина, который спит со мной и оплачивает мои счета, имеет полное право на этот титул. Я ведь почти ничего больше не даю ему взамен... Но мы отвлеклись. Итак, воспользовавшись метро, он прибудет сюда в тридцать пять минут седьмого; время я проверила сама, съездив два раза этим маршрутом. Значит, у них будет не меньше четверти часа...

Маньи: Для непринужденного обмена мыслями?

Мадам Канова: Ну вот, теперь ты становишься самим собой, и я этому очень рада. Юмор — начало всякой мудрости. Но продолжаем. Ты возвращаешься домой за конфетами. Возможно, беспечные влюбленные забудут запереть дверь; кроме того, у тебя есть ключ. Для присяжных ты видишь свою жену, не обремененную лишней одеждой, в обществе моего мужа. Они сидят за столом, накрытым на двоих (хотя ей отлично известно, что ты собираешься пообедать у родителей). На заднем плане — красноречиво смятая постель... Вне себя, ты бросаешься к шкафу, хватаешь из ящика свой официально зарегистрированный револьвер (множество признаков подтвердит, что он пролежал там не один месяц) и, находясь в состоянии аффекта, убиваешь обоих.

Стреляй вблизи, но не в упор, целясь в туловище, а не в голову. Патроны не жалей — это вполне естественно при таком волнении. И, пожалуйста, будь повнимательнее со своей женой. Она не столь интеллигентна, как мой супруг, но гораздо хитрее и быстро сообразит, что к чему, если останется в живых.

Манья: Кого мне вызвать в первую очередь — врача или полицию?

Мадам Канова: Врача. Ведь тебя сразу же охватывает раскаяние — ты тяжело ранил своего коллегу, учителя и, можно сказать, благодетеля...

Манья: Истинная правда...

Мадам Канова: Возможно. Но только не перегиби с выражениями скорби. Убедительность поведения тоже должна иметь свои границы. Например, тебе не следует слишком уж безутешно оплакивать жену. Ты женился на ней по юношескому увлечению, а через месяц после свадьбы застаешь с любовником! В общем, мир ее праху. А вот гибель профессора — дело другое, и она вполне может разжалобить публику. Мы должны точно рассчитать производимый эффект, чтобы та же самая публика признала тебя невиновным.

Манья: Сразу, как только убью их, мне надо разворошить постель и выставить на стол второй прибор, да?

Мадам Канова: Верно. И к тому же за эти минуты ты сможешь немного успокоиться и собраться с мыслями.

Манья: А не слишком ли мы усложняем программу?

Мадам Канова: Нет. Все эти подробности приобретут огромный вес при слушании дела в суде. Внимание к мелочам окупается, поверь мне.

Манья: Ну, а если полиция снимет отпечатки пальцев? Они увидят, что одного прибора касался я, а другого — моя жена.

Мадам Канова: Разумеется. Перед уходом ты помог жене накрыть на стол, а второй прибор она поставила, уже выпроводив тебя и поджидая любовника. Наука умеет определять, кому принадлежат те или иные отпечатки, но вот установить очередность их появления, да еще на разных предметах — это вряд ли. Так что дактилоскопия тоже поработает в нашу пользу.

Манья: Пожалуй.

Мадам Канова: И позаботься, чтобы в холодильнике был достаточный запас разных закусок.

Манья: Ну и ну! Ты учитываешь решительно все!

Мадам Канова: Я люблю тебя. И поэтому напоминаю: когда вы вместе будете накрывать на стол, не прикасайся к тем предметам, за которые бралась Беатрис.

Шесть часов вечера — немного рановато для любви, но она, я думаю, возражать не станет. Есть ли еще какие-нибудь неясные пункты?

Манья: Вроде бы нет.

Мадам Канова: Учти, она обязательно должна быть раздетой, это важнее всего. А устраивать ей соблазнительное неглиже после смерти было бы не очень приятно, да и рискованно.

Манья: Тебе незачем говорить мне об этом.

Мадам Канова: Нельзя не говорить, поскольку здесь ключевой, в буквальном смысле слова жизненно важный момент. Существует не так уж много способов убедить женщину раздеться среди бела дня. А между тем мой муж должен застать Беатрис в легком халатике или пеньюаре — короче, в том одеянии, какое обычно накидывает на себя любая женщина после часа, отданного любви... С другой стороны, столь домашний туалет не мешает ей впустить профессора — в конце концов совсем недавно их отношения были довольно-таки близкими. Вряд ли она велит ему обождать на лестничной площадке!

Манья: А что если он запоздает?

Мадам Канова: Это очень маловероятно. Но ничего страшного — просто тогда нам придется разыграть все сначала.

Манья: А почему ты так уверена, что он не извинится и не уйдет, как только увидит полураздетую Беатрис?

Мадам Канова: Не уйдет. Здесь есть психологическая зацепка. Поначалу оба удивятся, потом после нескольких фраз выяснится, что произошло недоразумение — кто-то что-то перепутал. Но за это время мой муж сумеет оценить обстановку и решит немного пофлиртовать, благо представился удобный случай. Возможно, он даже проявит настойчивость. Не исключено, что твоя жена пожелает его угостить. И очень может быть, ты действительно увидишь стол, накрытый на двоих, когда явишься, чтобы окончательно разъяснить это маленькое недоразумение...

Манья: Сомневаюсь. Ему не очень-то свойственна настойчивость в таких делах.

Мадам Канова: Не беспокойся об этом. Я подержу его несколько ночей на голодном режиме и заодно присмотрю, чтобы он не растратил свой пыл где-нибудь на стороне.

Манья: Да, мне предстоит гораздо более тяжкая задача!

Мадам Канова: Ты опять за свое? Тебе необходимо — ты слышишь? — совершенно необходимо основательно порезвиться с твоей малышкой перед самым уходом. Надеюсь, в этот день она не будет вынуждена уклоняться от занятий любовью?

Манья: Нет, тут все в порядке... Но мне невольно вспоминается поведение Иуды...

Мадам Канова: Иудин поцелуй! Ах ты, бедняжка, прелесть моя! Иуду раздирали сомнения, а ты полон надежды и устремлен в будущее... Подумай: уже несколько месяцев ты окружаешь Беатрис всевозможной лаской и заботой — неужели это не облегчает твою совесть? Неужели это не зачтется тебе при подведении

баланса там, наверху? Постарайся же еще разок! Доставь ей напоследок такое наслаждение, за которое не жаль отдать жизнь! Меня это ничуть не заденет — я не ревнива и не злопамятна.

Маньи: Если только смогу...

Мадам Канова: Ты должен! Представляй, будто тебе отдается английская королева! Думай о наших двухстах миллионах, о том, сколько добра ты сделаешь людям с помощью этих денег. Думай обо мне, наконец!

Но, в сущности, тебе не так уж обязательно доводить Беатрис до полного экстаза. Главное — создать соответствующую обстановку для тех событий, которые развернутся чуть позже. Хотя, конечно, пережитое наслаждение скрасило бы девочке переход в вечность...

Маньи: Пожалуй, тебе лучше одеться. Она уже скоро вернется.

Мадам Канова: О, у нас еще уйма времени. Вспомни, что нам придется расстаться примерно на месяц, пока тебя не оправдают...

Маньи: Неужели это действительно произойдет? Пока ты рядом, все кажется так просто...

Мадам Канова: Я всегда рядом с тобой, даже когда ты спишь с Беатрис. Но ты же сам понимаешь: наши встречи таят в себе постоянную — и чуть ли не единственную — угрозу для нас обоих. Цепь не прочнее самого слабого из своих звеньев. Именно поэтому я постоянно твержу об осторожности, хотя сама же и соблазнила тебя почти сразу после моего замужества. Никто не в силах предусмотреть абсолютно все, а выдать нас может любая мелочь. Убийство — такая вещь, которая требует точного расчета собственных возможностей, и мы должны постараться свести риск к минимуму.

Полиция и сыщики из страховых компаний будут носом землю рыть, расследуя эту историю, а они неплохо знают свое ремесло. Им знакомы сотни способов, применяемых людьми для устранения своих ближних. Изобрести нечто новое в этой области поистине нелегко!

Преступление, совершенное ради личной выгоды, присяжные не простят. А нанять профессионала, как это принято в благоустроенных государствах, здесь едва ли возможно, и все придется делать самим... Хороший наемный убийца во Франции так же редок, как исполнительная и честная прислуга. Вот к чему приводят игры в социализм!

Наша сила в том, что мы преподнесем господам в судейских мантиях тривиальнейший случай, над которым нечего ломать голову, опровергая хитроумное алиби. Эдакое добропорядочное, традиционное, буржуазное отцеубийство...

Маньи: Какое отцеубийство? Ведь Ксавье мертв!

Мадам Канова: О, просто я выражаюсь метафорами.

Маньи: Я так и понял...

Мадам Канова: Здесь, как на серебряной тарелочке, будет сервировано все необходимое: мотив, место действия, жертва, убийца, оружие... Судьям и присяжным останется только извлечь из памяти стародавний заголовок «Драма ревности». Но мы не должны забывать, что любая драма становится немножко подо-

зрительной, если приносит кому-нибудь из участников ощутимую прибыль.

Ищейки из страховой компании перевернут вверх дном небо и землю, лишь бы найти предлог отвертеться от выплаты страховки. Два миллиона швейцарских франков — не такая сумма, которую отдадут без борьбы. А ведь есть еще более солидный куш, причитающийся здесь, во Франции, по договору с «ла-Фамилиаль»... Будь уверен: их следователи рассмотрят под микроскопом каждое наше слово, каждый шаг и каждый жест за многие недели, предшествовавшие убийству. Но если они ни до чего не докопаются, платить страховку фирме все-таки придется!

Ты понял наконец? Тогда мы победили!

Маньи: Да знаю я, знаю! Но даже если они разнюхают про нашу с тобой связь, это еще не основание обвинить нас в сговоре.

Мадам Канова: О, конечно, нет. Но не забывай о процессе, в котором ты будешь фигурировать. Такая подробность, как любовная связь между нами, разом лишит картину ее первоначальной ясности. Боюсь, что и на присяжных это произведет не самое лучшее впечатление.

Маньи: В качестве двукратного убийцы я и так произведу на них не лучшее впечатление...

Мадам Канова: Не скажи! Конечно, твое поведение чуточку необычно для двадцатого столетия — увы, в наше время пылкая любовь встречается редко... А от такого поступка веет чем-то классическим. И к тому же все обстоятельства исключительно благоприятны для тебя. Твой отец — президент апелляционного суда, ты сам — кавалер Креста за военные заслуги, и ты застиг жену с любовником. А люди уже давно болтали разное об их отношениях...

Маньи: Я думал, что ты обсуждала измену мужа только со своей служанкой.

Мадам Канова: Ну нет! Я успела пожаловаться на свою горькую долю многим приятельницам, и они не откажутся засвидетельствовать это.

Маньи: Оденься!

Мадам Канова: ...А твоя трогательная забота о Беатрис, доверие, которое ты ей оказывал, станут еще одним веским аргументом к оправданию... Будь добр, застегни мне платье... И не беспокойся, тебя будут защищать лучшие парижские адвокаты. А я выступлю в качестве пострадавшей стороны. Трагедия в духе Корнеля! Ну а потом, когда вся эта история забудется, мы уедем и поженимся где-нибудь за границей.

Маньи: Мое оправдание станет куда вероятнее, если ограничиться только твоим мужем...

Мадам Канова: А что прикажешь делать с малышкой? Посвятить ее во все? Ты действительно считаешь, что ей можно доверять? Кроме того, если мы возьмем ее третьим участником, во сколько это обойдется?

Маньи: Два-три миллиона были бы не такой уж чувствительной потерей...

Мадам Канова: Ах! Опять эти интеллигентские рассуждения! Сейчас видно, что ты не жил в стране, где ни в одном доме не

встретишь ни избытка, ни даже достатка; где жизнь не радость, а невзгода и тяжкий труд; где люди едят картофельные очистки, утешаясь сказками о всевозможных яствах, которыми насытятся грядущие поколения. А я прошла эту школу и не пожертвую без веских причин ни единым франком. После тебя деньги — самое важное для меня, что есть в этом мире.

Манья: Иной раз мне кажется, что они тебе гораздо нужнее, чем я.

Мадам Канова: Не жалуйся, дорогой. Ты же знаешь: все мое — твое. Или ты мне больше не веришь?

Манья: По-моему, у тебя достаточно доказательств моего доверия. Но, честно говоря, мне не совсем понятна твоя страсть к деньгам.

Мадам Канова: Деньги для женщины означают возможность дарить свою любовь только тем мужчинам, которые ей действительно нравятся. Дарить, а не продавать. Такая свобода бесценна.

Манья: Может, и бесценна, но куплена она будет за немалую плату.

Мадам Канова: Оставь страхи и подозрения, любимый! Мертвые воистину мертвы, если о них не думать. А я научу тебя забывать. Я всегда буду рядом с тобой, ты сможешь заниматься всем, чем захочешь. Надо только решиться, а силы воли, чтобы довести дело до конца, у меня хватит на двоих.

Ну, а теперь я должна идти.

Манья: Ты поставила машину не слишком близко?

Мадам Канова: Нет. Ты же знаешь, я всегда паркуюсь по меньшей мере в пяти минутах ходьбы отсюда, и каждый раз на другой улице. А ваш консьерж неизменно пьян чуть ли не с одиннадцати утра и не заметит даже президента республики.

Манья: Все-таки опусти вуаль...

Мадам Канова: Поцелуй меня еще раз, любимый!

6

Дневник мадам Манья (продолжение)

21 сентября.

Теперь мне уже лучше. А поначалу, после первого прослушивания, я чуть с ума не сошла — настолько невозможными, невероятными казались все эти откровения. Голоса звучали так отчужденно, так незнакомо... Я прокрутила запись дважды, не в силах избавиться от дурацкой надежды, что это шутка, что они всего лишь разыгрывают меня, желая наказать за неуместное любопытство.

Киношник вернулся около десяти вечера, когда я уже немного успокоилась. Выглядела я, должно быть, неважно, поскольку он даже не пытался со мной заигрывать, и все его вопросы, если они были, остались невысказанными. Выключив магнитофон, я поскорее запихнула в сумочку катушку с пленкой и, едва попрощавшись, выскользнула за дверь.

Но на лестнице почувствовала, что ноги меня не держат. Волной накатил ужасный, липкий страх. Я задыхалась, дрожала всем

телом и не находила сил двинуться с места. Мимо сновали жильцы, а я все стояла, вцепившись в перила и не видя ничего вокруг. Люди посматривали на меня с любопытством, а какой-то господин средних лет заговорил весьма игриво, но так и не дождался ответа. Наконец, собравшись с духом, я преодолела два марша до нашей площадки и здесь, уже на последних ступеньках, внезапно осознала одну простую вещь: магнитная лента в моей сумочке — надежная защита, залог спасения; она делает меня неуязвимой. Я настолько приободрилась, что, по крайней мере, сумела самостоятельно открыть дверь и войти в квартиру.

Кристиан был вне себя от беспокойства. Он уже видел меня жертвой дорожного происшествия со всеми вытекающими лично для него последствиями. Да, ему и в самом деле выпало бы много хлопот! Сначала похороны женщины, которую он должен был убить, но не успел; потом поиски новой кандидатуры, опять венчание, опять свадебное путешествие, да еще надо исхитриться подsunуть свою молодую жену профессору Канове! Снова вживаться в роль любящего супруга, снова разрабатывать план убийства... Ах, как бы меня порадовала его тревога, если бы я не знала ее истинной причины!

Я извинилась за столь позднее возвращение, придумав на скорую руку какой-то ничтожный предлог. Кристиан, в свою очередь, был так доволен, что не стал ни о чем допытываться и даже отправился на кухню разогревать мне ужин. Пока он там возился, я быстренько отключила микрофон и спрятала его с глаз долой — молодому киногерою с нижнего этажа совершенно незачем быть в курсе наших разговоров. Правда, он уверял, что я могу положиться на его джентльменскую сдержанность, но в этот вечер я меньше, чем когда-либо, была склонна верить людям на слово. Ну, а теперь, если уж его разберет любопытство, пусть сам обращается к месье Дюбрёйлю и выкладывает денежки за подслушивание!

Мне удалось овладеть собой даже быстрее, чем этого можно было ожидать в таком беспрецедентном положении — может, потому, что я, в сущности, совсем не любила своего мужа. И вот где-то глубоко внутри меня зародилось злорадное удовлетворение сделанным открытием.

В конце ужина мне пришлось в голову немного позабавиться. Приняв романтическую позу, я устремила взор в пустоту и произнесла:

— Ты знаешь, я чувствую, что умру молодой...

Кристиан едва не выронил грушу, которую уже собрался надкусить.

— С чего ты взяла?

— Не знаю... Какое-то предчувствие...

Надо отдать должное моему мужу — он приложил беспрецедентные усилия, чтобы отвлечь меня от таких нехороших мыслей. Как ни странно, в эти минуты мне было почти приятно слышать его голос. Но когда мы добрались до кофе, я возобновила атаку.

— Мне страшно... Прошлой ночью я видела во сне, как меня пожирают могильные черви...

Это заявление, сделанное зловещим шепотом, произвело

желаемый эффект. Мой пациент как раз клал в чашку второй кусочек сахара, и щипцы, выскользнув у него из руки, со звоном упали на пол.

— Что за безумие?.. Бред какой-то! — закричал он, откидываясь на спинку стула.

— Почему, милый?

Его взгляд постепенно прояснился — он нашел подходящий аргумент.

— Ну, хотя бы потому, что на самом деле черви не съедят ни тебя, ни меня, да и вообще никого из погребенных!

— А что им помешает? — невинно поинтересовалась я.

— Да это же общеизвестно! Ты просто употребляешь стандартный речевой оборот, восходящий ко временам классической риторики. А черви заводятся лишь в том случае, если неубранный труп долго лежит на открытом месте и мухи откладывают в него личинки. Но мухи не проникают в гроб — значит, и червям неоткуда взяться!!!

— Как ты умен, мое сокровище! Конечно, ты прав, это глупый сон. Да и умру я, наверное, поздней осенью, когда мух уже почти нет...

Думаю, еще ни одна чашка кофе не доставляла Кристиану столько мучений. Я не унималась — таинственным, меланхолическим тоном разглагольствовала о смерти, о покойниках, выходящих из отверстых могил... И в заключение пообещала, что не покину его ни в этой, ни в будущей жизни.

Видимо, я немного перестаралась. Ночью, во мраке спальни, ко мне вернулся страх. Я лежала, ворочаясь без сна, а когда Кристиан случайно дотрагивался до меня рукой или ногой, вздрагивала от ужаса. Он был напуган ничуть не меньше. Безмолвно трясясь по разные стороны кровати, мы являли собой довольно таки странную супружескую чету!

С первыми лучами солнца ночной кошмар рассеялся, и меня осенила новая блестящая идея. Перед обедом я позвонила месье Дюбрэйлю и сообщила ему, что хочу переписать пленку и обеспечить воспроизведение звука в нашей квартире. Он обещал немедленно прислать своих сотрудников со всеми необходимыми материалами.

Процедура заняла совсем немного времени и протекала в непринужденной, можно даже сказать, шутливой атмосфере. Мой план очень позабавил маленького еврея и его бригаду, а наш молодой сосед чуть не прыгал от восторга при мысли о конфузе, ожидающем уличенного мужа. О, если бы они знали содержание записи — думаю, тогда вся история не показалась бы им такой уж веселой!

Громкоговоритель мы решили упрятать в радиоприемник. Кристиан в технике не разбирается, и заподозрить наличие дополнительного динамика — определенно выше его сил... Охваченная охотничьим азартом, я то и дело вспоминала «Письмо» Эдгара По.

Когда детективы ушли, я без церемоний выставила киношника из его собственной комнаты и принялась за дело. Теперь мне очень пригодится опыт, полученный во время давнишних попы-

ток сделать артистическую карьеру. Скажу не хвастая, что превозмогла самое себя и в рекордный срок смонтировала вполне приличную радиопостановку, основу которой составила запись, сделанная накануне. Фрагменты моего творения располагались в тщательно продуманной последовательности; кровожадные планы чередовались с любовными стонами, а философские откровения — с жарким шепотом, полным чудовищных непристойностей (надо отметить, что Кристиан играл тут весьма скромную роль, лишь изредка подавая реплики). Все это я скомпоновала со вставками собственного изготовления — нежными упреками безжалостному мужу, горестными возгласами, латинскими цитатами из свадебного обряда и даже выдержками из Евангелия. В качестве музыкального сопровождения был использован «Траурный марш» Шопена — я обнаружила его среди хозяйских грампластинок, и он пришелся как нельзя более кстати. Особое внимание я уделила громкости: в основном звучание было тихим, еле слышным, так что разобрать отдельные слова или аккорды шопеновского органа удавалось лишь при известном напряжении слуха. Но в ключевые моменты звук внезапно нарастал, производя потрясающее впечатление. А венчало мелодраму евангельское пророчество: «...И тогда Он придет, чтобы судить живых и мертвых». Эти слова я произносила отчетливо, громко, звенящим от напряжения голосом, постаравшись вложить в них всю доступную мне силу убеждения и страсти.

Около пяти часов я позвонила Канове, извинилась и, сославшись на недомогание, отменила мою сегодняшнюю работу у профессора. С монтажом «мыльной оперы» было покончено, и я спешно занялась копированием исходной записи. Когда подошло время ужина, я уже располагала достаточным количеством экземпляров (ради ускорения процесса выкинула резонерские рассуждения мадам Кановы, сильно смахивавшие на какой-нибудь перевод с латыни). Затем стерла оригинал.

После завершения работы возбуждение схлынуло, и ко мне снова подкрался страх. Но вид аккуратных бобин с пленками быстро успокоил меня. В них — моя защита: даже если Кристиан каким-то чудом разгадает затеянную против него игру, он уже не посмеет причинить мне вред. А маленький сейф в одном из банков я абонировала еще накануне.

Спрятав улики в надежное бронированное хранилище, я вернулась на рю де Пасси. Первым делом я зашла в нижнюю квартиру (герой-любовник уехал куда-то на несколько дней и великодушно оставил мне ключ), проверила аппаратуру и включила магнитофон. Затем вышла, заперла дверь и с колотящимся сердцем отправилась наверх. В начале записи имелось с подложки метров чистой пленки, так что мне хватало времени войти, спокойно раздеться и принять непринужденную позу.

Кристиан, в домашней куртке и шлепанцах, лежал на диване, погруженный в чтение «Диалогов» Платона. Он явно обрадовался моему приходу и приветствовал меня с небывалой сердечностью:

— Ты сегодня отлично выглядишь, дорогая. Ну как, развеялись твои черные мысли?

— Целиком и полностью,— беззаботно отозвалась я.— Сейчас мне даже стыдно, что я так разнервничалась из-за пустяков. Очень глупо получилось.

— О нет, что ты! Просто у каждого человека бывают такие дни, когда ему кажется, будто с ним творится что-то необычайное...

Тут я невольно расхохоталась, и он с облегчением присоединился к моему смеху. Взяв какой-то иллюстрированный журнал, я опустила в кресло напротив. Ждать пришлось совсем недолго.

Прологом к основному действию служил мерный, ритмичный скрип диванных пружин. Сперва звук был почти неслышным, но постепенно становился все отчетливее. Оторвавшись от Платона, муж недоуменно уставился на диван под собой; видимо, скрип пробудил в нем кое-какие воспоминания. Наконец, Кристиан неуверенно спросил:

— Ты ничего не слышишь?

Я ответила удивленным взглядом. Мой супруг поерзал на месте, судорожно вздохнул и тоже перебрался в кресло. Книга лежала у него на коленях, но страниц он больше не переворачивал и лишь тупо смотрел в одну точку, весь обратившись в слух.

Должна признаться, что последующие минуты были минутами наивысшего торжества в моей жизни. Что может сравниться с наслаждением жертвы, повергнутой в ужас своего убийцу, видящей, как он мечется, словно зверь в западне, не понимая, что с ним происходит! Да и то сказать — нужно быть гением, чтобы в подобных обстоятельствах заподозрить розыгрыш!

Страх Кристиана рос с каждой минутой — муженек совсем потерял голову и лишился способности здраво рассуждать. Он сидел сгорбившись, на лице — гримаса; побелевшие пальцы мертвой хваткой впились в книгу. Зловещий замогильный шепот казался ему ночным кошмаром, от которого нельзя ни укрыться, ни убежать.

Через некоторое время он сделал отчаянную попытку стряхнуть наваждение и вернуться в привычный, реальный мир. Естественно, за поддержкой он мог обратиться только ко мне, и вот мой супруг, затравленно озираясь, выдал:

— Беатрис, мне почему-то кажется, что из приемника доносятся какие-то звуки...

Я озабоченно поглядела на приемник, потом на Кристиана и рассмеялась:

— Сердце мое, но ты же сам видишь — он выключен!

Кристиан встал, растерянно пошарил по стене вокруг аппарата и остановился посреди комнаты.

— Ты действительно ничего не слышишь?

— Нет... А что я, собственно, должна слышать?

И я заговорила с ним, как с малым ребенком, делая вид, будто стараюсь успокоить его, и нарочно подбирая самые истертые, банальные фразы. Не вынеся этой двойной попытки, он нетерпеливо махнул рукой, призывая меня к молчанию, и опять сел в кресло.

— Может, выпьешь рюмку коньяка? — предложила я.

Мой муж не ответил — он замер, втянув голову в плечи и не смея поднять на меня глаза. Все тело его словно окаменело, и

лишь гримаса боли, изредка мелькавшая у него на лице в особо напряженные моменты диалога, показывала, что это живой человек. А когда мадам Канова проворковала: «Я не злопамятна», — он со стоном зажал уши. Видя его таким потрясенным, я даже испытала нечто вроде раскаяния за свою жестокость.

Мадам Канова... Эта женщина говорит правду — она не злопамятна, ее даже нельзя назвать злобной. Ей просто глубоко безразлично, что именно она приносит окружающим — горе или радость, счастье или беду. Однако такое равнодушие внушает куда больший страх, чем самая откровенная свирепость. Все мы порой способны на недобрые чувства, и «злым» считают человека, у которого эта способность выражена чуть сильнее, чем у остальных. Пугает не наличие этих чувств, а степень их развития. Сознательное пренебрежение ко всему, кроме собственной персоны, аморальность, возведенная в принцип, встречается гораздо реже — здесь мы сталкиваемся с какой-то особенной породой людей, чьи души подобны несокрушимому алмазу (впрочем, можно сказать и наоборот — что они слеплены из грязи).

Но вот отзвучал мой последний возглас — кстати, он не произвел на Кристиана того впечатления, на какое я рассчитывала, — и наступила тишина. Мой муж по-прежнему сидел не шевелясь; его светлые волосы взмокли, по лбу стекали крупные капли пота.

Внезапно меня посетила новая идея.

— А знаешь, сейчас и мне кажется, будто я что-то слышу, — заметила я, с интересом поглядывая на молчащий приемник. — Словно какое-то бормотание...

— Но это же невозможно! — в ужасе прошептал муж. — Я-то больше ничего не слышу!

— Да? Ты уверен, милый?

Это стало последней каплей. Бледный, как полотно, Кристиан с трудом дотащился до телефона в передней, комкая страницы, перелистал справочник и вызвал врача.

— Прошу вас, очень прошу, поскорее, — донесся до меня хриплый голос. — Да, да! Мне совсем плохо... Кажется, начались галлюцинации. Меня лихорадит... Да, пожалуйста!

Он отказался от ужина, лег в постель и до подбородка закутался в одеяло. Визит доктора не принес ему облегчения, что было неудивительно. Ночью у страдальца поднялась температура; временами он впадал в беспамятство и начинал бредить. Я воспользовалась одним из таких моментов, сбегала вниз и стерла с пленки свой шедевр.

Утром пришлось опять вызывать врача — теперь уже звонила я сама. Такой поворот событий меня не устраивал — ведь если Кристиан и вправду сойдет с ума, я не смогу расчитаться с ним так, как он заслуживает...

Но тревога оказалась напрасной. Жар спал, состояние больного улучшилось, и вскоре он уже обрел способность контролировать свои слова и мысли.

Около полудня мой обожаемый супруг заснул, дав мне время еще раз спокойно обдумать положение. Под конец я сочла, что нотариальная контора — более надежное место, чем банковский сейф, и решила как можно скорее обратиться к какому-нибудь

известному нотариусу. Пожалуй, разумнее всего будет оставить у него не только пленки, но и мой дневник, а также письменный комментарий избранных мест магнитофонной записи. Эти документы послужат дополнением к основному материалу, и в итоге получится нечто вроде завещания. Что ж, неплохо!

Сейчас уже семь часов вечера. Днем Кристиан проглотил несколько ложек овощного бульона (обычно он его терпеть не может) и опять погрузился в сон. А я размышляю. Решение, принятое сегодня утром, вернуло мне душевный покой, и я чувствую в себе достаточно сил, чтобы осуществить задуманное. Еще только одна ночь, и моя особа станет для заговорщиков неприкосновенной — ведь если со мной что-нибудь случится, они оба отправятся на гильотину. Волей-неволей придется им беречь мою жизнь пуще своей собственной.

Муж проснулся. Взгляд у него блуждающий, в глазах тревога; полагаю, он не может избавиться от мыслей об адском пламени, уготованном клятвопреступнику и убийце. Ничего, пускай пофантазирует. Завтра, оставив у нотариуса магнитофонные ленты и свой дневник, я побеседую с Кристианом начистоту, и его паника обретет вполне реальное, земное обоснование. Но даже узнав истинную причину вчерашних «галлюцинаций», мой святоша все равно останется во власти дум о загробном возмездии. Двойной страх, ожидание кары и от людей, и от Бога доконают его — быть может, и не слишком быстро, но зато наверняка. Уж об этом-то я позабочусь!

«Монд», выдержка из заметки от 12 октября 1948 г.

Драма ревности на рю де Пасси

«Вчера вечером, около девятнадцати часов, несколькими выстрелами из револьвера был смертельно ранен г-н Поль Канова, профессор истории в Сорбонне. Трагедия произошла в квартире его секретарши, мадам Маньи, муж которой вернулся домой раньше обычного. Месье Кристиан Маньи — ассистент философского факультета; все считали его другом покойного профессора.

Положение и вид застигнутой врасплох пары не позволяли усомниться в характере их отношений. Вероятно, в данном случае следует говорить о преступлении на почве ревности, совершенном в состоянии аффекта. Но, разумеется, нельзя исключать и такую версию, как убийство с заранее обдуманым намерением.

Охваченный раскаянием, убийца сразу же вызвал врача, однако любая медицинская помощь была уже, по-видимому, бесполезной. Профессор Канова не дожил до утра — сегодня, в четыре часа тридцать минут он скончался в хирургическом отделении американского госпиталя в Нейи.

Супруги Маньи арестованы и дают показания комиссару Менжо, которому поручено расследование этого дела. Наш корреспондент пока не имел возможности встретиться с комиссаром и задать ему какие-либо вопросы.

Это в высшей степени прискорбное происшествие, безусловно, вызовет бурю страстей в академических кругах, к которым принадлежат и убийца, и жертва.

Дальнейшие подробности дела мы сообщим нашим читателям после пресс-конференции комиссара Менжо, назначенной на сегодняшний вечер. Впрочем, уже сейчас очевидно, что ждать каких-либо сенсационных разоблачений не приходится — эта история из тех, где все ясно с самого начала.

ПЕРЕПИСКА

Париж, 13 октября 1948 г.

Мадам Поль Канова — директору страховой компании «Ла-Сальватрис», Лозанна.

Глубокоуважаемый г-н директор, настоящим письмом я прошу Вас и впредь, пока не последуют какие-либо уточнения, управлять на прежних условиях тем капиталом, который я унаследовала после трагической кончины моего дорогого супруга. Подобно ему, я совершенно несведуща в финансовых вопросах и думаю, что пройдет еще несколько месяцев, прежде чем я сумею разобраться в делах и приму окончательное решение по поводу страховки. Мне советуют переоформить договор и по-прежнему хранить деньги на депозитах Вашей компании; я тоже склоняюсь в пользу такого варианта. Пока что я прошу Вас, г-н директор, распорядиться о присоединении накопившихся процентов к основному капиталу.

С наилучшими пожеланиями...

Париж, 13 октября 1948 г.

Мадам Поль Канова — директору страховой компании «Ла-Фамилиаль», Париж.

Глубокоуважаемый г-н директор, настоящим я прошу Вас, ввиду расходов, возникших в связи с кончиной моего дорогого супруга, перевести на мой банковский счет пятьсот тысяч франков. Оставшуюся сумму, то есть девятнадцать миллионов пятьсот тысяч франков, за вычетом налога на наследство, я прошу Вас пока что хранить на прежних условиях, поскольку еще не решила, как распорядиться этими деньгами. Впрочем, полагаю, что самым разумным шагом стало бы заключение нового страхового договора с Вашей фирмой. Но каким бы ни было мое решение, прошу Вас, г-н директор, уже теперь распорядиться о присоединении процентов к основному капиталу.

С наилучшими пожеланиями и т. д.

Лозанна, 13 октября 1948 г.

Начальник отдела смертных случаев компании «Ла-Сальватрис» — руководителю отдела смертных случаев компании «Ла-Фамилиаль», Париж.

Месье,

мне хотелось бы обратить Ваше внимание на глубочайший интерес, проявляемый швейцарскими страховыми компаниями к расследованию убийства Вашего клиента, месье Поля Кановы, который являлся также и нашим клиентом.

По понятным причинам мы не имеем возможности поручить это дело своим экспертам, но вполне полагаемся на квалификацию Ваших сотрудников. Им предстоит действовать на собственной территории, что исключает саму возможность возникновения каких-либо проблем юридического порядка. Тем не менее мы

хотели бы взять на себя часть расходов, связанных с расследованием. Думаю, излишне пояснять, что это свидетельство того исключительного внимания, которое мы уделяем данному делу.

Мы были бы весьма благодарны за текущую информацию обо всех этапах следствия; как Вы понимаете, мы не можем надолго затягивать выплату страховой суммы, если Ваши люди не выяснят каких-либо новых обстоятельств, и притом достаточно существенных.

К этому письму я прилагаю копию небольшого досье, составленного сотрудником нашей фирмы в 1924 г., перед заключением договора с месье Кановой. Надеюсь, эти сведения хоть немного облегчат Вашу работу. Добавлю также, что составитель досье, бывший страховой инспектор Пьер Руссо, в настоящее время является заместителем генерального директора нашей компании и с особым интересом следит за расследованием дела Кановы.

С глубочайшим уважением...

Париж, 19 октября 1948 г.

Руководитель отдела смертных случаев компании «Ла-Фамилналь» — начальнику отдела смертных случаев компании «Ла-Сальватрис», Лозанна.

Месье,

пошлю Вам копии первых материалов по делу Кановы, собранных нашими агентами.

Смею заверить, что расследование данного случая мы поручили нашим лучшим специалистам, пользующимся доверием и поддержкой столичной полиции. Кроме того, с нами сотрудничает одно из наиболее солидных частных детективных бюро Парижа.

Прилагаемый отчет подписал инспектор Андре Белюзн, на которого возложено общее руководство следствием.

Мы будем, разумеется, и впредь держать Вас в курсе событий, своевременно извещая о любых новых данных. Если же у Вас возникнут вопросы относительно каких-либо пунктов, то мы будем рады в меру своих сил предоставить Вам дополнительные пояснения.

Примите и проч. ...

Доклад инспектора Белюзна

Париж, 18 октября 1948 г.

Уже при первой беседе с комиссаром Менжо, принявшим к производству дело Кановы, я обратил его внимание на существование страховки и все соображения, вытекающие из этого обстоятельства. Комиссар выслушал меня с большим интересом; вообще я должен отметить, что полиция на сей раз отнеслась к нашим проблемам с полным пониманием и оказывает нам всю возможную помощь.

Само собой разумеется, что мы с самого начала учли возможность «сотрудничества» между мадам Кановой и супругами Манья. В дальнейшем мы приложим все усилия, чтобы не упустить ни малейшего доказательства, подтверждающего эту гипотезу. Но прежде всего — короткая справка относительно главных действующих лиц.

Мадам Канова

Родилась в 1917 г. в Севастополе (Россия), предположительно в весьма обеспеченной семье. Готовилась стать врачом, училась в Москве, но не успела закончить образование, т. к. в 1941 г. была призвана в Красную Армию в качестве медицинской сестры.

Очутившись в Париже в 1946 г., обратилась к правительству Франции с просьбой предоставить ей политическое убежище; эта просьба была удовлетворена. В декабре того же года советское посольство безуспешно пыталось добиться ее высылки из Франции.

До своего замужества в июле 1947 г. молодая беженка не имела каких-либо определенных средств к существованию, но жизнь вела уединенную и, по-видимому, вполне безупречную. Подробности ее знакомства с профессором Кановой выяснить пока не удалось.

В дни главных церковных праздников аккуратно посещает православный храм, но к религии, судя по всему, равнодушна. Убежденной христианкой ее никак не назовешь.

Говорит по-французски с легким акцентом. Кроме своего родного языка (русского), знает также немецкий.

Исключительно хороша собой.

Месье Кристиан Маньи

102 Родился в 1913 г. в Туре, в семье государственного служащего. Пять братьев и сестер. Посещал турецкий колледж отцов-иезуитов, завершил образование в Сорбонне. В 1937 г. успешно выдержал экзамен на должность преподавателя истории и географии. До начала войны преподавал в нескольких провинциальных гимназиях. Воевал, имеет боевые награды. С 1940 по 1943 г. — военнопленный. После освобождения из концлагеря был принят на работу ассистентом в Сорбоннский университет. Параллельно участвовал в движении Сопротивления. Квалифицированный специалист, хороший лектор, пользуется уважением среди коллег и студентов.

Предпочитает вести скромную жизнь без всяких излишеств; сколько-нибудь серьезных денежных затруднений никогда не испытывал.

В июле текущего года женился по любви на мадемуазель Беатрис Мансо. Семья г-на Маньи была против этого брака.

Прямой материальной заинтересованности в смерти застрахованного лица не имел.

В целом производит довольно приятное впечатление.

Мадам Кристиан Маньи

Родилась в Париже в 1928 г.; единственный ребенок в семье; отец — мелкий служащий. Еще в детстве потеряла обоих родителей, воспитывалась опекуном, не проявлявшим к девочке особой сердечности.

В настоящее время занимается дипломной работой на историческом факультете в Сорбонне. Окончила курсы стенографисток. В июне с. г. получила место секретарши профессора Кановы и

продолжала работать у него после своего замужества. В предшествующий период вела довольно свободную жизнь, не слишком обременяя себя правилами строгой морали. Пробовала силы на артистическом поприще, однако успеха не имела.

Миловидна, неглупа.

Исходя из мысли, что какая-нибудь незначительная деталь подтвердит наше предположение о двойной игре, мы в первую очередь сосредоточили усилия на точном воссоздании картины убийства. Как ни досадно, мотивировка преступления не вызывает сомнений — мадам Маньи действительно была любовницей нашего клиента. Это подтверждается многочисленными свидетельскими показаниями, приводить которые я полагаю излишним; скажу лишь, что они целиком и полностью согласуются между собой. Роман завязался еще до замужества мадам Маньи и продолжался после ее свадьбы. Особенно убедительные доказательства их отношений имеются на период конца сентября — начала октября с. г. Так, 4 октября месяе Канова посетил мадам Маньи в отсутствие мужа — под тем предлогом, что им надо продолжить обработку неких исторических материалов (заниматься на квартире у профессора якобы не представлялось возможным ввиду ремонта в его кабинете). 7 октября состоялся еще один визит, и тоже в отсутствие месяе Маньи.

Не меньшую ясность мы видим и в том, что касается самого убийства. Ситуация совершенно недвусмысленная: мадам Маньи — в легком пеньюаре, стол накрыт на двоих, на заднем плане — разобранная постель. Следует учесть, что месяе Канова пришел туда всего за пятнадцать минут до описываемого момента. Он сидел без пиджака, на лице его (уже впоследствии) были заметны следы губной помады. Последнее обстоятельство, на мой взгляд, важнее предыдущих. Если туалет мадам Маньи и всю обстановку в комнате еще можно считать игрой, задуманной для отвода глаз, то гораздо труднее представить, как молодая женщина целует нашего клиента, уже простертого на полу в луже крови. Хотя, конечно, нельзя исключить и этот вариант, требующий от мадам Маньи поистине незаурядного хладнокровия. Но будь любовная сцена вымышленной, профессор скорее всего не стал бы снимать пиджак, который в этом случае оказался бы простреленным. Одним словом, внешний вид жертвы и места преступления свидетельствуют в пользу официальной версии.

Следует отметить одну деталь: расспросив продавщицу парфюмерного магазина, где бывает мадам Маньи, мы узнали, что она всегда покупала так называемую поцелуйную губную помаду. Когда же мы поинтересовались насчет этого пункта у самой мадам Маньи, она ответила, что несколько недель назад, сообразуясь с пожеланиями своего мужа, сменила сорт помады. К моменту допроса ей не было известно, что мы наводили справки в магазине.

Теперь об оружии убийства. Это револьвер калибра 7,65 мм, законно купленный и зарегистрированный в полиции. Месяе Маньи выхватил его из ящика платяного шкафа, где он лежал со дня покупки. Мы опросили приходящую прислугу, которую чета

Манья нанимала последние месяцы для уборки квартиры; все уборщицы подтвердили, что не раз видели именно это оружие в этом самом ящике. Револьвер был приобретен в 1947 году у частного торговца на авеню де ль'Опера.

Довольно любопытный факт: месье Манья не утаил, что в сентябре зарядил свой револьвер новыми патронами, купив их в том же магазине. Как он объяснил, ему хотелось быть уверенным, что оружие в порядке и не даст осечки, если доведется стрелять. Между тем гарантийный срок годности патронов этого типа составляет при правильном хранении двадцать четыре месяца, и такая забота о боеготовности, пожалуй, выглядит чрезмерной для человека столь мирной профессии... Как бы то ни было, теперь г-н Манья может похвалить себя за проявленную предусмотрительность.

Мы постарались с максимальной точностью восстановить все действия месье Манья в день убийства в интервале между выездом из гаража в 18.20 (подтверждено сторожем) и возвращением домой час спустя. Не исключалось, что он допустил обычную ошибку начинающих преступников — никуда не поехал, а проболтался это время где-нибудь поблизости, поджидая жертву. Но обвиняемый облегчил нам задачу, подробно описав свой маршрут. Примерно в 18.45 он остановился возле табачной лавки на бульваре Сен-Жермен, купил сигарет и выпил аперитив. Владелец давно знаком с г-ном Манья и удостоверил правильность его показаний... Затем, уже сев в машину, месье Манья увидел, что забыл коробку шоколадных конфет, приготовленных в подарок матери, решил поскорее вернуться домой и забрать их.

Конфеты (куплены днем раньше в ресторане Маркиза де Севинье) полиция обнаружила в том же ящике, где лежал револьвер. Подобное совпадение невольно наводит на мысль о тщательно, до мелочей продуманном плане, характерном для многих преступников из интеллектуальных кругов. На наш удивленный вопрос — стоило ли возвращаться ради такого пустяка? — месье Манья ответил, что в этот вечер праздновалась золотая свадьба его родителей, и явиться к ним без подарка значило бы проявить крайнюю степень неуважения. А покупать вторую коробку столь же роскошных конфет ему не хотелось, ведь жалованье ассистента невелико. Объяснение вполне убедительное; добавлю, что, проверив сообщение о юбилейной дате, мы убедились в правдивости слов месье Манья. Единственное, что выглядит не совсем естественно, — это выпитый им аперитив — обычно он почти не употребляет спиртное. Складывается впечатление некоторой нарочитости — как будто он стремился не только провести время в табачном магазине, но и обратить на себя внимание, что проще всего сделать, выпив рюмочку-другую и перебросившись несколькими фразами с хозяином. Я не возлагаю на эту деталь особых надежд, но совсем упускать ее из виду тоже не следует.

Поведение обоих супругов после убийства можно назвать прямо-таки образцовым. Уже в 19.15 месье Манья вызвал «Скорою помощь» и сразу вслед за тем позвонил в полицию, которая прибыла на место происшествия раньше врачей. Профессор Канова, получивший четыре пули в грудь и живот, к этому

моменту находился на диване, и мадам Манья делала ему перевязку, пытаясь остановить кровь. Когда подоспевшие санитары подняли раненого, он на минуту пришел в сознание и отчетливо произнес: «Подделом мне, подлецу... Господи, смилуйся надо мной!» (Позднее, в госпитале, месье Канова уже только бредил.)

Эти слова умирающего в высшей степени противоречат всем нашим чаяниям. В них нельзя усмотреть и намека на желание сообщить о некоей смертельной западне — напротив, жертва самым недвусмысленным образом выгораживает убийцу, удостоверяя присутствующих о характере своих отношений с мадам Манья. Заявление месье Кановы — факт, сильно осложняющий нашу задачу...

Все же мне хотелось бы указать на одно любопытное обстоятельство, по которому пока нельзя определить чрезмерное совпадение показаний мадам и месье Манья. Как правило, рассказы очевидцев бывают полны противоречий, здесь же налицо стопроцентное сходство, вплоть до одинаковых речевых оборотов. Не менее странно, что обоим супругам запомнились одни и те же подробности. Комиссар Менжо сразу обратил внимание на эту непостижимую гармонию, наводящую на мысль о соответствующей режиссуре. Передавая мне протоколы допросов, он заметил: «Большинство преступников выдает себя противоречиями в показаниях; что же до этой парочки, то они, похоже, допускают ошибку противоположного свойства». И в самом деле: все ответы супругов Манья подозрительно напоминают реплики актеров, заранее вызубривших роли.

В общем, я пришел к выводу, что дальнейшее расследование убийства как такового стало бы (для нашей фирмы) лишь бесполезной тратой времени. Тут все донельзя просто, в картине нет никаких белых пятен.

Теперь оставалась наиболее деликатная часть работы — мне надлежало досконально разобраться в отношениях между убийцей и вдовой нашего клиента, в чью пользу был заключен страховой договор. Здесь отчетливо просматривается корыстный мотив, и я надеялся обнаружить какое-нибудь слабое место в обороне наших противников.

Не скрою, поначалу мы рассчитывали на быстрый успех. Г-н Манья молод, недурен собой и в качестве ближайшего сотрудника профессора Кановы имел свободный доступ в квартиру последнего на авеню де ль'Обсерватуар. При таких условиях интрижка ассистента с красавицей-женой пожилого коллеги кажется мне вполне вероятным допущением. А соседи и прислуга в подобной ситуации зачастую проявляют куда большую зоркость, нежели обманутый муж... Но, к сожалению, все расспросы дали нулевой результат. Приходится признать, что месье Манья и мадам Канова никогда — я подчеркиваю — ни разу не встречались на квартире профессора.

Сделав это неутешительное открытие, мы перенесли наши усилия на рю де Пасси. Мы показывали фотографию мадам Кановы спившемуся и совершенно тупоумному консьержу, дворнику, местным лавочникам и аптекарю (мадам Канова — особа весьма предусмотрительная и могла, идя на свидание, заглянуть в

аптеку за предохранительными средствами). Но все лишь покачивали головами и твердили, что видят эту женщину впервые. Ни один человек в квартале никогда не замечал здесь автомобиль мадам Кановы, полиция ни разу не штрафовала ее тут за неправильную парковку, на окрестных бензоколонках ею не было куплено ни литра бензина.

Единственным результатом наших розысков явилось небезынтересное сообщение квартирной уборщицы, обслуживающей, помимо других жильцов дома на рю де Пасси, и чету Маньи. Она отметила, что супругов Маньи, обычно не отличавшихся аккуратностью, в последние две недели перед происшествием «словно бесчистоты обуял»...

Полиция проверила отпечатки пальцев во всех помещениях, включая кухню, ванную комнату и туалет; то же самое было сделано в машинах мадам Кановы и ее предполагаемого любовника, а также в летнем доме убитого в Фонтенбло (где месье Маньи, по его словам, ни разу не бывал). Там мы также опросили сторожа, соседей, разносчиков, показывали им фотографии убийцы — все без малейшего успеха. Остается лишь констатировать полное отсутствие доказательств каких-либо контактов между интересующими нас лицами.

Конечно, в Париже найдется достаточно мест, где влюбленные, не опасаясь любопытных взоров, могут с комфортом провести наедине несколько часов или целую ночь. Кроме того, кто-то из сослуживцев месье Маньи утверждал, будто уже в октябре видел его вместе с мадам Кановой в ресторане одного из крупных столичных отелей. Мы ознакомились с записями в книге постояльцев, но, как и следовало ожидать, искомым фамилий не обнаружили. Тогда мы для пущей уверенности установили личности всех гостей, занимавших в ту ночь двухместные номера. Улов составил семьдесят одну парочку, ни одна из которых не имеет к нашему делу ни малейшего отношения... Добавлю, что ни месье Маньи, ни мадам Канова не смогли припомнить о своем времяпровождении в указанный вечер. Вместе с тем, они вполне допускают, что их видели в том или ином ресторане, поскольку (по их словам) сам профессор, предпочитавший любым развлечениям исторические штудии, нередко просил г-на Маньи взять на себя обязанности галантного кавалера и свозить куда-нибудь мадам Канову, чтобы она не слишком скучала. К сожалению, месье Канова уже не сможет ни подтвердить, ни опровергнуть это заявление.

Ничего не дали нам и обыски, проведенные в обеих квартирах — на авеню де ль'Обсерватуар и на рю де Пасси, — как и в фонтенблоском доме профессора. Полиция не нашла никаких компрометирующих предметов или писем. Проверка банковских счетов также не выявила ничего экстраординарного — ни крупных поступлений, ни внезапных расходов. Так что если наши подопечные и осуществляли взаимное финансирование, то делалось это явно не через банк.

Следствие практически закончено, и комиссар счел возможным до суда отпустить месье Маньи на свободу. Разумеется, полиция ведет за ним непрерывное наблюдение, его корреспонденция

просматривается, а телефонные разговоры прослушиваются и записываются на пленку. Такой же заботой окружена и мадам Канова, но на сегодняшний день все ухищрения подобного рода оказались бесплодными и, боюсь, останутся таковыми и впредь.

В отчаянии я прибегнул к последнему средству, которое, хотя и не обещало весомых улик, все же могло подкрепить мой собственный взгляд на истинный характер дела. Пригласив известного имитатора голосов месье Жувана, я дал ему прослушать магнитофонные записи с голосом г-на Маньи и попросил хорошенько поработать над ними. Дня через два Жуван заявил, что он готов, и мы приступили к задуманной инсценировке. 16 октября около восьми часов вечера в квартире покойного профессора Кановы зазвонил телефон. Мы с комиссаром, каждый со своей трубкой, затаили дыхание, боясь пропустить хоть слово. Наконец послышался голос мадам Кановы:

— Алло.

— Это я, Маньи! — торопливо заговорил Жуван (замечу, что, на мой взгляд, подделка получилась весьма убедительной).

Последовало долгое молчание, затем резкий вопрос:

— Что вам от меня надо?

— Я хотел тебе сказать... плохие новости... Кажется, полиция нашла мои отпечатки в ванной, на биде... — Наш друг Жуван старался изо всех сил.

Снова томительная пауза. Когда же мадам Канова заговорила, в голосе ее прозвучала нескрываемая издевка:

— В самом деле? Насколько я понимаю, речь идет об отпечатках зада? — И она положила трубку.

Месье Жуван был чрезвычайно уязвлен таким фиаско. Здесь примешивалась и личная обида, поскольку ни для кого в Париже не составляют тайны его гомосексуальные наклонности. Он решил, что мадам Канова узнала его. Но и у меня были все поводы для уныния. Ни один из испробованных путей не принес успеха, хотя мы сделали все, что в человеческих силах. Настораживающих моментов в этом деле хватает, но уликами, пригодными для опротестования договора, мы не располагали. Подозреваемая особа очень хитра; сейчас она всячески демонстрирует свою неопытность в денежных вопросах, изображая этакую наивную, бескорыстную простушку. Полагаю, после оправдания убийцы (а исход судебного разбирательства наверняка будет именно таким) ее поведение разительно изменится, и она покажет свое истинное лицо. Но страховым компаниям — как нашей, так и швейцарской — отступать уже некуда. Если в самое ближайшее время не обнаружатся какие-то новые факты, радикально меняющие обстановку, у нас не будет законных оснований задерживать выплату.

Я считаю, что мы узнаем всю правду лишь после того, как начнется дележ добычи между предполагаемыми соучастниками. Мадам Канова может заупрямиться — всякому ведь жаль расставаться с деньгами... Сейчас трудно предсказать, кто из этой милой тройцы первым начнет шантажировать своих друзей, и нельзя определить даже приблизительно, в какую сумму оценит свое молчание мадам Маньи (если она вообще замешана в убий-

стве нашего клиента, а не использовалась преступниками втемную, в качестве приманки). Но в любом случае один из партнеров наверняка сочтет себя обделенным и, движимый мстью, вполне может решиться на какой-нибудь необдуманный шаг. С точки зрения интересов фирмы подобное саморазоблачение произойдет слишком поздно; но, с другой стороны, учтем, что столь крупные суммы, как эта страховка, никогда не выплачиваются одновременно. Перечисление осуществляется поэтапно, на протяжении многих недель, а то и месяцев — такова обычная практика большинства банков. И если заранее подготовить текст апелляции, то мы сможем приостановить платежи, как только наши противники обеспечат нас малейшим юридически значимым предложением.

Расследование топчется на месте, и лишь появление долгожданного сокровища поможет оживить застывшую сцену. Пусть актеры забудут об осторожности, пусть они перейдут к последнему акту драмы, тогда и наступит наш черед... Мы сделаем вид, будто оплатили игру, но зато теперь уже сами выберем удобный момент, чтобы вмешаться.

Мы имеем дело с очень одаренными преступниками — умными, терпеливыми, проницательными. Все их действия распланированы на два-три хода вперед, последовательны, логичны и вместе с тем гениально просты, что особенно поразительно для интеллектуалов, которые часто попадают из-за склонности все усложнять. Здесь же убийца даже не пытался замести следы — он предусмотрел и арест, и суд, и скорое освобождение.

Поэтому, как ни обидно такое решение, я рекомендую фирме занять выжидательную позицию. Думаю, эта тактика оправдается. Рано или поздно противник допустит ошибку, а уж мы не преминем ею воспользоваться.

8

Заключительная часть речи мэтра Гюстава Флери, произнесенной им в защиту месье Кристиана Маньи в Париже, на судебном заседании 5 февраля 1949 года

... Господа, вам предложено вынести обвинительный вердикт, даже если таковой противоречит вашим личным чувствам, — вынести его, так сказать, по принципиальным соображениям. Я также взываю к вашим принципам, и в том числе к главному из них — принципу общечеловеческой справедливости! А он требует безоговорочного оправдания моего клиента! Не отягощайте же свою совесть неуместной строгостью, в которой сами потом будете раскаиваться, строгостью, несовместимой с нашей традиционной моралью и кодексом чести, проверенным веками и живущим в сердце каждого из нас.

Разумеется, человеческая жизнь священна. Вдвойне священна жизнь заслуженного ученого, наставника юношества. Но кто не знает, что в самых безупречных биографиях порой открываются неприглядные страницы? Кто не знает, что под ровной гладью обоев в стене иной раз возникает незаметная трещина, которая однажды вызовет обвал?

Человеческая жизнь священна, но разве менее священна

честь? Разве наши родители не завещали нам ценить ее превыше всего? Я говорю не о мелочном самолюбии, а о том великом чувстве, что лежит в основе взаимного уважения, отличающего цивилизованное общество от орды дикарей, о том чувстве, которое обеспечивает прочность семьи и брака, — одним словом, о чувстве чести, которое вам, господа присяжные, знакомо так же хорошо, как моему клиенту!

Давайте перенесемся в прошлое и проследим еще раз все события того трагического вечера.

Мой подзащитный, чью судьбу вам сегодня предстоит решить, с легким сердцем отправляется в путь, чтобы проведать свою матушку. Он заранее радуется скромному торжеству, которым будет ознаменована золотая свадьба его родителей. Сидя за рулем, он вспоминает детские годы, школьных друзей, вспоминает юность, проведенную в кругу семьи, всегда являвшей ему примеры гражданских и человеческих добродетелей... С грустью думает он лишь о том, что вынужден оставить дома свою молодую жену, ибо она с первого взгляда не понравилась его родне; возможно, он уже начинает расканваться в своем необузданном упрямстве и поспешности при выборе спутницы жизни...

Но мысль о радушном приеме, о празднике, ожидающем его в конце пути, вскоре заставляет Кристиана Маньи забыть все сомнения. Он едет по вечернему Парижу — прекраснейшему городу в мире, способному развеять любую меланхолию...

А теперь представьте моего клиента несколькими минутами позже. Он вернулся за забытым подарком. Быстро вбегает по лестнице. Дверь заперта, но у него есть ключ, и вот, уже охваченный предчувствием какой-то беды, входит он в свою квартиру... Я не буду подробно описывать зрелище, представшее его глазам — здесь, в зале, находится вдова месье Кановы, и все мы сочувствуем ее горю. Но, господа присяжные, я призываю вас на минуту вообразить себя на месте обвиняемого. Что же он видит? Свою жену, свою дорогую, нежно любимую жену, женщину, с которой он обвенчался наперекор мнению всего света и чьего ребенка готов был усыновить, — в объятиях любовника! И это — через три месяца после свадьбы! И тот, с кем она оскверняет супружеское ложе, — не какой-нибудь случайный ловелас — нет, это человек, прекрасно известный господину Маньи, человек, которого он считал своим другом и наставником, которому безоглядно доверял!

Может ли хоть один из вас, господа, положить руку на сердце утверждать, что в подобных обстоятельствах сумел бы сохранить хладнокровие и не переступил бы границ дозволенного?!

Злополучный подарок, коробка шоколадных конфет — совсем рядом, в шкафу, на расстоянии вытянутой руки. Но внезапно словно вспышка молнии прорезает помутившийся от горя и возмущения рассудок моего клиента: он вспоминает о револьвере, уже год лежащем в том же ящике. И вот совершается непоправимое! Современные модели оружия отличаются высокой скорострельностью, и одной-двух секунд достаточно, чтобы несколько раз нажать на спусковой крючок... Буквально в следующую минуту несчастного убийцу охватил ужас от содеянного, но все

усилия спасти собственную жертву уже не могли ничего изменить.

Мой подзащитный — перед вами, господа присяжные, и это избавляет меня от необходимости говорить о глубине его раскаяния. Просто взгляните на него и доверьтесь своему знанию человеческого сердца. Я же, прежде чем закончить выступление, позволю себе напомнить вам показания очень важного свидетеля — последние слова самого месье Кановы: «Поделом мне! Господи, смилуйся надо мной!»

Должны ли, вправе ли мы судить Кристиана Маньи строже, чем тот, кто погиб от его руки? Мой клиент принадлежит к людям, для которых самое страшное наказание — упреки собственной совести. Он действовал, защищая честь французской семьи. Так неужели вы, господа, с пренебрежением отвернетесь от этой национальной святыни — нашей чести? Тогда уже никто и ничто не сможет ее спасти.

ПЕРЕПИСКА

Париж, 5 февраля 1949 г.

Мэтр Гюстав Флери — мадемуазель Сюзанн Валансэ, танцовщице кабаре.

Мой зайчонок, спешу черкнуть тебе пару строк. Надеюсь, новость тебя порадует и немного отвлечет от окаянного гриппа, помешавшего тебе прийти на заключительное заседание.

Свершилось! Мы победили! Приговор жюри — «Невиновен»!

Присяжные были просто неподражаемы — сборище замшелых провинциалов. Среди них — одна старая дева в такой шляпе, какие, думаю, носили перед первой мировой войной. Глядя на нее, я с трудом удерживался от смеха, что, однако, не помешало мне произнести блестящую речь. Прямо-таки бриллиант, а не речь — в лучших классических традициях! Кое-кто из сидевших в зале репортеров, слушая меня, откровенно ухмылялся, но на присяжных высокопарные обороты всегда действуют как нельзя лучше.

Надо, впрочем, признать, что и самый неопытный адвокат наверняка справился бы с этим делом. Все обстоятельства, вплоть до мельчайших деталей, сработали в пользу обвиняемого, представив его в самом выгодном свете. Я, конечно, еще скомпоновал их должным образом, но они и без того подобрались удачно — так удачно, будто некий злой гений заранее спланировал последний роман бедняги-профессора.

К счастью, ни полиция, ни прокурор не дали себе труда копнуть всю эту историю поглубже...

Ну, а я теперь чувствую некоторую досаду — победа досталась слишком легко. Настоящего сражения не произошло, и потому я не испытал того чувства удовлетворения, какое бывает, когда выигрываешь трудный процесс. Даже поздравления коллег не радуют, честное слово!

В общем, все сошло без сучка, без задоринки. Вот что значит правильно выбрать клиента! А моя почтенная супруга (она тоже

присутствовала), внимая разглагольствованиям своего грешного муженька, так расчувствовалась, что даже слезу пустила. Это ли не признак успеха!

Целую тебя бессчетно.

До встречи, твой Став.

**Дневник мадам Кристиан Маньи,
обнаруженный полицией 5 июля 1950 г. в ее квартире**

7 февраля 1949 г.

После суда Кристиан вернулся домой в весьма приподнятом настроении. Официальное подтверждение его невиновности, да еще в столь торжественной обстановке, явно произвело сильное впечатление на моего святошу. Он и сейчас временами напускает на себя гордый вид, словно сам поверил болтовне адвоката.

Впрочем, его можно понять: представление получилось хоть куда! В зале — весь цвет парижского общества, множество репортеров крупнейших газет... и в центре внимания — мадам Канова, в потрясающем черном платье (не иначе, заказала заблаговременно). Уже с первых минут стало ясно, что публика настроена к обвиняемому отнюдь не враждебно. А когда его ввели, по залу прошелестело нечто вроде сочувственного вздоха. Надо признать, Кристиан выглядел очень эффектно: высок, красив, исполнен достоинства, с интересной бледностью на лице. На вопросы председателя отвечал спокойно и вежливо, как и подобает благородному молодому человеку в столь драматических обстоятельствах. Просто загляденье!

Я, напротив, сразу же возбудила к себе всеобщую неприязнь, и чуть ли не каждая моя реплика сопровождалась ропотом возмущения. Окажись я на скамье подсудимых, меня бы не пощадили, это уж точно! Именно такого распределения ролей и добивался хитроумный мэтр Флери, адвокат Кристиана. Добросовестно следуя его совету по возможности вызвать весь огонь на себя, — я, кажется, даже слегка перестаралась. Когда судья осведомился, пыталась ли я после своего замужества прервать всякие отношения с жертвой, я с наивным видом ответила: «Но, ваша честь, ведь жертва была бы категорически против!» Тут в зале поднялся невообразимый шум, и его честь добрых полминуты колотил молотком по столу, дабы восстановить тишину и утихомирить негодующих добропорядочных буржуа.

Мэтр Флери построил защиту умело, умно, и результат превзошел ожидания. Присяжные безуспешно пытались скрыть волнение, в публике у многих увлажнились глаза, а все семейство Маньи плакало навзрыд. Объявленный после короткого совещания оправдательный приговор был встречен единодушными аплодисментами, почти овацией! Впрочем, это, пожалуй, преувеличение — хлопали все-таки сдержанно, не слишком громко, а так, как принято в приличном обществе, вот.

Итак, Кристиан оправдан и свободен. Мы, ясное дело, разведемся, и после этого уже ничто не помешает ему жениться на мадам Канове (по крайней мере с официальной точки зрения). Я думала, у него хватит терпения воздержаться от встреч с нею во все время траура. На суде он так и ловил ее взгляд, а когда это не

удавалось, понижал головой, словно цветочек, который забыли полить. Оно и понятно — влюбленные голубки не виделись с самого сентября, совсем исчахли, бедняжки, от монашеской жизни. Правда, Кристиан изредка, если уж ему бывало совсем невмоготу, вспоминал о своих супружеских обязанностях, но радости от этого мы оба получили немного... Теперь с этим покончено, и перед ним открывается новая жизнь, к которой он так долго и упорно стремился. Конец страхам, унижениям, притворству, конец отвратительной комедии, тянувшейся больше четырех месяцев! *

Единственная тучка на безоблачном горизонте — мое завещание. Кажется, оно беспокоит их сильнее, чем они сами себе в этом признаются. Но я молода, прожить могу еще очень долго, а если проболтаюсь, то утоплю и себя вместе с ними...

Малая толика добычи мне, вероятно, перепадет. С другой стороны, я для них не настолько опасна, чтобы ставить условия и выдвигать чрезмерные требования. Все мы связаны круговой порукой...

17 февраля.

Развод будет оформлен в ближайшие дни, и мысль об этом в равной мере согревает нас обоих. Кристиан заметно воспрянул духом и мало-помалу обретает прежнюю самоуверенность.

Он сообщил, что мадам Канова получила свои двести миллионов и просит меня пожаловать к ней вечером двадцатого для делового разговора.

Жалкие идиоты! Неужели они и вправду вообразили, будто я позволила им загубить моего бедного Канову из-за денег?

20 февраля.

После обеда я отправилась на авеню де ль'Обсерватуар. Мадам Канова сама открыла мне дверь, одарила ослепительной улыбкой и провела в гостиную, уже обставленную заново — богато и с безупречным вкусом. Предложив мне присесть, она опустилась в глубокое кресло и устремила на меня испытующий взгляд бездонных синих глаз. Я поместилась на краешке стула и постаралась принять вид слегка оскорбленной невинности.

— Милое дитя, — заговорила мадам Канова, — несколько месяцев назад вам удалось поставить меня в довольно затруднительное положение. Но я приняла вашу помощь и не раскаиваюсь, хотя с моей стороны это был довольно неосторожный шаг. Я знала, что в вашей ограниченной головке роятся планы мести, и все-таки решила предложить вам сотрудничество. Конечно, тут имелся определенный риск, который сохраняется и поныне. Под риском я подразумеваю вашу смерть — в том случае, если она наступит до истечения срока давности, установленного французским законом для преступлений вроде нашего.

Так вот, хочу сказать вам следующее. Я всесторонне обдумала ситуацию с небезызвестными магнитофонными пленками. Вы, вероятно, надеетесь их выгодно продать, но мне придется разочаровать вас: я не дам за них и ломаного гроша. Причина совер-

* Мадам Маньи ошиблась. Следовало бы написать: «...почти четыре месяца».
(Примеч. автора.)

шенно очевидна — зная вас, я нисколько не сомневаюсь, что вы заготовили достаточное количество копий. Допустим, сейчас я куплю у вас эту запись; тогда вскоре вы явитесь со следующим экземпляром, и так будет повторяться до тех пор, пока я не отдам вам все, что имею. И даже окончательно разорив меня, вы наверняка оставите про запас на всякий случай еще парочку пленок. С другой стороны, пока я сохраняю спокойствие и игнорирую любые попытки шантажа, вы бессильны. Вы согласны со мной, дорогая?

— Мадам, сама мудрость говорит вашими устами, — церемонно согласилась я.

— Однако, — продолжала моя собеседница, — вообще сбрасывать вас со счетов было бы столь же неразумно. Отчаяние — плохой советчик, и не в моих интересах доводить вас до крайности. Думаю, что самым правильным решением будет выделение небольшого капитала, который даст вам возможность жить, не тревожась о завтрашнем дне. Жить, не нуждаясь, и пользоваться комфортом, соответствующим вашему возрасту, вашим вкусам... и вашим заслугам. Я давно заметила, что деньги — лучшее средство для успокоения враждебных страстей; они водворяют мир в сердцах и тем способствуют долголетию... Полагаю, сумма в двадцать миллионов франков будет достаточной — особенно если позаботиться о правильном размещении этих средств. Я буду рада помочь вам с выбором надежных бумаг.

И, давая понять, что аудиенция окончена, мадам Канова встала. Провожая меня, она заметила вскользь, как будто лишь сейчас вспомнила о подобной мелочи:

— Несколько дней назад ко мне заходил ваш супруг, господин Маньи. Он был настойчив и вел себя довольно странно — так, словно я перед ним в неоплатном долгу. Это не совсем тот образ действий, какого можно ждать от воспитанного человека; надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу, что впредь предпочла бы обходиться без общества месье Маньи. Могу ли я попросить вас разъяснить ему это от моего имени?

Видимо, в тот миг мне не удалось скрыть живейшую радость, поскольку она поспешно добавила:

— Но постарайтесь пощадить его чувства... Он так легко раним! Не будьте с ним жестоки — это не в ваших и не в моих интересах.

Уже взявшись за дверную ручку, мадам Канова пристально посмотрела на меня, и ее взгляд смягчился. В нем мелькнуло что-то почти человеческое. Эта синеглазая тигрица когда-то тоже была ребенком.

— Вы мне нравитесь, — медленно произнесла она. — Быть может, потому, что мы с вами любили одних и тех же мужчин... Но это пустяки, важнее другое — я всегда симпатизировала людям, которые не позволяют обращаться с собой, как с бессловесным скотом... и которые умеют любой ценой добиваться желаемого.

Настроившись от собственных слов на сентиментальный лад, она на прощание нежно поцеловала меня и шепнула:

— Честно говоря, я не нахожу в мужчинах ничего привлека-

тельного. Это тяжело... но что поделать? В конце концов ко всему привыкаешь.

На том мы и расстались.

Кажется, я делаю успехи. Завести, что ли, любовницу-миллионершу? Да, самообладанию этой женщины можно позавидовать.

21 февраля.

Кристиан совершенно раздавлен. Он и сам не сознавал, насколько зависит от своей Веры, поэтому открытие того, что он ей безразличен, явилось для него по-настоящему тяжким ударом — надо думать, первым в его жизни. А впридачу еще мысль о напрасно совершенном убийстве... Теперь он бегаёт по комнате, как зверь по клетке, вновь и вновь повторяя: «Это невозможно! Просто невозможно! Не мог я так обмануться!» — и, не замечая моих усмешек, призывает меня в свидетели.

Сегодня за обедом я попросила его немного отсрочить наш развод. Он вытаращил глаза.

— Почему? Зачем?

— Мне хочется побыть с тобой еще немного. Ты ведь столько для меня значишь...

— Да ты спятила! — завопил мой муженек. — Говорю тебе, мы разведемся, как решили, без всяких отсрочек!

Я вздохнула.

— Не упрямясь, дорогой. Ты ведь хочешь получить ту пленку?

Кристиан охнул, его прямо-таки перекосило от злости. Кажется, за сердечными муками он совсем позабыл, что у него есть еще один повод для огорчения — магнитофонная запись.

Мужская глупость поистине беспредельна! Он мне поверил. Может, потому, что его выводит из равновесия поведение мадам Кановы. Ее хладнокровие свидетельствует об уверенности в своей безопасности, которой так не хватает бедняжке Кристиану. И средства вернуть себе душевный покой у него нет. Я в гораздо более выпрыгнутом положении, и к тому же скоро буду недурно обеспечена. Он зависит от меня — и теперь, и в обозримой перспективе — без малейшей надежды когда-нибудь добиться преимущества в нашей открытой войне. Мысль эта для него нестерпима, и он, конечно, еще постарается взбрыкнуть и скинуть ярмо.

Первая, довольно робкая попытка произошла за ужином.

— Я уже не имею никакого отношения ко всей этой истории, — заявил он, придав голосу всю твердость, на какую был способен. — Я оправдан, понятно? Оправдан и чист перед законом. Так сказал мой адвокат.

— Ну конечно, дорогой. Только боюсь, что в случае чего тебя могут привлечь как сообщника уже по новому обвинению... И не забывай про смерть мадемуазель Сюриссо, а также про убийство ребенка.

— Ребенка?

— Ну да, сынишки профессора Кановы. Или ты не в курсе? А твоя приятельница поведала мне вчера всю предысторию этого грустного события.

(Тут я немножко блефовала. Но, с другой стороны, я была почти уверена в правдивости своих слов. Не надо быть семи пядей во

лбу, чтобы предположить за мадам Кановой, помимо устранения мужа, еще кое-какие грешки.)

Кристиан побледнел. Он любил маленького Ксавье и, если не ошибаюсь, даже давал ему уроки, помогая осилить школьную премудрость. Но, как ни ужаснул Кристиана мой намек, спорить он не пытался.

22 февраля.

Кристиан начинает сдавать. Все утро хныкал, умоляя понять трагизм его положения и т. д. Я помалкивала и улыбалась. Вечером он не выдержал, увлек меня в спальню и овладел мной с иступленной страстью, разительно не похожей на то, что бывало у нас прежде. Отчаяние вдохновляет на подвиги... Забавно.

24 февраля.

Чаепитие у мадам Кановы. Эта женщина обладает феноменальной способностью менять поведение в зависимости от обстоятельств. Ее беззастенчивое маневрирование очень напоминает тактику коммунистических правителей: выросшая в Советской России товарищ Вера неосознанно переняла стиль своих вождей. Продолжение связи с Кристианом уже не сулит ей ничего, кроме опасности разоблачения, и к тому же грозит обернуться новыми расходами. Посему она, не колеблясь, бросила его и теперь старается приручить меня, надеясь завоевать доверие, дружбу и, кажется, даже любовь! Вообще-то она понимает, что шансы на успех невелики, но других путей у нее сейчас нет, и мадам Канова разыгрывает свою единственную карту со всей тщательностью, обдумывая каждый жест и каждый взгляд.

Когда хочет, она умеет очаровывать — в чем-чем, а в этом ей не откажешь. Она рассказывала мне о своем прошлом, о жизни в России, о жутком фарсе, где переплетаются рабство, ложь и анархия... Я вслушивалась в переливы ее голоса, любовалась быстрой сменой выражений на прекрасном гордом лице и не без тщеславного удовольствия отмечала все чаще адресуемые мне нежные взгляды. Временами, наклонившись ко мне, она словно подчеркивала сказанное легким дружеским прикосновением. Да, трудно даже вообразить более обольстительную женщину. Прямо Цирцея...

Домой я вернулась довольно поздно и едва переступила порог, как Кристиан учуял хорошо знакомый ему аромат духов, пропитавший мои волосы и платье. Нахлынувшие воспоминания о минутах, проведенных в объятиях мадам Кановы, повергли его в неопишемую ярость. Он схватил меня за плечи и так стиснул, что я чуть не вскрикнула от боли. Прошло несколько секунд; Кристиан впился в меня горящим взором и дрожал с головы до пят. Наконец его пальцы разжались, он обмяк и снова превратился в тряпку.

Момент я пережила напряженный, но в целом основания для беспокойства нет. Как ни бесит Кристиана моя нынешняя близость с мадам Кановой, инстинкт самосохранения в нем достаточно силен. К тому же он втайне надеется, что мадам благодаря своему уму и обаянию все-таки убедит меня отдать пленку.

28 февраля.

Настала пора отблагодарить молодого человека с нижнего этажа. Как-никак именно его гостеприимство в пору моего увлечения звукозаписью позволило мне добиться столь блестящих результатов. Да и впоследствии он держался очень хорошо, не позволяя себе ни вопросов, ни намеков. Конечно, даже начни он болтать, это вряд ли изменило бы ход дела об убийстве профессора, но все же — кто знает? — могли возникнуть и осложнения. В любом случае молчание юного киногероя — любезность, заслуживающая награды.

Итак, вчера вечером мы удрали из Парижа и устроились на ночь в маленьком, но вполне уютном пригородном отельчике. Около трех часов утра мой приятель, истощив как свои возможности, так и фантазию, наконец уснул. Тогда я тихонько встала, набрала номер нашей квартиры на рю де Пасси и, изменив голос, сообщила Кристиану, что его супруга попала в автомобильную катастрофу в Фонтенбло... Сейчас, добавила я, пострадавшую перенесли в ближайший к месту аварии отель «Великий охотник», что возле Барбизона; мадам Маньи пришла в сознание и хочет увидеть своего дорогого мужа. Она находится на втором этаже, в тринадцатом номере.

Не дожидаясь ответа, я положила трубку и юркнула в постель.

Меньше чем через час хлопнула входная дверь, на лестнице послышался громкий топот, и торопливые шаги направились к нашему номеру. Герой-любовник пробудился и уставился на меня с тревогой во взоре.

— Там мой муж! — взвизгнула я. — Это его шаги! Это он!

Бедный мальчик затрясся, точно заяц. И было отчего: вот-вот в комнате появится кровожадный ревнивец, который имеет обыкновение без лишних слов расстреливать дружков своей жены. Забыв про меня, парень затравленно озирался в поисках какого-нибудь убежища, но поздно! Дверь распахнулась, и на пороге возник Кристиан. Он был очень бледен.

Кристиан на мгновение остолбенел и только рассматривал нас, словно не в силах постичь смысл открывшегося ему зрелища. Потом глубоко вздохнул и произнес единственные уместные в такой ситуации слова:

— Слава Богу! С тобой все в порядке!

Да, ради этого триумфа стоило постараться! Я ответила громким, отчетливым голосом:

— Сударь, я не знаю, что привело вас сюда в такой час, но надеюсь, что вы уже догадываетесь, сколь нежелательно тут ваше присутствие. Или вам не терпится продлить список ваших преступлений? Но я советую вам не искушать судьбу и отправляться туда, откуда пришли.

Безмолвно выслушав эту уничтожающую тираду, Кристиан сделал шаг назад и тихонько прикрыл за собой дверь — покорный и жалкий, как пудель, которого окатили помоями. А я, проводив его презрительным смехом, начала приводить в чувство полумертвого от страха кинокрасавчика. Задача оказалась нелегкой, несмотря на все мои заверения, он никак не хотел поверить, что опасность миновала и ему уже ничто не грозит.

1 марта.

Сегодня купила целую охапку чистых магнитофонных катушек и рассовала их в квартире по разным углам. Теперь, стоит мне отвернуться, как Кристиан принимается за лихорадочные поиски. Найдя очередную пленку, он набрасывается на нее, словно еж на гадуку, рвет и режет на куски, комкает, скручивает — в общем, сражается...

4 марта.

За обедом Кристиан обнаружил на дне супницы одну из ненавистных бобин с пленкой. Опустил глаза и промолчал. Розыскная деятельность с этого момента прекратилась.

5 марта.

Кристиан все больше поджимает хвост. Насколько это искренне, я еще не разобралась. Внешне — полная покорность, даже с оттенком фатализма. Говорит, что мы должны расстаться по-хорошему, что он переедет в какой-нибудь отель. Короче, задумал сбежать. Ох, не пошли ему впрок уроки мадам Кановы!

Скоро настанет мой час — час, когда я насажу на булавку их обоих, а потом полюбуюсь, как они будут корчиться и в последних судорогах цепляться за воздух.

7 марта.

Вчера утром, проснувшись, мы долго вспоминали наше свадебное путешествие, розовые домики в Дубровнике, закат над озером Плитвице и прочее... Я так расчувствовалась, что съездила к нотариусу, взяла два комплекта записей и вручила их Кристиану, поклившись, что это — единственные, а других нет.

Ах, как хотелось ему поверить моим словам! Заполучив проклятые пленки, он выглядел таким счастливым, был так неподдельно благодарен... Сохранись у меня хоть капля жалости к людям, я бы непременно смягчилась в эту минуту.

8 марта.

Обедала в ресторане с Клодом Кураном. Мы не виделись несколько лет, и с тех пор утекло много воды. Из нескольких оброненных им замечаний — полувопросов, полунамеков — я поняла, что он никак не припомнит, успели мы с ним переспать или все-таки не успели? Как летит время! А ведь Клод был моим первым любовником и значил для меня немало, — пожалуй, больше, чем все остальные... Но говорить ему об этом я не стала.

Теперь он практикующий врач-гинеколог, арендует кабинет на соседнем бульваре Моцарта (собственно, это соседство стало одной из причин, побудившей меня обратиться именно к Курану). Так же элегантен и щедр, как прежде: о деньгах упоминает лишь вскользь, со светской небрежностью. Но временами в его голосе сквозила озабоченность, и мне не составило особого труда вытянуть из него признание в том, что налаживание собственного дела обошлось ему весьма недешево и сейчас он по уши в долгах. Как раз то, что требуется!

9 марта.

Нанесла очередной, четвертый по счету визит к мадам Канове. Покатались по городу в ее «роллс-ройсе», причем, она неукоснительно покупала мне подарок в каждом магазине, рядом с кото-

рым мы оказывались по пути. К машине своей она испытывает самую нежную привязанность — и объяснила, почему:

— Однажды, еще молоденькой московской студенткой, я дала себе клятву: придет день, когда у меня будет личный «ролл-ройс». И я сдержала слово... Ах, дорогая, мы с вами переживаем волшебную сказку наяву, не правда ли?

— По-моему, это больше смахивает на криминальный роман, — уточнила я.

Тут мадам Канова весело рассмеялась и объявила, что у меня просто нет поэтической жилки...

9

Дневник мадам Маньи (продолжение)

10 марта.

Вчерашний вечер выдался насыщенным событиями. Клод пригласил меня вместе поужинать, затем повел в театр, а после спектакля уговорил зайти к нему домой и выпить по коктейлю. Надо признать, что упиралась я никак не дольше, чем требуют правила хорошего тона... Чудесная получилась ночка — давно уже ни с кем мне не удавалось ощутить такое блаженство! Клод просто прелесть. Особенно отраднo, что его ничуть не заботит прославленная ревность моего грозного супруга.

Только на рассвете я смогла улучить подходящий момент и завести разговор на интересовавшую меня тему. Клод сразу насторожился и дал понять, что он не очень-то склонен участвовать в подобной игре. Пришлось пуститься в разъяснения — как важно для меня удержать мужа от немедленного развода, как я его люблю, невзирая на все мои увлечения. Мол, единственное средство добиться прощения — сделать вид, будто я тяжело заболела. Не бросит же он меня умирать в одиночестве! Ну а для этого маскарада совершенно необходим союзник — врач.

Однако милый Клод оставался тверд, как скала. Фальшивый диагноз — тягчайшее нарушение врачебной этики; он всецело одобряет мое намерение сохранить семью, но не желает ради этого рисковать карьерой, а то и свободой...

Видя такую принципиальность, я сменила тактику и невзначай завела речь о недавно полученном немалом наследстве. При этом подчеркнула, сколь чужда моей натуре неблагодарность, и в заключение призналась, что сумма в один-два миллиона франков кажется мне не слишком высокой платой за семейное счастье. Тут мой ненаглядный эскулап явно смягчился, его взор утратил циничную пронизательность гинеколога и приобрел эдакую всепрощающую теплоту, словно у патера, исповедующего юную грешницу. Не дав ему опомниться, я соскочила с постели, и прямо нагишом, словно некая аллегория Правды, прошествовала к своей сумочке. Не успел он открыть рот для возражений, как двести тысяч перекочевали к нему под подушку...

Дома меня ждал Кристиан, измученный тревогами и бессонной ночью. Выразить какое-либо неудовольствие он не осмелился и лишь горько заметил:

— Когда опять соберешься наставить мне рога, хотя бы предупреди, чтобы я не волновался.

11 марта.

Вторая ночь с Клодом. Восхитительное, небывалое ощущение — когда мужчина тебя забыл и словно открывает заново, в то время, как ты его отлично помнишь и, не подавая вида, сравниваешь с прежним. Просто чудесно!

На сей раз я сжалась над Кристианом и, уходя, намекнула, что могу задержаться до утра. Впрочем, он и сам понял это по моим сборам, так что, надеюсь, спал спокойно.

13 марта.

Кристиана раздражают противоречивые чувства, и он не может решить, как ему со мной держаться. Всей душой стремясь к свободе, он не может ни приструнить меня, ни уйти, поскольку опасается какого-нибудь подвоха.

Иногда ему начинает казаться, что я действительно мечтаю сохранить наш домашний очаг и пустилась во все тяжкие с единственной целью — вновь возбудить его интерес ко мне. Но проходит несколько минут, и он уже косится на меня с таким ужасом, словно видит гарпию, готовую вцепиться ему в печеньку. Я же всячески поддерживаю в нем это состояние неопределенности, меняя тактику чуть ли не каждый час. Резкие, внезапные маневры — лучшее средство измотать противника.

Сегодня утром он сам со смиренной миной предложил забрать прошение о разводе, если я так уж против этого шага. Значит, здорово боится; можно сказать, выкинул белый флаг над последним укреплением! Надеется, что я на радостях выдам ему все пленки, и он благополучно смоемся...

За обедом старалась есть поменьше и пожаловалась на недомогание и слабость.

15 марта.

Шестая встреча с мадам Кановой. Ездили на демонстрацию мод, и она надарила мне целый ворох шикарных платьев. Понемногу приобретаю респектабельный вид, как и положено состоятельной даме.

17 марта.

Дома ем все меньше. После трапезы, выдержав небольшую паузу, говорю, что пойду прогуляться, и спешу в ближайший ресторан. Затем возвращаюсь обратно, грустная, подавленная, словно и не уплетала только что салат, жаркое, сыр и фрукты. Правда, эти прогулки и в самом деле чертовски утомительны — целый день на ногах, ношусь от стола к столу. Кристиан встревожен — никак не может взять в толк, чем вызвана пропажа аппетита у его любимой женьюшки.

19 марта.

Изобразила обморок. После этого мое заявление, что неплохо бы обратиться к врачу, выглядело вполне естественным. Кристиан долго меня отговаривал — насколько я понимаю, из страха, как бы и впрямь не обнаружилось что-то серьезное. Но крыть ему было нечем, и он все-таки вызвал неотложку.

Я хорошо запомнила наставления Клода. По мере того, как я перечисляла доктору симптомы недомогания, лицо у него вытягивалось все больше и больше.

— Что ж, — произнес он наконец, — если в ближайшие дни ваше состояние не улучшится, необходимо будет провести клиническое исследование крови...

20 марта.

Забавная сцена у мадам Кановы.

Некоторое время назад она наняла горничную — смазливенькую, совсем юную девчонку. Та почему-то невзлюбила меня и, как это часто водится у прислуги, пользующейся особой благосклонностью хозяев, стала быстро наглеть. Сегодня, когда она отпустила в мой адрес очередное нахальное замечание, я обратилась к мадам с просьбой немедленно ее рассчитать. После секундного колебания моя синеокая приятельница подчинилась: девушке было сказано, что она уволена.

Но, прежде чем покинуть квартиру, молоденькая красотка выпалила прямо в лицо своей бывшей госпоже целый залп сногсшибательных ругательств, причем таких изощренно грязных, какие услышишь разве что в матросском кабаке... или в любом парижском предместье. Выказавшись и на прощание громко хлопнув дверью, мерзавка удалась.

Мадам Канова побледнела, как полотно. Я и раньше замечала, что подобные сцены для нее непереносимы — ей просто нечем ответить на оскорбление, нанесенное в столь вульгарной форме. Закусив губу, она отвернулась к висевшей на стене обнаженной Сюзанне Валадом (одно из недавних приобретений) и с минуту стояла неподвижно, не произнося ни слова. Овладев собой, она промолвила с грустным смешком, указывая на картину:

— Вот единственное красивое тело, которое ни при каких обстоятельствах мне не изменит.

— Закажите написать такую же с меня, — предложила я.

Мадам Канова оживилась, и разговор принял иное направление. Но сначала она с обезоруживающей застенчивостью попросила объяснить ей точный смысл тех красочных эпитетов, которыми наградила ее разъяренная маленькая шлюшка. Заметив мое изумление, она рассмеялась:

— Не забывайте, дорогая, что я иностранка. Французский выучила по произведениям классиков, а у них даже самые отъявленные злодеи выражаются весьма пристойно...

Ну конечно! И как это мне самой не пришло в голову? А я-то все раздражалась из-за чересчур правильной, насыщенной книжными оборотами речи мадам Кановы. Теперь же, когда все стало ясно, мне осталось лишь выразить восхищение ее лингвистическими способностями, добавив, что площадная брань — единственное, в чем она уступает урожденным парижанкам.

Это ей польстило. Она вспомнила, что именно литературная безупречность языка привлекла к ней на первых порах после знакомства внимание профессора Кановы. Ну, это и неудивительно — покойный профессор выражался так же вычурно и старомодно, в стиле семейных романов прошлого века.

Прежде чем проститься, я извинилась за то, что стала причиной досадного инцидента с горничной. Мадам Канова поспешила меня успокоить:

— Забудьте об этом, дорогая. Девушка меня устраняла, но не более того; вы же мне по-настоящему нравитесь. Таким образом, я не потеряла ничего, о чем стоило бы жалеть. Вы одна для меня незаменимы, ведь в ваших руках мое счастье... да и вся жизнь!

21 марта.

Со здоровьем у меня все хуже. Я предложила Кристиану пригласить специалиста, лучше всего гинеколога, поскольку чувствую, что истинная причина моего недуга — какая-то женская болезнь. Кристиан без спора углубился в справочник, потом уверенно произнес:

— Вот, есть некий доктор Куран, его кабинет как раз поблизости...

— Дай-ка взглянуть... Но, дорогой, тут указано, что он практикует совсем недавно. Как ты думаешь, не слишком ли он молод?

— Наоборот, Беатрис! — с энтузиазмом возразил мой мудрый супруг. — Молодость для врача — всегда плюс! Он не погряз еще в рутине, использует новейшие методы лечения, да и к пациентам не так равнодушен, как старики.

— Ну ладно, — легко сдалась я, — пусть приходит этот твой Куран.

Западня захлопнулась!

22 марта.

Доктор Куран нанес первый визит. Роль свою сыграл превосходно: был корректен, внимателен, участлив. Осмотрев меня, заявил, что на всякий случай необходимо сделать клинический анализ крови. Тут же уколол мне палец, собрал на стеклышко якобы необходимое количество и спрятал этот сувенир в свой чемоданчик.

— На всякий случай! Опять на всякий случай! — ворчал Кристиан, выпроводив Клода и возвращаясь в комнату. — Эти проклятые медики словно сговорились — повторяют друг друга чуть не дословно, а поставить диагноз, похоже, не в состоянии.

Терпение, мой милый. Скоро определят и распишут тебе во всех подробностях.

25 марта.

Ну вот, главный пункт программы осуществлен. Вчера утром вновь явился Клод — губы поджаты, выражение лица скорбно-сочувственное. Мельком осмотрел меня, сказал несколько ободряющих фраз и, закрыв дверь, уединился с Кристианом в прихожей. Я спрыгнула с кровати и, с твердым намерением не упустить ни слова, прижалась ухом к замочной скважине. За дверью произошел следующий диалог:

— Итак, г-н доктор?..

— Гм-гм. Боюсь, мне придется огорчить вас, месье. Новости довольно неприятные. Но, разумеется, положение не безнадежное, отнюдь нет.

— Доктор, я хочу полной ясности. Скажите прямо, без всяких недомолвок: что с моей женой?

— Видите ли... Анализ показал резкое, в несколько раз выше

нормы, увеличение содержания лейкоцитов, то есть белых кровяных телец...

— И что это означает?

— Вы не понимаете? Вкупе с остальными симптомами это очень напоминает картину лейкоза.

— Лей... Кажется, я ослышался...

— Да-да, лейкоза, или, что то же самое, рака крови. Впрочем, чтобы исключить ошибку, я обязательно сделаю повторный анализ.

— Но... но ведь это ужасно,— хрипло пробормотал Кристиан.

— Да, хорошего мало.

— И эта болезнь неизлечима?

— Не всегда, но как правило...

— Позвольте, месье, что значит «не всегда»?

— Мне доводилось видеть больных, которые прожили по два, а то и по три года после начала заболевания. К тому же известны случаи выздоровления или по крайней мере стойкой ремиссии. Прежде я работал ассистентом в Вильжюифской клинике, и там... Ну-ну, друг мой, не вешайте голову, не так уж все скверно! Должен вам сказать, что течение лейкозов очень сильно зависит от эмоционального состояния больного, от его душевного настроя. Проще говоря, вам необходимо оградить супругу от любых огорчений и неприятностей. Проследите, чтобы она не скучала, будьте с ней поласковой, старайтесь почаще радовать... Ну, вы понимаете, что я имею в виду. Но избегайте всякой нарочитости — это может возбудить у нее подозрения, и тогда все наши усилия пойдут насмарку.

Я проконсультируюсь с лучшими гематологами и обещаю: все, что можно сделать для спасения вашей жены, будет сделано. Только уж вы должны нам помочь. Дайте ей почувствовать, как вы ее любите — тем самым способом, который каждой женщине понятен лучше всяких слов! Помните: сексуальная удовлетворенность — сильнейший терапевтический фактор. Так что не шадите себя, дружиче!

Ай да Клод!

Через минуту он зашел в спальню; я в это время уже лежала в постели и отрешенно глядела в потолок. Попрощавшись, он быстро наклонился ко мне и шепнул:

— Можешь не тревожиться, киска! Твой муж тебя обожает. Никогда еще не видел супруга, который бы так переживал из-за болезни жены. Бедняга просто в отчаянии!

28 марта.

Кристиан изо всех сил старается выглядеть жизнерадостным и беззаботным, но актер из него никудышный. Стоит мне притвориться, будто я читаю или сплю, как его физиономия сразу превращается в подобие трагической маски. Кроме того, он обложился медицинскими журналами и усердно штудирует их, подпитывая свой страх.

Так и слышу, как он говорит мадам Канове: «...Я ведь затем и женился, чтобы принести ее в жертву нашему счастью».

Вот уж подлинно — смех и грех! Жертвенная овечка оскалила зубы перед самым закланием.

Временами он осторожно пробует коснуться волнующей его темы. Я с вялым безразличием отвечаю, что опасаться ему нечего. Он мне, разумеется, не верит, но умолкает. В противном случае я моментально расстраиваюсь, пускаю слезу и заявляю, что он просто добивает меня своей подозрительностью. Это действует безотказно. А еще я то и дело выдумываю разные капризы. Кристиан приписывает их моему болезненному состоянию и, помня наказания Клода, мечется, словно белка в колесе.

2 апреля.

Вчера ходили на прием к известному гематологу. Клод заранее прислал развернутое заключение о состоянии моего здоровья. Согласно сценарию мне пока надлежит оставаться в неведении, но Кристиан, уже поднатаревший в медицинских терминах, понял все как нельзя лучше. Больше ничего и не требовалось. Убедившись, что очередной удар достиг цели, отправила эту писанину в унитаз.

Я настояла, чтобы Кристиан подождал меня в приемной. Заморочить голову светилу гематологии оказалось совсем несложно — доктор принял меня за одну из тех психопаток, которые изобретают себе болезни, а потом бегают по врачам, отнимая у них время.

Когда я вышла из кабинета, Кристиан с видом приговоренного к смерти сидел на стуле; к моему облегчению, он был совсем не расположен беседовать со светилом. Я подошла и, испуганно округлив глаза, произнесла чуть дрожащим голосом:

— Знаешь, дорогой, эта история нравится мне все меньше. Теперь направляют на рентгенотерапию... Что это может означать?

11 апреля.

Регулярно посещаю госпиталь Сен-Жозеф, прохожу курс рентгенотерапии. Кристиан отвозит меня и ждет в машине — мы решили, что он не будет заходить внутрь, поскольку больничная обстановка действует ему на нервы. А я огибаю здание и попадаю в тихий, уютный скверик. Здесь я сажусь на скамейку — кстати, как раз перед рентгенологическим отделением, — достаю какой-нибудь роман и одолеваю две-три главы, после чего возвращаюсь, и мы едем домой.

Честно говоря, эта затянувшаяся комедия начинает меня малость утомлять, но я уверена, что нервы у моих подопечных скоро сдадут. Первым, несомненно, сломается Кристиан — он и так уже на пределе. Потом настанет черед мадам Кановы. Она сделана из куда более прочного материала, но я все-таки научу ее хотя бы одному человеческому чувству — страху.

15 апреля.

Последнее время, ссылаясь на нездоровье, я манкировала приглашениями на авеню де ль'Обсерватуар. И вот сегодня мадам Канова самолично явилась с огромным букетом роз осведомиться о моем самочувствии.

Событие произошло в полдень. Я, на положении больной, лежала в постели и к ее приходу как раз успела накраситься — сделала себе мертвенную бледность и темные круги под глазами. Мадам Канова тоже выглядит не лучшим образом, и мне показалось, что она похудела.

Уходя, она перебралась несколькими фразами с Кристианом, и мне удалось разобрать часть разговора сквозь неплотно закрытую дверь.

— Говорю же тебе, — отчаянно шипел мой супруг, — ее осматривала уйма врачей! Участковый терапевт, гинеколог, гематолог! И все поставили один и тот же диагноз... Да в чем тут еще сомневаться? Не могла же она втереть очки всем медикам Парижа!.. — Ответа я не расслышала. — А тебе известно, какова смертность от лейкоза? Девяносто семь процентов!

Тут я с удовлетворением откинулась на подушку. Теперь и мадам Канова поймет, что шансов у нее не осталось.

19 апреля.

У Кристиана начала пошаливать печень. Он совсем пожелтел и взял в университете месячный отпуск для поправки здоровья.

23 апреля.

Кристиан все так же стойко держит бессменную вахту возле моего одра. Его вымученная заботливость становится непереносимой. Пожалуй, пора переходить к следующей стадии и, как говорится, нанести удар милосердия.

25 апреля.

Сегодня вышла из госпиталя шатаясь, вконец убитая горем. Села в машину и объявила гробовым голосом:

— Все, мне конец... Я давно догадывалась!

Кристиан заметался, не зная, как меня разубедить, но я была безутешна.

— Нет, нет, не обманывай меня... Я сама слышала, как одна из медсестер произнесла слово «лейкемия»... и при этом еще поглядела на меня с такой жалостью... Теперь все понятно... Я скоро умру... — И я с рыданиями бросилась ему на шею.

В тот момент он как раз выезжал на дорогу, и машину чуть не вынесло на встречную полосу. Едва успевший затормозить шофер грузовика высунулся из кабины и покрыл нас отборной руганью, но Кристиан даже не заметил, что сделался причиной чьего-то неудовольствия. Думаю, он и пинка бы не почувствовал.

28 апреля.

Проплакала целый день. Кристиан в срочном порядке выкинул все медицинские журналы и справочники. Это он зря — такая детская уловка должна была лишь подтвердить мои опасения. Обнаружив пропажу, я сделала выводы (разумеется, вслух) и теперь реву пуще прежнего.

Намекаю на самоубийство. Кристиан ни на минуту не спускает с меня глаз. Он уже боится спать.

27 апреля.

Приходила мадам Канова. Воля и энергия этой женщины достойны преклонения. Хотела бы я быть столь же неутомимой! Она выразила мне свое сочувствие, причем в таких простых и сердечных словах, что, будь я и вправду больна, мне наверняка стало бы легче. Под конец она завела речь о главном, и следует признать, что слушала я с неподдельным интересом.

— Дорогая, удерживайте себя от злобы, она — оружие слабых.

Конечно, когда рассудок уже выбрал какую-то цель, идти к ней следует без колебаний и сомнений, устраняя все препятствия на своем пути. Но ни в коем случае нельзя опускаться до озлобления. В желании отомстить всегда есть что-то жалкое, как в любом капризе; наши эмоции должны подчиняться велениям разума.

Вы скажете, что у меня имеются особые причины проповедовать вам это... Не стану спорить. Но вам известно и другое — вы отлично знаете, сколь высоко я вас ценю. И если уж вам действительно суждено покинуть этот мир, мне хотелось бы, чтобы вы до последней минуты сохранили безупречность в своих собственных глазах. Верность себе — вот единственный принцип, о котором следует помнить. По крайней мере я всегда стараюсь действовать соответственно с ним. А вы пока что развлекаетесь, терроризируя несчастного, слабого человека, готового шарахаться от собственной тени. Достояна ли вас подобная ребячья забава? Впрочем, я убеждена, что она вам скоро наскучит... Думаю, незачем говорить, что меня-то вам не удалось испугать ни разу. Так стоит ли игра свеч? Восторжествовать надо мной, увидеть мой страх — вне ваших возможностей; я останусь непобежденной, даже если ваша смерть повлечет за собой и мою гибель. Следовательно, совершенное вами зло будет бессмысленным, а значит, может заслуживать лишь презрения. Думаю, что и Бог, хотя я не верю в его существование, счел бы такой поступок непростительным грехом.

Но я надеюсь, вы не сердитесь на меня, дорогая? Я обязана была вас предостеречь...

До чего одаренная особа! Умна, проникательна — ну, просто прирожденный дипломат (уж про внешность и говорить не приходится). Только вот безмятежность свою она явно преувеличивает. У меня не раз возникало искушение немного помучить ее и сорвать эту маску олимпийской богини. Но облик и поведение мадам Кановы столь совершенны, что как-то жаль разрушать такую великолепную гармонию. К тому же я любознательна, и наблюдать за нею — ни с чем не сравнимое удовольствие...

28 апреля.

Делаю вид, будто разговор с мадам Кановой меня немного успокоил. Ночью Кристиан отважился даже вздремнуть часа два.

Вечером, когда мы ложились, он с запинкой произнес:

— Вот, сама видишь... Власть этой женщины просто непостижима... Она может все.

— Действительно, все, — отозвалась я. — Все, что угодно. С равным успехом утешает болящих, превращает нормальных людей в убийц... или отправляет на тот свет ни в чем не повинных детей.

Вообще-то обычно мы избегаем слишком откровенных бесед. Наш маленький домашний ад слишком тесен, чтобы превращать его в арену сражений.

Кристиан не стал возражать, но, погасив ночник, заговорил снова:

— Если бы ты знала, Беатрис, как я во всем раскисаюсь! Такое чувство, будто заблудился и бреду куда-то по сужающейся тропинке — бреду, шатаюсь, чтобы в конце концов упасть и больше не встать... Иногда я думаю, что, встретиться мы случайно,

нам удалось бы по-настоящему полюбить друг друга и стать счастливыми. Но теперь, наверное, уже слишком поздно... Или?..

Я промолчала. Немного погодя в темноте опять раздался его одинокий голос. Он спросил:

— Помнишь мальчишку-рыбака в Дубровнике?

Конечно, я помнила. Это было в старой гавани. Парнишке в тот вечер не везло — он не поймал ни одной рыбешки, бросил удочку и с завистью поглядывал на улов своих более удачливых товарищей. Кристиан, воспользовавшись вечерним полумраком, подкрался к нему почти вплотную, наколол на крючок стодинаровую бумажку и, никем не замеченный, улизнул. Как сияли потом глаза мальчика...

Но что толку вспоминать о тех светлых днях? Милосердие уже не для меня; я обречена стать безжалостной. Этим и только этим можно оправдать гибель профессора Кановы. Иначе его смерть стала бы вовсе бессмысленной...

Кристиан положил руку мне на бедро, но я отстранилась. Последние дни я принуждаю его заниматься любовью, только если вижу, что он вымотался и не мечтает ни о чем, кроме сна. Но вчера у меня самой не было сил ни мучить его, ни доставлять ему радость.

3 мая.

Вчера около полудня я дала понять, что хочу побыть одна, и попросила Кристиана принести мне букетик ландышей. Как только он отправился за цветами, я села к столу и заготовила следующее письмо:

«Я умираю преждевременно — в надежде, что это поможет восстановлению справедливости. Мое последнее желание касается моего мужа: я прошу Господа послать ему пожизненное заключение, и пусть оно станет прологом к вечному проклятию, которое ждет его за гробом».

Положив эту милую записочку Кристиану на подушку, я взяла пузырек со снотворным и проглотила несколько таблеток, а остальные высыпала в унитаз. Пустой пузырек бросила возле кровати, легла и крепко заснула...

Пробудилась только сегодня утром, да и то с большим трудом. Видимо, доза оказалась все-таки великовата. Чувствую себя отвратительно.

Странно, что Кристиан не вызвал врача. Но за ночь он осунулся и постарел лет на десять; руки у него трясутся, как у пьяницы. Сам-то он слишком труслив для самоубийства и к тому же католик.

4 мая.

Опять явилась мадам Канова, и опять с розами. Почему-то в этот раз меня при виде ее пробрала непритворная дрожь.

— Убирайтесь к дьяволу с вашим букетом! — завопила я, чувствуя, что на самом деле близка к истерике. — Украсьте им свою могилу! И не забудьте про него, когда соберетесь навестить меня на том свете!

Гостья побледнела, но не утратила самообладания и, холодно повернувшись, вышла. Впрочем, она была уязвлена, поскольку,

уходя, заметила Кристиану (достаточно громко, чтобы я слышала каждое слово):

— Все-таки чувствуется, что малышка выросла в пролетарской среде. Ты мог бы объяснить ей, дорогой, что в подобных случаях сдержанность иногда помогает затушевать недостаток воспитания.

Мой муж ничего не ответил.

7 мая.

Восемь часов вечера... Передо мной на постели в тяжком полубытьи дремлет обессиленный Кристиан. Почти трое суток он балансировал на грани между жизнью и смертью, но сейчас ему, кажется, получше, и опасность уже миновала.

Совершенно невероятная история, и некоторые ее детали не ясны мне до сих пор. В пятницу, вскоре после визита мадам Кановы, Кристиан вдруг пожелал отправиться в церковь, ту самую, где мы венчались,— исповедаться и причаститься, как подобает доброму католику. Я сказала, что пойду вместе с ним.

Он скрылся в исповедальне, и туда же прошествовал тучный пожилой священник. Я приготовилась терпеливо ждать, но уже через минуту святой отец выскочил оттуда как ошпаренный! Следом показался Кристиан — лицо безумца, глаза полны слез. Он пытался задержать настоятеля, вцепившись в край его сутаны:

— А мое отпущение?! Дайте мне отпущение грехов, отец! Я ведь скоро умру, вы не можете отказать!..

Но тот лишь отмахнулся и помчался в ризницу, где принялся с не подобающей своему сану поспешностью накручивать диск телефона. Вскоре приехала «Скорая»...

Оказывается, Кристиан принял какой-то сильный, но медленно действующий яд — так, чтобы иметь время покаяться и в прошлом преступлении, и в самоубийстве. Дурак несчастный! Хорошо еще, что он не полез со своей исповедью к какому-нибудь менее цепетильному слушателю.

Но ужас, испытанный мною за эти дни, неожиданно принес чувство облегчения. Сейчас мне кажется, что мы оба медленно возвращаемся к жизни — словно выныриваем из глубин долгого кошмарного сна...

Да, никогда не подозревала, что Кристиан способен столь хитроумно обойти табу на самоубийство.

8 мая.

Кристиану лучше, но он все еще очень слаб. Когда я подхожу к его постели с чашкой бульона, он инстинктивно сжимается — такой я внушаю ему страх. Глядя на него, начинаю ощущать нечто вроде стыда.

Удивительная штука совместная жизнь: вдруг выясняется, насколько один человек, оказывается, привязан к другому, которого привык презирать. Если бы Кристиан умер, у меня почти наверняка осталось бы чувство невосполнимой потери, похожее на то, которое, говорят, возникает у людей после ампутации.

Вот и пойми теперь, действительно ли наш брачный союз — такая пустая формальность, как это казалось нам до сих пор...

10 мая.

Я предложила Кристиану уничтожить завещание, если он

поклонится не говорить об этом мадам Канове. Он мне не поверил.

13 мая.

Кристиан упорствует, по-прежнему отказываясь принимать всерьез любые мои предложения. Его непробиваемое упрямство начинает меня злить. А вчера вечером, когда я попросила ответить хоть что-нибудь, он проговорил еле слышным, бесконечно усталым голосом:

— Я не поверю тебе, даже если ты завалишь всю квартиру пленками и завещаниями. Все мы изверги, но ты — худший из нас троих.

14 мая.

Целый день на разные лады пыталась объяснить Кристиану, что никакого лейкоза у меня нет и в помине и я куда здоровее, чем он. Бесплезно. Он спокойно выслушивает, но ничему не верит. У меня просто руки опускаются.

15 мая.

Привела Клода, и он откровенно, во всех подробностях, выложил историю нашего сговора. Но Кристиану хоть кол на голове теши — он лишь насмешливо фыркнул и заметил:

— Напрасно вы так тревожитесь обо мне, доктор. Или я уже настолько плох, что меня пора утешать выдумками?

Озадаченный Клод быстро ретировался. Уходя, шепнул:

— Состояние не блестящее, но, по-моему, у него все это идет от головы. Видно, слишком перенервничал, бедняга.

Я вернулась в спальню и присела на кровать. Наступило долгое молчание. Наконец Кристиан посмотрел на меня, и взгляд его в эту минуту был спокоен и ясен, почти дружелюбен. Я уж было обрадовалась, но он тихо сказал:

— Знаю я, чего ты хочешь. Ты хочешь дать мне надежду, чтобы потом снова ее отнять... Ослабляешь петлю, прежде чем дернуть и затянуть окончательно... О да, тебе не нужна моя смерть, я должен жить — жить, каждую секунду изнывая от страха. И ради того, чтобы насладиться моими мучениями, ты готова пожертвовать всем, даже собственной жизнью... Никогда бы не поверил, что смогу возбудить в ком-нибудь такую неуголимую ненависть. Наверное, я просто не осознаю всю тяжесть своей вины...

Ну что тут сделаешь! Пока он в таком настроении, взывать к его разуму совершенно бесполезно.

16 мая.

Ночью я внезапно проснулась от холода. Окно было настежь. Я встала, чтобы его закрыть, выглянула и увидела Кристиана. Он лежал далеко внизу, раскинув руки на каменных плитах двора. Возле его головы расплывалась темная лужица.

Я пронзительно завизжала. Со мной сделалась истерика.

10

Дневник мадам Кристиан Манья (окончание)

21 мая.

Никак не могу опомниться... Все словно в тумане.

О, будь у меня еще хоть один-два дня, я непременно сумела бы как-нибудь успокоить, удержать его. А теперь я совсем одна. Пустая квартира, где мы так и не смогли полюбить друг друга, где даже стены, кажется, пропитались страхом и предательством, наводит невыносимую тоску.

Я была жестока, как злой ребенок. И зачем он спас меня тогда в Дубровнике? Лучше бы дал мне захлебнуться в море...

23 мая.

Мадам Канова нанесла визит соболезнования. За эти дни она здорово исхудала, ну а мне даже не пришлось притворяться, чтобы выглядеть больной.

Эта женщина виновата во всем, что произошло, и сама прекрасно это знает. Знает она и то, что наше единоборство подходит к концу и перехитрить свою судьбу ей больше не удастся.

Я дала понять мадам, что издевалась над Кристианом чуть ли не до последней минуты. Такая жестокость произвела на нее неприятное впечатление — она была явно удивлена и, кажется, даже слегка рассержена. Ее гнев — чисто интеллектуального свойства; его можно сравнить с раздражением ученого, который ошибся и не хочет это признать. Она считает себя тонким психологом, и ей обидно: диагноз оказался неточным; подопытная тварь демонстрирует какие-то неожиданные реакции. А ведь ничто не бесит нас сильнее, чем непредсказуемость того, с кем приходится иметь дело.

Но отказаться от привычных взглядов ей не под силу, и она опять пустилась в свои проклятые софизмы, чтобы теперь уже я, упаси Бог, не вздумала развлечься самоубийством.

— Добровольно отказываясь от жизни, люди надеются обрести избавление от страданий... — рассуждала мадам Канова. — Но, в сущности, такая надежда основана на недоразумении. Чтобы не страдать, надо хотя бы сознавать, что твои мучения кончились; те же, кто уходит в небытие, лишены этого утешения. Невозможно наслаждаться тем, что тебя уже нет. Самоубийство простительно лишь для неисправимых глупцов, которые верят в загробное существование, но вы-то, моя милая, безусловно, не принадлежите к их числу! И вы, конечно, понимаете, сколь велика ценность жизни, ее каждого неповторимого мгновения...

Если вы и вправду так думаете, мадам, — что ж, тем лучше. По крайней мере не ускользнете от меня — даже через окно!

25 мая.

Поеду путешествовать. Впереди — Италия, Греция, затем Константинополь...

А мадам Канове я сообщила, что отправляюсь на лечение в Штаты.

29 мая.

Завтра покидаю Францию. Заходила проститься мадам Канова. По ее просьбе я дала торжественную клятву: никогда, ни при каких обстоятельствах не прибегать к такому «недостойному меня» выходу, как самоубийство. Это удовольствие обошлось ей в дополнительные пять миллионов.

Необычайно нежная и чувствительная сцена прощания. Возможно, втайне она еще надеется завоевать мою благосклонность.

ПЕРЕПИСКА

Милан, 1 июля 1949 г.

Мадам Кристиан Маньи — владельцам детективного бюро «Анджело, Смит и компания», Сан-Франциско, Соединенные Штаты.

Уважаемые господа,

мне хотелось бы воспользоваться услугами вашего агентства для посредничества в получении и отправке моей корреспонденции. Но прежде прошу снабдить меня почтовой бумагой и конвертами со штампом какого-нибудь известного калифорнийского госпиталя, специализирующегося по болезням крови. Все это вам надлежит переслать на мое имя в Афины, в отель «Король Георг», к 17-му числу текущего месяца.

В дальнейшем я буду время от времени посылать вам письма, адресованные во Францию; вам остается лишь наклеить на очередной конверт американскую марку и отправить его с ближайшей почты.

Всю корреспонденцию, которая будет поступать для меня на адрес выбранного вами лечебного учреждения, я прошу незамедлительно пересылать в Париж, в детективное агентство Дюбрёйля, чьи сотрудники уже в курсе дела и в любое время могут быстро связаться со мной. Сообщите мне, пожалуйста, потребуется ли вам специальное подтверждение ваших полномочий, чтобы я успела предупредить месье Дюбрёйля. Это важно, поскольку я заинтересована в том, чтобы ни одно письмо не осталось невостребованным и не вернулось к отправителю. Благоволите сообщить через месье Дюбрёйля сумму предварительного взноса и условия дальнейших расчетов.

Надеюсь, выполнение моего поручения не вызовет у вас каких бы то ни было затруднений. Добавлю, что торговый атташе посольства США рекомендовал мне ваше агентство как одно из лучших в Америке.

С уважением...

P. S. Была бы очень вам признательна за подробную информацию о том госпитале или санатории, на адрес которого будут приходить адресованные мне письма.

Сан-Франциско, 24 июня 1949 г.

(Штамп на конверте: «Клиника Санта-Клара».)

Мадам Маньи — мадам Канове.

Здравствуйте, моя дорогая.

Путешествие получилось утомительным и далось мне нелегко, но уже тут, в Калифорнии, я чуточку приободрилась. В клинике все очень мило, обстановка уютная и доброжелательная; здешние специалисты, в отличие от парижских, находят, что у меня еще есть шансы. Так по крайней мере утверждает главный врач, доктор Мак-Грегор. Человек он очень представительный, и я льщу себя надеждой, что произвела на него некоторое впечатление,

несмотря на мою худобу. (Я по-прежнему почти ничего не ем и катастрофически теряю в весе. Впрочем, это, кажется, обычный симптом...)

Пишу Вам, лежа в шезлонге на открытой террасе. Передо мной — залив, и ветерок чуть рябит гладь океана. Сейчас вспоминается лучшее время моей жизни — свадебное путешествие на берега Адриатики, которым, если разобраться, я обязана в первую очередь Вам. Стараюсь выискивать в памяти хорошие страницы и с грустью вижу, что их совсем немного — наверное, я просто еще слишком молода...

Здесь я окружена заботливым уходом и не забываю, что только Ваша щедрость сделала для меня доступным лечение в таких условиях. Конечно, в прошлом мы с Вами доставили друг другу немало волнений и хлопот, но все это миновало. И сегодня я вижу в Вас только мудрую и любящую охранительницу моего покоя. И пускай у Вас есть личная заинтересованность в моем благополучии — все равно я думаю о Вас с теплотой и благодарностью.

Могу ли я попросить Вас еще об одном одолжении — прислать мне из Франции несколько книг? Лучше всего религиозного содержания (вижу отсюда Вашу ироническую улыбку). За больными здесь ухаживают сестры из ордена Св. Воскресения; их самоотверженность и доброта отгоняют от нас черные мысли и придают сил, чтобы жить. Благодаря им невольно обращаешься сердцем к Богу, словно обретаешь давно позабытую детскую невинность и чистоту...

Ваша...

Париж, 7 июля 1949 г.

Мадам Канова — мадам Маньи.

Моя милая Беатрис,

книги, о которых вы просили, я высылаю одновременно с письмом. К выбору авторов и тематики я отнеслась со всем доступным мне прилежанием и надеюсь, что Вы останетесь довольны.

Ваш возврат в лоно религии немного удивил меня, хотя я никогда не отрицала за ней способности приносить утешение даже тогда, когда другие средства оказываются бессильными. Но все же странно, что находится столько людей, которые, не довольствуясь вполне реальными ужасами нашего мира, придумывают себе дополнительную причину для страхов, да еще поклоняются ей и славят ее на всех языках. Как тут не вспомнить шотландские замки с привидениями...

Что же касается Вас, моя дорогая, скажу одно: верьте и молитесь, лишь бы это улучшило Ваше самочувствие и помогло Вам понять всю несприветливость моей дружбы.

Глупо было бы с моей стороны пытаться развеять Ваш нынешний мистический настрой, уверяя, будто Вы заблуждаетесь. Я сама всегда поступала в соответствии с собственными убеждениями и все-таки сделала немало ошибок. Вполне возможно, что я не права, отрицая существование Бога, но даже в этом случае теологические проблемынисколько меня не занимают и не волнуют. Если в потустороннем мире нас действительно ожидает Высший Суд, то нелепо думать, будто его приговоры выносятся на основании каких-то отвлеченных категорий морали. Уровень

личного развития, разум — вот единственное качество, подлежащее оценке. Ну, а в этом отношении мне, слава Богу, не о чем беспокоиться.

Поль однажды заметил (сейчас уже не помню, по какому поводу): «Мне ни разу не встречались двое приверженцев какой бы то ни было веры, которые имели бы одинаковые взгляды на основные догматы христианства. А все наши церкви испокон веков прилагают немалые усилия — иногда тайные, а иногда и явные, — чтобы еще больше запутать любой вопрос и окончательно скрыть истину под грузом схоластических рассуждений. Нам же, бедным грешникам, предоставлено барахтаться в океане сомнений, и цепляться за спасательный круг стремления к обыкновенной житейской порядочности. Надо знать и помнить Библию и стараться по возможности проявлять милосердие к ближним — вот и все. Если же для Господа этого недостаточно, если Он так суров, как уверяет большинство священников, то наверняка почти все мы — и протестанты, и паписты — обречены на вечное проклятие».

Как видите, дорогая, Поль сам заранее отпустил мне грехи, избавив меня от многих сомнений. Правда, в моей душе запечатлелась не Библия, а совсем другие книги, но ведь это тоже можно считать проявлением Божьего промысла!

Что нас ждет после смерти? Будь что будет; я, как и прежде, вполне удовлетворена теми перспективами, которые предлагаются нам здесь, на земле. К тому же у меня есть Вы, и я прошу мою счастливую звезду сохранить Вам жизнь и вернуть здоровье.

Пожалуйста, не стесняйтесь обращаться ко мне, если потребуется какая-нибудь помощь. Мое время и мой банковский счет — всегда к Вашим услугам.

С любовью...

Сан-Франциско, клиника Санта-Клара, 30 июля 1949 г.

Мадам Маньи — мадам Канове.

Дорогая Вера,

Ваши книги доставили мне огромную радость. Должна признаться, что их чисто литературные достоинства (узнаю Ваш безупречный вкус!) сыграли в этом едва ли не большую роль, чем благочестивое содержание. Наверное, потому, что в последние дни я чувствую себя значительно лучше. Так уж мы устроены — при малейшей надежде на выздоровление мысли о вечности улетучиваются, словно по волшебству, а наши души опять делаются черствыми и неблагодарными.

Недавно я отважилась совершить прогулку по городу. Движение на улицах Фриско невероятное, и от бесконечного потока машин у меня даже закружилась голова. Стремительная жизнь Америки пугает и отталкивает; мысленно я в Париже, вспоминаю Вас и те обманчиво-чарующие часы, что мы провели вместе... Внешняя обстановка, поведение — все это непременно отражается на мыслях и чувствах. Если мы ведем себя так, словно любим кого-то, в сердце рано или поздно и вправду возникает настоящая привязанность. А взаимность при этом вовсе не обязательна, верно? Ах, дорогая моя, что бы я для Вас ни сделала, если бы могла поверить в искренность Ваших чувств ко мне!

Несколько дней назад, листая журналы, я наткнулась на одну любопытную песенку времен покорения Дикого Запада. Я даже удивилась, настолько она про меня! Но есть в ней и некоторые параллели с Вашим положением, а потому осмеливаюсь предложить на Ваш суд выполненный мною крайне несовершенный перевод этого образчика американского фольклора. Придумать мелодию предоставляю Вам.

1

Жил да был один бедняга,
Трусоват, чего скрывать —
От своей спасаясь тени,
Залезал он под кровать.
Ах, находчив был, однако —
Забирался под кровать.

ПРИПЕВ:

А чего ее бояться,
Ведь известно всем давно:
С крыши без толку бросаться,
Коль утопнуть суждено. (2 раза)

2

Стрекача однажды задал,
Встретив лошадь на дугу,
Схоронился за сараем,
Затаился — ни гу-гу.
Ох, и скромн был, однако —
Затаился, ни гу-гу.

ПРИПЕВ:

А чего ее бояться и т. д.

3

Вдруг затрясся, словно мышка, —
Крысу рядом увидал,
Тут к нему подкралась кошка —
Чуть к ней в лапы не попал.
Ишь, удачлив был, однако —
Кошке в лапы не попал.

ПРИПЕВ.

4

С головой наш бедолага
Уж зарылся было в стог...
Вновь от шороха соломы
Припустил он наутек.
Шустрый был, видать, однако —
Как чуть что — он наутек.

ПРИПЕВ.

5

Избегая всех последствий,
Жил монахом при жене,
И вдобавок пару рожек
Заработал он вполне.
Хоть ленился он, однако
Заслужил ее вполне.

ПРИПЕВ.

Воду только ключевую,
 Чтоб не спиться, парень пил.
 На беду, в сырой воднице
 Он заразу подцепил;
 Не смертельную, однако,
 К счастью, хворь он подхватил.
 ПРИПЕВ.

Опасаясь зимней стужи,
 Дров держал он полон дом,
 Только, помня о пожаре,
 Не любил игры с огнем.
 Мерз, бедняжка, но, однако,
 Не терпел возни с огнем.
 ПРИПЕВ.

И когда, как ни берегся,
 Он со страху дал дуба,
 Труп нашли уже холодный;
 Что поделаешь — судьба.
 Труп остыл уже, однако.
 Что поделаешь — судьба.
 ПРИПЕВ:

А чего ее бояться и т. д.

Все-таки сказывается моя немощь — покорпев два часа над переводом, чувствую себя так, будто целый день ворочала камни. Если бы не мысль, что я старалась для Вас, я, разумеется, не стала бы тратить столько времени и труда. Пусть же эти неприятительные куплеты скрасят мрачные раздумья о том, что Вас, может быть, ждет. Порой малая толика юмора способна сделать человека терпимее и терпеливее...

Любящая Вас...

Париж, 6 августа 1940 г.

Мадам Поль Канова — мадам Кристиан Маньи.

Дорогая моя,

песенка просто великолепна, а перевод столь хорош, что невольно возникает подозрение, не Вы ли автор этой вещицы.

Но, к счастью, я пока не нуждаюсь в подсказках, чтобы оценить комическую сторону моего положения. Вообще юмор — одно из главнейших свойств личности; он позволяет взглянуть под особым углом на все прочие человеческие добродетели. Замечали ли Вы, что остроумия чаще всего недостает именно тем, кто блюдет неприкосновенность законов и обычаев, — чиновникам, судьям, проповедникам разных религий?

Однако после этого вступления, воздав заслуженную хвалу Вашему таланту, позволю себе напомнить Вам, что всякому юмору должен сопутствовать такт. И если Вы действительно дорожите нашей перепиской, то предоставьте мне самой вышучивать мою жизнь. Ваши насмешки, Беатрис, ранят меня тем больнее, что я искренне к Вам привязана.

Видимо, Вам не удалось избежать влияния американских нравов. Хорошие манеры легко забываются, и трудно сохранить их, живя в стране, по которой еще сотню лет назад кочевали племена дикарей. Но даже утрата внешних форм не должна затрагивать содержания, не должна стирать того, что записано внутри нас, в сердце. Мое — бьется лишь во имя Вашего выздоровления.

С любовью и нежностью...

Сан-Франциско, клиника Санта-Клара, 18 августа 1949 г.

Мадам Манья — мадам Канове.

Моя бесценная, моя единственная подруга, тысячу раз умоляю: простите меня! Я так раскаиваюсь в своей глупой выходке — раскаиваюсь тем сильнее, что и со здоровьем все обстоит очень плохо. Поверьте, мне сейчас совсем не до поддразнивания. Время шуток прошло, и, боюсь, навсегда.

Но поговорим о другом... Или лучше сделаем так: говорите Вы, а я буду только слушать. Расскажите мне о чем-нибудь — о чем угодно — о себе, о своих делах, обо всем, что занимает Вас в этом огромном мире, который я медленно покидаю, уходя в небытие...

Мечусь в поисках утешения, задаю Вам тысячу вопросов... Поражаюсь, как у Вас хватает сил и терпения столько времени возиться со мной, пренебрегая собственными заботами — а их, я думаю, немало... Неужели Вам не скучно учить меня хорошим манерам?

Напишите мне поскорее! Жду Вашего письма с величайшим нетерпением и надеюсь, что оно будет таким же дружеским, какими были прежние.

Любящая Вас...

Париж, 8 сентября 1949 г.

Мадам Поль Канова — мадам Кристиан Манья.

Милая моя,

если насмешливость — признак улучшения Вашего здоровья, то я с великой радостью готова служить постоянной мишенью любых Ваших острот. К тому же я надеюсь, что вскоре смогу выслушать и оценить их в личной беседе с Вами: я собираюсь провести недельку-другую в Мексике, и мне нетрудно будет, сделав небольшой крюк, навестить Вас в Сан-Франциско.

Теперь о Вашем вопросе — не скучно ли мне «возиться с Вами» и «давать уроки хороших манер». Постараюсь в немногих словах удовлетворить ваше любопытство (замечу, кстати, что оно вполне простительно для человека, у которого осталось в жизни так мало удовольствий...).

Рецепт моего мужества очень прост: надо заниматься только своими собственными делами, то есть лишь теми, исход которых не зависит от игры случая, а определяется суммой затраченных усилий. И еще всегда наслаждаться каждой выпавшей радостью так, как будто она последняя.

Первое из этих условий не блещет оригинальностью, но для его выполнения требуется высочайшая степень самодисциплины. Что касается второго, то и в нем нет ничего необычного, но, опять-таки, успешно воплотить его в жизнь сумеет лишь тот, кто спосо-

бен целиком, без оглядки, отдаваться чувству наслаждения. А таких людей меньше, чем принято думать.

И в этом смысле я многим — Вы едва ли поверите, сколь многим! — обязана Вам. С тех пор, как мое счастье находится под постоянной угрозой мгновенного краха, любая, самая мелкая радость обрела для меня небывалую остроту, словно заиграла всеми цветами радуги. Даже воздух, которым я дышу, кажется мне теперь каким-то особенно живительным и свежим.

Спасибо Вам за это, Беатрис! Но все-таки, прошу, не забывайте о хороших манерах. Это единственное благо, сохраняющее ценность и тогда, когда повержены все прочие кумиры; единственный залог достойного поведения в совместной жизни, благодаря которому даже те, кто одинок душой, не чувствуют себя отторгнутыми от остального человечества.

Итак, до скорого свидания, дорогая!

С сердечным приветом, Ваша...

Сан-Франциско, клиника Санта-Клара, 12 сентября 1949 г.

Мадам Маньи — мадам Канове.

Милая Вера,

я могла бы сослаться на строгий режим, категорически запрещающий больным принимать посетителей, но зачем лукавить, изыскивая предлоги? Все гораздо печальнее. От меня осталась лишь тень прежней Беатрис, и я содрогаюсь от одной мысли показаться Вам в моем нынешнем состоянии. Отказ от намерения навестить меня здесь был бы лучшим доказательством истинной дружбы. Не сочтите эти слова глупым кокетством; ради Бога, представьте себя на моем месте! Вы знали меня, когда я была привлекательна, были ко мне не совсем равнодушны и не скрывали этого... Не подвергайте же меня этой ненужной пытке; пусть хотя бы в Вашей памяти я останусь прежней.

Со здоровьем все хуже, и дежурный оптимизм сиделок и докторов уже не способен скрыть правду о моем состоянии. Все желания куда-то пропали, мне ничего не хочется, и малейшее физическое усилие мгновенно утомляет, как самый тяжкий труд. Осталась единственная надежда — что смерть будет не слишком мучительной. Но исполнение приговора все оттягивается, и не исключено, что ждать придется еще около двух лет...

Впрочем, жестоко с моей стороны писать о таких вещах такому энергичному и жизнелюбивому человеку, как Вы. Тем более жестоко, что мысль о моей смерти должна вселить в Вас определенное беспокойство... О, как бесконечно далеки теперь от меня те чувства, которые двигали мной каких-нибудь полгода назад! Я погрузилась в какой-то искусственный мир, где стерты все былые ценности, где время застыло или течет вспять...

Сообщите, пожалуйста, что я должна сделать, чтобы Вы могли изъять мое завещание. Вероятно, нужна какая-то доверенность? Узнайте и напишите мне; надо прекратить эту глупую игру...

Здесьшний священник, отец Финли, недавно сказал мне, что человеку следует совершить как можно больше добрых дел, прежде чем покидать землю. Наверное, он прав. Но мне уже недоступно никакое самостоятельное усилие, и делать добро я

смогу лишь в том случае, если Вы не откажете мне в Вашей великодушной помощи. А какой отрадой была бы мысль, что и Вы открыли свое сердце для сострадания! Это облегчило бы мои муки, поверьте...

Помните ли Вы, дорогая, детский приют в Отёйе? Только подумайте, разве Вам не будет приятно помочь бедным сиротам? Мне кажется, что чек миллионов на двадцать — не слишком непосильная для Вас жертва. А я испытаю несказанную радость, увидев расписку в получении этих денег и зная, что немного причастна к Вашему благородному поступку.

Рука уже не слушается, надо заканчивать. Последнее переливание крови совсем меня обессилило.

Ваша подруга...

P. S. Мое завещание хранится у нотариуса Шардуа.

Париж, 4 октября 1949 г.

Мадам Поль Канова — мадам Кристиан Маньи.

Любовь моя,

как расстроили Вы меня своим последним письмом! Всем сердцем надеюсь, что сейчас Вам стало полегче.

Не хочу утомлять Вас долгими предисловиями и сразу же сообщая главное: маленькие сироты в Отёйе могут спать спокойно. Их будущее, как Вы увидите из прилагаемых документов, обеспечено. Добавлю, что этот акт милосердия неожиданно доставил мне огромное удовольствие. Чувствую себя бодрой и помолодевшей, и все это благодаря Вам.

Поскольку Вы были так добры, что сами заговорили об отмене завещания, я позволила себе вложить в письмо бланк нотариальной доверенности. Единственное, что требуется, — Ваша подпись на нем; и, пожалуйста, поскорее вышлите его обратно в Париж! Не забудьте, прошу Вас! Дайте мне это доказательство Вашей дружбы, Беатрис!

И поправляйтесь, дорогая моя.

Ваша Вера.

Сан-Франциско, клиника Санта-Клара, 19 октября 1949 г.

Мадам Маньи — мадам Канове.

Милая моя,

спасибо Вам за Ваше великодушие! Но иного я и не ждала, и надеюсь, что Господь вознаградит Вас за щедрость и доброту.

Я все слабее, временами теряю сознание... Очень трудно и говорить, и писать... Мысли путаются... Я не поняла, зачем Вы прислали мне эти документы и какой-то бланк?

Ваша...

Париж, 31 октября 1949 г.

Мадам Поль Канова — мадам Кристиан Маньи.

Дорогая,

умоляю Вас, подпишите этот бланк (доверенность, нотариальная доверенность!) и пришлите его поскорей! Сейчас не время излагать причины такой спешки, да и Вас утомили бы долгие рассуждения, но, поверьте, это очень важно! От этого зависит, жить мне или умереть. Сделайте над собой хоть минутное усилие, постарай-

тесь, и тогда я спасена и буду благодарить Вас до последнего биения сердца!

О, если бы Вы знали, с каким нетерпением жду я Вашего ответа!

Вера.

Сан-Франциско, клиника Санта-Клара,

15 ноября 1949 г.

Мадам Кристиан Маньи — мадам Поль Канове,

Моя милая, добрая Вера,

как я хотела бы исполнить Ваше желание! Но даже эти строки я пишу не сама — приходится диктовать письмо сиделке. У меня уже нет сил держать перо... И поставить подпись я не могу, разве что кто-нибудь воспроизведет ее, двигая моей рукой. Но отец Финли говорит, что тогда она не будет считаться подлинной... Я прямо не знаю, как быть. Наверное, надо было сделать это раньше...

Но вы не расстраивайтесь, дорогая. Как только мне станет лучше, я подпишу бланк и тут же вышлю его Вам.

Да хранит Вас Бог!

Целую, Ваша...

Париж, 22 ноября 1949 г.

Мадам Канова — мадам Маньи.

Еще раз умоляю, заклиная Вас, Беатрис! Я тоже совсем больна, я почти обезумела от горя! Пусть напишут Вашей рукой, если нельзя иначе; не бойтесь, не сомневайтесь, предоставьте мне все эти заботы. Умоляю Вас, поспешите — поймите же, что на карту поставлена моя жизнь!

Целую и жду ответа...

Сан-Франциско, клиника Санта-Клара, 5 декабря 1949 г.

Мадам Кристиан Маньи — мадам Поль Канове.

Моя дорогая Вера,

я слышала, Вы пытались дозвониться до меня... К сожалению, это невозможно: телефоны здесь только у врачей, и они вечно заняты.

Мне все хуже, и это письмо, как и предыдущее, пишет моя сиделка. О, почему смерть так медлительна! Скоро придет священник с последним причастием...

Живите, дорогая моя! Живите счастливо и не забывайте помнить в молитвах Вашу бедную

Беатрис.

P. S. Медсестра опрокинула пузырек с йодом прямо на тот бланк. Такая жалость! Пришлите поскорее второй экземпляр.

Кицбюэль, 3 декабря 1949 г.

Мадам Кристиан Маньи — мэтру Шардуа, нотарнису.

Уважаемый мэтр Шардуа,

спешу предупредить Вас, что в ближайшее время несколько парижских газет опубликуют сообщение о моей кончине. Но это

розыгрыш, не имеющий ничего общего с действительностью; я затеяла его, желая подшутить над некоторыми знакомыми, которые относились ко мне не слишком доброжелательно и, вероятно, обрадуются, узнав, что я умерла.

Вам, при Вашей профессии, наверняка доводилось сталкиваться и с менее безобидными шутками. Надеюсь, Вы меня не осудите и не откажетесь сохранить молчание о моем письме.

С благодарностью и пожеланием счастья,
Ваша клиентка...

11

Вырезка из «Монд», 17 декабря 1949 г.

...В соответствии с последней волей покойной сообщаем, что 13 декабря сего года после тяжелой и продолжительной болезни скончалась мадам Кристиан Маньи. Перед смертью она исповедалась и причастилась Святых Тайн.

Известие об этом печальном событии получено нами из США, где мадам Маньи проходила курс лечения от хронической лейкемии.

ПЕРЕПИСКА

Париж, 20 декабря 1949 г.

Руководитель отдела смертных случаев компании «Ла-Фамильяль» — начальнику отдела смертных случаев компании «Ла-Сальватрис», Лозанна.

(Служебный гриф: «Дело Кановы».)

Уважаемый коллега,

посылаю Вам копию шестого меморандума инспектора Белюзна. Вы знаете, что до последнего времени наше расследование топталось на месте, но сейчас, как Вы увидите из прилагаемого отчета, ситуация коренным образом изменилась — к сожалению, далеко не в лучшую для нас сторону. Впрочем, судите сами.

С уважением...

Доклад инспектора Анри Белюзна

Париж, 19 декабря 1949 г.

Узнав, что мадам Канова выразила желание встретиться с представителем компании, который занимался расследованием смерти ее супруга, я не стал дожидаться повторного приглашения. В назначенное время, вечером 18 декабря, я позвонил в дверь. Мне открыла прислуга, сообщившая, что госпожа ждет меня в кабинете.

Войдя туда, я застал хозяйку за не совсем обычным занятием — она жгла в камине пачки денег, видимо, уже последние, поскольку решетку покрывал толстый слой пепла. Согласно информации, полученной из банков, накануне мадам Канова оголила свои счета, сняв с них около ста пятидесяти четырех миллионов франков, и надо полагать, что все эти деньги постигла такая же плачевная участь.

Мадам Канова выглядела изнуренной, на лице ее ясно чита-

лись следы душевных страданий. Тем не менее она встретила меня сердечно и вообще, как ни странно, казалась обрадованной моим приходом. После взаимных приветствий я поинтересовался причинами столь удивительного времяпрепровождения.

— Я виновата перед вами, господин инспектор, — глядя мне в глаза, с улыбкой ответила мадам Канова. — Я знаю, что доставила вам массу хлопот и огорчений... И прошу простить меня. Поверьте, я пригласила вас не затем, чтобы напоследок посмеяться над вашим окончательным поражением. А банкноты эти я жгу потому, что они мои — как-никак ради их получения я затратила немало труда, — и потому, что у меня нет ни одного близкого человека, которому я могла бы оставить наследство... А я скоро умру. Не обращайтесь же внимания на этот огонь — он горит не из-за вас, да и не наносит лично вам никакого ущерба. Богатство, оплаченное ценой жизни моего мужа, не принесло счастья ни мне, ни кому бы то ни было другому; так пусть же оно навсегда исчезнет в пламени.

Произнося эту речь, на мой взгляд, излишне высокопарную, мадам Канова, не переставая энергично орудовать кочергой, завершила уничтожение своих капиталов.

— Для вас же, инспектор, — продолжала она, — у меня есть приятная новость. Дело Кановы близится к развязке, и очень скоро вы прочтете его последнюю, пока еще тайную главу. Нет-нет, я не собираюсь делать никаких признаний, все произойдет без моего участия. Но вы испытаете чувство профессионального удовлетворения, узнав, что в своем расследовании находились на верном пути. А если вам не удалось пройти по нему до конца, то, уверяю, это не ваша вина.

Тут я попросил мадам Канову выразиться яснее, но она не захотела пускаться в дальнейшие откровения, а настаивать я, по понятным соображениям, не мог. Денежный костер тем временем догорел, и радушная хозяйка спросила, не желаю ли я чего-нибудь выпить. Мы уселись в кресла и с бокалами вина в руках завели непринужденную беседу.

Разговор наш, естественно, то и дело возвращался к прошлогодним событиям и к судьбе всех участников этой напумевшей истории. Без всякой задней мысли я упомянул о мадам Маньи, сказав, что, по нашим сведениям, ей очень нравится в Тироле и она вроде бы собирается замуж за какого-то молодого горца, работающего в тех краях проводником альпийских туристских групп... Это невинное замечание дало совершенно неожиданный результат: моя собеседница вздрогнула, метнула на меня безумный, полный ужаса взгляд и упала в обморок. Бокал разбился, залив портвейном дорогой ковер.

Чрезвычайно заинтригованный, надеясь узнать причину столь бурной реакции, я постарался побыстрее привести хойку в чувство. Но, увы, меня и здесь постигла неудача. Придя в себя, мадам Канова впала в состояние, близкое к истерике — то заходилась в неудержимом смехе, то принималась горько рыдать, повторяя сквозь слезы:

— Боже мой, Боже мой! Какая идиотка!

Впрочем, продолжалось это недолго. Минут через пять она

справилась с нервами и вполне овладела собой. Мое присутствие стало явно неуместным, и я поспешил откланяться.

Расстались мы дружески. Мадам Канова проводила меня до прихожей и на прощание произнесла безукоризненным светским тоном:

— Право же, мне ужасно неловко, словно я специально вызвала вас полюбоваться этим смехотворным обмороком. Не сердитесь на меня, дорогой инспектор, и не придавайте значения тому вздору, который я успела наговорить за сегодняшний вечер. И не тревожьтесь обо мне — моя жизнь не кончена, я проживу еще долго, поскольку теперь должна буду начать все сначала... Что же до тайны, скрытой в деле Кановы, то ей, видимо, суждено остаться нераскрытой. Пусть над ней ломают головы наши внуки, если у них не найдется более интересного занятия!

Я был совсем не в восторге от такой перспективы. К тому же, несмотря на высокую оценку, данную мадам Кановой моему профессиональному чутью, в эти минуты я ощущал себя полнейшим болваном, ибо не находил мало-мальски удовлетворительного объяснения всему происходящему. Впрочем, если считать, что все состояние мадам Кановы обратилось в дым — а сомневаться в этом у меня нет оснований, — то разгадка, какой бы она ни была, уже не представляет для нас особого интереса.

В создавшейся ситуации я не имею права рекомендовать руководству фирмы и далее финансировать расследование дела Кановы. А в заключение позволю себе выразить надежду, что мадам Канова, если она и впрямь «начнет все сначала», в будущем предпочтет пользоваться услугами какой-нибудь другой страховой компании!

ПЕРЕПИСКА

Австрия, Кицбюэль, 20 января 1950 г.

Мадам Кристиан Маньи — мадам Поль Канове, Париж.

Дорогая мадам Канова,

имею честь сообщить Вам о моем бракосочетании, которое состоится в ближайшие дни. Пишу это письмо в уютном доме в чудесной горной местности, где я обосновалась после долгих странствий (как Вы понимаете, мне нужно было хорошенько замести следы).

Мой будущий супруг — замечательный парень. Он не слишком интеллигентен, зато обладает массой других достоинств, и главное, самое поразительное из них — это то, что он мне нравится, и я его люблю. Да, мадам, я впервые узнала сладость настоящей любви. Теперь весь мир кажется мне новым, а мое собственное прошлое — далеким и чужим; я отрекаюсь от него навсегда.

Весной мы поедem в Париж, и там я сразу же уничтожу мое роковое завещание. Я сделаю это для Вас — Вы натерпелись достаточно горя от шалостей парижской девчонки по имени Беатрис — и, главное, для своего мужа. Не хочу, чтобы его семья оказалась замешанной в скандальную историю, если я вдруг умру (о, сколько раз я говорила Вам о своей неминуемой смерти!). Такое потрясение стало бы непоправимым ударом для простых австрийских крестьян.

142

Можете быть спокойны: я выполню свое обещание. У каждой комедии обязательно есть последний акт, и наша не будет исключением. Так пусть же ее финал окажется счастливым! Теперь мне осталось лишь попросить у Вас прощения. Делаю это без надежды на успех — Вы вряд ли сможете простить меня, да и сама я сознаю, что не имею права претендовать на подобную милость. Я долго мучила Вас, и если Вы меня возненавидели, то это в порядке вещей. Не знаю, смягчитесь ли вы, узнав, что пытка, на которую я Вас обрекла, была, можно сказать, обоюдной. Она стоила мне невероятных, нечеловеческих усилий. Возможно, мной двигало тщеславное детское стремление восстановить справедливость, возможно, обида или зависть. Нетрудно найти тысячу причин, хотя, честно говоря, сейчас я и сама толком не понимаю, как меня хватило на все эти подвиги.

Но сегодня мне стало ясно другое — то, какого уважения заслуживаете Вы, мадам. Вас нельзя не любить и Вами нельзя не восхищаться. Беда в том, что Вы, как любой образец, недостижимы и уже в силу этого вызываете у обыкновенных смертных подспудное желание покорить или разрушить столь ослепительное совершенство, дабы избавиться от чувства собственной неполноценности.

Этим летом, живя в Афинах, я однажды сидела за ужином на террасе отеля. С моего места открывалось невероятное, сказочное зрелище. Внизу — современный город, залитый разноцветными огнями реклам; над ним — полоса темного вечернего неба; а еще выше, на обрыве Акрополя — беломраморная громада Парфенона, словно парящего в воздухе. Этот контраст, так хорошо символизирующий не только нынешнюю Грецию, но и всю нашу западную цивилизацию, заставил меня задуматься. Античный мир, колыбель демократии, вскормленной рабством... Кто теперь скажет, ценою какого разбоя и каких слез оплачен каждый камень этих величественных сооружений? А мы, глядя на них, вспоминаем только о «золотом веке» искусства, о Перикле и демократических идеалах, возникших здесь и отвергавшихся обществом в течение почти двух тысяч лет. Но шедевры остаются шедеврами, они прекрасны независимо от того, маячит ли за ними призрак насилия. Прекрасны и поучительны...

Мадам, я желаю вам счастья в новом году. Прошу Вас, будьте понисходительнее к слабым, глупым людишкам, не убивайте их слишком часто. Не делайте этого хотя бы потому, что тогда я буду меньше любить Вас, моя дорогая Вера...

Преданная Вам Беатрис...

Париж, 2 февраля 1950 г.

Мадам Поль Канова — мадам Кристиан Маньи.

Дорогая мадам Маньи,

Вы были прощены еще прежде, чем попросили об этом. Я не держу на Вас зла и не собираюсь мстить, тем более что никакая месть не принесла бы мне ни малейшей пользы.

Я с радостью, хотя — увы! — с опозданием, отмечаю Ваш несомненный интеллектуальный рост. Что ж, видно, иногда и любовь открывает людям глаза. А мне следовало быть умнее...

Но оставим прошлое. Вы вели себя как истинная женщина и с моей стороны было бы черной неблагодарностью осуждать Вас за это.

Примите мои наилучшие пожелания, дорогая мадам Маньи...

**Газетное сообщение от 20 марта 1950 г.
Кицбюэль: трагедия в горах**

...Группа лыжников в австрийском Тироле заживо погребена при сходе снежной лавины. К настоящему моменту числятся пропавшими супруги Рихтер из Кицбюэля и двое английских туристов, муж и жена, чьи фамилии сейчас уточняются и будут приведены в следующем выпуске нашей газеты.

Крайне напряженная метеообстановка в горах вынудила местную администрацию временно прекратить все поисковые работы. Их возобновление станет возможным не раньше, чем завершится бурное таяние снегов.

Г-н Рихтер — один из известнейших альпийских проводников; он был всеми любим, и его гибель воспринимается как национальная утрата. Имя его жены (в первом браке — мадам Маньи) уже знакомо нашим читателям по прошлогодним отчетам о «деле Кановы».

ПЕРЕПИСКА

Париж, 24 марта 1950 г.

Мадам Поль Канова — мэтру Шардуа, нотариусу.

Высокопочтимый мэтр,

не сочтете ли Вы возможным известить меня о сроке, по истечении которого должно быть предано гласности завещание Вашей клиентки, мадам Рихтер? Как Вы, без сомнения, уже знаете, мадам Рихтер объявлена пропавшей без вести в результате недавней катастрофы в Альпах. Предусмотрены ли в подобных случаях какие-либо изменения обычной процедуры — в частности, не ошибаюсь ли я, полагая, что отсутствие официальных похорон препятствует публикации завещания?

Заранее выражаю Вам глубочайшую признательность и надеюсь, что не слишком обременила Вас моей просьбой.

С уважением...

Париж, 25 марта 1950 г.

Мэтр Шардуа, нотариус — мадам Канове.

Милостивая государыня,

отвечаю на интересующий Вас вопрос касательно завещания мадам Рихтер.

Его публикация возможна лишь после того, как будет официально установлена смерть завещательницы — иначе говоря, после обнаружения тела. Это совершенно обязательное условие, не подлежащее отмене, независимо от того, какой срок займут поиски. Суд не может довольствоваться предположениями.

Поэтому я позволю себе посоветовать Вам, уважаемая госпожа, запастись терпением и подождать, пока на альпийских лугах не

растает снег, а вместе с ним и неопределенность нынешней ситуации.

С наилучшими пожеланиями...

Париж, 18 апреля 1950 г.

Мадам Канова — в кицбюэльское отделение Австрийского бюро международного туризма.

Уважаемые господа,

вам пишет давняя поклонница неповторимой красоты тирольских пейзажей. Мне хотелось бы посетить Кицбюэль, и я надеюсь, что вы не откажете в любезности сообщить мне примерную дату, начиная с которой в этом году станут возможны далекие экскурсии в горы. Быть может, вам известны какие-либо признаки, позволяющие заранее определить срок таяния снегов? Я была бы чрезвычайно признательна за любые сведения из этой области.

С благодарностью и дружеским приветом, искренне ваша...

Газетное сообщение от 29 мая 1950 г.

...Как передают из Кицбюэля, здесь обнаружены тела альпинистов, занесенных лавиной свыше двух месяцев назад. Найдены только трое — чета Николсонов из Великобритании и г-н Рихтер. Никаких следов г-жи Рихтер выявить до сих пор не удалось, и это тем более странно, что снег с перевалов уже практически сошел. О причинах исчезновения тела четвертой жертвы высказываются самые различные, подчас совершенно фантастические предположения.

Телеграмма от 5 июля 1950 г.

Кицбюэль: завеса приоткрывается

Страшную находку сделал молодой пастух из небольшой горной деревушки. Приблизительно в восьмистах метрах от места весенней трагедии он обнаружил частично разложившийся труп женщины. Имеются основания полагать, что это и есть исчезнувшая г-жа Рихтер.

Все началось с того, что наблюдательный юноша обратил внимание на необычное поведение птиц — они кричали и кружились над небольшой ложбинкой в скалах. Придя туда, пастух осмотрел подозрительный участок и вскоре отыскал тело неизвестной женщины, почти целиком скрытое под грудой камней и щебня.

Сейчас австрийская полиция пытается выяснить, кто и почему поспешил оказать покойной такую своеобразную услугу. Настораживает и тот факт, что куда-то исчезли все предметы, которые могли бы помочь быстрому опознанию погибшей.

Останки уже переданы на судебно-медицинскую экспертизу. Исследование зубов позволяет ученым надежно устанавливать личности давно умерших людей, и загадка будет раскрыта в самом ближайшем времени.

Прощальное письмо, найденное полицией

7 июля 1950 г. в квартире мадам Кановы

...В октябре 1939 г. меня приняли на работу ассистенткой детского ортопедического отделения московской Центральной больницы. Я и сейчас, когда жить мне осталось всего несколько часов, будто наяву вижу длинные ряды коек с маленькими, изуродован-

ными, опухшими от боли тельцами. Днем и ночью возле этих кроваток не умолкал душераздирающий концерт. Некоторые дети тихонько стонали в одеяла, другие заходились пронзительным, внезапно обрывающимся криком, третьи непрерывно хныкали. Остальные до такой степени обессилели, что лежали уже молча, словно о чем-то задумавшись. Этим было жальче всего — они провожали нас глазами раненых зверьков, не способных осознать, что с ними происходит. Там можно было сойти с ума.

Как-то под конец дежурства я спросила нашего главврача:

— А что же ваш Бог? Как Он может равнодушно смотреть на весь этот ужас?

Главврачом у нас был старик, начинавший еще при царизме, очевидец революции, нэпа и диктатуры... Никто не сумел бы сказать, каким чудом удалось ему пережить те страшные времена — возможно, его спасло собственное равнодушие. При этом он слыл глубоко верующим и не пропускал ни одной церковной службы.

Мой вопрос застал его врасплох. Доктор испытующе поглядел мне в глаза и, решив, что я достойна серьезного ответа, осторожно осмотрелся и лишь тогда сказал:

— Вы не выдержали испытания криком ребенка и потеряли Бога... Вы вновь обретете Его в цветах нашей русской весны.

На какую весну он намекал? Я ее так и не дождалась.

И, однако, мне пришлось собрать всю силу воли и призвать на помощь все свои принципы, чтобы заставить себя подмешать осколки стекла в порошок пилули. Если сам Господь допускает страдания, значит, либо Он не всеблаг, либо Его попросту нет. Я уверилась в том, что детский плач мне больше не опасен, и я не должна обращать на него внимания... Все остальное было несложно.

Быть может, я ошибалась... Тогда я попрошу заступиться за меня Казанскую Божью Матерь. Ее Сын должен проявлять милосердие к тем, кто совершил грех из благих побуждений, и особенно к тем, кто остался верен своей религии, даже если религия эта — ложная. И если ангелы отвернутся от меня, быть может, меня все-таки освежит аромат неувядающей розы...

Пора. Полиция будет здесь с минуты на минуту. Сейчас я сойду в гараж, запущу мотор своего «роллс-ройса» и усядусь в кабину. Самый подходящий для меня гроб...

12 ПЕРЕПИСКА

Тур, 28 сентября 1950 г.

Патер Даниэль, Общество Иисуса — мадам Александр Маньи, Венсен.

Глубокоуважаемая милостивая государыня!

Позвольте передать Вам соболезнования нашего святого отца, а равно выразить мои собственные. Я не сделал этого раньше в ожидании, пока печальные события не изгладятся из повседневного сознания обывателей.

Мы вспоминаем голубоглазое дитя, кроткое и нежное, и это единственное воспоминание о нем, которое нам хотелось бы

сохранить... Ах, почему маленький мальчик непременно должен стать мужчиной?

И все же меня не оставляет надежда, что вина его будет прощена: ужас и страдания, которые он перенес, уравновесят перед судом Всевышнего его преступление. Но сие — тайна за семью печатями, и перо наше опускается, ибо слова здесь бессильны...

Все поступки действующих лиц этой трагедии отличает беспримечная холодная жестокость; они не укладываются в рамки самых минимальных представлений о человечности, а христианина заставляют содрогнуться в сверхъестественном ужасе. Кошунственное, беспощадное попрание всего, что есть в мире священного и неприкосновенного... Отцовская любовь и материнские надежды, нерушимость клятвы и супружеские привилегии, счастье любви и радость брака, достоинство адвоката и честь судьи, святость Причастия и муки угрызений совести, трепет перед лицом вечности и возвышенный трагизм раскаяния, даже банальная боязнь смертельного недуга и естественное сострадание к тяжелобольному... — все поругано, растоптано с дьявольским, сатанинским цинизмом. Такое впечатление, будто силы зла специально выискали и подчинили своей власти нескольких человек, дабы произвестись над творением Божиим и через то — над самим Господом. Где-то теперь обретаются души жалких орудий зла, погубивших друг друга перед тем, как уничтожить самих себя?

Многолетний опыт духовного наставничества и заботы о спасении заблудших душ укрепили меня в мысли о том, сколь малоэффективны, практически тщетны все наши старания. Разумеется, и зерно, упавшее в добрую почву, и добродетели, заложенные воспитанием, взойдут благими ростками, но зачахнут они и погибнут без влаги небесной, коя необходима им для роста и процветания. А между тем ее-то иной раз и недостает, коли неправильно возносить о ней молитвы...

В этом-то, мадам, и сокрыта удручающая, но тем не менее великая и грозная тайна: нам не дано что-либо изменить, пока молимся в одиночестве наших сердец, — а потому, прошу Вас, объединим наши молитвы.

Нет, мадам, Вашего сына ни в коем случае нельзя назвать извергом, как это преподносила охая до сенсаций пресса. Истинно верующие не должны делить людей на агнцев и козлищ — существуют только несчастные, которые ужасают нас лишь в силу нашего неведения. Судить же имеет право лишь Тот, Кто их сотворил, Кто знает их жизнь от первого до последнего часа. Лишь Он ведает, что произошло с Его чадами, почему отбились они от стада и чем провинились*.

Я понимаю, мадам, что мои слова — слабое утешение.

Крепитесь, а наш Орден, поверьте, разделит Вашу скорбь и впредь останется предан Вам и полон уважения к той, которая некогда одарила его своим щедрым доверием.

Ваш преданный брат во Христе...

(Пометка на конверте: «Вернуть отправителю. Адресат скончался».)

Перевод с французского АЛЕКСЕЯ СЛУЧЕВСКОГО и ПЕТРА ПОЛЯКОВА.

* Неужели патер Даниэль — поклонник Шарля Бодлера? (Примеч. автора)

К СЛЕДУЮЩЕМУ ОТПУСКУ Вы будете говорить НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ...

□ ... Если обратитесь в ЕШКО.

ЕШКО - это самая большая школа заочного (корреспондентского) обучения в Европе с филиалами в 8 европейских странах. Только в СНГ студентами ЕШКО уже стали более 140 тысяч человек.

□ Вам трудно дается учеба?

50-летний опыт обучения языкам по методу ЕШКО показывает, что занятия потребуют от Вас всего лишь 15 минут в день. Уроки содержат необходимую для общения грамматику, кассеты с записью помогут выработать произношение, а специальные типы упражнений позволят без труда запомнить новые слова. Даже те, кому раньше учеба давалась труднее, добиваются прекрасных результатов.

□ Вы предпочитаете частные уроки?

Метод ЕШКО сохраняет все преимущества частных уроков. Вы учитесь дома, в удобное время, не тратя времени на поездки и ожидание, в том темпе, который сами для себя определили. Ваш личный преподаватель при проверке домашних заданий поможет советами и рекомендациями. И все это за довольно умеренную плату.

□ Вы не хотите рисковать.

ЕШКО предлагает Вам пробный урок **бесплатно**. Вы познакомитесь со Школой и её методикой на практике. Если условия обучения Вам подходят - смело начинайте. ЕШКО дает возможность по ходу курса взять временный перерыв на летний отпуск или каникулы, а также досрочно прекратить обучение.

□ Поможет ли это сделать карьеру?

Несколько тысяч человек уже получили ценное свидетельство ЕШКО после успешного окончания курсов. Оно открыло им новые перспективы в жизни, улучшило их положение на рынке труда, ведь ЕШКО признана во многих странах Европы первой, лучшей и крупнейшей школой корреспондентских курсов.

Выбирайте один из следующих курсов:

- "Английский для начинающих"
- "Английский для среднего уровня"
- "Немецкий для начинающих"
- "Английский для детей" (с 7 лет)

Стоимость обучения в национальной валюте от 3 до 4 долларов США в месяц в зависимости от выбранного курса.

КУПОН НА БЕСПЛАТНЫЙ ПРОБНЫЙ УРОК

укажите название курса _____

Индекс: ..... Город (село) .....

Область .....

Улица .....

№ дома и квартиры ..... Имя и фамилия: .....

159Н

ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ: 308000, Белгород, Почтамт, а.я 80 ЕШКО
ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ УКРАИНЫ: 310022, Харьков, а.я 248 ЕШКО

НИКОЛАЙ ЕВРЕИНОВ

НЕСТЕРОВ

Автопортрет. 1882 г.

148

Живопись XX века

Легкое — но отнюдь не легковесное — перо Николая Николаевича Евреинова (1879—1953) оставило в нашей культуре след глубокий и значительный. Истинный сын русского «серебряного века», драматург, режиссер, историк и теоретик театра, критик, эссеист, человек, которого К. И. Чуковский определил одним и, пожалуй, наиболее точным словом «блистательный», Н. Н. Евреинов, в отличие от большинства так же забытых или запретных его современников, второго своего рождения до сих пор не сподобился — вернуть это имя нашей культуре у издателей и публикаторов руки, похоже, еще не дошли.

Тем с большим удовольствием мы делаем это сегодня, предлагая читателю познакомиться с книгой, изданной в 1922 году крохотным тиражом и посвященной выдающемуся мастеру живописи XX века.

Надо сказать, что в «советские годы» о М. В. Нестерове написано много, но о Нестерове как религиозном художнике предпочитали или умалчивать вовсе, или прятать между строк эту едва ли не главную сторону его творчества.

Книга Н. Н. Евреинова в значительной мере восполняет этот пробел.

Святая Русь. (Фрагмент.) 1906 г.

то был не худощавый и не полный мужчина, лет под пятьдесят, среднего роста, с лысым лобно-выпуклым черепом, окаймленным слегка спускавшимися на уши редкими каптановыми волосами, ястребиным носом, с надменно раздувавшимися ноздрями, большим ртом, плохо маскированным скромными усами, и эспаньолкой, переходившей в подстриженную козлиную бородку. Выражение этого обыкновенного и вместе с тем своеобразно-отличного лица определялось полуприщуренными голубыми глазами, сравнительно большими и неглубоко сидевшими под красивыми бровями, часто не то хмуро, не то вопросительно сдвигавшимися. Он был — если не изменяет память — в прекрасно сшитой визитке и высоком жилете, над которым чинно красовался черный галстук. В общем, это было само благообразие — человек, который внушал уважение, не прибегая ни к чему такому, что бы могло привлечь к нему больше внимания, чем ему хотелось. Исключительная корректность в обращении, в разговоре, в самом звуке его голоса, в его модуляции... И за всем этим — не столько сдержанность, сколько затаенность, что-то вроде «себе на уме» или, вернее, хотя и неправильнее — «себе на душе». Это была замкнутость, которая, чем общительней он становился, тем яснее давала знать о себе.

Нестеров! Михаил Васильевич Нестеров...

Я с интересом всматривался в этого знакомого незнакомца.

— Так вот каким выглядит Нестеров! Вот каков он собою! — думал я тогда, разглядывая знаменитого художника и невольно сопоставляя с его образом образы его замечательных произведений: «Видение отроку Варфоломею», «Два лада», «Царевич Димитрий убиенный», «Юность преп. Сергия», «Св. Сергий Радонежский», «Под благовест», «Пустынный», «Великий постриг» и образы целого ряда святых в его иконописных работах. Я вспомнил поразительный, по своим чарам «вечно женственного», «Портрет дочери художника», написанный в 1906 г., и сквозь припоминаемые линии прелестного облика дочери как-то по-другому, более смягченно, что ли, почувствовал строгие черты отца. «Нестеровский пейзаж»... «Нестеровское настроение»... «Нестеровская женщина»... «Нестеровское лицо».

Поистине замечателен должен быть в силе дарования своего художник, чтобы смочь не только обогатить мир наших образов, но еще и внедрить свою субъективную дифференциацию в определенном ряде образов столь прочно, что мы все, знающие художника по его произведениям, пользуемся в дальнейшем именно его, художника, дифференциацией как наиболее простой и впечатляюще-убедительной!

Покрытие своим творческим «я» предметов реального мира, за которым мы не видим, не мыслим, не чувствуем потом предметов иначе, как предметы, открытые нам самим художником, — для этого надо быть или гением, или по меньшей мере гениальным!

И вот этот гений, или, во всяком случае, исключительный по мощности таланта художник, скромно сидел напротив меня за чашкой чая и скромно-сдержанно беседовал о путях современной

живописи, о том, что казалось ему самым важным в ее достижениях, о своих последних работах, о себе лично.

Что знал я в то время о Нестерове? Что вообще я мог знать тогда об этом художнике?

Родился в Уфе 19 мая 1862 г. в зажиточном, культурном купеческом семействе, где любовь к искусству не только поощрялась, но где ему приносились и серьезные дани, даже на подмостках театра (напр., совокупными родственными усилиями стильно-выдержанно ставился «Ревизор» Гоголя и другие подлинно литературные произведения отечественной драматургии).

Светские развлечения, однако, никоим образом не отражались отрицательно на общем религиозном настроении дома Нестеровых, влияние такого настроения как доминирующего было столь велико, что отражалось даже на играх будущей иконописной знаменитости. Так, маленький Миша не раз с увлечением и подолгу пел у себя в комнате вместе со своими сверстниками «всенощные» и «обедни».

До 12-ти лет Нестеров учился в Уфе, в гимназии, потом перешел в реальное училище Воскресенского в Москве. Но ученье плохо давалось ему, особенно математика. С ранних лет в нем стала проявляться большая любовь к рисованию. Директор Воскресенский обратил внимание на это и убедил родителей отдать мальчика в Училище живописи, ваяния и зодчества, куда Нестеров и поступил во второй половине 70-х годов.

Здесь, среди однокашников, он познакомился, более того — подружился с Левитаном, которого уже на школьной скамье все в училище называли «талантом» и который отличался заразительным для товарищей упорством в своих работах.

Эта дружба с Левитаном сыграла, как известно, впоследствии немаловажную роль в пленительном развитии Нестерова как пейзажиста.

Руководителем его в натурном классе был професор В. Г. Перов, знаменитый Перов, глава русских жанристов, нигилист в юности и чуть не иконописец на склоне дней своих.

Вполне понятно, что первые произведения Нестерова носят явный отпечаток влияния Перова, начиная с сюжета и кончая последней карикатурной фигурой. «После бани», «Знаток», «Домашний арест», «Жертва», «Друзья» и т. п. — картинки явились чистейшею данью «перовщине».

Сперва колеблющийся в своих вкусах, потом решительно неудовлетворенный направлением, царившим в Училище живописи, ваяния и зодчества, М. В. Нестеров в 1881 г. переезжает из Москвы в Петербург, чтобы поступить в Академию художеств к увлекавшему его тогда Крамскому.

Это ему легко удается. Однако и здесь его ждало разочарование: Крамской ничего не сказал ему нового, талант молодого художника не только не получил должного признания, но не был даже как следует замечен, и Нестеров, что называется, «не солоно хлебавши» вновь возвращается в Москву, в покинутое училище, которое и заканчивает с успехом в 1886 г., награжденный званием «классного художника» и большой серебряной медалью за картину «До государя челобитчики».

В 1887 г. на ученической выставке появилась Нестеровская «Христова невеста». Она сразу же обратила серьезное внимание критики, и дальнейшая «карьера» художника, начиная с этого произведения, была не только намечена, но и начата.

Нестеров рано женился и рано потерял свою спутницу жизни. 1888 год — год утраты любимой — оказался глубоко знаменательным для юного художника: смерть окончательно направила его мысль на путь религиозной живописи. Он уехал в родную Уфу, задумался там, как чистый мистик, о смысле бытия, и отроческая симпатия к монастырю и его обитателям вновь воскресла в душе опечаленного вдовца, влекущая и сулящая утешение.

Как раз в этот период жизни Нестерова судьба явила перед ним соблазн послужить своей кистью отечественной иконописи.

Случилось это так.

В 1889 году Нестеров дебютировал на Передвижной выставке «Видением отроку Варфоломею» и «Пустынником», (обе картины были вскоре приобретены для Третьяковской Галереи).

Когда профессор Прахов, заведовавший живописными работами в киевском Владимирском соборе, и В. М. Васнецов — главный исполнитель этих работ — увидели на Передвижной выставке «Пустынника» и «Видение отроку Варфоломею», они, что называется, «не задумываясь», предложили тут же Нестерову участвовать в росписи собора.

Предложение это было сделано, как мы уже знаем, в подходящий момент жизни осиротевшего, со смертью жены, Нестерова, и он, не долго колеблясь, принял это предложение как утешительный заказ.

Не чувствуя себя, однако, совершенно подготовленным к новому для него роду живописи — иконописи, Нестеров отправился тотчас же после «заказа» за границу для изучения образцов религиозной живописи Запада и вместе с тем для подготовительных работ к своему глубоко озаботившему художника «выступлению» в роли «вдохновенного богомаза».

В Италии, как и следовало ожидать, Нестерова серьезно увлекли творения Боттичелли и Фра-Беато-Анжелико, а во Франции, в Париже, — Пювис-де-Шавана, полотна которого, можно смело сказать, оказали на будущего иконописца неотразимое влияние.

В конце 1890 г. Нестеров, во всеоружии необходимых русскому иконописцу знаний, приступил к росписи Владимирского собора в Киеве и работал там, почти без перерыва, вплоть до 1894 г.

Нелегко дались эти 4 года росписи Владимирского собора Нестерову! «Художник был поставлен в необычные для него условия: он должен был писать святых с широко раскрытыми византийскими глазами на грандиозных площадях церковных стен, к которым он не привык. Пышный русско-византийский стиль его сбивал с толку. И несмотря на это, там, в этом пышновеликолепном соборе, нашлись скромные и уединенные уголки, где приютились смиренные и грустные создания Нестерова: на маленьких боковых иконостасах нижнего и верхнего этажей есть миниатюрное Благовещение, иконы св. Варвары, Бориса и Глеба, где теплится это глубоко сладостное святое чувство самоуничтожения. Мать, рождающая младенца на неслыханные страдания, мать,

сердце которой пронзено мечом печали и согрето светлой радостью рождения, — она полна у Нестерова неземного очарования... И мученики, отдающие плоть на растерзание, радостно вкушающие красоту боли и мучения, раскрывающие объятия смерти в провидении вечной близости к Богу, — это образы незабываемые».

Так отзывается об этой дебютной работе Нестерова-иконописца Мстислав Формиковский.

Этой росписи Владимирского собора было довольно, чтобы имя Нестерова прогремело в России с той силой, что и имя Васнецова.

С этого времени на Нестерова сыплется целый град всевозможных иконописных заказов, и он, едва кончая порой роспись одного храма, принимался уже за работу для другого.

Укажем здесь прежде всего на оригиналы для мозаичных образов в Щусевском храме Воскресения Христова на Екатерининском канале*. Здесь, по композиции вошедшего уже в славу иконописца, воспроизведены изображения Спаса Нерукотворного и Воскресения на внешних фронтонах и шесть образов в иконостасе и в отдельных киотах.

Едва закончил Нестеров эту работу, как, по инициативе наследника Георгия, пригвозжденного туберкулезом к Абхастуманским горам, он приглашается на эти горы для росписи дворцовой, во имя Александра Невского, церкви. Это случилось в год освящения Абхастуманской церкви — в 1898 г. В течение 5—6 лет Нестеров исполнил лично около 50 композиций на стенах и в иконостасе. К сентябрю 1904 г. все эти работы были закончены, а эскизы главнейших произведений приобретены в Музей Александра III.

«Без сомнения, эта огромная работа является одним из самых важных и значительных событий в творчестве Нестерова», — замечает П. Муратов. Стенописи Нестерова изображают земную жизнь Спасителя, Богородицы, хоры ангелов, евангелистов, святых и т. д. Почему-то прежде всего и невольно внимание останавливается именно на святых. Вот св. Нина, покровительница Грузии, умеренно строгая, черноокая женщина на фоне приятно синееющих гор. Вот Александра, святая царица, в короне, в богатом уборе; св. Пантелеймон, миловидный отрок, с целебными травами в руке, в нарядных чистеньких лапотках; св. Георгий, легко поражающий копьём нестрашного розоватого дракона; пр. Сергей, заботливо облаченный в традиционные одежды схимника; св. Анастасий, св. Татьяна, св. Ксения, — все они хорошенькие, все немного жеманные, все с подчеркнуто большими глазами.

Эту «жеманность», эту «красивость», этот сравнительно поверхностный для себя подход к абхастуманским «лика́м» сознавал и сам автор впоследствии. Так, когда я, абсолютно неверующий в ортодоксальном смысле, похвалил одну из «мадонн» Нестерова, очень импониравшую мне в качестве «хорошенькой», Михаил Васильевич криво усмехнулся и ответил мне на комплимент буквально следующее:

* «Ох, и намудрили же мы со Щусевым» — признавался мне четверть века спустя М. В. Нестеров, полушутливо, полусокрушенно качая головой и загадочно улыбаясь. (Прим. автора.)

— Я дал бы себя высечь публично, если б изобразил теперь что-нибудь подобное!

На мое же замечание о значении внешне приятного Нестеров ответил целую «отповедью», из которой мы воочию тогда убедились, как радикально могут меняться взгляды у художника, напряженно ищущего совершенства в своем искусстве.

Во время работы в Абастуманской церкви Нестеров исполнил еще ряд эскизов (6 икон и царские врата) для церкви в Гаграх и несколько эскизов для церкви в имени Оржевских «Новая Чартория» Вольнской губернии.

Вся эта церковная живопись (составляющая по количеству едва ли не половину всех произведений Нестерова), отнимавшая так много времени и энергии у трудолюбивого художника, обременительная для его таланта и даже тяготившая его лично (как я понял впоследствии из беседы с Михаилом Васильевичем), эта иконописная «страда», оставляла тем не менее достаточно возможности и для чистой станковой живописи, в которой мы почти все так бесконечно высоко ставим Нестерова.

Десятилетие 1889—1899 было, пожалуй, самым плодотворным в жизни Нестерова: за этот промежуток времени, кроме перечисленных уже иконописных работ, им созданы такие шедевры, как «Юность преп. Сергия», триптих «Труды преп. Сергия», «Под благовест», «На горах», «Великий постриг», «Преп. Сергей Радонежский» и «Св. Димитрий царевич убиенный» (1899 г.).

Эти картины надо видеть в оригиналах, и видеть в чуждом светливости настроении, для того чтобы «как следует» понять Нестерова и испытать на себе чары его мистико-религиозного представления Природы и Человеков.

В конце 90-х годов Нестеров знакомится с Александром Бенуа и С. П. Дягилевым, организующими кружок «Мира Искусства» и журнал под тем же названием, проникнутые стремлением избежать всякой литературности и назидательности, присущей «передвижникам», наконец содействовать насаждению в России подлинно художественной культуры.

Нестеров, уверовав на первых порах в высокое призвание кружка «Мира Искусства» и тем самым — в чуждость его всякой узкой партийности и кружковщины, бодро вступает вместе со своим другом Левитаном в этот бунтарский по тому времени кружок, и их произведения появляются на его выставках, к великому смущению передвижников.

Но это было только... «увлечение» со стороны Нестерова и притом весьма кратковременное. Он скоро понял, так же как и друг его И. Левитан, что «партийность и кружковщина» отнюдь не чужды «Миру Искусства», что личные симпатии Александра Бенуа и отчасти Дягилева вносят чересчур много «человеческого, слишком человеческого», в отношении к творчеству, что «искусство ради искусства» хорошая вещь, но мало подходящая для художников, упрямо идущих от внешнего к внутреннему по интуитивно оправдываемой дороге мистики, — разрыв с «Миром Искусства» не заставил себя долго ждать.

Ушел Левитан (1900 г.), ушел вскоре и Нестеров из «Мира Искусства».

Рисунок головы к картине
«Беседа Господа с Марией». 1910 г.

Когда мы узнаем, что начиная с 1901 г. Нестеров, поскольку «отпускают» его иконописные заказы, отдает себя чуть не целиком работе над картиною «Святая Русь», — мы перестаем удивляться его разрыву с «Миром Искусства» — пропасть лежала между основными интересами Нестерова, с одной стороны, и главарей «Мира Искусства», с другой.

Картина не удалась! Она оказалась к 1905-му году (когда была совершенно закончена) в таком разрыве с политическим моментом, переживавшимся тогда Россией, столь далекой от бури протестов лучшей части общества против елейного квиетизма*, каким грешит «Святая Русь», что выставить тогда это огромное полотно значило бы выставить его на поругание, и притом легко оправдываемое.

«Святая Русь» (с подзаголовком «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Аз упокою вы») увидела свет выставочного зала лишь в 1907 г., когда «страсти поулеглись» и создавалась, казалось, возможность беспристрастного подхода к картине.

Картина все-таки «провалилась», — выражаясь театральным жаргоном, — что, впрочем, не помешало тогдашней Академии Художеств приобрести ее в собственность, а в 1910 г. «пожаловать» Нестерова званием академика. Нестеров был чрезвычайно огорчен и раздосадован «беспощадной» критикой его произведения, в которое, по его словам, было вложено сокровенное его души.

Прошло больше десяти лет, как я не видел Нестерова.

Года шли за годами, и кажется теперь, что их прошло не десять, как я сказал, а сто по крайней мере: так много, так бесконечно много изменений в нашу жизнь внесла мировая война и ускоренная ею революция.

Взбунтовалась «Святая Русь» Нестерова! Поднялась с коленей, выпрямилась, захотела сама свое счастье ковать, а не вымаливать его у «Вседержителя»! Сирая, убогая, жалкая, забитая, юрдивая, восстала эта Русь за свои священные права, кинула вызов самому «Вседержителю», перед которым только что ползла, загнула, взъерепенилась, отшатнулась от согбенных перед Призраком старцев, и под сенью новой святости — красных знамен Революции — обогрела эту заснеженную землю...

Тот факт, что Россия нестеровской, во всей глубине ее старинно-религиозного осмысления, во всей чистоте ее «взыскующего Града» взгляде, во всей ее «святой» покорности, во всей, наконец, безмятежности ее простецких линий, — приходит, если только не пришел уже, конец, самый бесспорный, самый что ни на есть окончательный, — этот факт заставляет нас совсем по особенному отнестись к Нестерову, к тому Нестерову, который дал свое имя на веки вечные одному из образов нашей старой России.

Дорог в искусстве портрет живого человека! Но еще дороже портрет умирающего или уже умершего, сколько бы отсебятини ни вошло в это произведение от самого портретиста!

*Квиетизм — спокойный, безмятежный (лат.)

Художник, утративший свою модель (и какую модель — «свя-
тую» Русь дореволюционную!), волнует нас волнением совер-
шенно исключительным.

Остались храмы, монастыри, скиты, старообрядцы и старооб-
рядки, монахи, калеки, убогие, чахлые сосенки, тонкие березки,
бледное весеннее небо... но уже без той девственности религи-
озного осознания («оцерквления»), какой наделял их православ-
ный люд и которая, значит, была присуща им в той же степени, в
какой она присуща холстам Нестерова, не «из головы» ее выду-
мавшего, а подметившего ее в самой дореволюционной действи-
тельности. (...)

До революции 1917 г. нестеровский пейзаж существует в дей-
ствительности; после революции 1917 г. нестеровский пейзаж
существует лишь на холсте, в воспоминаниях, в устной или пись-
менной передаче. Его нет больше в действительности. Его не
может быть в ней больше. Может быть только призрак, фата-
моргана, не больше! Вот парадокс, который только кажется тако-
вым на первых порах нашей новой истории.

Я сделал предложение книгоиздательству «Третья Стража»
почтить, наконец, Нестерова монографией, которой так томи-
тельно не хватало до сих пор в библиотеках наших любителей
отечественного искусства и которая так пришлась бы ко времени
нашей страстной переоценки религиозных ценностей.

Мое предложение было принято; более того — мне было предло-
жено в спешном порядке добыть у самого М. В. Нестерова данные
о его неизвестных русскому обществу работах за последние
10—12 лет.

Я воспользовался первым же случаем, обеспечивавшим мате-
риально дорогое в наше время путешествие, и отправился в
Москву не мешкая, тем более что в Петербурге незадолго до моего
отъезда упорно держался слух о тяжелой болезни, только что пере-
несенной великим художником.

Я приехал в Москву на четвертой неделе Великого поста, в
марте 1922 г.

— Где живет Нестеров? — спрашивал я настойчиво в продол-
жение первых трех дней моих розысков всякого, имевшего хоть
малейшее отношение к искусству.

Никто не знал.

— Нестеров? Какой Нестеров? — натякался я и на такие
вопросные ответы.

Забавно отметить, что как на зло я остановился в доме, занятом
Вхутемасом (Высш. Гос. Худ. Техн. Мастерскими), остановился у
поэта Василия Каменского, большого поклонника нестеровской
живописи, к тому же приютившего у себя двух молодых и расто-
ропных художников, чрезвычайно любезных в наведении спра-
вок, — и тем не менее тянулись дни, а наши совместные усилия
узнать желанный адрес оставались тщетными.

Было от чего прийти в отчаяние.

— Попробуем счастья в Третьяковской галерее! — предложил я
наконец В. В. Каменскому.

Поехали...

Наглядевшись на нестеровские шедевры и потужив, что трога-

тельный триптих «Труды преподобного Сергия» убран в «кладовую», как объяснил нам сторож, обращаемся к администрации галереи со справкой об адресе. — Не знают... Кто же знает? Кто же должен в таком случае знать?.. Жив ли он? В Москве ли он? Уехал?... — Ничего не знают. Обратитесь в Адресный стол! Не хватало, чтоб меня из Третьяковской галереи (обогатившей Нестеровым!) отослали в «участок» справляться у милиции, проживает ли такой-то «живописец» в Москве, а если нет, то где можно узнать, проживает ли он вообще на белом свете!

По счастью, на следующий день мне, наконец, «повезло». Зайдя на выставку передвижников, знакомлюсь там с неким художником Зайцевым, от которого тотчас же узнаю как необходимый мне адрес, так и час, когда Михаил Васильевич бывает дома, отдыхает после работы и принимает знакомых и «по делу».

Сивцев Вражек, дом № 43, квартира № 12!

В 5 часов пополудни я отправился по этому адресу с поспешностью, не требующей объяснений.

М. В. Нестеров принял меня как «старого знакомого».

Он очень похудел за эти десять с лишком лет, немного поседел, лицо чуть-чуть «осунулось», но в общем выглядел совсем не плохо, совсем не стариком; в ответ на сообщенное мной впечатление, Михаил Васильевич, однако, тут же пожаловался, что шестьдесят лет его жизни дают себя чувствовать «чересчур основательно».

Рассказываю, как трудно оказалось узнать его адрес.

— Да, да, — сказал М. В., — ведь мне пришлось расстаться с прежней квартирой!.. К тому же меня обобрали, лишив почти всего, с таким трудом накопленного! И вот теперь, не угодно ли, работаю здесь, в этой комнате, без мастерской, при таком свете!..

Выражаю ему свое сочувствие, стараясь, впрочем, не «завязнуть» в щекотливой теме. Но М. В. Нестеров чувствует себя слишком обиженным и, по-видимому, находит облегчение, сообщая о своих невзгодах.

— Вот видите, как в жизни все переменчиво! — работал, работал, думая, что к старости удасться скопить достаточно, чтобы безбедно прожить в своей собственной богадельне! А вот — не угодно ли? — всего лишился и принужден по-прежнему работать, да еще при худших условиях!

— Чем вы теперь заняты, Михаил Васильевич?

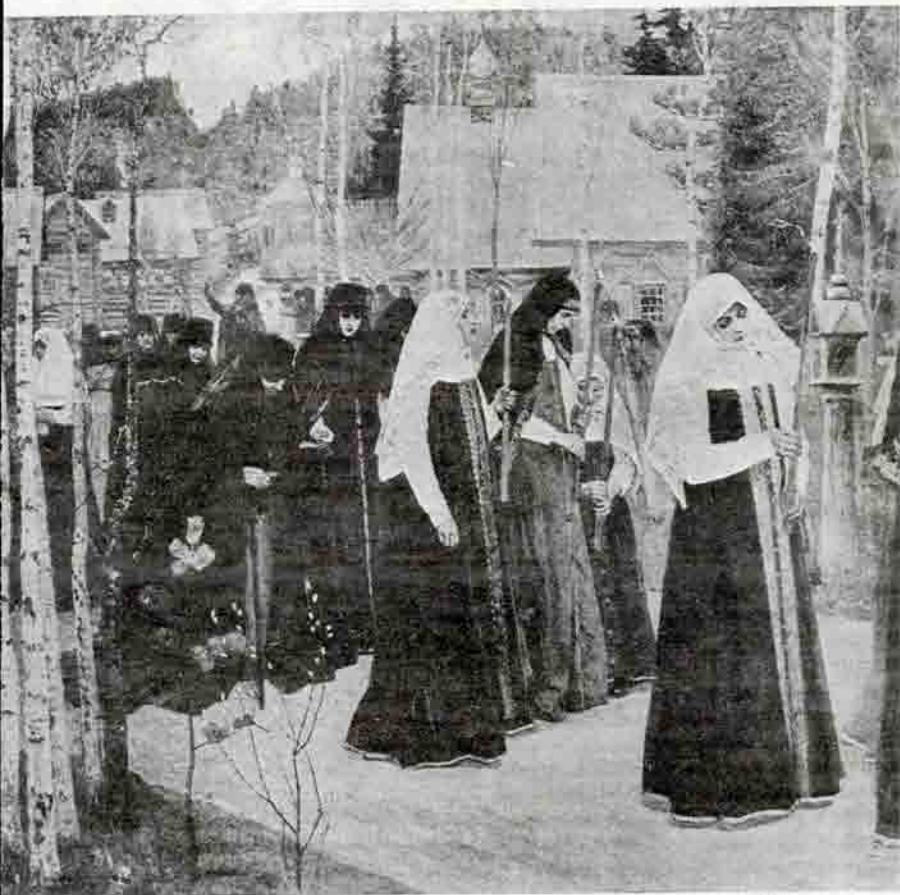
— Повтореньем прежнего, на заказ: надобно существовать! Самы знаете, как теперь трудно! А тут еще семья...

«Довлеет дневи злоба его», — подумал я по-славянски, что было крайне весьма кстати окружавшей меня обстановке комнаты, служившей одновременно кабинетом, гостиной, столовой, мастерской и... «картинной галереей» прославленного художника.

Я сообщил Михаилу Васильевичу о цели моего свидания с ним, попутно выразив горькое удивление, что имеются монографии о незначительных по сравнению с Нестеровым художниках, — ему же самому не посвящено до сих пор ничего обстоятельного, ни в смысле текста, ни в смысле собрания воспроизведений с его картин.

Михаил Васильевич слегка усмехнулся, как бы соглашаясь с

Великий постриг. 1897 г.

моими словами, однако поспешил успокоить меня, что кое-что все-таки имеется в печати, не говоря уже о готовящейся к выходу в свет и частью напечатанной монографии Сергея Глаголя.

— Есть еще одна большая статья обо мне ныне покойного — Розанова, Василия Васильевича...

— Это кроме трех статей о вас в его книге «Среди художников»?

— Да. Я очень ценю мнение обо мне Василия Васильевича. К сожалению, сейчас, пожалуй, преждевременно было бы напечатать эту статью: — Розанов такой резкий в своих взглядах! А взгляды исключительно оригинальные, никак не считающиеся порой с веянием эпохи!

Я спросил, где находится эта статья. Оказалось, что ее заполу-

читать не так легко, как я думал, несмотря на содействие М. В. Нестерова, тут же мне обещанное.

Узнав о намерении «Третьей Стражи» восполнить наконец досадный пробел в длинном ряде монографий о русских художниках, Михаил Васильевич с полной охотой пошел навстречу моему намерению ознакомиться с его последними работами и даже подзадоривающе спросил:

— А почему бы вам самому не написать этой монографии?

Я ответил, что эта возможность не исключена и что может статья — я сам примусь за эту работу, если вместо меня не найдется другого, более к ней подготовленного, так как давно-давно уже люблю «Нестерова», но что до сих пор меня смущало иррелигиозное отношение к его живописи и, в частности, к иконописи.

Нестеров глубоко вздохнул и тут же, в объяснение своего вздоха, сказал, что лишь недавно понял совершенно ясно, насколько иконопись мало дала ему удовлетворения, будучи совсем-совсем не его «сферой» творчества.

Я очень удивился этому признанию нашего прославленного иконописца, хотя тут же вспомнил, что Нестеров и раньше был очень строг к своим работам, часто разочаровывался в своих стремлениях, высказывал еще при нашей первой встрече отрицательное отношение к некоторым из своих произведений и вообще склонен себя, что называется, «раскритиковывать вовсю».

Его дальнейшие объяснения, однако, мне дали слишком ясно понять, что этот отзыв о своей иконописи — наболевшая правда художника, у которого церковные заказы отняли в жизни чересчур много времени, не давая вместе с тем надлежащего простора для творчества, почему и заставили в конце концов незадолго до войны 1914 г. сделать в своем роде героический шаг: отказать наотрез от предложения Николая II расписать «Храм Славы», предложенный к постройке в Киеве (о, ирония судьбы!) последним русским царем.

— А каких вообще усилий мне стоило потом освободиться от влияния Васнецова! — прибавил Нестеров полугрустно, полураздраженно, посмотрев куда-то в сторону; и я понял из этих слов совершенно ясно, что критический отзыв его о своей собственной иконописи ничего общего не мог иметь с кокетством самоуничтожения, в каком я готов был его обвинить.

— И давно уже, как вы отказались в дальнейшем от иконописи? — спросил я Михаила Васильевича.

— Лет десять. Моя последняя работа в этой области, после икон для Троицкого собора в Сумах, — роспись церкви Марфо-Мариинской обители. Вы там не были?.. Впрочем, в настоящее время церковь закрыта. Я покажу вам эскизы.

Любезный хозяин придвинул один из мольбертов поближе к окнам и ушел в соседнюю комнату за обещанными эскизами.

Ему навстречу вышла миловидная девушка в темном длинном платье старообрядческого покроя и в белом платке с голубоватым

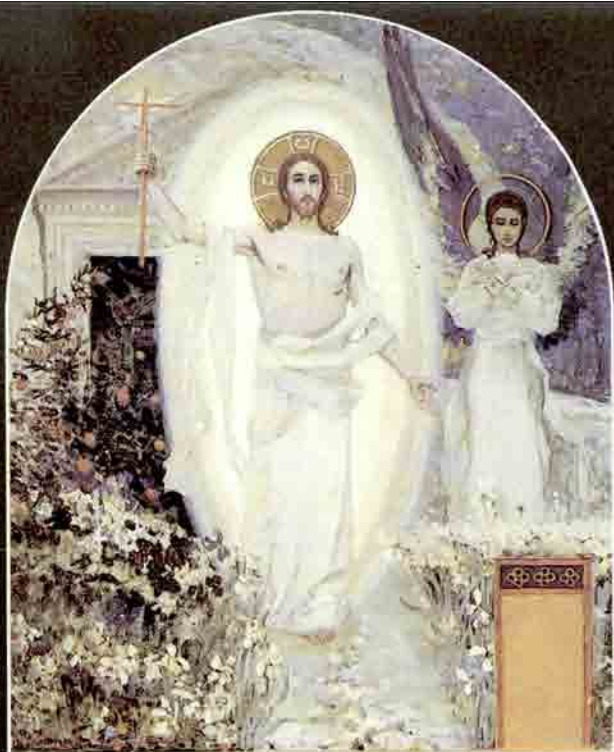

На Руси (Душа народа). 1914—1916 гг.

Воскресение Христово. 1890 г.

Осень в деревне. 1942 г.

узорным окаймлением, всем своим видом будто только что сейчас покинувшая вереницу «Великого пострига».

Мы познакомились и тут же распрощались, ввиду ее торопливого ухода.

— Вот как раз одна из Марфо-Мариинской обители, — сказал мне Нестеров, лишь только она скрылась.

Я пожалел, что не мог дольше побыть в обществе этой типичной «нестеровской» девушки, потому что когда любишь художника, любишь невольно и его модель; хотя, каюсь, тут же задумался, поскольку это была нестеровская модель, а не креатура.

В то время как Михаил Васильевич энергично, не по летам, хлопотал с переноской и подготовкой на мольберте своих последних иконописных эскизов для демонстрации их мне, недостойному, я, не теряя времени, жадно знакомился с новыми для меня картинами, развешанными по стенам, то и дело обращаясь за объяснениями к их отзывчивому автору.

Среди повторений хорошо мне известных мотивов я, как говорится, глаз не мог оторвать от завораживающей картины «Соловей поет», написанной Нестеровым в 1917 г. Сюжет не сложен: молодая послушница сидит ранним летом у дремлющего озера, окаймленного красивым лесом, и слушает, слушает затаив дыхание песню Природы, изливающуюся в соловьиных трелях, а на губах, на которых обет воздержания от греховных поцелуев, улыбка, такая грустная, такая понятная, такая человеческая!..

Прекрасна и другая композиция «В лесах», где так любовно передана Нестеровым группа отдыхающих на приволье девушек, словно сорвавшихся со страниц Андрея Печерского. Картина написана в 1917 г. и продана; передо мною было повторение 1922 г., свидетельствовавшее как нельзя лучше, что глаз и рука престарелого художника далеки еще от старческой немощи.

Наконец — большое полотно — совместный портрет священника Павла Флоренского и С. Н. Булгакова, — религиозных мыслителей новейшего времени. Они идут, под кистью Нестерова, среди полей, по неизвестной дороге, по-видимому, весной (на плечах С. Н. Булгакова пальто внакидку; сам он без шапки), идут, погруженные в глубокие думы, далекие от «мира сего».

Этот большой (поколенный) портрет, написанный в 1917 г., очень удался художнику в смысле настроения и оригинальности всего задания, не известного мне на страницах истории портретной живописи.

Нестеров тут же поведал мне, что он когда-то задумал написать целую серию портретов выдающихся русских религиозных мыслителей. Портрет Льва Толстого, находящийся в Третьяковской галерее, — один из первых в этой серии.

Здесь будет кстати сказать, что Нестеров вообще, как мне нетрудно было подметить, был склонен на своем творческом пути выявлять облюбованную им идею в целом ряде произведений, из которых иногда одно являлось продолжением другого.

Так, например, Нестеров задумал много лет тому назад изобразить в ряде картин драму женщины, не нашедшей покоя и удовлетворения ни в любви, ни в тишине монастыря. «Великий постриг» — предпоследняя картина задуманной серии, момент,

Богоматерь. 1890 г.

когда героиня, усталая и измученная, пытается найти мир в отречении от земной жизни.

Наиболее полно осуществленной из нестеровских серий является, как известно, ряд картин из жизни Св. Сергия Радонежского, этого величайшего духовного подвижника Руси XIV века. Начиная с «Видения отроку Варфоломею», продолжая картинами «Юность преп. Сергия», «Труды преп. Сергия», «Прощание преп. Сергия с князем Дмитрием Донским» и большим полотном, изображающим возмужалого «Преп. Сергия Радонежского», Нестеров, особенно привязанный душой к этому исключительному образу, не может с ним и поныне расстаться, в чем я убедился, увидев тут же небольшую картину «Св. Сергий с медведем» — новый вариант «Юности преп. Сергия», исполненный его почитателем в 1920 году.

Задумавшись немного о судьбах «святых» и искренне преданных им мастерах живописи, я и не заметил, как Нестеров закончил уже с помощью одного из семьи своей установку на мольберте ряда картонов, с которыми я приглашался ознакомиться.

Пожав руку красивому молодому человеку («мастер сих дел», пошутил на счет его помощи М. В.) и попросив извинения за причиненное беспокойство, я погрузился в рассмотрение приготовленных картонов.

Это были акварельные эскизы необычайно тонкой работы для церкви Марфо-Мариинской обители.

Вся церковь этой обители, по замыслу Нестерова, строго выдержана внутри в доминанте

голубых и зеленоватых пятен. Так «рассказал» мне сам художник, по-видимому, хорошо внявший XXIV главе книги «Столп и утверждение истины» священника Павла Флоренского, где столь пространно и столь доказательно говорится в связи с «бирюзовым окружением Софии» о «символике голубого и синего цвета».

«Христос у Марфы и Марии», триптих «Воскресение Христово», запрестольный образ «Литургия ангелов», большой образ «Покров Богородицы», лики евангелистов — все это исполнено в гармонии с доминирующими тонами церкви, исполнено невыразимо нежно, просто, женственно-красиво и прозрачно-воздушно.

Я не знаток церковной живописи, но, думаю, не ошибусь, если скажу, что в этой Марфо-Мариинской иконописи Нестеров бесконечно далек от манеры В. Васнецова и его театрально-аскетического подхода к «святым» на византийских котурах.

Здесь все радует глаз, не отягчая сердце, здесь так трогательно-милы, так бесконечно-приятны образы, очень похожие на живых людей и еще больше на видения их, — что в душу закрадывается светлое-светлое настроение, настроение полного покоя, умиленности и убаженности. Не хочется ни о чем думать при виде этих образов, ни критиковать их, ни разбираться в их соответствии проблематичной «правде» библейских откровений — принимаешь их на веру как-то сразу и целиком, совсем обезоруженный талантом художника, совсем обезволенный его красочным богословием.

Среди этих «вещей», столь

Св. великая княгиня Ольга. 1892 г.

чуждых вещественности, особенно интересным мне показался большой эскиз картины «Путь ко Христу», в которой художник, остывший, как я выяснил тут же, к полотну «Святая Русь»*, трактует тот же сюжет в облегченно-радостных, детски-просветленных формах весеннего пейзажа. Здесь и помину нет той старо-академической тяжести, которая дает знать о себе в зимнем пейзаже и надуманных «зимних» человеках тенденциозно-надуманной «Святой Руси». Здесь словно все то же, но только как раз наоборот, начиная с Христа, появляющегося не слева, а справа и не тяжелой поступью, а чуть не бегом, продолжая природой, освободившейся от оков зимы и ее савана-снега, и кончая группой, стремящейся навстречу Христу, — группой, в которой не только молодые, но и старые молодые от сознания этой Весны, почти бегущей к ней с опушки леса.

После этого мне был показан эскиз очень большой по размерам картины (3×7 арш.), находящейся в Лондоне, для названия которой Нестеров воспользовался евангельскими словами: «Пока не станете как дети, не войдете в царствие небесное». Картина задумана еще раньше «Святой Руси», но писалась в окончательной, много раз перед тем изменявшейся редакции, в 1914—1917 гг.

Берег Волги, у Царева Кургана... Первое впечатление, будто перед нами «крестный ход»: несут икону с огромным, черным ликом Спаса. По одну сторону его — старик монах в схимнической ризе, по другую — высокий, средних лет священник! Но нет! — вы вглядываетесь: это не священник, как и вся эта процессия совсем не «Крестный ход»! Это русский царь в золотом одеянии XVI—XVII вв., в шапке Мономаха, с посохом и прочими полагавшимися царю, атрибутами... Налево от этой центральной группы, слегка в глубине, голый, резвящийся старец-юродивый, вокруг которого странники и монахи увиваются в каком-то хлыстовском радении. Сзади главной группы, направо от иконы, несметная толпа народа, мужчин и женщин, разных возрастов, разных эпох, различного общественного положения. В последних рядах, в перспективном уменьшении, вы замечаете Ф. М. Достоевского, Льва Толстого и Влад. Соловьева. За всей этой огромной толпой высится бесчисленный ряд красных пик и священные стяги воинства Российского, сопровождающего толпу верхом на лошадях. А впереди всей этой пестрой, но чрезвычайно гармонично сочетающейся массы народа, несколько поодаль от нее, шагах в 6—8-ми от иконы черноликого Спаса, идет светлоголовый мальчик с маленькой котомкой на плечах, идет безмятежно вперед легкой поступью, широко раскрыв устремленные вдаль большие голубые, полные веры, глаза...

— Мальчик, разумеется, и придет первым в царствие небесное, — заметил мне Нестеров и тут же объяснил идею картины, сущность которой в том, что у каждого свои «пути» к Богу, свое понимание его, свой «подход» к нему, но все идут к тому же самому, одни только спеша, другие мешкая, одни впереди, другие

* Картина известна еще под двумя названиями — «Душа народа» и «На Руси». — (Прим. ред.)

позади, одни радостно, не сомневаясь, другие серьезные, умствуя...

Я не мог удержаться и тут же выразил автору этой исключительной картины,— внушительной как красотой идеи, так и выполнением,— охватившее меня чувство благодарности.

Был уже восьмой час... Время прошло незаметно, и я только теперь обратил внимание, что становилось темнее.

Я почувствовал, что злоупотребляю радушием художника, не щадя его преклонного возраста, и стал быстро «собираться». Но Нестеров не захотел отпустить меня, не показав своей последней, еще не законченной картины, стоявшей у одной из стен, обернутой к ней лицевой стороной.

— Не в моих привычках, — сказал Нестеров, — показывать еще не законченное, а тем более только частью написанное, но... если вас интересуют моя техника в настоящее время...

Он не договорил, а просто повернул картину «лицом» ко мне и придвинул мольберт к угасавшему за окнами свету.

— Вот!.. третий вариант на сюжет рассказа «Путник».

Я взглянул на картину, где добрая треть оставалась еще не прописанной. Крестьянин и путник, в котором за грубым обликом узнается Нездешний, представлены мирно идущими по дороге, за которой виднеется озеро... Призрачное, близкое к сумеречному освещение...

Я подошел вплотную к картине. Контур непрописанного оказался довольно подробным, но легко, будто шутя, нанесенным на полотно. Почувствовалась властная, испытанная, знающая рука исключительного рисовальщика. Краски были положены нежнейшим пластом, по-видимому, без лишнего исканий, без подмалевки, без поправки, сразу и навсегда. Так распоряжаться материалом властен лишь исключительный мастер, старый-престарый опытом, юный-преюный творчеством.

Это была последняя картина Нестерова, которую уносила моя память от него в этот сумеречный, закатный час...

И мне, правда, защемило что-то в груди, когда я, распрощавшись со старым художником, вышел на улицу и медленно пошел домой.

Вечерняя тьма надвигалась, покрывая окружающее призрачной дымкой. Где-то высоко-высоко грустно, по великопостному гудели, словно охрипшие от напрасных для многих напоминаний, московские церковные колокола... И только на Арбате у газетчика, как явная реальность, смущающая богомольцев, белел № 2-й газеты «Атеист»...

ИВАН ЗЮЗЮКИН
ПИСЬМА
ИЗ
КЛАДОВКИ

В тот вечер они втроем смотрели «Санта-Барбару»... Хотя что другое, спрашиваю я самого себя, они могли еще делать в это время суток? Изо дня в день, переключаясь с одной программы на другую, они до самой ночи смотрели, смотрели, смотрели телевизор... Причем у каждого из них было свое место, откуда он смотрел всегда, и никто другой не имел права его занимать. Лучше всех устраивался отец — посреди комнаты, в мягком кресле. Аня на стуле, справа от него, а мать — у нее правое ухо хуже слышит — слева. Да и сесть как-то иначе они не могли из-за перегруженности комнаты мебелью. Незадолго до гайдаровской либерализации Аня успела купить стенку, тахту и журнальный столик. Здесь же остались громоздкий диван, комод, кресла. Ни с одной из этих старых, давно вышедших из моды вещей отец, завредничав, расстаться не пожелал. «Купила прессованные опилки, ну и любуйся! — со злым смехом сказал он дочери. — А я свою мебель из натурального дерева за миллион не отдам...» Иногда ему взбредало сесть не так, как обычно, и тогда он кому-нибудь загораживал экран. Если жене, она терпела, не связывалась. Аня, если ей, возмущалась, называла его и эгоистом, и самодуром. Но на отца, кажется, уже ничего не действовало, все ему, как сейчас говорят, было до фонаря...

И вот в тот вечер очередная серия «Санта-Барбары» только началась, не успел Сиси в разговоре с Мейсоном двух слов сказать, как экран вдруг погас. Отца словно током ударило! Он вылетел из кресла, яростно завертел ручками «Рубина». Не помогло. Тогда он сбежал в кладовку, где хранил инструменты, и вернулся с набором отверток.

— Не трогай! — Аня загородила собой телевизор. — У него еще не вышел срок гарантии, и если ты...

Отец рукой, словно вещь, отодвинул дочь в сторону.

— Иван! — попыталась остановить его и жена. — Ты электрик по специальности, а не можешь утюга починить. Где ж тебе телевизор исправить?

Он продолжал молча выворачивать винт за винтом, и тогда Аня с матерью, махнув на него рукой, пошли досматривать «Санта-Барбару» к соседям...

Когда они с матерью, досмотрев «Санта-Барбару» и заодно посмотрев «Новости», вернулись домой от соседей — отца уже след простыл. Мать заглянула в одну комнату, в другую, даже кладовку, обычно запертую на замок, осмотрела. И схватилась за сердце.

— То-то я смотрю, куда-то подевался желтый чемодан и нижнего белья в шкафу меньше стало, — заплакав, сказала она. — Ушел он, Аня! Ушел!

— Радоваться надо, мама, а ты... — пожала Аня плечами и пошла к соседям снова. На этот раз — за лекарством...

На следующий день по вызову пришел мастер из телеателье.

— Кто в аппарат лазил?! — грозно спросил он, увидев сорванные пломбы.

Аня читала книгу — это после телевизора ее любимое занятие — и ответила ему нехотя:

— Того, кто лазил, уже нет.

Мастер смущенно выглянул из-за «Рубина»:

— Что? Умер?!

— Если б умер, было б лучше и для него, и для нас, — перелистнула она страницу книги.

С тех пор как отец исчез, Аня, говоря о нем, пользовалась лишь местоимениями: он... ему... о нем... Слово «отец» стало для нее как бы запретным. Правда, она и до исчезновения редко называла его отцом. Разве что при гостях для приличия.

«Да какой он мне отец? — делилась она своими обидами в письме в редакцию. — Не помню, поцеловал ли он меня хоть раз в жизни, или просто погладил по голове. Маленькой была, о чем ни спрошу — махнет рукой и отвернется в сторону...»

Впрочем, она сама же объяснит в письме, почему отец отмахивался от нее: ему попросту нечего было сказать. До того, как в сорок четвертом его взяли на фронт, он успел окончить четыре класса и поработать учеником на заводе. Больше он нигде и никогда не учился. Книг не читал. Ничем, кроме телевизора и рыбалки, не увлекался. И вообще, по мнению Ани, он самый настоящий неудачник. Примеров — миллион. Несмотря на большой стаж работы, разряд имел чуть выше ученического. Поэтому ему пенсию назначили курам на смех. Многие его товарищи по работе до пенсии успели обзавестись садовыми участками, а кто и машинами. У него — ничего!.. Но все в нем можно было терпеть, кроме одного: пристрастия к алкоголю. Нет, пил он не часто. Раза два-три в месяц. Но уж если напивался, то по-крупному. Больше всего Аню пугало, что из отца в пьяном состоянии выпирал какой-то незнакомый, словно не по своему паспорту живущий человек. Обычно слова за день не скажет, а тут говорил без умолку, нес всякую несусветицу, мать обзывал площадными словами. И время от времени вдруг выкрикивал что-то по-немецки. («Зер шлехт!», «Нах Дрезден!», «Шнелль, шнелль!».) И свою родную дочь называл то Эльзой, то Мартой. («Не поверите, я до восьмого класса думала, что он... ну, словом, не наш человек, внедрен чьей-то разведкой... — Это Аня скажет мне, когда я приеду в Смоленск объясняться по поводу ее письма в редакцию. — Но потом поняла, что это несерьез-

но. Какие сведения может передавать полуграмотный человек?») Похмелья у него тоже были тяжелыми. Он все грозился куда-то уехать, где его никто не будет пилить за то, за другое, где по утрам для него будут печь его любимые оладьи-драники и пожалеют за все перенесенные им в жизни страдания, о которых ни дура-жена, ни дура-дочь не имеют никакого представления... Но бывало и такое: будто чувствуя вину за свое буйное поведение, он тихо уходил, запершись изнутри, во встроенную кладовку и находился в ней долго-долго. («Вам мало двух комнат?! — от метал он все их попытки пристроить в кладовке какую-нибудь вещь. — Не лезьте сюда. Это мой научный кабинет!») Какой наукой он там занимался, Аня представить себе не могла. Слышала лишь, прижавшись ухом к замочной скважине, как он шелестит там бумагами, попыхивает сигаретой и временами, мнилось, плачет...

Промежутки между его выпивками заполнялись тягостной тишиной в доме. Отец молча уходил во двор и с такими же, как сам он, забивал «козла», играл на мелочь в карты. К вечеру молча возвращался, и они с матерью с ним тоже не разговаривали. И лишь призрачно голубое помигивание телевизора приманивало, соединяло их в троицу: он в середине, они по бокам... Лучшими днями для Ани были те, когда он, взяв удочки, на сутки-двое куда-то уезжал. Вроде бы на рыбалку. Но возвращался чаще всего без улова. То ли не на рыбалку ездил. То ли ему и на рыбалке не везло...

Из всех обид, причиненных ей отцом, Аня сильнее всего запомнила одну. Она еще училась в школе. Классная через нее попросила отца прийти в класс и выступить с воспоминаниями о войне. «Надо, так приду», — коротко ответил

отец. В назначенный день ученики остались после уроков — послушать его. Классная привела директора, завуча школы, кого-то из родительского комитета — чтобы и они послушали. А отец не пришел. Ане хотелось сквозь землю провалиться, от стыда у нее все плыло перед глазами. После этого случая у нее стал падать волос, резко ухудшилось зрение. Из-за этого она поступила в институт на год позже, чем могла...

Свое письмо в редакцию Аня Карпенкова закончила следующими словами: «Я не хочу жить под одной крышей с этим человеком. Я ненавижу его, считаю, что он добивает мою большую мать (один инфаркт она уже перенесла), и во многом из-за него у меня не сложилось личной жизни. Что же мне делать? Терпеть? А может, есть такой закон, который дает мне право не считать своего отца отцом? И, если есть такой закон, могу ли я подать документы на размен квартиры без его согласия? Ведь если с мамой что-то случится и я останусь в квартире с ним один на один, он тут же вспомнит, что я его дочь. Чтоб я, как дочь, кормила его, чтобы, как дочь, ухаживала за ним, когда он совсем состарится... Да ни за что на свете! Лучше я что-нибудь сделаю с собой!..»

Мыслью отречься от отца Аня поделилась с подругой на работе. Та с сочувствием выслушала, но в заключение сказала:

— Подумай, Аня... Ведь он тебе жизнь дал!

— Я его об этом не просила.

— И он своих родителей не просил. Так устроена жизнь...

— Конечно, — с обидой в голосе сказала Аня, — ты счастливая, в хорошей семье живешь. А у нас? То крик стоит, то тихо, как в могиле. И все из-за него! Почему я и хочу, чтобы он жил от нас отдельно...

— Выходит, вся проблема в

жилплощади? — удивилась подруга. — Тогда пусть твоя мать подаст на развод. А если он не захочет размена, в суд подайте.

— Я сто раз предлагала матери такой вариант. Но она плачет, не хочет разводиться... Вот я и подумала, — с горьким смехом сказала Аня, — может, мне с ним развестись?

Письмо в Москву она отправила еще до исчезновения отца. И вдруг — на это она никак не рассчитывала — из Москвы к ней приехал журналист.

— Знала бы, что так получится, лучше бы с местными юристами посоветовалась, — не скрыв своей досады, сказала она мне, едва я переступил порог их дома.

Анина мать, женщина болезненно полная, с отечным лицом, про письмо дочери не знала. Участвовать в нашем разговоре она не захотела и, бросив на дочь недовольный взгляд, ушла в другую комнату.

— Как же быть? — продолжала досадовать Аня, нервно сжимая кисти худеньких рук. — Ведь вам для объективности, наверное, надо будет и с ним поговорить?

— Не помешает, — согласился я.

— Вообще-то я догадываюсь, где он скрывается. В своей родной деревне, у младшей сестры. — Надев очки с толстыми, будто слоеными стеклами, она нашла карту области и показала пальцем: — Это здесь. Километров сто пятьдесят будет...

От неожиданности я тихо при свистнул. Сто пятьдесят, да, по карте было видно, в основном по грунтовой дороге. И без гарантии, что отец именно там...

— У меня есть два отгула, — все поняла Аня. — Я съезжу к нему и привезу сюда. Силком не смогу, скажу, что... мама при смерти. Хотя

ручаться все равно не могу. Он почувствует неладное и, как вчера про одного рецидивиста сказали, ляжет на дно.

— Думаєте, за ним что-то нехорошее числится?

— Не удивлюсь, если он окажется в розыске, — горестно глянула она неправдоподобно большими, из-за толстых стекол, глазами. — Ведь я до сих пор так и не знаю, что он часами делал в кладовке...

И тут до меня наконец-то дошло, что я не просто расследую факты, изложенные в письме, а невольно становлюсь если не участником, то свидетелем этой тяжелой житейской драмы. Такой застарелой и безысходной, что, даже если действующие в ней лица — отец, мать и дочь — разъедутся и станут жить в разных квартирах или в разных городах, все равно она будет продолжаться и не утихнет в их сердцах до скончания века. Я почти физически почувствовал, что жизнь этой маленькой, до слез несчастной семьи уже приближается к роковой черте. Плевать, что сто пятьдесят километров. Надо Ане найти отца, пусть объяснятся...

— Едем вместе, — сказал я ей.

Перед поездкой я — с ведома и согласия Ани — побывал у нее на работе, поговорил с ее сослуживцами. И услышал от них только хорошие слова. Трудолюбивая, порядочная девушка. Первой заметит, что у тебя плохое настроение. Первой спросит, чем помочь. Лишь одна сотрудница, с усмешкой глядя в окно, отозвалась о ней неопределенно:

— Знаете, в чем ее несчастье? Она признает только белое и черное. Работал тут у нас один холостой мужчина, проявлял к ней серьезный интерес. Но стоило ему один раз встать на защиту Егора Гайдара, она его отшила раз и на-

всегда. В общем, продукт прежней системы...

В дорогу Аня взяла целлофановый пакет с мелкими даже на вид кислыми яблоками. Из предложенных ей мест в машине выбрала переднее.

— Здесь меньше укачивает, — объяснила она, когда мы тронулись в путь. — И я вас заранее предупреждаю: всю дорогу буду грызть яблоки. Где-то я читала, что кислое помогает во время езды... Угощайтесь! — не оборачиваясь, предложила она мне и водителю поочередно.

Из Смоленска мы выехали за светом. Когда машина вырвалась в загородный, от зари розовый простор, она, не оборачиваясь, сказала:

— А мне сон сегодня приснился... Будто подъезжаем к дому, где он скрывается, а оттуда по нам из пушки как бабахнут!

— Не помните, девушка, я-то жив остался? — в шутку забеспокоился водитель. — А то жена, двое детей...

— Досталось одной мне, — по-прежнему глядя только вперед, невесело откликнулась она на шутку. — Представляете, голову начисто снесло...

Так Аня, словно закованная в невидимый панцирь, и дальше будет разговаривать, круша одно яблоко за другим.

Наш водитель, бывший таксист, окажется наблюдательным, сметливым человеком. По отрывочным фразам он быстро уловит суть дела, по которому мы ехали, а в самой Ане гениально угадает существо, нуждающееся в разъяснении простых, но предельно важных для понимания жизни истин.

— Вот вы, девушка, говорите, что отец когда-то обещал вашей матери построить за городом дом с русской печью и баню, да? — уточ-

нил он у Ани. — Но не построил. А вы задумывались, почему?

— Мама и не надеялась, с самого начала не верила в это.

— Понятно! Она не любила его.

— Откуда вы это знаете?! — удивленно и резко повернулась она к нему.

— Из того, что вы здесь сказали: мать сильно сомневалась, выходить ли за него замуж...

— Так ведь он — мама рассказывала — уже смолodu был грубым, самолюбивым человеком. А я где-то читала, что такие люди...

— Да подождите вы с книгами! — прервал ее на полуслове водитель, удивляясь, до чего девушка часто ссылается на прочитанное. — Я вам не по книгам, а по жизни скажу: любовь на сто процентов может изменить человека! Возьмите меня. До женитьбы пил, с инородными таксистами дрался, с пассажирами за проезд, бывало, натурой брал... А теперь? Мы еще часа не едем, а меня уже назад тянет, к жене, к ребятам...

— Вы ревнуете ее? — поинтересовалась Аня.

— Я же вам говорил: не верит тот, кто не любит. А я своей жене верю больше, чем себе.

— А он, — говоря об отце, Аня упорно продолжала пользоваться местоимением, — ревновал маму к шеф-повару, когда она работала в столовой. Выслеживал ее...

— Кто это вам говорил?

— Мама со мной всем делилась.

— Вот видите! — в сердцах воскликнул водитель, уступая дорогу попутному бензовозу. — Они друг на друга лили грязь и вас, своего ребенка, не жалели... Вы нервная? — мельком, но пристально посмотрел он на нее.

— Это заметно? — Она резко оглянулась на меня, и в ее глазах — не думаю, что из-за толстых стекол, — я увидел огромное смятение. — Станешь нервной с такими

родителями! Уже уговорила мать подать на развод. А он сбежал...

— И правильно сделал! — взял водитель под свою защиту Аниного отца. — У нас демократия знаете с чего началась? С разводов. Развестись теперь что-то лгкнуть. А что потом?! Один мой друг развелся. И вот уже два года как ненормальный. Но он еще молодой. А ваш отец — старик. Он без вас в три дня погибнет...

До места назначения — крохотной, в семь дворов деревушки на краю высокого тихого леса — мы добрались быстрее, чем думали. Из крайней избы, черной от дождей и времени, чуть не до окон вросшей в землю, к нам вышла женщина лет шестидесяти в линялой телогрейке. Это была Анина тетка.

— Здесь он? — нетерпеливо, еще не поздоровавшись, спросила ее Аня.

— Ваня? А где ж ему еще быть? — удивилась тетка. — Он надеялся, что ты приедешь сюда и позовешь домой...

— Даже не подумаю, — непримиримо заявила Аня. — И нужен он не мне, а вот этому товарищу, — кивнула она в мою сторону.

Чтобы настроить ее отца на нормальный разговор, я попрошу Аню вместе со мной в дом сразу не входить. Она не станет спорить и, запоздало спохватившись, обнимет тетку, с чувством скажет: «Ну, здравствуйте! Как я давно не была у вас!»...

...Анин отец вскинет на меня сухое, как у дочери, острое лицо и с безучастием спросит:

— За мной приехали?

— Нет, — отвечаю я, — к вам приехали.

Равнодушно отнесется он и к тому, что дочь написала про него в письме в редакцию. Лишь одно его заденет:

— Не отрицаю, подвел я ее тогда с выступлением в школе. А про что я им мог рассказать? Воевал я всего полмесяца. Остальное время войны провел в Германии, в плену. Работал под дулом автомата на фрица. Полгода через наши фильтры проходил. Мне совсем недавно в военкомате медаль вручили. А то в День Победы стыдно было на улицу выходить...

Я спрошу, чего, на его взгляд, ему не хватило, чтобы построить хорошую дружную семью.

— Ума, — не задумываясь, ответит он.

— Но если вы это понимаете, значит, не в уме дело.

— Тогда силы воли. Я же был способным, мог учиться и далеко пойти. Сестра... которая вас встретила... убеждала: учись, я буду тебе помогать, по два кабана в год ради этого обещала валить... Но у меня в те годы голова была занята другим — как поставить на место свою жену!

— Вы любили ее?

— Еще как! — Он порывисто закурил. — И если б она признала мое превосходство, я бы ее, как в день свадьбы, всю жизнь на руках носил... Но она возражала мне по всем вопросам жизни. С дочерью — та же история! Немного подросла и тоже начала перечить, мать во всем поддерживать...

На Аню, когда та вошла в дом, он взглянул без любви, но и без упрека. Уступил ей стул, а сам сел на скрипучую лавку. Внешне паразитально похожие, они разговаривали, как персонажи в театре абсурда: с неестественно выпрямленными спинами и глазами, устремленными в потолок. Аня, казалось, решила воспользоваться этим нечаянным свиданием с отцом, чтобы поставить последнюю точку в их многолетнем споре.

— Согласен, что тебе не надо было жениться на моей матери?

— Задним умом мы все крепки.

— А зачем ты, когда напиваешься, кричишь по-немецки?

— Это,— угрюмо усмехнется он,— я нарочно делаю. Чтобы вы меня боялись, не думали, что я только Ваня...

— Дело прошлое... Когда ты уезжал на рыбалку, маму волновало: ты там ни с кем не встречался?

— С кем? Там каждый сидит у своей лунки, сам по себе...

— Я имею в виду женщину...

Он поискал глазами икону, перекрестился и сказал:

— Бог свидетель: никогда я твоей матери не изменял...

— Еще вопрос: почему уваливаешь от развода?

— Во-первых, это не тебе, а нам с матерью решать. Во-вторых, в случае развода мы за свою малогабаритную двухкомнатную получим по комнате в коммуналках. Мне это даже хорошо, будет с кем выпить. А для вас с матерью?

Его ответ заметно смутил Аню простотой и убедительностью. Она призналась:

— Не ожидала... оказывается, ты можешь думать не только о себе!..

Но вот она села поудобнее и с неутраченной враждой спросила:

— Ты сам-то понимаешь, что никогда не был мне отцом?!

— Да... Но я тоже рос как трава.— Он на мгновение привстал, чтобы отогнать от Аниного лица дым.— Мать моя от зари до зари за одни палочки на колхоз работала, я ее почти и не видел. А отца своего сам видеть не хотел. Как придет пьяным домой, я вот под эту лавку залезу и сижу...

— Но сейчас другое время! Можешь у других поучиться, как обращаться с дочерью...

— Моя ошибка: не сразу понял, что у нас с тобой одинаковые характеры. Ты тоже, как и я, любишь, чтобы последнее слово было за то-

бой. И ради этого на все пойдешь... Ну взять хотя бы твое письмо в Москву, дочка!

— Согласна, я не должна была делать этого! — вся вспыхнув, признала Аня.— Но про твои махинации я ничего не писала...

— Что ты имеешь в виду? — медленно перевел он взгляд с потолка на дочь.

— Сказать? А что ты часами делал в кладовке?!

— А как ты думаешь?

— Печатал фальшивые деньги?

— Тьфу! — беззлобно сплюнул он.— Какие деньги? Я по рисованию одни двойки получал. А если спросишь, на что выпивал, так я скажу. От вас с матерью тайком подрабатывал. То кого-то из грузчиков в магазине подменял, то газетами торговал. Но никогда не воровал и не попрошайничал твой отец!..

Он встал с лавки, приподнял и тут же опустил стоявший рядом желтый чемодан.

— Вот... Вещи еще вчера собрал,— сообщил, снова присаживаясь.— А ехать мне домой или нет, пока не знаю. Сколько здесь живу, столько и ночей не сплю, всю свою жизнь как кинокартину заново просматриваю... Зер шлехт! Очень плохо все получается!.. Что посоветуешь мне, Аня?!

— Первый в жизни откровенный разговор! — ужаснувшись этому факту, закрыла она лицо руками.— Где ж ты был раньше?! А?!

Как бы оберегаясь от взрыва ее чувств, отец низко наклонился к полу. В короткой стрижке его детски маленькой головы не сверкнуло ни одного седого волоса. Так и казалось: на лавке сидит не пожилой мужчина, а мальчик с пожилым лицом.

— Прости меня, Аня! — Дрожащей рукой он прикурив следуюшую сигарету от окурка.— Как там мать?

— Ты еще спрашиваешь: как?! Переживает... А чтоб простить тебя? Нет, всего, что было, простить я не могу. Понимаешь ли ты, что мои полуслепые глаза — твоя вина? Помнишь, как ты отхлестал меня за пролитый одеколон?

— Нет! — Он с диким страхом оглянулся на меня, как бы призывая меня в свидетели. — По глазам я никогда тебя не бил... — А когда Аня пояснила, что глаза пострадали от нервного потрясения, он легко согласился: — Да, такое могло быть. Меня отец однажды так избил, что чуть не на всю жизнь зайчик сделал.

Он замолчал, потом, добела сцепив пальцы рук, сказал:

— Я хочу иметь с вами обеими разговор. Конкретный и окончательный.

— Я за разговор! Но... с отцом! — ответила Аня, обращаясь не к нему, а ко мне, словно я у них был переводчиком.

— Я понял тебя, — кивнул он ей и утер от едкого дыма дешевой сигареты набежавшую слезу. — Мне бы только нервы восстановить! А сердце у меня еще хорошее, и силы есть. Снова устроюсь на работу. Как участника войны меня должны взять. И я вместе с пенсией все заработанное буду матери отдавать. Прямо в руки... Но я об одном прошу: не надо меня упрекать за что попало! Какой есть, другим уже не стану. У меня всего одна жизнь. Зачем же ее, одну, в пытку превращать?! Пусть каждый из нас живет как может. Это лучше, чем с утра до вечера ломать и переделывать друг друга под себя... Я обещаю твердо: пить брошу. Захочу — и курить перестану. Это слово бывшего сапера... И, помяните мое слово, вы еще скажете: «Какой ты у нас хороший, папка!»...

Кажется, лишь в ту минуту Аня осознала, что ее бахвалистый отец как человек не столько дурен,

сколько слаб и жалок. С ней произошло то, чего она так боялась в машине: ее замутило. Она опрометью выбежала из дома, села на скамейку, зажав рот. Рядом с ней опустилась тетка, обняла ее худые плечики, погладила по маленькой головке, и Анина спина, прямая, как штык, расслабилась, содрогнулась... Наш бывалый водитель, стоявший у машины, понимающе отвернулся в сторону, потом открыл капот и ушел с головой в двигатель...

— Если хочешь, возвращайся! — сказала Аня, вновь входя в дом. — У тебя есть полное право...

Как бы благодаря ее за эти слова, он схватил какую-то сумку и стал набивать ее крупной золотистой антоновкой, какая, кажется, только в этих местах и растет.

— Хватит... папа! — взмолилась она. Ее мокрое от слез лицо стало добрее и мягче. — Может, ты с нами поедешь? Место в машине есть...

— Нет, — отказался отец. — Даю вам на размышления еще три дня... Скажи, Аня, — спросил он, глядя в пол, — я, когда уезжал, кладовку закрыл?

— Нет... А что?

— Вернешься домой, зайди в кладовку, загляни под лист фанеры на самой верхней полке. Там я храню свои письма вам с матерью. Почитайте их...

— Письма нам? — не сразу поняла его Аня. — Зачем?! Словами, что ли, не мог сказать?

— Хотел, да всякий раз язык отнимался. Такими злыми глазами вы обе смотрели на меня. Вот я и запирался в кладовке, писал вам, что у меня творится на душе...

— Боже мой, Боже мой! — прошептала Аня. — А мы были рядом и ничего не знали...

Отец достал новую сигарету, закурил ее и, немного поколебавшись, сказал:

— Когда прочитаете всю мою

писанину, дайте сюда телеграмму: ехать мне к вам или здесь навсегда оставаться?..

— Да, — пообещала Аня, — мы с мамой все прочитаем и дадим телеграмму. Но, повторяю, если хочешь, поехали прямо сейчас!

— Нет, — снова отказался отец, — я хочу на руках иметь вашу телеграмму...

Обратная дорога прошла в полном молчании. Наверное, поэтому она показалась непомерно длинной и невыносимо тряской. Бледная Аня все время держала яблоко около рта. Но так ни разу и не притронулась к нему.

— Я чего хотела? — уже под самый конец нашего путешествия скажет мне Аня. — Я хотела доказать вам, что он плохой человек. А вышло, что я не лучше... Обещаю вам: все силы положу, чтобы помирить их с матерью. Да и самой надо, наверное, больше терпения проявлять.

Она помолчала, а потом словно выдавила из себя:

— Хотя не знаю, получится ли у меня...

Больше я про это семейство ничего не знаю.

ТАЙНА ВАШЕГО СЧАСТЬЯ

Если Вы задумывались о завтрашнем дне, Вам уже сегодня необходимы тайные знания секретов любовной интриги, полностью изложенные в 7 книгах-бестселлерах Грэхема Мастертона: "Одинокая, страстная, сексуальная... и благополучная", "Секреты соперницы", "Сведи его с ума", "Как свести с ума любовника", "Еще раз, как свести с ума любовника", "Как свести с ума друга", "Как свести с ума любовницу".

Более 1700 страниц - целая энциклопедия! - волнующих экскурсий в мир наслаждений.

Цена 7 книг с доставкой - 75 тысяч рублей. Оплата при получении на почте. Ждем Вашего заказа. Жители Москвы могут купить комплект книг в магазине "Элита" (Главпочтамт): ст. метро "Тургеневская", тел. 270-11-12.

Подписывайтесь на льготный каталог Почтового агентства до 01.12.95. Не пожалеете. Индекс 34205. Издательство АиФ. Стоимость 10600 руб. (на 6 месяцев 1996 г.).

Образец заявки-заказа:

101000, Москва, Главпочтамт,
а/я 101. Почтовое агентство.

Заказываю 7 книг Г. Мастертона.
ФИО _____
Индекс и адрес _____
_____
_____

ПЛАТОЧЕК

Горькими ходила я полями,
Плакала и думала о страшном:
Все такое страшное на свете —
Подлость, злые нравы, тьма и ветер.

Налетели буря с ураганом,
Ссорились и заново мирились,
А пока они судьбу пытали —
Всю на мне одежду изорвали.

Ноги все изранили да руки,
А платок схватили в суматохе
Новый, незапятнанного цвета —
Унесли платочек на край света.

Я теперь смеюсь, а буря плачет:
Повязала мой платочек белый,
Улеглась у горного подножья,
Плачет, успокоиться не может.

А ну и что — одежду изорвали:
Милый мне все лучшенькое купит!
Ну и что — изранили все тело:
Что ходила, дома не сидела?

Что ж ходила, дома не сидела? —
Спросит меня милый, поцелует.
— Все куплю, что душенька захочет,
А пока возьми себе платочек.

ЛАСТОЧКА

Она в окно его разбудит,
Нежнее первого листа.
Он горестно шептать ей будет:
Не та ты, ласточка, не та...

Она в окно его разбудит.
Как нож, у ласточки изгиб.
Пусть этот май последним будет,
И он прошепчет: Я погиб.

И по сырой пустой тропинке
На запад или на восход,
Как на дуэльном поединке,
Пустое солнце упадет.

Ресторан «Счастливая верфь» стоял на высоких сваях, и, даже когда штормило, самая высокая волна не доставала до его бетонного пола. Иван Иванович сидел за столиком у окна и лениво наблюдал за яхтами, снующими по заливу. Ему нравился этот тихий городок на юге Франции, недалеко от Ниццы. Он приехал сюда с семьей по совету приятеля, владельца модной туристической фирмы в Санкт-Петербурге, и был доволен сделанным выбором. Недорогой коттедж, дешевое питание с маленького местного рынка, немногочисленный — несмотря на бархатный сезон — пляж. Чистый воздух, чистая вода, чистые продукты — что еще нужно для здорового непритязательного отдыха?

Правда, Иван Иванович предпочел бы Ривьере Кавказское побережье Черного моря. Новый Афон, Гагры, Пицунда. Там проводил он в молодости каждый отпуск, знал каждую аллею, тропинку, рынки, пляжи, шашлычные, рестораны. Безрассудные студенческие каникулы, знойный медовый месяц. Увы, там сейчас шла война, под сенью пальм стреляли и чадили танки, из пляжных кабин и окон здравниц испытывали свою меткость снайперы. Разумеется, можно было бы отправиться в Крым. Но он был на грани гражданской войны: президент и парламент никак не могли поделить власть. В довершение из Дагестана припла хо-лера.

Иван Иванович подозвал гарсона, вновь заказал придуманный им самим коктейль — кампари, джин, тоник и много льда. Сделал пять-шесть глотков подряд, вытер платком несколько попавших

ОЛЕСЬ БЕНЮХ

БУМЕС

на бородку капель. За соседним столиком две американские пары дружно хохотали над чем-то. Иван Иванович поморщился, отвернулся. Ох, уж эти янки — непосредственны, как дети. Во всем, кроме бизнеса.

«Кроме бизнеса», — подумал он и вздохнул. Ему не хотелось вспоминать сейчас о делах, проектах, партнерах. Всему свое время. И место. Как липуча, однако, американская лексика. Бизнес. Чартер. Круиз. Мимо залива величественно проплывал океанский лайнер. Пассажиры разных классов высыпали из своих кают на палубу. Наиболее экспансивные и сентиментальные приветственно махали руками тем, кого они видели на берегу. Иван Иванович вспомнил свою поездку на «Леониде Собинове» из Одессы в Батум. Два города, два мира, два уклада жизни, одно

государство. Словно тысяча лет прошла с тех пор. Нет уже того государства. Разбежались города по разным странам. И сам он оказался в стране иной.

— Месье, прикажете подавать буабез?

Иван Иванович обожал это блюдо. Особенно когда оно было приготовлено как здесь — из свежайшего улова, с изысканными ароматическими специями. Рыба разных сортов, омары, креветки, петушки, устрицы. Одним словом, Великая Морская Уха.

— Вино успели выбрать?

— Успел, успел. Дайте мне, пожалуйста, бутылку Chateau le Haut du Bois 19... года.

— Слушаюсь. — Гарсон наклонил голову, послушно улыбнулся. «Сколько же должно быть денег у этого русского? — думал он, направляясь в погреб. — Вино-то коллекционное. Бутылочка золотая. Более пяти тысяч франков. И сверх всего чаевых дает полтыщи».

Уже прошла неделя отдыха, но ощущение свежести, бодрости, радости жизни у Ивана Ивановича не появлялось. Он просыпался с чувством усталости. Стоило больших трудов встать, сделать несколько упражнений, принять душ. Настроение было необъяснимо подавленное, словно он только что потерпел в чем-то сокрушительное поражение. Этому способствовала и болезненная мнительность. Ему казалось, что у него рак предстательной железы, или хронический аппендицит, или стремительный инфаркт.

«Хочешь не хочешь, а возраст дает о себе знать, — покорно думал он. — Совсем не мальчик, в клуб «шестидесятников» всту-

АМТ

пил. Все чаще хочется уединения, одиночества...» Вчера жена и дочь укатили на три дня в Париж. Он не возражал. Они впервые были во Франции, так многое хотелось посмотреть. И, разумеется, по магазинам пошастать. С ними он отправил и обоих телохранителей — Клочкова и Остагчука. Нечего им в этой глуши мускулы свои демонстрировать. Пусть проветрятся с дамами.

Сегодняшнее утро было неожиданно приятным. Иван Иванович с удовольствием выкупался в море. Вставал он рано, в семь на пляже не было ни души. Солнце шаловливо прыгало по небольшим волнам, нежный ветер ласкал кожу. После легкого континентального завтрака два часа Иван Иванович играл в теннис с очень сильным инструктором. Потом вновь отправился на пляж. И в третий раз за это утро увидел ее. На ней было мини-бикини.

Полулежа в шезлонге, она читала какую-то книгу. Бог ты мой, до чего же хороша! Вроде бы на первый взгляд ничего особенного. Курносая. Лупоглазая. Верхняя губа выдвинута над нижней. Это если смотреть в профиль. Но вот она поворачивается, и происходит чудесная метаморфоза. Вздернутый носик задорно прелестен, обжигающие черные глаза распахнуты настежь, припухшие вишневыи губы четко очерчены. Умеренно длинные ноги, хрупкая (но не инфантильная, нет!) фигурка, японская — едва заметные холмики — грудь. Иван Иванович любовался девушкой отстраненно, как картиной в музее. Еще бы — жена рядом, дочь на выданье... «А все же крутит лукавый, ох крутит. Видно, не зря говорят: «Седина в бороду, бес в ребро». Ну, ладно, ладно. Подумаешь, велика беда. Посмотрю, мысленно пооблизываюсь. И все. Хоть и говорится в Писании, что если прелюбодействовал мысленно, то... Но все же невелик грех».

Однако свой шезлонг Иван Иванович расположил почти рядом. Раскрыв томик неизменно любимого Мопассана, он какое-то время наблюдал краем глаза за пляжной соседкой и наконец задремал. Никогда раньше ему не снился его старый, его добрый друг Геннадий. А тут, на тебе, вот он, собственной персоной. И главное — улыбчивый, дружелюбный, умиротворенный. Ни обид, ни упреков, ни претензий. Да и что особенного произошло? Лет пять (или шесть) назад в Москву приехала группа бизнесменов из Техаса. Нефть. Химия. Компьютеры. Когда были широко открыты границы, в Россию хлынул поток иностранцев. Разные были среди них люди. Наивные, почти неосведомленные и прожженные, великолепно информированные; честные трудяги и отъявленные мошенники и плуты. Что же тут удивительного? Охотников половить жирную рыбку в мутной, взбаламученной беззаконием и безвластием воде было предостаточно всегда и везде. Их Иван Иванович довольно легко определял внутренним своим компьютером.

Из всех техасцев он выделил одного — Айка Холланда, нефтяного магната, мультимиллионера, пожилого, прямого, грубоватого англосакса. Используя свои обширные связи и деловую хватку Геннадия, тот сумел одним из первых проверить крупную сделку по продаже нефти. Это была в чистом виде посредническая операция, и даже процент комиссионных не был толком оговорен. Не был он зафиксирован и контрактом. Тем большим было удивление Ивана Ивановича, когда в одну из поездок в Нью-Йорк он обнаружил на своем банковском счету девятьсот тысяч долларов (как потом он выяснил, за рубеж утекла не река, а целое нефтяное море). Довольны были все, кроме Геннадия. Иван Иванович выделил ему двадцать пять «кусков», но тот каким-то образом узнал о полной сумме выплаченного гонорара. «Значит, Боливар не выдержит двоих? — спросил он на одной из презентаций. — Если мне память не изменяет, мы договаривались весь навар делить фифти-фифти». «Расчет произведен в соответствии с затраченными усилиями, — доверительно улыбнулся Иван Иванович. — Давай лучше выпьем за дальнейшие успехи в коммерции. Жизнь только начинается». «Мы знакомы более тридцати лет. Не один пуд соли вместе съели. Да, видно, этого мало, чтобы

узнать друг друга, чтобы отличить зерна от плевел...»

Чудак, обидчивый, недалекий чудак. И догматик. По теории марксизма докторскую защитил, а творческой интерпретации истины «Бытие определяет сознание» не научился.

— Извините, месье...

Иван Иванович по-приятельски похлопал продолжавшего кукситься Геннадия по плечу, открыл глаза. Приснится же вдруг этакая несуразица. А тут вот он, пляж. Солнце. Море. Благодать. И перед ним стояла она, прелестная незнакомка с японской грудью.

— Я.. извините... — протянул он, вставая.

— Нет, это вы меня извините, — улыбнулась девушка. Она слегка склонила голову, прикрывая одной рукой глаза, а в другой держа сигарету. — Ужасно хочется курить, а зажигалка куда-то подевалась.

— Огонь всегда со мной, мадемуазель. — Иван Иванович достал из кармана брюк свой золотой «Ронсон». Проработав в молодости три с лишним года в торгпредстве в Марокко, он свободно владел французским. — Судя по произношению, вы не парижанка? — спросил он, пока она прикуривала.

— Да, — ответила девушка, сделав затяжку и зажмурившись от удовольствия. — Не коренная. Мои родители эмигрировали из Польши и привезли меня сюда еще ребенком. А вы, судя по тому же, иностранец?

— Русский.

— О, русский! Горбачев. Ельцин. Перестройка.

Иван Иванович кивнул, вежливо улыбнулся, тоже закурил.

— Вспомнила. Кто-то в гостинице, кажется, управляющий, говорил, что здесь отдыхает с семьей русский банкир. Так это вы?

— Похоже, что я.

— А я Жаннетта, студентка Сорбонны.

— Меня зовут Иван Иванович.

— Ииваан Иваааноович, — полупроговорила, полупропела она. — Почти два раза «Иван». Это повторение что-то значит?

— Это значит: «Иван, сын Ивана».

Он подумал, что она наверняка специализируется по искусству. И, словно угадав его мысли, Жаннетта сказала:

— Я изучаю экономику. Сейчас взахлеб читаю книги великого экономиста. Леонтьев. Тоже русский. Нобелевский лауреат.

«Бывший русский», — по привычке хотел сказать Иван Иванович, но вовремя спохватился:

— Да-да, русский, конечно.

— А где же ваша семья? — неожиданно спросила она.

— Жена и дочь уехали в Париж на экскурсию. Собор Парижской Богоматери. Лувр. Елисейские поля.

— А вы?..

— Я уже все это проходил. И давно.

— Живой русский банкир! Потрясающе! У вас найдется время ответить на несколько вопросов? То, что пишет пресса о вашей экономике, противоречиво до предела. А тут, как говорится, из первых уст...

Ему импонировал ее энтузиазм.

— Только пусть вопросы будут в письменном виде, — пошутил он. Но Жаннетта приняла шутку за чистую монету.

— Обязательно подготовлю их к завтрашнему дню.

— А сейчас предлагаю партию в теннис, — осторожно проговорил Иван Иванович. — Я видел вас сегодня утром на корте. Думаю, часик против вас продержаться смогу.

— Попробуйте.

Однако играла она намного сильнее, чем он полагал.

— Ну и подача у вас, — кричал он через десять минут игры, взмокнув как мышь. — Что там Макинрой, Сампрес позавидовал бы.

— Подождите, я еще курить брошу, — отвечала она, выигрывая очередной сет...

«Не ухаживать же я собираюсь за ней, — внутренне возмущался Иван Иванович. — Ну, хороша. Очень. Но она же младше моей младшей дочери. Ну и потом — я-то ей зачем? Старый, плешь сверкает, зубы фальшивые. Экзотика? Разве что. Новый русский. Впрочем, экзотика — при определенных обстоятельствах — тоже может дорогого стоить. Эх, мне бы этак годков тридцать сбросить с плеч. Просто Мария. Просто Иван Иванович. Без всякой там экзотики».

Жаннетта мастерски, выверенным ударом погасила неуклюжую свечу Ивана Ивановича, поставив финальную точку в игре. В горделивом победном жесте вскинула вверх сжатые в кулачки пальцы, обратив улыбку к воображаемой публике. Вот она смахнула с кончика носа капельку пота, откинула в очередной раз со лба упрямую пепельную челку, накинула на плечики бордовое полотенце со своими инициалами. Вот она грациозными глоточками пьет грейпфрутовый сок. Все в ней ему нравилось, все вызывало трепетный восторг, о котором он уже давно забыл. «Могу же я в конце концов восхищаться этой девушкой, этой девочкой, как отец, — вяло убеждал он кого-то, даже в мыслях, однако, не отважившись назвать себя дедом. — Могу, конечно. Тем более что помыслы мои чисты, как первый снег в поле».

Иван Иванович проводил Жаннетту до дверей ее гостиницы. Придя в свой коттедж, он принял душ и прилег на кровать. Определенно надо бы вздремнуть. Денек был насыщен до предела. Он наглухо задернул шторы, но сон никак не шел к нему. Чертыхаясь, он встал, налил стакан вина с содовой, включил телевизор. Слезливый боевичок с мафиозными разборками. Кровавая драма времен Реставрации. Забавные туземные мультяшки из жизни рыцарей. Стоп. Последние известия. Стоп, стоп, стоп. Россия. Москва. Председатель Центробанка предупреждает частные банки о санкциях за проведение нелегитимных (надо же, какое словечко притащили в наш великий и свободный) операций. Да, пытаемся обойти идиотские в своей первооснове законы, которые ставят нас на грань банкротства. Пытались, пытаемся и впредь будем пытаться. Да, надуваем налоговую инспекцию. Переводим в зарубежные банки сотни миллионов долларов и марок. Во всем мире это нормальная рутинная работа, за которую банк получает свой разумный процент.

Черт знает, что творится в нашем российском доме.

Иван Иванович в сердцах выключил телевизор. Подошел к телефону, набрал номер Жаннетты. «Не отвечает, — с досадой процедил он и бросил трубку. — Похоже, ужинает. Любопытно, с кем?» Он быстро оделся и минут через пятнадцать уже входил в просторный бар ее гостиницы. В нем было довольно многолюдно, но Жаннетты там не оказалось. «Может, она уже в ресторане с каким-нибудь теннисистом помоложе», — ревниво подумал Иван Иванович. Но ее не было и в ресторане. «Что ж, не бегать же мне по всем харчевням этого паршивого городишка, разыскивать случайную партнершу по теннису, раза в три моложе меня. — Он раздраженно смотрел в спину метрдотеля, пока тот вел его к свободному столику. — Бог с ней, с Жаннеттой. Ее дело молодое». Без аппетита поужинав, Иван Иванович вернулся в свою тихую, святую обитель. Конечно, и тихая, и святая — ни шумных хмельных вечеринок, ни знойных греховных ночей. Он раскрыл было томик Мопассана, но, не прочитав и четверти страницы, заснул, так и не выключив ночник.

Разбудил его монотонный шум дождя. Ничего себе, славенький бархатный сезон. Часы показывали четверть двенадцатого. Кряхтя, он поднялся, медленно умылся, почистил и вставил зубы. Съев манго и выпив стакан молока, направился в гостиницу. «Ни пляжа, ни тенниса, — вздохнул он. — Хоть в бильярд сыграю. — А у самого где-то в подсознании пряталась мысль: — И увижу Жаннетту». Капли дробно барабанили по зонту, по пластику плаща: «Жан-нет-ту! Жан-нет-ту! Жан-нет-ту!» Играть в бильярд он научился в детстве. На отцовской даче стоял большой бильярдный стол, и он пропадал за игрой целыми днями. С тех пор остался у него на всю жизнь классный удар. Но играть было не с кем, кроме старенького, лысого — как бильярдный шар — маркера. Проиграв три партии подряд с разгромным счетом, маркер решительно запрятал свой кий в деревянный футляр и прошамкал:

— Лет сорок назад я бы дал тебе фору. А сейчас нет, не могу, отыгрался...

На следующее утро Иван Иванович сел за руль взятого напрокат автомобиля и отправился в Монте-Карло. «Разве можно в моем возрасте так поддаваться эмоциям? Еще куда ни шло — «затеять флирт невинный», или как там поется у Вертинского. Причем у него говорит холостяк, а тут женатый, обросший детьми и домочадцами, весьма почтенного возраста мужчина — и так непозволительно расслабился. Все, все, прочь дурь из головы! Девочки, амурсы — это уже не для меня. Зеленое сукно, рулетка, карты. И удача. Дашь удачу!» Темно-зеленый «ягуар» плавно мчался на восток по приморскому шоссе. Местами оно напоминало дорогу между Гаграми и Сочи. Иван Иванович никогда не лихачил, береженого и Бог бережет. Поздний умеренный ланч в Монако. И вот он наконец, знаменитый казино-дворец Монте-Карло. Как ему везло, как головокружительно везло! Он дернул за рукоять автомата — и просыпалось семьсот монет. Объявил «пятый, черный» — и крупье пододвинул ему лопаткой фишек на пятьдесят тысяч. Он все их поставил на «красную, четырнадцать» — и выиграл в двенадцать раз больше. Рисковал Иван

Иванович бездумно, одержимо, как солдат, бросающийся в самое пекло битвы. К нему приклеились трое игроков — две дамы и юный офицер. Ставили, как он. Подобострастно, угодливо ему улыбались, заискивающе аплодировали. И выигрывали, выигрывали. Крупье сигнализацией вызвал администратора. Тот пришел с охраной. Что они могли поделать? Все было чисто, игра шла строго по правилам. Заменяли крупье, который якобы пожаловался на недомогание. При чем тут крупье? «Он же ничего не пьет, проклятый иностранец, — твердил про себя администратор. — Ни одного глотка, даже пива». Иван Иванович действительно ничего не пил, несмотря на назойливые предложения. Ему предстояло вести машину назад. Запрет на спиртное за рулем выполнялся им свято...

«Леший с ней, с этой Жаннеттой, — подумал он, едва проснувшись на следующее утро. — Завтра вернутся мои из Парижа. Отпуск, собственно, прошел. И вроде бы и не отдыхал вовсе. Одно название: «Был на Ривьере. Играл в Монте-Карло». Все суета сует». И был пляж. И был теннис. И снова пляж. После ланча Иван Иванович позвонил в Москву. Первый вице-президент совета директоров обстоятельно ответил на все его вопросы. «Тоже хорош фрукт, — подумал Иван Иванович, положив трубку. — Спит и видит, как бы сесть в мое кресло». Он знал, что обвинение это беспочвенно, бездоказательно, но ничего не мог с собой поделать. «Все они такие, — продолжал он распалить себя. — Чем выше степень умственной импотенции, тем гуще концентрация амбициозности и чванства». Он позвонил и заказал пиццу с анчоусами, ветчиной и салями. Иван Иванович не любил пиццу, даже забыл, когда последний раз ее ел. Но это было единственное горячее блюдо, которое можно было получить через десять минут. И потом — пицца неплохо пойдет с виски. Он пил его не забывая. Обжигаясь, глотал смешной итальянский пирог и думал при этом с горечью и злостью: «Я выиграл вчера столько денег, сколько не заработал за все годы государственной службы. И что же — стал хуже? Скольким табу мы поклонялись все семь десятилетий! Табу на собственность, табу на мелкий бизнес, табу на веру в Бога. Запоренные до предела, мы превратились в зрячих слепцов. А ведь было, было много прекрасного. Кодекс, если его повнимательнее рассмотреть, включал все Десять Заповедей... Нас погубили лицемерие и злоба. Мы не проиграли Россию. Нет, мы не выиграли и не могли выиграть битву против времени. Просто хотели получить очищенного от всех мерзостей и грехов человека, получить в одночасье. Утопия...»

Мрачные мысли его прервал телефонный звонок.

— Говорит Жаннетта, — произнес в трубку голос, который Иван Иванович тотчас узнал и обомлел от радости. — Еще раз хочу поблагодарить вас за теннис. — Она музыкально растягивала гласные в его имени и отчестве. — Простыла и отлеживалась. Вот снова здорова.

— Отлично. Великолечно. А я... — Он собрался с духом и галантно произнес: — А я имею честь пригласить вас на обед.

— А я имею честь с удовольствием принять ваше приглашение, — смешливо ответила Жаннетта.

Вечером «Счастливая верфь» преображалась. В полутемном зале сверкали гирлянды разноцветных фонариков. Негритянский оркестрик исполнял новоорлеанский репертуар. И дух Армстронга витал над маленькой сценой. Завсегдаево было немного, ибо ресторан считался дорогим даже по меркам Ривьеры. То и дело свечи исполняли извечный танец приветствия и уюта. Их пламя отражалось в модном хрустале и старинном серебре. Старинная мебель, старинные люстры и канделябры, которые зажигались лишь по особым случаям (свадьбы, круглые даты рождений), старинные одежды гарсонов, старинные меню.

— Я даже не знаю, была ли я когда-нибудь в таком чопорном ресторане! — воскликнула Жаннетта, знакомясь с длинным списком блюд старой французской кухни. И, засмеявшись, добавила: — Ну и наемся сегодня.

— За чем же дело стало? — в тон ей ответил Иван Иванович. — Приказывайте.

— Для начала хочу русской черной икры и русской белой водки.

— Вы уверены?

— А в чем я, собственно, должна быть уверена?

— Русская водка — напиток серьезный.

— Вы хотите сказать — для взрослых? Но ведь и я уже далеко не ребенок, — она задорно тряхнула головой, откинула челку со лба. — Иногда и мы, студенты, напрягаем карманы наших родителей и смакуем вашу «Столичную», «Столи».

— Ну что ж, водка так водка.

Оркестр исполнил «Вестэндский блюз». Иван Иванович слегка подпевал, в такт барабанил пальцами по столу. Жаннетта была, казалось, поглощена своими мыслями, сидела притихшая. Когда водка и икра были поданы, она подняла рюмку, понюхала, смешно наморщила нос:

— Как-то в кино я заметила, что русские произносят бесконечные тосты. Что ни глоток, то тост.

— Пить без тостов — элементарная пьянка, — усмехнулся Иван Иванович. — А так — плодотворное общение.

— За плодотворное общение, — предложила Жаннетта и, пригубив рюмку, поставила ее на стол.

— Э-э-э, нет. Так не пойдет. Видимо, другого вы не видели в кино, а именно: по-русскому обычаю первые три рюмки пьют до дна, Бог любит троицу.

— Мне этот обычай нравится. — Она выпила рюмку и поцеловала наружную сторону ее доньшка. Иван Иванович негромко зааплодировал.

— По-гусарски, чисто по-гусарски, — одобрительно твердил он и думал, что на Западе, постигая российскую историю, копают не только вширь, но и вглубь.

— О ля-ля, месье Иван Иванович, многие нас недооценивают. Но мы, студенты Франции, большая сила. Интеллектуальная, да и в любом другом смысле тоже.

Вопреки своей многолетней традиции — не есть ничего тяжелого на ночь, Иван Иванович заказал себе стейк. Жаннетта махнула рукой: «И мне то же самое». После третьей рюмки потащила

его танцевать. По небольшому пространству, свободному от столиков, мягко скользили под звуки очередного блюза степенные пары. «Ну и пусть, — спокойно решил он, — пусть ухмыляются и злословят — мол, деду на покой пора, а он внучку охмурять пустился». И такие замысловатые па выделял, что его партнерша то и дело вскрикивала: «Браво! Браво!» Перед главным блюдом он заказал пару бутылок очень старого вина. Жаннетта сразу же отпила из бокала довольно много, зацокала язычком: «Какой букет! Какой вкус!» «Какая цена, душа моя!» — усмехнулся про себя Иван Иванович.

Поставив бокал, Жаннетта подперла кулачками скулы, спросила, глядя задумчиво на ближайшую к ней свечу:

— Я экономист. Широкого профиля. Сейчас всех мыслящих людей на Западе волнует вопрос — что происходит в России. Меня — тоже.

Он сморщился, поднял к лицу ладони:

— Помилуйте! Не хочу ни черта, ни дьявола — никакой политики и экономики. Я сбежал от них сюда и...

— Нет, нет, — с живостью перебила его она. — Я и не прошу об этом. Вот если бы вы могли рассказать о каком-нибудь эпизоде из жизни русского банкира... Детективный. Ужасно люблю кррровые истории.

— Эпизод из жизни? — повторил он. — Какой же выбрать?

— Мафия родилась на земле нашего соседа, Италии. Мигрировала в Америку. А у вас?

— Есть у нас и мафия, — улыбнулся Иван Иванович. — И ничуть не хуже итальянской или американской. Ничуть не хуже. Я бы даже сказал, что наша мафия самая качественная в мире. И вовсе не по принципу: «Россия — родина слонов». Бытует у нас такая присказка. Дескать, и то мы изобрели, и в этом наш приоритет.

Он замолчал, задумался. Молчала и Жаннетта.

— Месяца за три до отъезда сюда вот какая приключилась история. Крутая, как нынче любят выражаться у нас. — Он крепко потер подбородок, посмотрел на свою собеседницу тяжелым, пристальным взглядом, под которым она зябко поежилась. — Мы, русские, не умеем останавливаться на полдороге, все делаем от души, на полную катушку. Любовь, ненависть. Революция, реставрация. Экспроприация, приватизация. Загадочность славянской души — в ее безудержности, бесшабашности, беспредельности. Недаром и в песнях наших поется: «Я упаду на дно морское, я поднимусь на небеса...»

К тому времени я и сам уже точно не знал размеры своего состояния — сто миллиардов, а может, сто двадцать. Кроме трех банков, мне принадлежали флотилия морских судов, страховая компания, торговый дом. Постулат «Деньги делают деньги» некорректен. Само по себе ничего не делается. Чтобы удвоить капитал, нужен труд. Чтобы удесятерить — труд титанический. И, конечно, удача.

Гений финансиста состоит в том, чтобы угадать ситуацию и правильно расставить людей. Людей верных. Управляющим моего ключевого банка был друг детства Андрей Малов. Все

десять классов вместе, в школьной самодеятельности мечтали об артистической карьере, поклоняясь одним кумирам — Ливанов, Грибов, Масальский, Астангов, Жаков, Тарасова, Пашенная... С девчонками зимой в Парк Горького на каток бегали, летом в Нескучный. Потом пути наши разошлись, но дружбу поддерживали. На свадьбе друг у друга гуляли, по праздникам семьями за один стол садились. Закончил Андрей финансовый факультет Плехановского института и перебивался с хлеба на воду: в разных второсортных конторах планово-финансовыми отделами командовал. Когда я предложил ему место управляющего, он был счастлив. «Верь мне, Иван, — сказал он, — отныне и впредь мой девиз — «Без лести предан». Четыре года мы с ним жили (и трудились) душа в душу. Оба любители попариться в русской баньке, да с дубовым и березовым веничком. Оба со школьной скамьи фанаты московского «Спартака». Оба не дураки выпить и закусить. Какого, казалось бы, рожна еще надо? Да вот беда: оказывается, большие деньги — большое благо, но и большое бремя. Месяцев шесть назад мои тайные ревизоры (а их у меня по трое в каждой самостоятельной ячейке концерна) доложили, что в ключевом банке творится неладное. По фальшивым авизо и подставным документам на ссуды крупные суммы денег уходят в карликовые акционерные общества и товарищества, которые потом лопаются как мыльные пузыри. Главное, выловить подделки на этапе оформления не было возможности — авизо приходило сверху, от Андрея, с его визой. Ошибки? Случайность? Я назначил закрытую аудиторскую проверку. Потери большие — около трех миллиардов. Трагедия невелика, но надо, надо было докопаться до сути. Главный аудитор — крупный чиновник Центрального банка, старинный приятель по Госплану. Когда проверка была закончена, я пригласил его на деловой ланч в «Метрополь». Чревоугодник и дегустатор он первостатейный. «Следы ведут в Подольск, — угромо сообщил аудитор, сделав, как всегда, заказ поистине королевский. — Ты лучше меня знаешь, что там один из главарей мафии — сынок Малова». Я не знал. Алешка-малыш, такой тихий худенький мальчишечка, как у нас говорится — не к столу будет сказано — соплей перешибешь. Я его на руках носил, конфеты и игрушки дарил, в совминовскую лесную школу устраивал. И вот на тебе, главарь. «Что собираешься делать?» — осведомился мой сотрапезник, махнув очередной рюмку водки между четвертой и пятой закусками. Я думал. Мне всадил нож в спину человек, которого я считал единственным и вернейшим другом. Чего ему не хватало? Зарплата боярская — десять тысяч долларов в месяц. Выезд — триста лошадей, новехонький «Мерседес-600». Резиденция — ультрамодный двухэтажный коттедж в зеленой зоне Москвы. «Глаза завидующие, руки загребущие» — увы, как это точно отражает суть человеческого естества. «Сдавать Андрея бесполезно, — нарушил молчание аудитор. — Из него ничего не выбьешь. Я наводил справки по нашим каналам. Все денежки он перевел в Лондон». «Что ты предлагаешь?» — спросил я. «Есть у меня выход на надежных людей. Ты должен помнить, они в прошлом году «навестили» одного из главных твоих конкурентов в Питере». Я помнил. Дей-

ствовавший профессиональный киллер. Очень дорогой. Но сработал чисто, без брака. Что интересно и редко для нашего российского захолустья, киллер — женщина. «Я должен поговорить с Андреем. Ты мне копии этих авизо передай», — сказал я. «Поговори, — согласился он. — А потом позвони мне. Только не очень твоя. Не то твой друг тебя по миру пустит». Андрей был в командировке в Сингапуре. Вернулся он через полмесяца загоревший, веселый. В тот же вечер прискакал ко мне с докладом. Чего-чего, а пыль в глаза пустить — это по его части. Доложил. «Ну ладно, Вань, поеду. Я еще дома не был». «Да, — говорю я как бы невзначай, — мы провели аудиторскую проверку, пока ты по тропикам разъезжал». Сам смотрю на его лицо. Молодец, ни единый мускул не дрогнул. «Давно пора, — говорит, — я сам хотел предложить». «Потери обнаружены — и большие». «Сколько?» «Три миллиарда». «Быть того не может!» «Фальшивые авизо», — я протянул ему копии документов. «Ничего мне не понимаю», — протянул он. «А вот аудиторы поняли». «Чего же они поняли?» «Брось валять дурачку, Андрей. На всех этих авизо одна подпись — твоя». «Ну и что? Я подписал по просьбе клиентов, чтобы ускорить прохождение. У них сделки горели, грозили огромные штрафные санкции». «Все нити ведут в Подольск». Он покраснел — даже сквозь загар, глаза прищурились, стали злыми. Я впервые видел его таким. «Что ты хочешь этим сказать?» «Ни-че-го. Если ты сам не хочешь мне ничего открыть». «Я открою, открою. Я во всем этом разберусь. Отччень даже разберусь». — Он повернулся и вышел.

Иван Иванович замолчал, выпил вина, стал доедать свой оставший стейк. Не проронившая за время его рассказа ни слова Жаннетта медленно рисовала на салфетке одной ей видимые узоры. Подняла глаза, едва слышно спросила: «Дальше?» Он чертыхнулся, выплеснул в тарелку остатки вина из бокала, налил в него до краев водки, залпом выпил. «Дальше? Дальше я позвонил главному аудитору и сказал, что, пожалуй, он прав».

— Заказное убийство?! — В голосе Жаннетты звучали ужас и восторг.

— Так может сказать только студент. — Иван Иванович замолчал, подумал. И добавил с улыбкой: — Студент жизни.

— А знаток жизни, как бы он сказал?

— Знаток сказал бы: «Единственно возможное при сложившихся обстоятельствах элементарное разрешение финансовых и жизненных взаиморасчетов...»

Иван Иванович не очень ясно помнил завершающую стадию ужина — все эти фрукты, кофе, ликеры, сыры. Не помнил он и того, как они добрались до его коттеджа. Когда пришел в себя, обнаружил, что сидит в прохладной ванне. И между его ног — женские. Он поднял голову. Перед ним в роскошной шубе из пены сидела улыбавшаяся Жаннетта.

Он смотрел на нее и видел нескончаемую череду своих бывших пассий — всех возможных национальностей, возрастов, комплекций, мастей и статей. Все они были голенькие, аппетитные, бесстыжие. «Как их много, однако, было, — улыбался Иван Иванович, — сотни, может, тысячи...» И ласкал, ласкал ее и их лица, груди, бедра.

— Вы знаете, Жаннетта, как-то в молодости цыганка мне гадала и напороочила, что я пропаду от какой-нибудь преле-стницы. «Остерегайся женщин, красавец!» Я запомнил эти ее слова на всю жизнь. И всю жизнь остерегался... плохих женщин. А хороших... Ну нет. — Он захохотал, стал пригоршнями лить воду на Жаннетту. — «И примешь ты смерть от коня своего...» Ха-ха-ха! «Все врут календари». И цыганки врут. Как вы считаете?

— Мы с вами были близки, а все еще на «вы», — сказала Жаннетта. — Выьем на брудершафт.

Она вышла из ванной, не смыв хлопья пены. Через минуту принесла два стакана виски. Он пил без удовольствия безвкусную жидкость и вдруг подумал: «Вот до чего допился! Мне уже кажется, что она говорит по-русски». И целовал опять ее, их всех — жадно, страстно...

Самолет «Air France» летел над Атлантикой. Жаннетта уютно устроилась в кресле кабины первого класса, заказала водку с тоником и раскрыла свежий выпуск «Фигаро». На первой же полосе в правом нижнем углу была помещена следующая заметка:

«Позавчера в арендованном коттедже под Ниццей был обнаружен труп видного российского банкира Ивана Ивановича Ковалева (68). Вскрытием установлено, что смерть наступила в результате сердечной недостаточности.

Общий капитал концерна «Ковалев» оценивается в 2.500.000.000 франков.

Жена Татьяна (55) и дочь Антонина (32) будут сопровождать гроб с телом покойного в Москву».

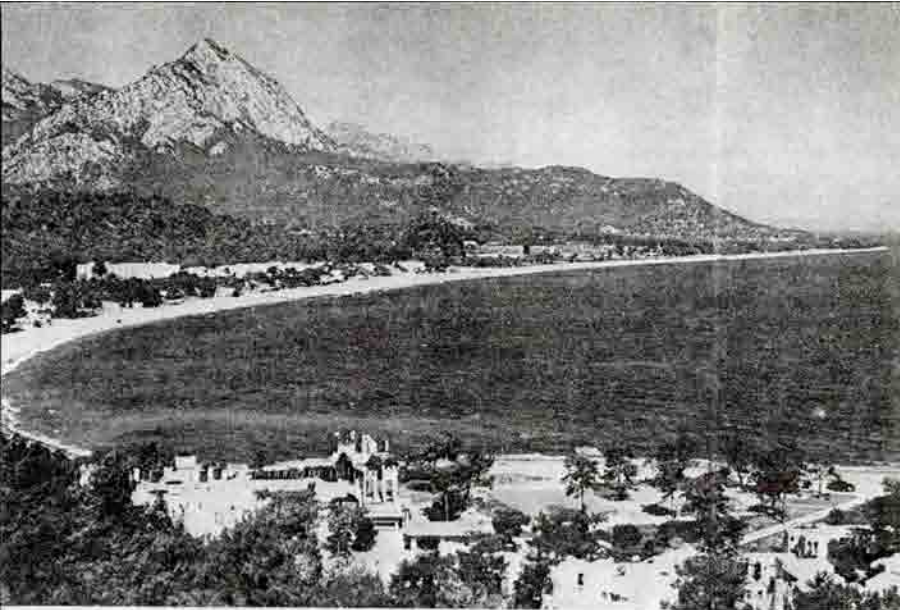
С газетной полосы на нее глядел задумчивый Иван Иванович.

Жаннетта сделала большой глоток, поставила стакан на столик, закуталась в плед. «Алешка сдержал слово, — тихо проговорила она по-русски самой себе. — Отличный яд. И вправду не оставил никаких следов».

— Простите, вы что-то сказали? — обернулась к ней сидевшая впереди пожилая матрона.

— Мысли вслух, — улыбнулась Жаннетта, пожав плечами. — Обреченности жизни.

Матрона понимающе кивнула.

КЕМЕР — *всем* курорт *пример*

Признаюсь, настойчивый совет друзей поехать отдохнуть недельку-другую в турецкой Анталии принял с большим предубеждением: уж слишком навязчиво все без исключения туристические фирмы и агентства предлагают нашим людям провести «незабываемый, фантастический, сказочный» отдых именно здесь, в Анталии, где и сервис волшебный, и путевка доступна любому рядовому гражданину.

Была еще боязнь оказаться в компании челноков-шопников, наводнивших наш доморощенный рынок дешевым турецким барахлом, да и толпы соотечественников, устремившихся в последнее время на этот курорт, как-то не располагают к отдыху. И потому, даже уже сидя в самолете, не испытывал ни радости, ни предвкушения предстоящих семи дней полной свободы — состояния, в котором обычно

пребывает любой нормальный отпускник.

Теперь признаюсь во второй раз: все опасения оказались напрасными, отдыхать на турецкой Ривьере приятно, интересно и весело.

Через 2 часа 40 минут полета ТУ-154 приземлился в аэропорту Анталии, нас мгновенно охватила 40-градусная жара, хотя из-за близости моря она переносится легко и спокойно. Паспортный и таможенный контроль тут — необременительная формальность, на которую уходит не более минуты (это вам не Внуково!). И вот в сопровождении менеджера туристической ассоциации «КЕТАВ», владеющей на побережье сетью первоклассных отелей и так называемых «клубных деревень» — «Holiday Village», едем в направлении Кемера — в отель-клуб «Салима», где и проведем прекрасные семь дней отдыха.

Что же это такое — отель-клуб «Салима»? Это стоящие прямо на берегу изумрудного чистого моря, в тени сосен и пихт, ароматизирующих и без того прозрачный воздух, уютные двухэтажные виллы на 4 семьи, оборудованные всеми благами цивилизации, это внушительных размеров бассейн, 4 корта, амфитеатр, где каждый вечер вас развлекают (бесплатно!) артисты шоу-кабаре, турецкая баня, спортзал и, конечно, ресторан, кафе и бары, работающие до 5 утра. Преимущества такого клубного отеля на побережье пусть даже и перед 5-звездочным «Шератоном» в центре Анталии видны сразу, как только вы решите отправиться на пляж: вы выходите из своей виллы в одних плавках, босиком, и через 30 секунд уже купаетесь в море. В Анталии же отдыхающих в «Шератоне», говорят, возят на пляж на автобусе. Да и сама Анталия, где многие отели соседствуют со стройплощадками и жилыми кварталами, вряд ли заслуживает большего, чем двухчасовая экскурсия.

Отдыхая, к примеру, в клубе «Салима», обязательно съездите в Кемер — уютный, милый городок с неисчислимым количеством магазинов, лавчонок и кафе, непременно «майданом» — базарной площадью, где все продается даже дешевле, чем в Анталии. Кроме, естественно, золота. Хотя именно этих, «золотых» лавок, здесь неизмеримо больше, чем всех остальных. Ну, а поскольку я уверен, что ни один наш турист не пройдет мимо «золотого ряда» — эти изделия в Турции действительно относительно дешевы по сравнению с такими же в других странах, — поделюсь полезной информацией: 1 грамм изделия из золота 14 карат (наша 585 проба) стоит 14,7 немецких марок, или 10,6 доллара. Вам приглянулся браслетик — продавец кладет его на электронные весы, которые высвечивают, к примеру, 5,9 грамма. Ваша уже отдохнувшая голова легко подсчитает, что браслетик стоит примерно 60 долларов. А торговец между

тем называет вам другую сумму — 80 долларов. Спокойно, так и должно быть — коммерция! Вот тут вспомните, что вы на Востоке (хотя Турция и считается уже наполовину европейской страной), а на Востоке ни одна покупка не совершается без непрямого ритуала сбивания цены — если не будешь торговаться, тебя сочтут ненормальным. Торгуйтесь долго, упорно, красиво, покажите, что вы не легковнушаемый транжира с толстым кошельком, для пущей убедительности сделайте вид, что уходите, что вам вообще «не очень-то и хотелось...» — и, уверяю, торговец оценит ваш талант, признает торговую хватку и продаст этот самый браслетик за... 40 долларов! То есть снизит цену в два раза от первоначальной, чего вы, собственно, и добивались. Этот же принцип торговли применяйте везде — независимо от того, покупаете вы корбочку «рахат-лукума», кожу или виллу на море.

А теперь о турецкой кухне.

Если честно, то нам, россиянам, лучше бы этого не видеть — легкий шок вам гарантирован. Потому что за ужином «шведский стол» по-турецки это: примерно 80—100 огромных блюд с разнообразнейшими закусками, которые вы ни за что не попробуете все, 15—20 мясных и рыбных блюд, приготовленных прямо на ваших глазах, да к ним еще столько же гарниров, и, наконец, то, что так замечательно «подсушивает» фигурку, — сладкий десерт, состоящий тоже не менее чем из 100 видов выпечки и разных суфле, муссов, кремов и еще чего-то специфически национального, чему названия я просто не знаю. Да, и, конечно, фрукты — все, какие есть в данное время года.

Снова поделюсь советом: не спешите попробовать сразу всё, да это просто невозможно физически, растяните удовольствие лакомиться гастрономическими чудесами на все дни отдыха, и шок, который вы испытаете в первый день, скоро пройдет, а следы от него останутся разве только на вашей несколько

располневшей фигуре.

Не пренебрегайте и экскурсионной программой, которую вам предложат хозяева отеля или клуба, где вы будете отдыхать. Она может быть очень разнообразной — от осмотра развалин городов, восходящих к античным временам, многочисленных греческих и римских памятников культуры и зодчества, до восьмичасовой прогулки по морю на яхте с остановками у островов для купания и обеда на борту, сервированного не хуже, чем в ресторане.

Здесь все продумано до мелочей: вы можете купить абонемент, и опытный инструктор за неделю обучит вас премудростям подводного плавания и охоты, можете взять напрокат хоть джип, хоть велосипед и гонять в свое удовольствие по всему побережью, вам даже, живя в «Салиме», не нужны деньги: по приезду каждому гостю вручают фирменную пластиковую карточку, и все расчеты будут произведены в последнюю минуту вашего отъезда.

И еще одно наблюдение. Турки — очень доброжелательный, гостеприимный и улыбчивый народ. Каждый день я вставал в 7 утра, брал полотенце и шел купаться в море. Персонал отеля уже на ногах: кто-то подстригает газонную травку, кто-то подвозит к вилле свежее белье, кто-то метлой и

пылесосом чистит гранитные дорожки. Короче, все при деле, все заняты. А тут вы, отдыхающий, идете, да спросонья еще и с кислой миной на лице. Поверьте, ни один человек из персонала — а это в основном юноши и девушки 18—22 лет — не сделает вида, что не замечает вас, наоборот, сердечно, как родного, кивком ли головы, белоснежной улыбкой или коротким интернациональным «хай!», поприветствует ваше появление, от чего и вам сразу станет легко и радостно на душе, а может, и петь захочется от полноты счастья.

Говорят, в этом году Турцию посетило более восьми миллионов туристов из разных стран, и один миллион из них — наши, российские. Не знаю, сколько человек из этого миллиона отдыхали в Кемере, в отелях и клубах ассоциации «КЕТАВ», но теперь, когда сам здесь побывал, уверен, что и самый привередливый и охочий до комфорта турист признает, что это один из самых лучших мировых курортов, куда хочется возвращаться вновь и вновь.

А путевку в Кемер вам предлагает московская фирма «Прекрасный отдых». Звоните на фирму — и прекрасный отдых вам обеспечен. Кстати, родители тоже люди — купите и им путевку в Кемер!

АНАТОЛИЙ СЕЛИВАНОВ

191

Туристическая фирма "ПРЕКРАСНЫЙ ОТДЫХ"

Адрес фирмы "Прекрасный отдых":

Москва, Можайский вал, д. 4, тел. (095) 240-40-74, 240-05-66

Пушкинская ул., д. 13/8, тел. (095) 927-13-06, 927-12-70

Украинский б-р, д. 7, тел. (095) 243-97-06, 243-74-41

тел/факс 243-63-39, телекс: 612374.

ЗШМНЯЯ

Камень апатит. Сколько же ты судеб к себе приковал и сколько еще притянешь...

Вокзал как вокзал. Тяжеловесный стиль конца 30-х годов, облицованные коричневым гранитом стены, гипсовая статуя Кирова в арке окна над билетным залом и барельеф Ленина под потолком зала ожидания.

Только вот никто здесь никого не ждет и за последние полвека не ждал. К возведенному еще до конца войны зданию рейсовые поезда не подходят и никогда не подходили. Магистраль, соединяющая Мурманск с Петербургом, пролегла немного в стороне, и пассажирские поезда в Кировск не заглядывают, останавливаясь только на станции Апатиты в полчаса езды по шоссе. Говорят, что архитектор несостоявшегося приюта для путешественников покончил с собой, увидев бессмысленность своих стараний и неизбежность обвинений в зловредном растранижении народных средств.

Зато основоположник исследований здешних природных кладовых Александр Евгеньевич Ферсман в 1940 году радостно увидел, как у подножия Хибин «...сотни рабочих собирают дома и временные бараки. То и дело подъезжают транспорты с лесом, шумят тракторы. На стойкости занято до 12 тысяч рабочих. Ночные смены ста-

новятся на место дневных, работа кипит ключом... Началась боевая социалистическая стройка!»

Наследие ферсмановского энтузиазма в виде обогатительной фабрики выбрасывало в небо клубы едкого дыма. Из-за гребня горы донесся рокот взрыва с далекого рудника. На фонарном столбе висел давний предвыборный плакат: «Нам некуда уезжать из родного Заполярья!».

Я перешел дорогу, втиснулся в переполненный автобус и отправился в поселок Кукисвумчорр, куда шестьдесят с лишним лет назад приезжал с инспекцией вождь ленинградских коммунистов Киров.

Хранительнице фондов местного краеведческого музея Валентине Худобиной ради меня пришлось отыскивать ключи от неприметного домика по соседству с давно нештукатуренными пятиэтажками. Желających подняться по скрипучей деревянной лестнице и окунуться в сумрак тридцатых годов почти нет.

...Овчинный полушубок на полатах, грубо сколоченный стол, лоток с образцами пород. Геологические карты, по которым Кирову специалисты растолковывали, чем богаты здешние дикие горы. Можно было, напрягая воображение, представить, как из этих стен разносились указания организатора партийных рядов, как серпантинилась лента

КАУБНИКА

прямого телеграфного провода, донося кремлевские приказы и напутствия...

Но хозяйка заповедного полумрака деликатно разрушает легенды. Выясняется, что Сергей Миرونвич в Хибинах не очень-то дневал и почти не ночевал, наезжая, по сути дела, на несколько часов, а все указания отдавал из Ленинграда.

Будущее апатитов, обнаруженных здесь в начале века академиком Федоровым, первым предсказал и обосновал академик Ферсман: он совершенно точно определил, что спрос на фосфориты во всем мире с каждым годом станет стремительно расти. Безбрежье хибинских месторождений не только сулило повысить плодородие родных полей, но гарантировало постоянный приток валюты.

Актуальность открытий оспаривать никто не пытался. Спор шел совсем о другом, — геологи и экономисты никак не могли разобраться, как же поступать с добытой рудой.

По одной версии, апатиты предполагалось переправлять поближе к Ленинграду, где и создавать мощный центр по производству удобрений. Киров же склонился к тому, чтобы строить обогатительные фабрики, не удаляясь от месторождений. Оставалось снабдить разворачивающуюся стройку средствами, техникой и обеспечить надежной рабочей силой. Но этим

можно было заниматься и из смольнинского кабинета.

Рабочие прибывали отовсюду и отнюдь не по своей воле. Размах строительства совпал с коллективизацией. Где успевали развернуться эмигранты центра, оттуда и брали курс на Заполярье вагоны и эшелоны с переселенцами. Одних посылали в Хибинки прямо из родных деревень. Другие пытались задержаться в городах, но зачастую не успевали перевести дух, как уже слушали стук колес, увозивших их за Полярный круг.

Предаваться унынию там, впрочем, не приходилось. Культурная жизнь была ключом. В городе была театральная труппа, вечерами шли занятия в рабочей консерватории. Как раз в это время Киров решал жилищную проблему Ленинграда, высылая социально чуждых элементов поближе к апатитовым жилам. Дети раскулаченных крестьян оказывались под опекой изгнанных с берегов Невы консерваторских преподавателей.

За сотню лет до этого Афанасий Фет мрачно пророчил: «Во льдах не встретишь Геликона, на льдинах лавр не расцветет...» Вот и верь по слезе этого классикам!

Спецпереселенцами надо было кому-то руководить — за верными известному делу парткадрами дело не стало. Секретарь горкома Семечкин, к примеру говоря, в честь одного из наездов Кирова в

Хибины умудрился подгадать вызревание первой клубники в местных оранжереях. Повод для стараний был. В Ленинград уже поступали сигналы, что Семечкин на демонстрациях приказывал пронести перед трибуной собственные портреты.

Бронзовый монумент Кирову до сих пор остается единственным из городских памятников, от которого при всех дефицитах городского бюджета исправно отбрасывают снег. «Вы не удивляйтесь, — сказала мне Худобина. — Когда мы стали воспоминания ссыльных собирать, сначала не могли надивиться, как же люди Сергею Мироновичу до сих пор благодарны, что он их сюда выслал. Старушка одна рассказывала, что на Кубани все ее родные от голода вымерли. А здесь как бы то ни было, а умирать не давали. Пайком снабжали, даже в правах восстанавливали за хорошую работу... Антонина Григорьевна Молочникова так и написала: «Папу арестовали в 37-м, но у меня была молодость и хорошее окружение людей. Что еще?»

На базаре было пусто. Только парочка небритых торговцев потягивала из банок пиво, сторожа разложенные по сугробам ковры. Подкатил милицейский «Мицубиси», патрульный в дубленом полушубке скептически посмотрел на коммерсантов и порулил дальше.

После торговых рядов набрел на вывеску малого предприятия «Кредо», действовавшего когда-то под крылом комитета комсомола объединения «Апатит». Судя по наглухо заваленной снегом двери, «Кредо» приказало долго жить чуть ли не сразу вслед за своим учредителем. Зато другие традиции, похоже, процветали в самом буквальном смысле. Корявые строчки на обрывке тетрадного листка, прилепленного к стене универмага,

предлагали живые тюльпаны в неограниченном количестве, а кафе «Большевик» при одноименном кинотеатре гарантировало горячий кофе. Свежая клубника тоже была, только не кировская, а португальская.

Бросалось в глаза пристрастие к крупногабаритным собакам. Болоночная мелкота была здесь явно не в чести, навстречу упрямо попадались колли, афганы да московские сторожевые с хозяевами и без. Ньюфаундленды тоже пользовались почетом: десятилетний с виду малыш катался по заснеженному озеру на лыжах, прицепившись к ошейнику лохматого черного пса-водолаза. Я вспомнил заметку из местной газеты про нескольких бродяг, угодивших за решетку после краж авосек с продуктами, которые в Кировске по старинке подвешивают к форточкам ради экономии места в холодильниках, и подумал, что пристрастие к собачьей весомости наверняка проявилось здесь после общенародного всплеска вседозволенности в обращении с чужим имуществом.

Некоторый опыт встреч с местной шпаной у меня уже был. Накануне, вернувшись в гостиницу в ранних северных сумерках, я слышал было скрип снега на своем балконе второго (и довольно высокого) этажа. Стоило отбросить занавеску, как с перил сиганула вниз парочка огольцов, один из которых уже приноравливался всунуть между форточкой и рамой плоскую металлическую полосу.

Стоит ли после этого удивляться, что на встрече с кировским мэром я с первых слов поинтересовался ситуацией на заполярном преступном рынке.

Улыбка моего собеседника тут же показала, что вопрос отнюдь не из самых неприятных. Чем-чем, а городской милицией Борис Михай-

лович Проплетин вполне доволен. Случается, конечно, всякое, но ходить без опаски по городу можно в любое время — нормальному человеку, чья жизнь — между домом, работой, магазином, ну еще кинотеатром, — тревожиться здесь в общем-то нечего. С кинотеатром, правда, проблема. Единственный в городе памятник архитектуры и заслуженный культурный очаг давно бы обанкротился без помощи мэрии. В кино сейчас мало кто выбирается, молодежь предпочитает видео и дискотеки, так что в заведомых тут теперь разве что старики. Льготные сеансы для пенсионеров с непременной демонстрацией фильмов — ровесников их молодости и сейчас набирают полные залы, только вот на этом не заработаешь. Экономичнее закрыть его... Но те же старики вспоминают, что кинотеатр этот, строительство которого некогда продвинул к завершению Киров, не закрылся даже в годы войны.

Я напомнил Проплетину, что несколько лет назад Кировск среди обитаемых островков Заполярья устойчиво ходил в самокупаемых городах. Мэр саркастически кивнул: до назначения на сегодняшний пост Борис Михайлович работал заместителем генерального директора объединения «Апатит», на котором десятилетиями держалось финансовое благополучие городских властей. Но тогда три обогатительные фабрики вкупе выпускали 20 миллионов тонн апатитового концентрата, который сходу развозился по СССР и расплывался во все стороны света, а сейчас и трети прежнего не набирается...

Город и «Апатит», что сямские близнецы, которым не суждено существовать порознь. Заместитель генерального директора по быту и до перехода в нынешний кабинет занимался чуть ли не всеми коммунальными и жилищными делами го-

родка. Правда, в то время он строил, а сейчас пришлось прекращать строительство, тогда от него во многом зависело, что получит город от «апатитовских» щедрот, а теперь самому приходится их добиваться.

Я спросил, много ли в городе желающих покинуть Заполярье. По сегодняшним понятиям доходы здесь совсем не завидны. У добытчиков апатитов зарплата за прошлый год в среднем не поднялась выше 400 тысяч с учетом северных льгот. В среднерусской деревне с такими деньгами и теперь можно жить вполне сносно — при своей картошке, курах и поросятах на откорме. Но в Кировске, где молоко вдвое дороже, чем в соседних областях, с такой суммой не очень-то развернешься.

Проплетин поинтересовался, не доводилось ли мне подолгу жить в краях северного сияния. Услышав про 12 лет на Камчатке, сказал, что тогда мне все должно быть понятно. Приехавший на заработки народ десятилетиями верил, что собственный дом и сад под южным солнцем от него не убегут. А что теперь?

— Все, кто мог уехать, те уже далеко, — жестко подытожил Проплетин. — Остальным или некуда деваться, или не под силу...

...«Ищите миномет, — сказали мне. — У нас не заблудитесь, а если вдруг, то спросите, где здесь миномет». Рекомендованный ориентир я нашел без труда: дорогу к миномету, установленному перед зданием цеха противоловинной защиты в честь полувекового юбилея со дня ее создания, мне подсказала первая же встречная старушка.

Начальник противоловинной службы Юрий Зюзин, не тратя времени на вступление, повел меня в кабинет на втором этаже, куда каждые три часа сходятся сведе-

ния со всех наблюдательных постов в хибинских горах. Дежурный как раз вводил в компьютер данные по опасному участку у железной дороги. На экране проявилась схема ожидаемых событий: на сегодня тревога отменялась. Условия для катастрофической лавины не созрели, о профилактических стрельбах речь пока не шла.

Компьютерная программа, позволяющая определить вероятность и направление угрозы, для зарубежных охотников за лавинами пока еще в диковинку. Заместитель Зюзина Павел Черноус, занимающийся разработкой компьютерной модели поведения лавин, недавно вернулся из США, где делился кировским опытом с американскими коллегами. Так что не только «в области балета мы впереди планеты всей»...

В первые годы штурма хибинских недр о лавинах никто всерьез не задумывался. Снежные завалы на железной дороге, проложенной как раз у подножия опасных склонов, списывали на неизбежности сурового края. Первый снежный нокаут стройка испытала в 1935 году, когда погибло сразу 89 человек. Организаторам строительства пришлось срочно изучать ситуацию, грозившую перечеркнуть все планы покорения апатитовых гор. Первым начальником противолавинной службы стал Илья Зеленой, предложивший на экстренной конференции свои пути поиска методов защиты. Ему и принадлежит приоритет в использовании минометов для предупреждения лавин.

Опыт приходил не сразу, и в 1938 году опять не обошлось без жертв. Сама лавина до людей не дотянулась, но воздушная волна сбросила одно из зданий с фундамента и разметала его, ударив о скалу.

Зеленой и главный инженер рудника очутились в ленинградской

тюрьме «Кресты». Одного объявили японским шпионом, другого для разнообразия — польским. Людями они оказались стойкими и за целый год заключения друг друга так и не оговорили. Обоим посчастливилось выйти на свободу, но в Хибинь Зеленой уже не вернулся...

После войны борьбу с лавинами возглавил Василий Аккуратов, которому довелось отточить идеи своего предшественника. Артиллерист по фронтовой специальности сразу заметил «блеск и нищету» затеи с обстрелами склонов. Для первых залпов использовали не отличавшиеся дальностью 88-миллиметровые минометы, слабым зарядом которых было иной раз не под силу сорвать с места снежный «ковер-самолет» весом в десятки, а то и сотни тысяч тонн. Аккуратов перешел на крупные калибры, сразу повысившие эффективность стрельб. Война помешала Аккуратову получить даже среднее образование, зато борьба с коварством снега наделила таким опытом, что самородку-самоучке удалось защитить кандидатскую диссертацию, не тратя времени на получение аттестатов и дипломов...

Сейчас Юрий Зюзин и его коллеги решили составить первую в истории карту лавиноопасных зон не только окрестностей Кировска, но и всех Хибин, охватив в общей сложности около 1600 квадратных километров. Перечислять всех, кому нынче не обойтись без такого вот «путеводителя» по снежным приискам Хибин, слишком долго...

Желанная порода дорожает. А основные фонды изрядно одряхтели. И без замены оборудования, модернизации разработок вернуться к доперестроечному уровню производства не удастся. (Об этом мы говорили с гендиректором Юрием Петровичем Шапошником.)

Но пора централизованных фи-

нансовых инъекций миновала. Надежда на самих себя, ну и, конечно, на новых владельцев ценных бумаг акционировавшегося объединения «Апатит». Крупный пакет акций скупил знаменитый «Менатеп», посуливший солидные инвестиции. Расчет финансистов точен. Спрос на апатитовый концентрат упрямо растет. Потребители всюду — и в Америке, и в Европе. Даже неплатежеспособные партнеры спохватились, сообразив, что можно остаться вообще без удобрений. Апатитовый концентрат та же валюта. Что только на него не выменяешь при желании!

Украина расплатилась за партию концентрата классическим набором даров своих птичников и ферм. Рефрижераторы, прибывшие в Кировск из независимой ныне державы, доставили сало, яйца, сыр. У череповецкой фирмы «Аммофос» даже квартиры в обмен на концентрат удается получить. Строительство в Кировске дорого. Куда дешевле строить в более уютных краях и отдавать жилье желающим уехать в обмен на их здешние «квадраты».

Череповец для этого удобен вдвойне: можно разжиться кое-каким метражом по бартеру, да к тому же и прихоти послевоенных миграций превратили Кировск и соседний город Апатиты как бы в заповарный филиал Вологодской области. Больше двух третей всех обитателей города вологжане. Как ринулись сюда на заработки после хрущевской выдачи паспортов колхозникам, так и прижились. Череповец для них в самый раз. Многие, конечно, предпочли бы отправиться поужнее, но это теперь уже за пределами реального, хотя Костромская область, где АО «Апатит» тоже строит квартиры, в сравнении с Вологодской просто юг...

На прощание я спросил Юрия Петровича о знаменитых киров-

ских «хвостах». Отходы обогащенных фабрик, в которых почти не осталось апатита, зато вполне достаточно других компонентов, в том числе и редкоземельных металлов, зимой мирно покоятся под снегом, зато летом оборачиваются для окрестных селений едва ли не пыльными бурями.

Шапошник с сожалением признал, что избавиться от «хвостов» еще многие годы не удастся. Особенно много в них нефелина. Увы, спрос на эту окись алюминия слишком мал. Объявлялись несколько раз представители малоизвестных финских фирм с предложениями продать им часть отвалов, но дальше предварительных переговоров дело ни разу не пошло...

Что ж, подумалось мне, долго оставаться еще Апатиту с «хвостом». Но случайное знакомство с геологом Александром Предовским дало моим грустным размышлениям совсем другой ход.

Александр Александрович и жена его Евгения Константиновна Назимова не один десяток лет проработали в академических институтах Кольского научного центра. Перестройка и сопутствовавшая ей неразбериха в науке да и во всем обществе вынудили задуматься над самостоятельным пестованием плодов своих изобретений.

Супруги покинули обители знаний и... создали собственную фирму по разработке и производству нетрадиционных материалов и искусственных самоцветов.

Страсть к мирному соревнованию с природой всегда похвальна и достойна уважения. Но изобретать камни в Хибинах? Массив, в котором едва ли не каждый из его ученых первопроходцев отыскал никому до тех пор неведомый минерал и увековечил в его названии свое имя, хранит такое обилие выходов цветных камней, что добавлять к

ним самоцветы, сработанные по своему рецепту, рискнет только очень смелый.

Впрочем, вызов многообразию был сделан, первые технологии запатентованы, а завсегдаги международных конгрессов стали с любопытством вслушиваться в доклады Евгении Назимовой.

Исходные компоненты? Да те же самые «хвосты», отравляющие жизнь, воздух и воду. Каменное литье (так назвали изобретатели свой метод), позволило превратить зловредную пыль в необычный материал. «Авроре», как окрестили Назимова и Предовский свое детище за тонкость оттенков, свойственную разве что утренней заре, можно придать большинство цветов спектра, награждая рукотворный минерал заранее задуманным рисунком.

«Аврора» приглянулась не только авторам. Желающих принять участие в производстве многообещающего облицовочного камня было вполне достаточно, но после появления закона о защите прав изобретателей число претендентов на сотрудничество сошло почти на нет. Подхватить идею и раскрутить новое дело ради скорой и гарантированной прибыли соглашались многие, учитывать же интересы создателей не спешил никто. Поэтому основатели семейного научного центра продолжают «конкурировать» с геологическими процессами в недрах планеты на скромные пенсии научных работников.

Иные давно помахали бы родной земле из иллюминаторов, тем более что за приглашениями на работу с гарантиями финансирования дело не стало. Последнее по счету пришло с Ближнего Востока. Нефтяные шейхи не прочь заполучить для своих дворцов и мечетей новые вечные материалы в придачу с их авторами. Супруги пока что ни-

куда не спешат. И не то чтобы из ярого патриотизма, либо опасений, что арабийские самумы окажутся пострашнее арктических ветров. Но вера в удачу на родине не гаснет и надежда дождаться своего часа жива. А из лабораторных печей время от времени появляются на свет новые расплавы и застывают, превращаясь в никем прежде не виданные цветные камни...

Легендарное течение Гольфстрим наделило зимы Кольского полуострова мягкостью, необычной для высоких широт. Относительная близость к цивилизации — скорый поезд добирается в Петербург всего за сутки — и отсутствие оймьконских температур побудили острословов прозвать весь Кольский полуостров курортным Заполярьем... О курортах стоит поговорить — недаром же в любую пору весенний Кировск собирал весь московский и ленинградский горнолыжный бомонд. Катание с гор особенно дешевым никогда не было, но сейчас усадка эта разве что для фанатов. Расчеты просты, как арифметика Магницкого, но убийственны. Один подъем к началу трассы обходится не меньше 2 тысяч рублей. Искушенному любителю в хорошую погоду первый десяток спусков годится разве что для разминки. (Остается вспомнить, что три спуска эквивалентны по стоимости бутылке водки в любом из кировских магазинов или трем бутылкам привозного петербургского пива. Какой выбор предпочитает большинство обитателей детища первых пятилеток, определить не сложно...)

Большой спорт тоже на грани тихой агонии. Фирма «Колуспортланд», занимающаяся организацией соревнований и сборов, терпит от них одни убытки, с трудом выкарабкиваясь за счет беззаветного фанатизма любителей. И это

при том, что у нее под контролем лучший в России склон для горнолыжного балета. Эксперты международных федераций не скупятся на похвалы горам и организаторам, но с крупными соревнованиями в Кировск не очень-то спешат, ссылаясь на прорехи сервиса и ситуацию в стране. На отечественных спортпрофи надеяться тоже нечего. Приезжающие на соревнования скупаются на гостиницы и ютятся по знакомым или на случайных квартирах. Да куда им еще податься, если некоторые областные спорткомитеты выдают на суточное пропитание по три тысячи рублей.

Каждое гостиничное утро начиналось с тоскливого изучения прогноза погоды, припиленного у окошка администратора. Скорость ветра и видимость для немногих постояльцев гостиницы значили ничуть не меньше, чем для шоферов-дальнобойщиков. Примчавшиеся на недолгие дни отпуска любители слаломных прелестей не желали терять ни дня, а потому, почертявшись в адрес пурги, облачались в непродуваемые комбинезоны и с лыжами на плечах топали к еле различимой за мутной пеленой снегопада будке подъемника.

Еще года три назад у конечной станции вилась веселая получасовая очередь. Апрельская путевка в туркомплекс «Хибины» приваливалась по сложности добывания чуть ли не к поездке в Париж.

Теперь на пяти гостиничных этажах не набиралось и трех дюжин постояльцев, а кое-кто, пожив денек-другой, торопился съехать на любую из частных квартир. Объявлениями о сдаче жилья на время горнолыжного сезона оклеены все стены Кировска. А если в гостинице безлюдье, то значит, и безденежье — нечем платить за свет, воду, телефон... (Элегантной Ирине Страдиной, директору «Хибин»,

приходится вести деловые разговоры не из кабинета, а из вестибюля пристроенного к гостинице ресторана, снабженного бесплатным таксофоном...)

Ушедшим сезоном, при всем его малолюдье, Страдина все же осталась довольна. Как бы то ни было, а народ в Кировск все-таки потянулся. Да и куда еще ехать российскому горнолыжнику? В «Хибинах», при всей их дороговизне, вдвое дешевле, чем в Татрах. Про Альпы и Пиренеи разговора вообще можно не вести; инженеру или педагогу, пристрастившемуся к головололомным спускам в пору профсоюзных скидков на зимний отдых, туда еще долго не добраться. А Кавказ — стреляют, конечно, и там не всюду, но... Так что народ в Хибины обязательно вернется.

В этом году на Кировск впервые загляделись парашютисты, задумавшие устраивать в Хибинах свои поднебесные фестивали.

— Пусть приезжают, — сказал мне Виктор Благодатских, возглавляющий «Колуспортланд». — Будем рады...

Ко дню прощания с Хибинами метель стихла, и мы дружно поднялись на высшую точку канатной дороги, откуда почти не виден погрязший в пелене смога город, зато открылась блистающая незакопченным снегом дорога на плато Расвумчорр. Удлиненные зонтики парашютистов один за другим уходили в небо и не спеша уплывали к подножию Айкуайвенчорра. (Язык саамов в интернациональном Кировске давно уже никому не ведом, название горы, когда-то означавшей «Голова девушки», ныне трактуется как «Спящая красавица»...)

Рожденные мерить городской асфальт гордо взмывали над искоженной планетой. Мне оставалось только с завистью следить за ними, утешая себя тем, что многие внизу совсем не прочь сейчас поза-

видовать и мне, хотя редкие вылазки на склон не помогли освоить хрестоматийные для любого второразрядника «авальмана» или «годиля». С меня было довольно широких дуг, прорисованных лыжами по безлюдному склону, и дилетантского «плуга», позволяющего мигом погасить скорость.

Не успеваешь оглянуться, как перед тобой последняя прожекторная вышка. Теперь можно сбавить пыл и не спеша съезжать к очереди на подъемник. А потом идти к гостинице, там, отцепив лыжи, заторопиться к поезду, что уже покинул Мурманск и торопливо пересчитывает стыки, приближаясь к Апатитам...

«КОЗЛЕНОК В МОЛОКЕ» —
новое произведение Юрия Полякова,
писателя, не нуждающегося в особом
представлении.

«Роман-эпиграмма» —
так обозначил жанр произведения
сам автор. Это и заставляющая
задуматься антиутопия, и едкая
сатира на современную нашу жизнь,
и своеобразная литературная
пародия.

Читайте «роман-эпиграмму»
«Козленок в молоке»
в 11-м и 12-м номерах «Смены».

ЕЛЕНА ЦЫГАНКОВА

Чистая Кровь

«Ядовитая баба» — нередко говорят об особе, отличающихся зловредностью. И, как оказалось, это недалеко от истины.

Токсины, что находятся в крови человека, зачастую отравляют не только его самого, но и жизнь людей, его окружающих. Безусловно, неверно и глупо было бы списывать все пороки человеческих характеров на влияние токсинов, но то, что между самочувствием и поведением человека имеется определен-

ная связь, думаю, подмечали многие.

Выходит, «почистив» кровь от токсинов, можно избавиться и от дурного нрава?

Вампиром можешь ты не быть...

С кровью в истории человечества связано много страшных историй, загадочных событий и таин-

ственных легенд. Долгое время считалось, что при помощи свежей крови можно не только вылечить, но и омолодить человека. Известно, что в Древнем Риме патриции пили кровь умирающих гладиаторов в надежде помолодеть. Знаменитый Гиппократ считал, что тяжелобольным людям весьма полезно принять стопку-другую крови здорового человека... Да что там древние века! До сих пор мужики, работающие на бойнях, периодически «подкрепляют» свой организм свежей бычьей кровью.

Прошло много веков, прежде чем человек пришел к мысли о возможности переливания крови как способе спасения жизни. Первые опыты по переливанию крови животным начались в 1638 году, а в 1667 году французский ученый Жак-Батист Дени впервые осуществил успешное переливание крови ягненка человеку. Но смерть одного из его пациентов подорвала веру в этот метод, и о нем, методе, забыли на целое столетие.

Вернулся же к нему английский акушер Блендель в 1819 году. Он первый произвел переливание человеческой крови женщине, умиравшей от кровотечения, и спас ее. Но удача оказалась чисто случайной, поскольку еще не было открыто деление крови людей на четыре группы, и врачи не знали, что переливать ее можно лишь с учетом этого.

«Красная звезда» и смерть Александра Богданова

Начало XX века ознаменовалось многими открытиями в разных науках. В медицине это — описание групп крови австрийским ученым Карло Ландштейнером в 1900 году, за что он впоследствии был удостоен Нобелевской премии.

Труд этот сразу пролил свет на

неудачи предыдущих опытов и открыл путь к спасению миллионов людей, нуждавшихся в донорской крови. Кстати, инициатором создания первого в мире Института переливания крови стал российский врач Александр Александрович Богданов, чьими научно-фантастическими романами «Красная звезда» и «Инженер Менни» зачитывалась буквально вся Москва начала века. Его стараниями в 1926 году в столице был открыт Институт переливания крови. Здесь Богданов вплотную решил проверить на практике теорию о пользе так называемых обменных переливаний: он полагал, что обмен кровью между старым и молодым человеком полезен им обоим.

Как истинный ученый Александр Александрович начал с опытов на самом себе. Одиннадцать раз он «менялся» кровью со студентом, больным туберкулезом. Богданов надеялся, что благодаря этой процедуре он сможет передать юноше невосприимчивость к туберкулезу. Но он заблуждался. Эксперимент закончился трагически — двенадцатое переливание крови стало смертельным для самого врача. Отрицательный результат, как известно, тоже результат, и для науки не менее важен...

Не панацея, но все же...

В столичном Центре эндохирургии и литотрипсии вопрос о возможности исправления «ядовитого» характера путем очищения крови от токсинов вызвал улыбку.

— Прямо скажем, проводя наши процедуры, мы преследуем совершенно иные цели, — говорит заведующий кабинетом переливания крови Андрей Звонков. — К нам обращаются пациенты с самыми разными недугами: это и аллергии, и бронхиты, и астмы, и ревматизм, и

ревматоидный артрит. Помогаем мы также при гипертонии, ишемической болезни сердца, хронической пневмонии, лекарственной болезни, сахарном диабете второго типа. Хорошо поддаются лечению различные воспалительные, кожные заболевания... Сразу хочу сказать, что несмотря на достаточно широкий перечень болезней, наш метод лечения — не панацея. Он ни в коем случае не подменяет известных, традиционных способов врачевания — просто очень эффективно дополняет их...

Почти восемь месяцев лечился у дерматолога бывший маляр, которого буквально замучила мокнувшая экзема рук. Ничего не помогало. Но после первой же процедуры зуд прекратился. После второй — кожа перестала мокнуть. По окончании цикла лечения исчезли все проявления недуга и до сих пор (а прошло уже четыре месяца) у него все в порядке.

Татьяна К. не расставалась с ингалятором, в любую минуту опасаясь жестокого приступа бронхиальной астмы. Уже после первого сеанса больная почувствовала облегчение. На вторую процедуру она пришла с ингалятором скорее по привычке, чем по необходимости. А после четвертой — оставила его в кабинете.

Весьма эффективным оказалось лечение гипертоника со стажем Ивана П. В какой-то момент он почувствовал, что достаточно сильный препарат, которым он обычно снижал себе давление, абсолютно перестал помогать ему... Состояние больного ухудшалось, потребовалось срочное вмешательство специалистов, чтобы помочь ему. «Очищение» крови вернуло Ивану П. чувствительность к нужному препарату, причем теперь для достижения эффекта он обходится половиной таблетки вместо привычных двух-трех...

И таких историй сотрудники кабинета переливания крови могут рассказать множество. Так что же это за «волшебные» процедуры, которые помогают при столь различных заболеваниях?

«Солярий» для клеток

Чтобы понять принцип действия этих процедур, необходимо вспомнить: кровь не является однородной жидкостью, как это кажется на первый взгляд и как думали когда-то. Она состоит из плазмы и плавающих в ней клеток трех типов: эритроцитов, лейкоцитов и тромбоцитов. Плазма составляет чуть больше половины объема крови. Это своего рода река, которая транспортирует жизненно важные вещества в организме. Она же отправляет отходы от тканей к почкам. Но и это еще не все. Плазма содержит антитела, относящиеся к иммунной защите, фибриноген, участвующий в свертывании крови, гормоны, которые регулируют различные процессы в организме. В плазме же скапливаются токсины, что образуются в процессе тех или иных заболеваний (например, интоксикации, связанные с почечной, печеночной недостаточностью).

Не надо быть врачом, чтобы догадаться: избавив организм от токсинов, можно принести облегчение больному. Именно эта идея легла в основу целого ряда методик, в том числе и плазмафереза, о котором идет речь.

У пациента берется некоторое количество крови, помещается в центрифугу, где за 10—15 минут она разделяется на плазму и форменные элементы (эритроциты, лейкоциты и тромбоциты). Потом, в зависимости от заболевания, с двумя этими частями поступают по-разному. В одних случаях доста-

точно просто пропустить плазму через фильтр (как в столь популярных сейчас системах очистки воды), на котором задержатся вредные вещества, после чего «отмытая» плазма вместе с форменными элементами возвращается в кровеносное русло пациента. В других случаях этого оказывается недостаточно, и зараженную плазму удаляют, заменив ее физиологическим раствором или донорской плазмой.

И тут я задала Андрею Звонкову вопрос, сегодня остро волнующий почти каждого:

— Глянешь окрест — нищие, бомжи, алкоголики, наркоманы. А вдруг это потенциальные доноры? Хотелось бы знать, насколько мы защищены от возможности заразиться СПИДом, венерическими болезнями, гепатитом при переливании крови?

— В нашем кабинете мы не проводим переливание от доноров. Мы лишь «очищаем» больному его собственную кровь. Забирая у больного кровь, мы сразу же подписываем емкость, куда произведен забор — всякая возможность перепутать исключена. Используем мы лишь одноразовые системы, что сводит риск к нулю. Что же касается переливания вообще, то прежде чем кровь донора поступит в клинику, она проходит обязательные исследования на СПИД, сифилис и гепатит — так что страхи по поводу заражения таким образом сильно преувеличены...

— Нередко нашу работу сравнивают с откачиванием воды из пробоины в судне, — продолжил Звонков. — и действительно, интенсивность синтеза антител у некоторых больных настолько велика, что мы еле успеваем «выгрести» их... Во время проведенные профилактические процедуры «очистки» крови способны свести к минимуму неприятные обострения заболевания.

Взять хотя бы сезонную аллергию на цветение растений. Не лучше ли провести цикл лечения до начала этого периода, чем прибегать к нему потом, когда уже распух и покраснел нос, а из глаз текут слезы?

...Но вернемся к взятой у больного крови.

То, что можно сделать с ее плазмой, мы уже знаем. А нельзя ли воздействовать еще и на клетки? Оказывается, можно! И это тоже дает интересные результаты. Врачи убедились, что даже просто «возвращенная» кровь пациента как бы оздоравливается. При разделении же ее в центрифуге (без всяких дополнительных воздействий) — эффект поразителен!

В чем тут секрет? Он кроется в «поведении» лейкоцитов. Как известно, эти белые кровяные клетки выполняют в организме роль защитников. Стоит где-нибудь скопиться микробам, как туда немедленно устремляются лейкоциты — «команда быстрого реагирования». Они поглощают бактерии. Так же, как агрессивный, драчливый человек, попавший в неудобную ситуацию, ищет виновников своего неудобства, так и взбудораженный переливанием крови лейкоцит, вернувшись «домой», начинает интенсивно искать «внутренних врагов»...

Однако активизация лейкоцитов при переливании крови — это еще не все. Медики разработали оригинальный способ «оздоровления» эритроцитов. Природа замечательно приспособила их для перемещения кислорода в организме. Форма эритроцитов, напоминающая двояковогнутые линзы, отсутствие ядра (что освобождает место для гемоглобина) наиболее удобны для переноса кислорода. Однако за время жизни эритроцита его мембрана обрастает большим количеством продуктов распада бактерий — эритроцит теряет свою эластич-

ность и гибкость. Он, как толстая бабка, обвешанная сумками, — всем мешает и в дверь войти не может.

Понятно, что такая клетка плохо справляется с ролью «извозчика». Требуется срочное вмешательство, которое помогло бы эритроцитам восстановить утраченную подвижность и эластичность.

Вот тут-то и необходимо отправить кровь в здакий «солярий»: под действием ультрафиолета с эритроцита слетает вся эта мешающая ему «шелуха», и теперь ему вновь нипочем даже самый тонкий капилляр.

Стать моложе...

В процессе лечения некоторые пациенты отмечали у себя неожиданно возникавшие побочные явления — помимо вылеченного, скажем, воспалительного заболевания значительно улучшалось качество кожи — она становилась более гладкой, чистой, эластичной. Семидесятидвухлетняя пациентка, проходившая курс по поводу возрастных недомоганий, почувствовав прилив сил, буквально на глазах помолодела.

Читая эти строки, наверное, встрепенулись многие женщины, мечтающие о вечной молодости. Не хочется их разочаровывать, но все-таки напомним, что метод обработки крови ультрафиолетом не предназначен специально для омоложения. Это прежде всего лечебная процедура, рассчитанная на больных гипертонией, ишемической болезнью сердца, стенокардией, сахарным диабетом. И то, что в процессе лечения этих недугов при помощи плазмафереза у некоторых пациентов наблюдаются продолжительные изменения во всем организме (что, в свою очередь, отражается и на внешности),

стоит отнести, пожалуй, к разряду приятных сюрпризов.

Как и у всякого метода лечения, у плазмафереза есть свои противопоказания.

В первую очередь они относятся к людям, страдающим язвенной болезнью, поскольку в процессе лечения могут возникнуть весьма опасные осложнения. Не стоит прибегать к этому методу и людям, у которых есть явный или скрытый непорядок со щитовидной железой. В общем, в каждом конкретном случае этот вопрос будет решаться в индивидуальном порядке, поэтому лучше всего непосредственно посоветоваться со специалистами, которые по телефону (095) 305-41-51 готовы ответить на все интересующие вопросы относительно необходимости и целесообразности применения этого метода.

— Не буду скрывать, что бывали в нашей практике случаи, когда все проведенные нами меры не давали ожидаемого результата, — говорит Андрей Звонков. — Но, к счастью, их можно сосчитать по пальцам...

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ

ТРИ ЛЮ

*Любовь, любовь,
верни мне мир
иль принеси
хотя бы перемирье...*

Пьер де Ронсар

Глава I.

Боже, какая угрюмая, какая унылая страна — Шотландия! Повсюду, куда хватало глаз, расстилалась ровная, как стол, каменистая равнина, покрытая безрадостным сероватым вереском и чертополохом, который даже сумел проникнуть в родовую герб нового поколения шотландских королей Стюартов. Эта династия начиная с XII века закрепила за собой важную должность государственного управляющего — Stewart, — отсюда и ее название.

Больше всего поражало тринадцатилетнего мальчика-пажа, в будущем великого поэта Франции Пьера де Ронсара, что в этой холодной и мрачной стране почти не росли деревья, не было живых зеленых изгородей, украшающих ландшафт соседней Англии, не говоря уже о французских дубравах с их густой изумрудной листвой.

Уже год он провел в этой далекой негостеприимной стране, и все чаще его печальный взор обращался к порту Литу, словно звавшему Пьера на родину, во Францию. Но сейчас никто не мог сказать, когда он снова увидит родную прекрасную провинцию Вандом, — его будущее крепко удерживали в своих руках шотландский двор и переменчивая Судьба...

В семи лье от Вандома к крутому косогору прилепилась деревушка Кутюр, а рядом в долине, огибаемой прекрасным Луардом (приток Сорты), взметнулись вверх острые шпили белых каменных башен средневекового замка Ла Поссоньер — колыбель великого поэта. Мало кому знакомое слово Поссоньер — бочка для нового вина — вскоре превратилось в Пуассоньер, созвучное слову «рыбы». Оно пришлось очень кстати, так как на фамильном гербе Ронсаров они и были изображены.

Отец Пьера — Лои де Ронсар, храбрый рыцарь, отчаянный авантюрист в душе, был обласкан французскими монархами. Вначале королевский конюшенный (домосправитель), затем

телохранитель Людовика XII и Франциска I, а также управляющий имуществом королевских детей. Он обожал бивуачную жизнь, шумные праздники, рыцарские турниры. Четырнадцать лет Лои верой и правдой служил в армии герцога Орлеанского (ставшего потом королем Людовиком XII), принимал участие во всех битвах как в Италии, так и во Франции.

Больше всего на свете Лои любил стихи, сложенные в литой, словно опока, железной форме, и сам создал несколько торжественных од, посвященных Франциску I и его супруге Элеоноре Австрийской. При дворе, пользуясь своим высоким положением, Лои постоянно оказывал покровительство поэтам, музыкантам, риторам и ученым.

Пьер де Ронсар, «Гомер Франции», родился в замке Ла Поссоньер в ночь с субботы на воскресенье 11 сентября 1524 года. В семье Ронсаров было четверо детей: два старших брата — Клод и Шарль, девочка Луиза, Пьер родился последним.

Все дети получили неплохое домашнее образование, с ними занимался священник из близлежащего монастыря. В 1533 году после возвращения из испанского плена отец заявил Пьеру, что, мол, пора ему заняться всерьез учением, так как из всех детей тот подавал наибольшие надежды. Родители не поскупились и выбрали для младшего сына знаменитый Наваррский колледж, в котором обучение проходило на хорошем латинском языке и учились там отпрыски из аристократических семей. Здесь девятилетнему мальчику пришлось расстаться со своими грубыми деревенскими манерами, что очень помогло в будущем, когда он надолго свяжет свою жизнь с французским двором. Но Пьер тяготился строгой дисциплиной в этом учебном заведении, почти постоянным пребыванием в четырех стенах. Ребенку ужасно хотелось снова оказаться на воле, и в конце концов Пьера оттуда отчислили, как он впоследствии вспоминал, за «полную безнадежность».

Он вернулся в родовое имение Ла Поссоньер к прежней спокойной и привольной сельской жизни, большей частью протекавшей в продолжительных одиноких прогулках по полям и рощам.

Все было так, как прежде, за исключением одного — теперь он обрел здесь нового друга в лице родного дяди, Жана де Ронсара, известного церковнослужителя, каноника храма в Ле Мане и генерального викария его епархии. Как и многие отцы церкви, дядюшка оказался в душе поэтом. Часто при свете мерцающей свечи мальчик восторженно наблюдал, как у него на глазах рождается чудо — стихи. Он их просто обожал, пытался имитировать, но у него ничего пока не выходило. К сожалению, его поэтический наставник через два года умер, оставив юному другу и горячему почитателю свою богатую библиотеку.

Самое счастливое время наступало, когда в имение возвращался в отпуск, расставшись на время с придворными обязанностями, его отец. Пьер знал, что он тоже равнодушен к поэзии, и однажды с затаенным страхом и пугливой гордостью продемонстрировал отцу свои первые робкие поэтические опыты.

Тот скривился, словно от зубной боли. Вот что рассказывает о том памятном разговоре с отцом сам Ронсар:

«Несчастный дурачок, не трать понапрасну время, брось это увлечение. Ну что тебе может дать славный бард Аполлон, кроме лиры, лютни, плектра и песни, рассеивающейся на ветру, как дым? Что предложат тебе Музы, если у них самих ничего нет? Может, лишь венки из мирта или плюща, которым ты увенчаешь голову? На что ты будешь способен, кроме того, чтобы сидеть у родника или в древнем гроте, где сможешь преклонить свою безмозглую башку, и, уставившись в одну точку перед собой, сочинять стихи, которые в приличной компании от силы същут тебе кличку «добродушного дурачка»? Нет, оставь эту бесплодную профессию, ведь она ничего не принесла даже своим самым лучшим ремесленникам. С тем же безумием, которое они называют божественным вдохновением, им до самой смерти будет досаждать образ голода. Даже тот Гомер, коего ты не выпускаешь из рук, в своем больном рассудке почитаешь равным Богу, не имел за душой ни гроша. Вся его троянская драбедень с ее, как утверждают, таким могущественным голосом не могла накормить досыта, и ему приходилось ходить от порога к порогу, выпрашивая милостыню на хлеб.

Несчастный дурачок, оставь безрассудное занятие! Возьми в руки книги по юриспруденции, ищи счастье в дворцах правосудия, используя золотое красноречие, как это делают все важные судьи, получая за свой труд приличное вознаграждение. Так ты сможешь быстро сколотить целое состояние, и все будет почтительно снимать перед тобой шляпу. Или займись прибыльным ремеслом Гиппократов. Узнай, что природа делает с нашим телом, какую ставит перед собой цель, чего избегает. С помощью такого высокого искусства, оказывая помощь немощным, можно скопить несметные богатства. Ну, а если боевой дух и жар пылкого сердца разогревают тебе кровь, если ты способен презреть земные опасности, то бери в руки оружие воина и отправляйся воевать. И умри от прекрасной рваной раны на животе на почерневшем от порохового дыма бруствере. Такое благородное занятие часто дает возможность быстро разбогатеть, ибо ни один король, ни один принц не скупится на жалованье для своих отважных воинов».

Пьер внял этому пропитанному разящим сарказмом совету. Попрощался с любезными ему Музами и устремил свой взор на поля сражений, где увенчивают себя бессмертной славой поклонники иной Музы — Музы боевых кличей. Отец Ронсара знал, что говорил, — в скольких сражениях ему привелось участвовать! Его рассказы о войне, о боевых схватках взбудоражили воображение мальчика. Он сделал свой выбор. Отец использовал все влияние при дворе, чтобы обеспечить ему блестящую военную карьеру. Снедаемый амбициями, Лои де Ронсар в 1536 году «устроил» двенадцатилетнего отпрыска на первую «должность» при дворе. Пьер стал «королевским мальчиком». В его обязанности входило сопровождать короля со свитой при переездах из одной резиденции в другую...

Но отец не унимался. Постоянно подчеркивая свои заслуги перед двором и королевским семейством, Лои через год сумел добиться назначения Пьера пажом дофина Франции Франциска.

Красивым девятнадцатилетним наследником стареющий король дорожил больше всего на свете.

Вскоре Ронсар прибыл в распоряжение королевской армии в Прованс, где в городке Турнон познакомился со своим будущим юным патроном.

Но разразившаяся у него перед глазами страшная трагедия воспрепятствовала его новой службе. Пьер исполнял должность всего шесть дней. Разгоряченный после скачек, принц попросил паж, графа Себастьяно Монтекукули, принести ему воды. Безрассудный слуга, зачерпнув студеной воды из колодца, сохранившегося до сих пор как зловещий исторический памятник, подал ему кружку.

Вечером дофин слег в постель, а через три дня умер. Несчастного Монтекукули, естественно, заподозрили в отравлении наследника короля. Так как паж не смог представить вразумительных объяснений, его предали страшной казни. Его тело разорвали на части четыре лошади, а окровавленные куски прибили к городским воротам Лиона, голову на высоком шесте выставили на мосту через Рону.

Пьера до глубины души потрясли эти события. Впервые он увидел вблизи смерть человека, понял, до чего ветха земная слава, насколько непредсказуемы шалости Судьбы. Если бы дофин обратился со своей просьбой не к несчастному Монтекукули, а к нему, своему новому пажу, то голова Пьера могла бы теперь красоваться на мосту через реку.

По воле короля Пьера де Ронсара оставили в той же должности, только теперь в свите третьего королевского сына — Карла, герцога Орлеанского. Став дофином, тот сменил свое более чем странное, полученное при крещении имя — Абденаго. Этот непоседливый, веселый мальчик сразу завязал дружбу с новым пажом.

Постоянно путешествуя с дофином либо по необходимости, либо по капризу будущего монарха, юный паж старался как можно лучше изучить придворные нравы и многочисленные, разработанные до тонкостей правила этикета.

Новичок должен прежде научиться неторопливо, грациозно ходить. Приветствуя знатных вельмож, отставляя назад ногу и, ни в коем случае ее не сгибая, опускать шляпу с плюмажем на такое расстояние до пола, которое точно соответствует чину данного лица. Не допускалось, чтобы ножны от меча или шпаги гремели или касались концом пола. (Вот наука!) При получении подарка нужно поцеловать как дар, так и руку дарящего. Плюя на пол, полагалось изящно прикрывать рот ладошкой. В обществе не разрешалось ни чесаться, ни ерзать на стуле, а немедленно расправиться (на глазах у всех) с досаждающим насекомым — блохой или вошью.

Манерный ритуал поведения за столом отличался точно такой же дотошностью и обычно сильно удивлял отличающуюся простотой нравов сельскую знать. Гостю полагалось вымыть руки ароматизированной водой и ни в коем случае не оставлять на солонке или на другом сосуде «лап мужлана» — так в шутку назывались жирные отпечатки пальцев на посуде. Салфетку обычно перебра-

сывали через левое плечо, хлеб ставили слева от себя, кубок с вином — справа. Если в руках ничего не было, то нужно их постоянно держать на столе.

Перед началом трапезы малолетний ребенок должен пропихать: «Благословенны будем!», а все при этом отвечали: «Да славен Господь!». После чего кроха с самым серьезным видом читала по-латински молитву за всех. Затем каждый черпал суп ложкой из общей чаши. Куски мяса полагалось брать тремя пальцами и класть себе на деревянную тарелку, не отгонять рукой в кастрюле куски похуже. Истинный гурман обычно удерживал в зоне своего внимания одновременно три куска — один во рту, другой в руке, и не спускал глаз с третьего, облюбованного на большом общем блюде.

Представителям благородного сословия вменялось жевать пищу полураскрытым ртом, а не следовать дурному примеру немцев, евших с плотно сомкнутыми губами. Если кто-то ронял по неосторожности на пол кусок хлеба, то, поднимая, должен был поцеловать его. Бокал или кубок полагалось поднимать тремя пальцами одной руки и, поднеся его ко рту, осушить залпом. Если пила благородная дама, то ее слуге дозволялось держать салфетку у нее под подбородком.

После завершения трапезы все гости тщательно вытирали руки о скатерть и принимались ковырять в зубах шипом мастикового дерева.

Пьер де Ронсар весьма поднатерел в этом тонком искусстве, и теперь никакие ухищрения не могли сбить его с толку.

В октябре 1536 года королевский кортеж в сопровождении рыцарей личной гвардии монарха совершил переход между Лионом и Невером. Впереди, высокомерно задрав бородку, ехал Франциск I с супругой, за ним два их сына. На спинах двух иноходцев на длинных шестах покачивалось странное сооружение, похожее на носилки, увенчанное балдахином и закрытое со всех сторон шторками, — походная постель принцессы Мадлен, ужасно болезненной, слабой девушки, не выносившей езды верхом.

Вдург воины в авангарде вскинули, как по команде, руки. К ним галопом приближался отряд всадников. Среди них выделялся красивый рыжеволосый рыцарь со знаками отличия высочайшего ранга — король Шотландии Яков V, всеобщий любимчик в своем государстве. Он обладал всеми чертами и свойствами популярного вождя: приятной внешностью, разумом, добротой, незаурядной веселостью, любовью к спортивным развлечениям и играм. К тому же он был поэтом и автором знаменитой поэмы «Странствующий рыцарь». Шотландские крестьяне разыгрывали ее в лицах на своих празднествах.

Яков V, несмотря на пылкую любовь к соотечественницам, тем не менее мечтал о принцессе-француженке, а потому прибыл во Францию, дабы подыскать достойную супругу.

Он давно уже охотился за красивой дочерью герцога Клода де Гиза из Лотарингской королевской ветви. Но внезапно, в тот ясный октябрьский день, на пыльной дороге, ведущей в Лион, произошло невероятное даже для королей событие.

Шторка на носилках вдруг раздвинулась, и Яков увидел бледное лицо уставшей Мадлен. Шотландский бонвиан с первого взгляда без памяти влюбился во французскую принцессу. Улыбнувшись ему, Мадлен почуствовала, что тоже отчаянно влюбилась. Да, Бог наконец послал ей избранника! Любовь, как ей и подобает, победила. Яков V и слышать не хотел о другой кандидатуре, а Мадлен поклялась, что отныне ее сердце будет вечно принадлежать огненно-рыжему северному монарху.

Свадебная церемония состоялась через два месяца в Соборе Парижской Богоматери и по пышности вполне отвечала столь знаменательному факту, когда родственными узами связывались два королевства. Чертополох на шотландском королевском гербе обвился вокруг французской лилии, а шотландский лев каким-то странным образом перепелся с саламандрой Валуа.

На большом пиру после бракосочетания король Франциск I продемонстрировал гостям приготовленные для счастливой четы подарки — лошадей, рыцарские доспехи, парчу, бархат, атлас, ковры и драгоценности, а также большого пса по имени Баск.

Но один из свадебных подарков имел прямое отношение к нашему повествованию. Растрогавшийся принц Карл Орлеанский, стремясь не уступить в великодушии отцу, подарил сестре... своего пажу, будущую гордость Франции, поэта Пьера де Ронсара.

Неудивительно, что юный, смазливый, весьма ученый паж сразу понравился Мадлен. Хотя она уже была женой и королевой, ей было всего шестнадцать. Мадлен очень нравилась компания французского мальчика, особенно после нудных официальных бесед с бородатыми высокопоставленными вельможами.

Во второй раз Ронсару пришлось менять свои привязанности. С большой легкостью, почти незаметно для себя, он поддался ее шарму. Да и не только он один — сладкая нежность королевы очаровала всех окружающих. Впервые Пьер ощутил в себе не изведенные прежде чувства, хотя, конечно, не отважился назвать их любовью. От волнующей таинственности, от королевской недоступности этой девушки у него замирало сердце. Пьеру как ее пажу предписывалось постоянно находиться рядом с ней, прислуживать даже в личных покоях, и ему приходилось вести борьбу с самим собой — он старался не выказать своей робости.

Молодожены провели во Франции всю весну и в середине мая по Сене, через новый порт Гавр, направились в столицу Шотландии Эдинбург. Ронсару пришлось надолго попрощаться с родной — никто не знал, как долго задержат его на чужбине придворные обязанности. Но и тут Судьба, словно издеваясь над ним, выкинула очередной кушток. Если первая его служба при дофине длилась шесть дней, то нынешняя при королеве — шесть месяцев.

Холодный климат Шотландии с резкими пронизывающими ветрами не пошел хрупкой девушке на пользу. Она все чаще кашляла, а щеки ее постоянно горели лихорадочным румянцем. Сразу после пышных торжеств по случаю их бракосочетания в Эдинбурге она слегла в постель.

Однажды, прислуживая ей, Пьер услышал горькие всхлипывания: «Боже! Как я хотела стать королевой!» Мадлен призналась

пажу в том, что она, как он поэтически выразился, «скрыла свою печаль и погасила пламень тщеславия, посыпав их золой терпения».

Она тихо скончалась на руках своего супруга 7 июня 1537 года. Ушло в небытие и его, Ронсара, первое детское увлечение, и от этого юный паж страдал так же сильно, как и овдовевший молодой король. Всего за год он дважды стал свидетелем кончины двух королевских отпрысков, и только сейчас до него дошла печальная до банальности реальность обычного, по существу, события.

Ронсару хотелось поскорее вернуться в Ла Поссоньер, но, очевидно, это не входило в планы внезапно овдовевшего шотландского короля. Печальная дата уходила все дальше в прошлое, хватка жестоких воспоминаний на сердце ослабевала. Мадлен, конечно, не вернуть, а вечно печалиться не позволяет берущая свое молодость. Яков V вспомнил о своей первой избраннице — о Марии де Гиз. Но здесь ему попытался помешать родной дядюшка, английский король Генрих VIII по кличке «Синяя борода». Расправившись с очередной женой Джейн Сеймур, он предложил Марии заключить ее в свои супружеские объятия. Однако бойкий шотландец не упустил шанса и утащил невесту у старика прямо из-под носа.

Роскошная свадебная церемония, ни в чем не уступавшая первой, прошла, как обычно, в Соборе Парижской Богоматери в мае 1538 года. Невеста отправилась в Шотландию, где в начале июля сошла с корабля в Файфшире. Брачную церемонию повторили в храме святого Андрея. Вся Шотландия бурлила от радости — страна не привыкла к продолжительному годовому трауру.

После свадьбы Яков с Марией отправились в поездку по стране. Через три года у них родилась девочка, получившая имя, как и у матери, Мария. Это была знаменитая Мария Стюарт, будущая королева Франции и Шотландии, бесспорно, одна из самых трагических женских фигур в мировой истории. Судьба готовила ей с Ронсаром несколько встреч в будущем, и поэт в своих лирических посланиях будет не раз признаваться Марии в любви.

В середине сентября Ронсар вернулся в Париж и вновь поступил на службу к Карлу, герцогу Орлеанскому.

И опять Пьер прослужил недолго — всего три месяца. Накануне Рождества, 24 декабря 1538 года, он в составе почетного эскорта Клода д'Юмьера, сеньора де Лассиньи, возглавлявшего первое французское посольство, снова отправился в Шотландию. Им предстояло проехать через всю Фландрию, а затем в Зиланде сесть на корабль.

Стоял тихий день, и море было удивительно спокойным. Но вдруг разразился яростный шторм, не утихавший целых три дня.

22 января 1539 года их похожий на развалину корабль выбросило на английский берег. Лассиньи и его юного пажа принял шотландский король Яков V. Это была их последняя встреча. Через несколько лет смерть настигнет и этого огненно-рыжего беззаботного правителя. Таким образом, Мария де Гиз овдовевает, а шестимесячная королева Шотландии и Ирландии потеряет отца.

В 1548 году вдова Якова V Мария де Гиз, устав от интриг чуждого ей протестантского двора, увезла дочь на свою родину во

Францию. Там юной Марии предстояло познакомиться с уже известным поэтом Пьером де Ронсаром и испытать к нему нежные чувства. Своим особым к ней вниманием, своим высоким поэтическим даром он поможет ей легче переносить свалившиеся на нее невзгоды.

Опять роковая Судьба свяжет его с Шотландией, но, судя по всему, в последний, третий раз...

«Маленькая дикарка» или «шотландская королева-малютка», дочь короля Якова V, наследница престола, уже в шестилетнем возрасте стала объектом самых изощренных, самых тонких дворцовых интриг. При всех трех дворах — французском, шотландском и английском — ее постоянно преследовали, не давали покоя до конца ее сорокатрехлетней жизни, закончившейся по велению английской королевы Елизаветы I на плахе в замке Фотерингет.

Мария, по сути дела, еще в детском возрасте стала слепым орудием в руках трагической Судьбы. По настоянию шотландского двора она согласилась на брак с французским дофином Франциском. За ней в Шотландию отправился большой друг Пьера, тоже поэт Иоахим дю Белле, потом всю жизнь гордившийся, что ему довелось доставить будущую французскую королеву в Анжу, где ей предстояло пока жить в доме своего дяди, патрона Ронсара, кардинала Лотарингского.

Увидев эту хрупкую, бледную шестилетнюю девочку, Ронсар был просто потрясен. Боже, как же она похожа на своего отца, шотландского короля Якова V! Мария напомнила ему годы, проведенные в Шотландии, особенно когда она, нарядившись в шотландскую юбку, набросив на плечи клетчатый плед и надев на голову мужскую шерстяную шапочку, исполняла народный танец своей родины, напевая какую-то варварскую балладу и аккомпанируя себе на лютне. Пьер полюбил ее с первого взгляда, хотя был уже восемнадцатилетним юношей и признанным поэтом. Он любил это нежное создание, как любил свою поэзию, и посвятил Марии немало стихов и даже несколько поэм.

Когда она стала французской королевой, Ронсар однажды в обращенном к ней сонете, написанном в модной тогда манере прорицательства, предсказал ей, что в скором времени она к своим двум королевствам — Франции и Шотландии — присоединит и третье — Англию. Слова поэта польстили королеве, но ей так и не удалось самой взойти на английский трон. Этого не допустила Елизавета. Но все же после смерти Марии английский трон занял ее сын от второго брака — Яков VI, ставший с 1603 года английским королем Яковом I. Но роковая судьба висела над этим родом. Его сын, внук Марии Стюарт, Карл I так же, как и она, закончил свою жизнь на плахе во время Английской революции в 1649 году.

Сам Мишель Нострадамус предсказал ее печальную судьбу:

*Сильнейший провал ждет королеву,
Вплавь через реку переберется нагой,
Поднятый меч не убавит всем гнева,
К концу приведет ее яростный бой.*

(Пророчество Нострадамуса сбылось. С 1565 года Мария Стюарт начала насаждать в своей стране католическую религию. В

результате народного восстания ей пришлось отречься от престола в пользу своего годовалого сына Якова VI. Огнем и мечом она пыталась подавить мятеж, но это ей не удалось. В результате в 1568 году она была вынуждена бежать в Англию, голой переплыть через пограничную реку. По приказу английской королевы Елизаветы Марии Стюарт предали суду и казнили в 1587 году.)

Вернемся, однако, к тому периоду жизни Ронсара, когда он в мае 1540 года вернулся во Францию из второй поездки в Шотландию. Его бывший патрон Карл, герцог Орлеанский, не забывал о своем прилежном и исполнительном паже, всегда добросовестно выполнявшем все порученные ему государственные дела. Поэтому герцог добился включения шестнадцатилетнего Пьера в состав дипломатической миссии под руководством знаменитого ученого и выдающегося дипломата Лазара де Баифа. Миссия направлялась на четыре месяца в Германию для участия в работе Сейма под председательством самого германского императора Карла V. Тот наконец вознамерился добиться прочного мира между католиками и протестантами в Европе.

Пребывание в Германии дурно сказалось на состоянии здоровья Ронсара. Он опасно заболел, и эта неожиданная трагедия, казалось, неотвратимо разрушит всю его военно-дипломатическую карьеру. Чем же он заболел? Биографы на этот счет расходятся во мнениях. Одни обвинили во всем немецкие вина. По мнению знатоков-французов, горе-виноделы немцы добавляли в вино серу. Другие считали, что причиной явились усталость от постоянных утомительных переездов и чудовищная стоимость приличных и чистых немецких гостиниц. Третьи утверждали, что Ронсар заразился сифилисом. Некоторые полагали, что он подхватил какую-то инфекцию, скорее всего скарлатину, тиф или... чуму. Нельзя забывать, однако, что в те времена «чумой» называли вообще любую эпидемию. В течение нескольких лет поэт страдал то ли артритом, то ли ревматизмом и к тому же почти совершенно оглох.

В любом случае с дипломатической карьерой пришлось покончить — ведь главное достоинство любого дипломата заключается в умении все слышать, даже слова, произнесенные шепотом. Оставлены и мечты о воинской славе — агрессивный Марс вербовал свои жертвы только среди абсолютно здоровых людей, без малейшего изъяна.

Теперь Пьер решил, что он станет поэтом. И не просто поэтом, а принцем всех поэтов! Как говорится, нет худа без добра. Как писал Клод Бине, «функция его слуха передалась функции его глаз, чтобы лучше читать замечательные книги».

С той же страстью, с которой отдавался военной службе, он принялся совершенствовать свои знания. Вернувшись в Ла Поссоньер, снова совершал долгие прогулки по берегам тихой Луары, в тени густых дубрав предавался размышлениям о беге времени, о вечности, о мироздании, о смерти. Здесь его посетило вдохновение, и Пьер написал первые стихи по-латыни. Своим учителем, конечно, называл Горация, «наивную сладость» которого пытался воспроизвести в первых серьезных стихотворных опытах.

Лои на сей раз не стал препятствовать увлечению сына поэтической Музой, но, как и прежде, непоколебимо утверждал: Пьеру нужно подыскать такое занятие, чтобы в будущем оно обеспечило ему твердый заработок и кусок хлеба.

6 мая 1543 года он отвез сына в провинцию Ле Ман для участия в похоронах их родственника Гийома де Белли, брата местного епископа. Там по просьбе отца Пьер совершил малый постриг. Больше всего этой религиозной церемонии удивился сам Ронсар. Как же так, он, бывший королевский паж, весельчак и балагур, не отказывающийся от лишнего бокала игристого вина, любящий жизнь со всеми ее удовольствиями, вдруг в девятнадцать лет напяливает круглую шапочку на выстриженную макушку?

Однако малый постриг еще не делал его настоящим священнослужителем. Тонзура, по сути дела, лишь первый шаг на пути к принятию священства, но она давала кандидату право на получение церковных бенефиций. А с другой стороны, разве поэзия, повелительница мира, не является языком богов? Под звуки поэтической лиры закладывались города, освящались государственные институты. Сильные мира сего хорошо это понимали. Разве они не осыпали благодеяниями и почестями священнослужителей и поэтов? Разве не предложил император Август дружбу Вергилию?

Но чтобы достичь известных высот в поэтическом искусстве, нужно прежде перевалить через крутые пики разнообразных знаний.

В 1547 году Ронсар узнал, что его друга, известного поэта Жана-Антуана де Байффа, по рекомендации придворного поэта Жака Дора назначили директором небольшого колледжа Кокрэ. Это учебное заведение когда-то было свидетелем скандальных походов Франсуа Вийона и его шумной компании дурного пошиба. Колледж Кокрэ располагал богатой библиотекой Екатерины Медичи и Анри де Месма. Именно здесь в окружении полков, уставленных толстыми томами латинских и греческих авторов, Ронсар выучил наизусть всего Вергилия, составил сборник переводов греческих поэтов, написал множество од и сделал стихотворный перевод «Плутоса» Аристофана.

Пьер де Ронсар становится большим поэтом, и теперь его называют «самым прекрасным певцом любви всех времен». Действительно, он оправдал такой высокий титул. Оставшиеся сорок лет жизни Ронсар воспевал и прославлял возвышенное чувство — любовь. Сам испытал ее сладкие муки и терзания, охваченный страстью к трем представительницам прекрасного пола, которых он называл «своими тремя большими любовями».

Глава II. КАССАНДРА

Разумеется, сердца молодых людей в Кокрэ далеко не полностью занимали такие великие поэты, как Пиндар и Гораций. Иногда их чувства не уносились к вершинам поэзии, ум не звал к поэтическим размышлениям, а тело требовало лишь покоя, расслабления и отдыха. В такие минуты их поэтическим духом и

грешной плотью овладевала любовная похотливая лирика Овидия и Катуллы, они увлекались сочинениями недавно умершего нидерландского поэта Иоанна Секунда (1511—1536), автора знаменитых «Поцелуев», или штудировали «Игрушку для любви» Ангерияна.

Но порой их мысли, пресытившись однообразной эротикой, обращались к столь желанной чистой любви, и они мечтали о страстной привязанности к женщине на всю жизнь, о принесении себя в жертву на алтарь непорочной, возвышенной любви, о сладостной горечи безответного чувства. И тогда твердили замечательные строчки Петрарки, этого достославного поэта, сохранившего до самой смерти верность образу неувядающей божественной Лауры.

Коллежж Кокрэ оказался «рассадником» многих будущих петрарок, и у каждого из них уже сложился образ своей возлюбленной, своей Лауры. У дю Белле — Оливия, у Биаффа — Франсина, у Маньи — Кастианьира, у священника Понтюса де Тайера — платоническая Персифая. Они выбирали своих пассий по принципу благозвучности, и часто за таким именем никто конкретно не скрывался. Пьер де Ронсар принял решение поклоняться Кассандре, самой благородной из всех достойных любви девушек.

Постоянно вспоминая ее звучное имя, Ронсар мысленно возвращался к тому памятного дня, 21 апреля 1545 года, когда королевский двор пребывал в южной резиденции в Блуа-на-Луаре. В тот день в древней «крепости графов» для придворных состоялось музыкальное представление с танцами. Из стайки фрейлин вдруг выскочила грациозная белокурая девочка с приятным голосом, аккомпанируя себе на лютне, исполнила мелодию старинного бургундского танца. Ей еще не было шестнадцати лет, и звали ее Кассандра.

Пораженный почти детской красотой, поэт бесконечно твердил в тиши деревьев звучное имя, вплетая его в строки идущих из глубины души стихов. Так рождалась та магия, жертвой которой он впоследствии стал. Так заклинатели часто сами превращались в созданных их воображением демонов, так поэты, подобно Нарциссу, влюблялись в самих себя. Постоянно преследующее его повсюду видение Кассандры — чистого, невинного и возвышенного создания, готового к восприятию его поэтического дара и страстной любви, — волновало Ронсара. Он готов был поклоняться ей, символу нежной красоты, как Петрарка поклонялся Лауре. Прислушиваясь к журчанию ручья, он без устали нашептывал: «Кас-сан-дра! Кас-сан-дра!» — и очень хотел в ту минуту стать этим ручейком.

Однако парящего в эмпиреях поэта часто призывает к себе земля своей неумолимой реальностью бытия. Когда Ронсар возмнил себя влюбленным в Кассандру, многие не верили в существование девушки с таким странным именем.

Однако существуют серьезные свидетельства в пользу имени Кассандры, которое носила реально существовавшая девушка невероятной красоты. «Ронсар, — сообщает его друг и первый исследователь творчества поэта Клод Бине, — часто вспоминал об

одной девушке по имени Кассандра... и намеревался воспеть ее, как Петрарка свою Лауру, будучи влюбленным только в прекрасное имя, о чем сам неоднократно говорил мне...» Это подтверждает и исследователь Мюре: «Кассандра, как известно, была дочерью Приама, царя троянцев. И так как дама нашего поэта звалась именно так, то он и говорит с ней, как разговаривал бы с дочерью царя».

Если Кассандра на самом деле реальное, а не вымышленное лицо, то кто же ее родители? Исследователи спорили об этом три столетия, и все же к единому мнению так и не пришли. Только относительно недавно, лет пятьдесят назад, Анри Лоньон случайно обнаружил письмо знаменитого французского историка и поэта Теодора Агриппы д'Обинье (1552—1630), в котором несколько строк касалось загадки Кассандры: «Я кое о чем узнал в приватном порядке. Теперь мои сведения, можно сказать, полностью подтвердились. Первой своей любовью он воспылал к дочери мадам Франсуаз Дусэ. Она и была его Кассандрой».

Муж мадам де Дусэ — флорентийский богатый купец, заимодавец французского короля Франциска I, Бернар Сальвиати, двоюродный дядя Екатерины Медичи. У четы было четверо детей — два мальчика и две девочки. Одну из них на греческий манер нарекли Кассандрой».

На самом ли деле она казалась такой красивой, что смогла с первого взгляда зажечь в душе нетерпеливого поэта пламенную страсть?

Кое-какие представления о ее внешности можно сделать по портрету, которым Ронсар украсил свой сборник «Любовных стихов», вышедший в 1552 году. Благородный профиль, несколько тяжеловатый подбородок, слегка покатый лоб, украшенный фероньеркой — повязкой с драгоценными камнями, волосы, собранные на затылке, крупными локонами спадают на изящные полные плечи. Она, бесспорно, привлекательна, но отнюдь не оправдывает пылкую надпись под портретом, сделанную Ронсаром на греческом языке: «Увидев, обезумел». Нужно призвать на помощь все свое воображение, чтобы представить, чем поразила Ронсара эта шестнадцатилетняя девушка. Он даже не сообщает точно, какого цвета у нее волосы, какое у нее лицо.

Скорее всего Кассандра блондинка, если верить одному из его сонетов: «Я весь горю в огне от золота ее волос...»

Иногда, однако, поэт утверждает, что она «брюнетка». В некоторых стихах говорит о ее «карих глазах», «о ее прекрасном пушке на лице каштанового отлива», «о коричневом оттенке кожи». В сонете «Красота, которую я прочу своей милой» Ронсар пишет: «Я вижу ее черные глаза, лицо каштанового цвета, Хотя вся Франция и обожает зелень глаз...»

Кокетство, бесспорно, побуждает женщин, пользуясь даром преображения, менять свою внешность, и вполне вероятно, что Кассандра красилась и прибегала к макияжу. Тем не менее поэт восторгается своей избранницей и сообщает нам, что у нее «губки как роза», «полненькая цвета парного молока шейка», «орлиный, длинный нос», «округлый подбородок», «розоватого цвета щечки с ямочками», «мягкая, словно пух, кожа», «крепкая, полная, словно

точная из мрамора грудь».

Кто же мог устоять перед таким набором соблазнов? И поэт ими побежден. Им овладевает великая страсть, хотя он, однако, не позволяет ей выйти за рамки куртуазной любви. Увидев свою красавицу, молодой поэт утратил аппетит, его больше не привлекали шумные застолья сверстников. Начался продолжительный приступ меланхолии, требовавший для лечения души долгого уединения.

Летом 1545 года Ронсар возвратился в свое имение Ла Поссоньер, чтобы там в любовном томлении провести каникулы. Как обычно, он совершал многочасовые прогулки, сочиняя на ходу стихи, изливая в них бурным потоком нахлынувшую на него любовь к Кассандре.

Однажды, гуляя по изумрудным лугам, встретил... Кассандру. Поэт остолбенел. Что за видение? Он замер, утратив дар речи. Ему казалось, это — мираж или наваждение, вызванное его постоянными мыслями об этой девушке, что такого просто не могло быть. Но Кассандра, мило улыбнувшись ему, слегка поклонилась. Очнувшись, Ронсар робко, словно еще не веря, что все происходит на самом деле, а не во сне, подошел к своей возлюбленной.

«Как и подобает цветку, — вспоминал позже Ронсар, — Кассандра сидела среди ярких цветов. Сняв шляпу, она играла с ней на коленях. Простое деревенское платье соблазнительно облегалo ее фигуру. С этого дня мой разум занемог», — признавался поэт. Начались их довольно частые уединенные встречи.

Кассандра не отказывалась от встреч с ним, несмотря на то что светские правила запрещали молодому человеку, принявшему постриг, общаться наедине с молодыми девушками. Ведь они просто беседовали, и она не видела в том ничего дурного. Поэт изливал перед ней в стихах свою душу, демонстрируя накаленный темперамент влюбленного. Он страстно желал ответного чувства, требовал от нее признания. Но Кассандра не спешила удовлетворить его страсть. Как часто бывает в жизни, поэты влюбляются в прекрасных дам, а в жены их берут другие. Кассандра, дочь богатого купца и банкира, мечтала о высоком титуле, о счастливом браке с благородным сеньором. Она хотела занять собственный дом, родить детей. Но что мог на самом деле предложить ей глуховатый, болезненный, да еще и принявший постриг обожатель, кроме великолепных стихов? И что стоили они по сравнению с богатством, которым обладал Жан Пенье, владелец громадного поместья в Де Прей в Вандоме? Он сделал Кассандре предложение, и она в конце того же года вышла за него замуж.

После бракосочетания молодожены поселились в замке Де Прей поблизости от имения Ронсаров. Судьбе словно угодно было тем самым подразнить поэта, заставить его посильнее страдать, оплакивая свое безрадостное положение безжалостно отринутого претендента на земную любовь.

Кассандру теперь он утратил навсегда. В отчаянии поэт возвратился в Париж. В обрушившемся на него отчаянии он все же искал утешения. Разве его горе, его разочарование не похожи на разочарование таких знаменитых влюбленных поэтов, как Петрарка, чьи стихи четкими рифмами постоянно звенели у него в голове? Кассандра в его глазах казалась такой же божественной, как Лаура, а теперь и такой же далекой. Оставалось одно — следуя обычаю, воспевать ее без малейшей надежды. Ронсар, глубоко переживая утрату, еще долго отдавал дань уважения своей возлюбленной в стихах, на которые она его вдохновляла.

Пьер де Ронсар воспел Кассандру в первых четырех книгах «Од», в вышедшем в 1550 году сборнике «Роцца», в изданиях «Любовных стихов» (1552—1553), а также в сборнике «Разное» (1554—1555). Таким образом, его восторженные поэтические восхваления возлюбленной продолжались долгие годы...

Сердце Ронсара в Париже по-прежнему ныло. Он не находил себе места. Подчиняясь зову неутоленной любви, решил вер-

нуться в Вандом, в родной Ла Поссоньер, чтобы снова оказаться неподалеку от нее, ходить по тем же, что и она, лугам, дышать тем же воздухом, любоваться тем же густым Гастинским лесом, синим приветливым небом.

Вскоре их встречи возобновились, тем более что ее супруг оказался вовсе не ревнивым и всегда предпочитал скучным светским беседам шумные пирушки с друзьями и охоту. К тому же он не мог отказать в доме знаменитому и высокоученому поэту, которого привечал королевский двор.

Они часто катались вдвоем в лодке по тихой Луаре. Кассандра, убрав пышные волосы под мальчишескую кепку, сидела перед ним на банке. Ронсар, на веслах, молча любовался ее робко поникшей головкой, ее пальчиками, из-под которых за бортом пенился журчащий ручеек. Страстные признания будоражили его, но он боялся произнести их вслух в такой чуткой, первозданной тишине:

*Коль, госпожа, в твоих руках умру я,
То радуюсь и не хочу иметь
Достойной чести, нежель умереть,
Склонясь к тебе в минуту поцелуя.*

*Иные, Марсом грудь себе волнуя,
Пусть на войну идут, желая впредь
Могуществом и латами греметь,
Испанской стали в грудь себе взыскуя.*

*А у меня иных желаний нет;
Без славы умереть, прожив сто лет
И в праздности у ног твоих, Кассандра,
Хоть, может быть, ошибка в том моя,
За эту смерть пожертвовал бы я
Мошь Цезаря и буйность Александра.*

(Перевод С. Шервинского)

Они часто причаливали к берегу, уходили в заросли, в дуга, собирали любимые Кассандрой цветы. Пьер показывал ей свои излюбленные потаенные места, где часто предавался сладким грезам, — окаймленные зеленью ворсистых губ зевы темных и прохладных пещер, уютные гроты, покрытые буйной растительностью, зеленый островок, который он выбрал местом своего погребения.

Читал ей написанные для нее во время ночных тревожных бдений прекрасные поэмы. В одной из них главной темой стала мелодия того бургундского танца, когда он несколько лет назад впервые увидел ее в Блуа:

*Мой пылкий дух с мелодией носился,
Предсказывая мне исполненные счастьем дни,
Ловя сей дивный ритм Бургундии,
В тот день, когда я так в нее влюбился.*

(Перевод авт.)

Оторвав глаза от листа плотной бумаги, Пьер вопросительно посмотрел на нее в ожидании похвал, словно тщеславный ребе-

нок. Кассандра, улыбнувшись, ответила, что поэма превосходна, — только и всего. Нет, до нее явно не дошел плач сердца, она не знала, какой бы восторг эти стихи вызвали у его друзей — поэтов в Кокрэ. Вдруг Ронсара словно прорвало, как не устоявшую перед напором вод плотину.

Он горячо заговорил о высотах поэтического искусства, о том, что только оно способно обесмертить ее имя, вызвать восхищение ее красотой у далеких потомков, вызвать у них зависть. Но Кассандра холодной усмешкой охладила его пыл. В ее представлении вся мировая поэзия не стоила и выеденного яйца.

— Глупый мальчик! — зло упрекнула она. — Весь твой набор изысканных, ласкающих слух словес никогда не заставит меня полюбить тебя. А все твои рассуждения о восхищении и благодарности потомков — лишь детский лепет!

Раскатистый удар грома подтвердил одобрение небом ее строгого приговора.

Скорее всего она не любила его, больше ценила супружескую верность и свои меланхолические терзания. Кассандра часто была жестокой к нему. И уязвленный в своей гордыне поэт прореагировал на это злейшими стихами в своих «Стансах»:

*Почему ж, коль тронуть грудь
Или волос твой куснуть
Подтолкнет меня веселье,
Или рот лобзать, любя,
Вдруг ты строишь из себя
Будто инокиню в келье?*

*Хочешь для кого беречь
Белизну груди и плеч,
Губы, глазки, рот, красотка?
Иль чтоб их лобзал Плутон
В час, когда уже Харон
Увезет тебя на лодке.*

*За порогом жизни там
Не цвести твоим устам,
Быть им бледным за могилой;
Мертвый, зря твои черты,
Не скажу теням, что ты
Мне была когда-то милой!*

*Лик твой будет прах и тлен,
Без артерий и без вен,
Из-под кожи глянут кости,
Будет ряд зубов нагих
Как показывают их
Нам скелеты на погосте.*

*Так пока живем с тобой,
Будь, любезная, другой,
Не оттягивай ты губки!
Как придет кончины час,*

*Вспомнишь ты с тоской не раз
Про жестокие поступки!*

(Перевод С. Шервинского)

Какое безжалостное объяснение в любви! Какое безумное смешение проповеди и откровенного мазохизма!

Одна из частых прогулок по Луаре закончилась несчастьем. Вероятно, ревнивые нянды, вечные обитательницы этой красивой реки, наслали порчу на свою соперницу, упрямо отказывающуюся внимать страстным мольбам влюбленного поэта. Кассандра простудилась и тяжело заболела. Ее уложили в его постель. Боже, как же он переживал, как волновался, как страдал из-за ее тяжких мук, как боялся печального исхода. Но даже в это тревожное время не прекращал писать сонеты и даже составил обращение к богу сна Морфею молитву для Кассандры, которая, мучаясь бессонницей, постоянно ворочалась в постели. Он убирал комнату каждый день свежими цветами, уделяя особое внимание красным макам, обладающим свойством хранить священный сон.

На всякий случай пригласил в Ла Поссоньер своего друга, художника Николя Денизо, чтобы тот написал для него портрет Кассандры, как когда-то Петрарка обратился с просьбой к Симону Мартини создать портрет его Лауры.

Поэт попросил художника сделать ее волосы цвета кедрового дерева и перевязать черной ленточкой, дабы сильнее оттенить черные, как смоль, брови, щечки — эти «две купающиеся в парном молоке розы», эти «две красные гвоздики, целующие белую лилию», ее «яблочного оттенка подернутые легкой сеточкой синеватых прожилок груди».

Поэт, сунув в карман миниатюру, отправился в непроходимую чащу Гастинского леса в один из гротов. Там, держа в руках изображение возлюбленной, долго, как Петрарка, тяжело вздыхая, изливал свое горе в стихах. Он не знал, что станет с ним, если Кассандра вдруг умрет. В таком случае жизнь и для него утрачивала всякий смысл.

Но она выздоровела. После этого домогательства Пьера стали еще более настойчивыми, а мольбы об ответной любви все более упорными. Он теперь не довольствовался простыми вздохами. Внутри у него загорелось желание. Когда, дрожа от страха и непривычно путаясь в словах, признался в том Кассандре, она вдруг расплакалась. Пьер растерялся, он и не мог понять причину ее расстройства, отнеся его на счет недавно перенесенной болезни.

Через несколько дней стал еще более неутомимым, еще более красноречивым в чувствах, не находил места. Но Кассандра, придя в себя, лишь бессердечно посмеивалась в ответ на его уговоры.

Напрасно читал он ей свои прекрасные, насквозь пропитанные отчаянием сонеты, напрасно заклинал не тратить попусту время, а ловить момент, попытаться приостановить быстро убегающий день, не отказывать ему. Пьера больше всего донимала краткость отпущенных им природой мгновений.

Однако вконец осмелевшему поэту Кассандра предлагала

лишь дружбу, приступами смеха заглушая его отчаянные вопли и стенания.

Однажды, возвращаясь с прогулки, Кассандра нашла у своей двери букет только что распустившихся роз, перевязанный бумажной лентой с написанным на ней сонетом: «Я посылаю вам букет из своих рук...»

В нем Ронсар уверял ее в своей искренней любви, клялся, что сами слова поэта отторгают всякую ложь. И все же она не любила его. Всем своим бесстрастным видом, всей чопорной холодностью давала понять, что считает его, «принца поэтов», безрассудным мальчишкой, любящим не столько ее, сколько свою ускользающую молодость. Ронсару в то время было всего двадцать шесть лет, но, увы, такова логика женщины.

Он умолял ее наградить его поцелуями, которые, по его словам, вызовут у него полнокровный ток мыслей. Но она редко проявляла снисходительность и внимала восторженным просьбам. Разве что только из жалости. Однажды Пьер под наплывом бурного потока чувств попытался удовлетворить охватившее его острое желание. Вот как описывает эту сцену французская исследовательница творчества Пьера де Ронсара, автор романа о его любви к Кассандре «Уязвленная любовь» Жанна Бурэн:

«По привычке, когда я играла на лютне, он сидел у моих ног. Когда я закончила, он положил голову мне на колени. Вероятно, под влиянием напоенного июньскими ароматами воздуха, подчиняясь гармонии момента, соединившего в себе чудесные звуки музыки с теплой наступившего лета, разделяя с ним грядущие тревоги, я порывисто обняла его. Воспользовавшись моей неожиданной слабостью, он, осторожно уложив меня на подушки за моей спиной, начал судорожно меня ласкать... Его руки скользили по моим плечам, по горлу, по обнаженным, освободившимся из своего привычного заточения грудям, потом они проникали все ниже, этап за этапом, к заманчивой цели...»

Но он очень скоро утратил самообладание, которое, вероятно, могло бы принести ему победу, и воспламенился. Задрав юбку и обнажив мою кудрявую лужайку, он начал слишком бесстыдно пальцами обследовать ее... что заставило меня резко его оттолкнуть...»

Разгневанная, она окликнула своих фрейлин и приказала им немедленно собираться домой. Пьер хотел просить прощения, во всем раскаяться, уговорить пощадить его из-за несчастной, терзающей, словно зверь своими когтями, любви, но она проявила к нему суровость, свойственную оскорбленной невинности. Кассандра не снизошла до прощения, уехала из Ла Поссоньер, даже не простившись с ним. Вряд ли он теперь мог рассчитывать на скорую встречу с ней. Да и в доме Кассандры стали выражать беспокойство по поводу ее слишком частых и слишком долгих отлучек. Они наводили на подозрения и ее супруга.

Ронсар растворил свое отчаяние в поэтической стихии. Он дал себе торжественное обещание каждый год совершать жертвоприношение на том месте, где произнес перед Кассандрой свое первое фатальное признание в любви. (Правда, вскоре он о нем забудет.)

*О, если бы, сверкая желтизной,
Моей Кассандрой принят благосклонно,
Я золотым дождем пролился бы ей в лоно,
Красавицу лаская в час ночной...*

(Перевод В. Левика)

сокрушался отвергнутый поэт.

Разумеется, многие посвященные Кассандре сонеты написаны не на берегу Луары, а в Париже, в тихой келье колледжа Кокрэ. Здесь ему легче писалось, да и все книги находились под рукой для проверки исторических или литературных ссылок. К тому же так приятно слышать шумные одобрения своих друзей-поэтов, ежедневно рукоплескавших его написанным кровью сердца стихам. Здесь Пьер разрабатывал теорию тесного слияния поэзии с музыкой. Поэт, постоянно утверждал он, прежде всего певец, и поэзия немислима без музыкального сопровождения. Поэт обязан уметь так же сочинять музыку, как и писать стихи.

Ронсар не получил музыкального образования, да и своим голосом не мог похвастаться. Немного брэнчал на прекарной гитаре, украшенной мифологическими сценками и инициалами Кассандры, вплетенными в его собственные, понимая, что сочиняемая им музыка далека от мелодичности его звонкоголосых стихов, и в конце концов обратился к услугам музыкантов-профессионалов.

Музыка, бумага и перо с чернилами постепенно утихомирили страдания поэта, притупили их остроту. Каждый день он подсчитывал количество пригодных для публикаций письменных выражений своей скорби и мучительных терзаний. Теперь их хватало на целую книгу. В октябре 1552 года вышел из печати том под названием «Любовная лирика Пьера де Ронсара, вандомца», куда он включил 183 сонета о «чистой любви».

Само собой, в них говорилось о долгих и тщетных страданиях поэта, о любви к Кассандре. Но несколько сонетов попали сюда либо по ошибке, либо по трезвому расчету, из-за желания отомстить равнодушной к его любовным восторгам бывшей возлюбленной, вызвать ложкой дегтя в бочке меда ее гнев. Сцены разнузданной плотской любви, головокружительное пиршество секса Ронсар посвятил Эгерии, знаменитой италийской нимфе-вещунье, советнице и супруге второго царя Рима Нумы Памфилия, отличавшейся удивительной легкостью поведения и недолгим сопротивлением перед напором любого мужчины. Разве не чувствуется ответ Ронсара на обвинения Кассандры, что он уже «стар», а молодость его уходит, в сонете, посвященном какой-то Жанне:

*Ты, меня целуя, Жанна,
Повторяешь непрестанно,
Что я стал и стар, и сед,
Ты целуешь и хохочешь,
Бедный возраст мой коротилъ,
По ночам сцарапать хочешь
Белизну почтенных лет.
Но черно иль поседело —
Поделуям что за дело?
Белый конь еще силен,*

*Целовать умеет он.
Так целуйся, а другого
И не требуй от седого!*

(Перевод В. Левика)

В сборнике Ронсар поместил свой портрет напротив портрета Кассандры — лицом к лицу. Изображен его мощный профиль, с острым орлиным носом, поджатой нижней губой и короткой кокетливой бородкой. На плечи наброшена царская тога, зашпиленная на плече драгоценной брошью, на голове красуется лавровый венок. Кассандра, надувшись, с недовольной миной глядит на него в упор. Художнику-граверу не удалось передать легендарной красоты, хотя он и выставил напоказ ее пышные обнаженные груди...

Книга Ронсара пользовалась большим успехом. Его поэтическая слава, преодолев стены колледжей, литературных салонов и аристократических дворцов, достигла и простых людей. Полученная от друзей-поэтов в Кокрэ кличка «принц поэтов» теперь стала почти его официальным титулом. На самом деле, кто мог бросить ему вызов? Имя Кассандры теперь звенело на устах всех грамотных людей и исторгало восторги из сердец вздыхающих обожателей. Ее слава затмила известность Лауры, увела в тень всех Оливий и Пасифей, избранных для поклонения соперничающими друг с другом молодыми поэтами. В честь ее даже создали танец «Кассандра», что-то вроде старинной гальярды. При его исполнении партнер все время кружится и подскакивает вокруг своей равнодушной, словно подружка Ронсара, партнерши.

Ее имя стало символом безнадежно, безответно любимой женщины, и теперь многие люди с поэтическими задатками, следуя примеру Ронсара, слагали о его возлюбленной песни и баллады.

Ну, а что тем временем подельвала главная виновница шумной вакханалии? Тихо и незаметно жила по-прежнему в своем поместье, и сюда, до берегов Луары, не долетали даже отзвуки ее парижской славы. Склонившись над любимыми цветами, вдыхая их привычный, не меняющийся с годами запах, медленно старела, то и дело переживая бурные приступы меланхолии. Ей ничего не оставалось, как невольно следить за уходящими в неведомое безрадостными годами.

Ронсар же увлекался более доступными женщинами, много времени уделял своей карьере популярного в стране поэта и почти не вспоминал о Кассандре. Но иногда все же одолевала тоска из-за таких долгих, печальных и бессмысленных, на его взгляд, терзаний. Но тягостные воспоминания лишь портили ему настроение. Хотя понимал, что своей широкой известности он, по сути дела, достиг только благодаря этой роковой для него женщине. И теперь только искренне сожалел о заблуждениях того пылкого, восторженного и наивного юноши, которым он уже больше не был.

В 1569 году он снова увидел ее. Поэту исполнилось сорок пять, он стал давно трезвомыслящим, зрелым мужчиной, кое-что познавшим в этом мире. Он уже понял, как часто мы обманываемся своими прекрасными мечтаниями и надеждами,

позволяя им водить нас вокруг пальца, а потом горько в этом раскаиваемся.

Кассандре исполнилось тридцать шесть, она стала более умиротворенной, более уравновешенной, пережившей свои страсти матроной и теперь сосредоточила все внимание на воспитании взрослой дочери. В дальнейшей жизни Кассандре не повезло. Она пережила всех близких ей людей — Ронсара, мужа, единственную дочь. Умерла глубокой старухой в нищете в 1606 году...

Исследователи до сих пор спорят, на самом ли деле их взаимоотношения были такими чистыми, возвышенными, какими их пытается представить Ронсар? Не ответила ли она на его страсть, не одержал ли он над ней «чуть было не выскользнувшую из его рук» победу, как о том рассказывает нам Жанна Бурэн? Единого мнения на сей счет у ученых нет и до сих пор. Недавно в архивах исследователя Ронсара Мюре была обнаружена странная записка, написанная рукой Кассандры: «Когда тебя увижу вновь? Я постоянно жду твоего возвращения и ужасно хочу тебя видеть».

Разве эти слова похожи на бесстрастную и безразличную Кассандру? Один из ученых последнего поколения заявил, что может доказать: связь Ронсара с Кассандрой оказалась далеко не бесплотной. В заключение приведем еще один отрывок из романа Ж. Бурэн:

«Наша последняя ночь перед разлукой прошла в музыкальной беседке, в которой мы с ним знавали счастливые часы... пальцы мои до сих пор хранят воспоминания о прикосновениях к атласным подушкам, на которых мы с ним лежали... Никогда еще Пьер не обладал мной с таким иступлением. Никогда я еще не отдавалась ему с таким яростным отчаянием. Рыдания мои сливались с нашими сладостными стонами, и мы стонали как от печали из-за грядущего расставания, так и от неземного удовольствия...»

Судьба Кассандры и в будущем, словно в память о былом, связана с поэтами. За ее племянницей долго ухаживал французский поэт, историк Агриппа Д'Обинье, а ее дочь вышла замуж за поэта Гийома де Мюссе. А далеким прямым потомком был Альфред де Мюссе, самый возвышенный и тонкий поэт Франции, воспевший трагическую любовь.

Глава III. МАРИЯ Д'АНЖЕВИН

Теперь Ронсару, придворному поэту, поэту жизненных невзгод и несчастной любви, приходилось воспевать иные, трагические события. Только закончившаяся война с Испанией возобновилась с новой силой, и во дворце вновь поселилась воинственная Муза. В Париже боялись, что вот-вот в столицу вступят агрессивные, утратившие обычную галантность жестокие испанцы.

Ронсар ничем не мог помочь защитникам города, так как его уже давно освободили из-за дефекта слуха от воинской повинности. Придется переждать опасные времена в своем поместье, решает он и отправляется в родной Ла Поссоньер...

Чтобы немного развеяться, решил навестить старого друга и родственника Шарля Писслé, аббата Бургейя, рано получившего сан епископа, большого любителя охоты на диких кабанов. Его

родовое поместье находилось в Анжу, между Туром и Сомюром. Но, как оказалось, Ронсар принял роковое решение. Здесь он встретил вторую из своих больших любвей.

В апрельский день 1555 года, гуляя возле деревушки Пор-Гийе, расположенной в двух милях от Бургейя, Ронсар встретил девушку по имени Мария, когда его иссушающая тело страсть к Кассандре уже шла на убыль. Он не мог рассчитывать ни на какую награду, даже если вернется к ней. «Он хотел, — пишет Реми дю Беле в своем комментарии к сборнику «Любовных стихов», — следуя известным рецептам Лукреция и Овидия, прибегнуть к особому целительному снадобью, чтобы излечиться от страданий и тоски, удалиться от возлюбленной, прогнать от себя все воспоминания о ней и, если представится возможность, обратить свое внимание к другой». Такой случай представился.

В деревне Пор-Гийе жила крестьянская семья с крепким достатком по фамилии Дюпен, или Люпэн, она относилась к средней социальной прослойке и имела родственные связи с мелкопоместным дворянством.

Однажды Ронсар на берегу реки увидел хорошеньких девушек, трех сестер из этой семьи, — Антуанетту, Анну и Марию. Оглашая окрестности здоровым смехом, они отчаянно колотили вальками по воде, полоская белье. Долго не размышляя, Ронсар влюбился сразу во всю троицу, по достоинству оценив их простую деревенскую грациозность. Лювеобильное сердце поэта долго не могло сделать окончательного выбора, но в конце концов в душевных борениях победительницей оказалась младшая — Мария, пленившая его свежестью своего пятнадцатилетнего возраста, хотя и уступавшая по красоте средней сестре Анне. «Вот, — подумал он, — передо мной природная красота дивной розы, я буду любить ее вечно».

Мария стала для него олицетворением той молодости, об утрате которой Пьер так горько сожалел. Одержав над ней победу, он мог бы обмануть скоротечное время. «Обожаю ярко-красный бутон, полураскрывшийся поутру, а не вечернюю розу, сникшую под закатным солнцем, обожаю молодое женское тело цветущей весной», — писал он.

Невежество и трогательная невинность «анжевинской девственницы», как ни странно, не отталкивали ученого поэта, — напротив, приводили в восторг. Она стала для него очарованием, побуждающим позабыть о горькой, беспокойной мудрости книг, о тех безжалостных уроках, которые преподала ему жизнь.

Поэт навязчиво ухаживал за Марией, старался проникнуть в неразвитый по-детски разум, для чего с самым серьезным видом весьма активно принимал участие во всех ее забавах. Помогал ей плести венки из роз и полевых цветов, чтобы природным венцом украсить ее густые каштановые волосы. Однажды, сорвав листочек с зеленого куста плюща, она исколола его булавкой. Направив листок на свет, Ронсар прочитал три корявых слова: «Я люблю тебя». Она, смеясь, убежала прочь, но поэту все же удалось на ходу сорвать нежный поцелуй.

Ронсар снова безнадежно влюбился. Теперь он бывал в Анжу гораздо чаще, чем в Париже. Его друзья негодовали, умоляя его

позабить о «новой губительной привязанности к простой крестьянке».

А простая крестьянка пряла пряжу, распевая на своем «варварском» языке старинные песни. Перед глазами поэта проходили заманчивые идиллические сценки из сельской жизни. Он даже покидает двор, чтобы соединиться с простушкой Марией. Он счастлив. Вдвоем они выгоняют стада на пастбище, в полдень отдыхают под тенью раскидистого дуба, с заходом солнца ведут коров на водопой к журчащему ручью, загоняют их в хлев под звуки деревенской волынки.

Ронсар часто говорил, что давно мечтал о такой жизни, но Мария лишь посмеивалась над незадачливым поэтом-идеалистом.

Чтобы доставить ей удовольствие, он написал для нее утреннюю песню. Теперь ее можно найти в любой антологии французской поэзии:

*Мари! Ленивица! Пора вставать с постели!
Вам жаворонок спел напев веселый свой,
И над шиповником, обрызганным росой,
Влюбленный соловей исходит в нежной трели.
Живей! Расцвел жасмин и маки заблестели,
Не налюбуйтесь душистой резедой!
Так вот зачем цветы кропили вы водой,
Скорее напоить под вечер их хотели!
Как заклинали вы вчера глаза свои
Проснуться ранее, чем я приду за вами,
И все ж поконьтесь в беспечном забытьи,
Сон любит девушек, он не в ладу с часами.
Сто раз глаза и грудь вам буду целовать,
Чтоб вовремя вперед учились вы вставать!*

(Перевод В. Левика)

Его домогательства любви становятся все настойчивее. «Боже, как я люблю тебя!» — восклицал несчастный поэт. «Вы слишком ветрены, слишком непостоянны в любви», — кокетливо отвечала не по годам рассудительная девушка.

Поэту оставалось только вздыхать, — она права, все его жизненные перипетии «написаны пером» в опубликованных поэмах. Однажды, когда он пытался украдкой поцеловать ее, Мария, отпрянув, надула губки: «Отправляйтесь к своей Кассандре, целуйте ее сколько влезет! Почему вам не получать удовольствие в компании светских дам, которых вы возносите до небес, для чего морочить голову простой деревенской девушке?»

Напрасно Ронсар убеждал, что эти дамы несколько не лучше ее, что ими он сыт по горло, что он предпочитает теперь девушек низкого происхождения. Она только качала головой, не веря ни единому слову. Иногда он ужасно надоедал ей своими разглагольствованиями о том, что произнесенные им слова бессмертны, что он своим величайшим искусством, своим несравненным поэтическим даром делает ее неподвластной времени, вечно молодой, превратит в богиню. Но даже не хватавшая с неба звезд девушка

отлично понимала, что все это обычное бахвальство поэта. Тогда Пьер припугнул простодушную крестьянку смертью в посвященном ей сонете:

*Друзья, обманем смерть и выпьем за любовь,
Быть может, завтра нам уж не собраться вновь.
Сегодня мы живем, — а завтра — кто подскажет?*

(Перевод В. Левика.)

— Бессмертие, — возразила трезво Мария, — бессмысленное слово для тех, кто трудится на земле.

Тугой на ухо Ронсар ничего не расслышал и попросил повторить, что она сказала. Тогда озорная девчонка заорала во все горло:

— Говоря о любви, стоит ли кричать?

— Ты права, — согласился он с возлюбленной, — но твой обожатель, чтобы лучше слышать, должен прильнуть к твоим алым губам и поцелуями различать каждое произнесенное тобой слово.

Тем не менее он не умерял своих домогательств.

— У поэтов, — уговаривал ее Ронсар, — в любви существует пять мест, на которых они сосредоточивают все свое внимание, — глаза, шея, губы, зовущие к поцелую, груди и последнее, самое заветное, которое ради приличия именуется «даром милосердия».

Мария, конечно, сразу догадалась, что имеет в виду поэт под такой метафорой. Но вовсе не желала преподнести ему этот «дар». Она, рассмеявшись, отвернулась.

— Почему же ты такая жестокая? — сокрушался Ронсар.

Нет, ей никто не запрещал отдаваться мужчине — ни церковь, ни молва, ни родители. Ее простое крестьянское сердце подсказывало, что отдать себя всю, до конца, другому, можно только испытывая к нему большую любовь, а если этого не хотелось, значит, она не влюблена по-настоящему. Трудно не согласиться с такой логикой.

— Вы мне очень нравитесь, — успокаивала она, — но... Я не могу полюбить вас так, как вам хочется...

Какие жестокие слова для всех жаждущих телесной любви! Но так было всегда на протяжении тысячелетий...

Чтобы завоевать сердце Марии, Ронсар решил опростить свою душу, сделать понятной для крестьян ее поэтический склад. В сонетах, посвященных простолюдинке, он даже вставляет немудреные народные песенки. Великий наследник Пиндара забрасывает свои прекрасные величественные оды и обращается к народной песне. Всем хулителям, упрекавшим его за то, что он оставил свой высокий олимпийский стиль, отвечал, что гордится использованием «низкого языка», так легко ложащегося на звонкую мелодию. Конечно, все свои «эксперименты» он проводил с одной целью — понравиться Марии. И чтобы там ни говорили, Мария не только вскружила голову поэту, но и изменила его творческий стиль, заставила окунуться в фольклор.

Придворные дамы, ознакомившись с его «революционным» подходом к устоявшимся основам поэзии, открыто насмехались над Ронсаром, зло упрекали его в том, что он, «отринув шелковые одежды», погнался за «грубой шерстяной юбкой». Подумать

только, в одном из своих сонетов он даже посмел отречься от целомудрия Петрарки, провозгласив буйство плоти.

Ронсар на самом деле был несчастен в любви. Его гений, его слава не смогли одержать победу ни над благородной Кассандрой, ни над простушкой Марион (так он называл ее в стихах). Напрасно он звал в союзницы Фортуна. Маленькая «анжевинка» оставалась безразличной к любви поэта. И такой неуспех вызывал у тридцатилетнего облысевшего, почти оглохшего поэта с восковым лицом ужасную ревность. Он ревновал ее ко всем. Не стал исключением даже ее врач, о котором упомянул в сонете:

*Ах, чертов этот врач! Опять сюда идет!
Он хочет в сотый раз увидеть без рубашки
Мою любимую, пощупать все — и ляжки,
И эту грудь, и спину, и живот.*

(Перевод С. Шервинского)

Тем временем настойчивость столичного поэта навела местных кавалеров на мысль повнимательнее приглядеться к предмету его воздыханий. Разобравшись в ее чарах, они не обещали ей никакого бессмертия, а лишь полное удовлетворение всех земных желаний. Мария наконец отдала предпочтение одному молодому, яркой внешности джентльмену, обладавшему отличным слухом и не напоминавшему постоянно о том, что напрасно, мол, она дорожит своей красотой, — все равно со временем увянет.

Мария Д'Анжевин наградила соперника Ронсара тем, в чем всегда отказывала ему. Им оказался — Боже, кто бы мог подумать! — его родственник Шарль Писсле, епископ Кондомы и аббат Бургейя. Хорош святоша! Какой оказался охотник до молодых соблазнительных девушек! Возмущенный Ронсар, как и подобает литератору, отомстил ему в своей манере. В очередном издании стихов вымарал несколько лестных строк, посвященных Шарлю.

Расправившись с родственником, он не пощадил и свою возвышенную пассиву. Теперь он повсюду называет Марию монстром, Горгоной, саламандрой, «маленькой хищницей на четырех лапках, напоминающей холодную, юркую ящерицу». Когда прошел бранный запал, Ронсар снова обрел утешение в объятиях своей Музы, а также нескольких «отличавшихся благосклонностью к нему толстухек и тощеньких».

Прощание с Марией оказалось коротким и сердитым.

К этому времени из печати вышли две большие подборки «Любовных стихов к Марии». Большая часть их, конечно, была написана далеко от Анжу, где жила его героиня. Любовные стихи, по его собственному признанию, давались ему легко. Он часто говорил, что любил свою избранницу гораздо сильнее в ее отсутствие, чем тогда, когда она находилась рядом. И это неизменно отражалось на силе его поэтического воображения.

Время — лучший целитель. Ронсар, конечно, находил утешение как для растревоженного сердца, так и для мятежного, постоянно восстающего рассудка. И все же никогда не забывал свою Марию.

Спустя четыре года после тягостной разлуки Пьер узнал, что

Мария готовится вступить в брак со своим кузеном в Сент-Косма (Святой Козьма), небольшом островке реки Луары на окраине Тура. Приором местного древнего аббатства служил его средний брат Шарль. Воспользовавшись этим обстоятельством, поэт решил посетить брата, а заодно принять участие в бракосочетании той, которой посвятил столько любовной лирики.

Ронсар увидел ее, но только издали, так как невесту постоянно окружали плотным кольцом родные и близкие. Но он довольствовался и этим, наслаждаясь ее теперь уже зрелой пышной красотой расцветшей женщины. Когда завершилась торжественная церемония, хотел было подойти к ней поближе, протянуть руку, рассыпаться в комплиментах, но ее злобная мамаша, его заклятый враг, заметив маневр, толкнула дочь в лодку, направляющуюся в Пор-Гийе, чтобы доставить молодоженов домой.

Задумчиво опустившись на песок, Ронсар печальным взглядом провожал быстро растворяющуюся в сумерках лодку.

Но в душе поэт лишь притворялся, что его охватило глубокое отчаяние. С чего бы это? Он совершил прекрасную поездку на благословенный юг, провел несколько дней на малом островке, снова увидел любовь своего сердца. Никакие дурные предзнаменования не заглушали яркого апрельского солнца. (Опять апрель!) Он вырезал имя «Мария» на стволах деревьев. Еще не зная, что на этом крошечном островке посередине Луары ему предначертано Судьбой найти вечное упокоение двадцать пять лет спустя...

Часто в мыслях он возвращался к Марии. Он посвятил ей томную элегию, завершившую новое издание «Любвных стихов к Марии», вышедшее в 1560 году. «Моя дорогая душа, — писал он в предисловии, — пусть грядущий век воспомынет нашу молодую любовь и твою юную красоту, которую я так любил, пусть ее не изгладят годы, пусть она не погибнет, не истлеет в могиле, не оставит по себе ни одной своей яркой искры, а посему я посвящаю тебе самое дорогое во мне, дух своего духа, и он поможет тебе воспрянуть к новой жизни».

Лет через двенадцать один из гостей совершенно неожиданно для Ронсара сообщил ему о смерти Марии. Печальное известие большим горем отозвалось в сердце поэта. Он уже давно остепенился и наполовину стал священником. Итак, Мария умерла, значит, вместе с ней умерла ее Молодость, за которой он гонялся неутомимо, словно Фауст. Значит, умерла и его, Ронсара, любовь. С небольшим, правда, опозданием он посвятил ей сонет «На смерть Марии»:

*О, небо, сколь коварно ты!
Кто б мог подумать, что черты
Ее лица и взор умильный,
Что вел со мной столь сладкий бой,
И жил во мне и здесь со мной —
Отныне только прах могильный?*

*Близ Бога будешь ли цвести,
Или в Элизии, — прости,
Прости сто раз, прости, Мария.*

*Душе тебя не позабыть.
И смерть не в силах разрешить
Узы любви роковые.*

(Перевод С. Шервинского)

И вдруг ему показалось, что с неба до него донесся ее голос:

*Мужайся ты, душа моя, конца усвоив суть,
Тебя здесь ожидаю я, пройдя земной наш путь...*

Глава IV. ЕЛЕНА ДЕ СЮРЖЕР

Отец Ронсара оказался прав — служение Музам не приносит никаких материальных благ, даже великий Гомер в старости выпрашивал подавание на хлеб. Пьер не мог своим талантом или обаянием добиться расположения издателей, так как их в XVI веке попросту не существовало, а магического слова «гонорар», заставляющего в одно мгновение любого барда на час возомнить себя Крезом, в ту пору не было в лексиконе. Рукопись обычно передавалась печатнику, то есть наборщику, и если автор ему нравился, тот мог выплатить ему какой-нибудь пустячок. Среди поэтов считалось низостью требовать денежное вознаграждение за плач сердца. Даже столетие спустя знаменитый французский поэт Никола Буало (1636—1711) любил прихвастнуть, что никогда не получил и сангима за свои превосходные сочинения.

Поэтому литератору для безбедного существования приходилось искать протекции у сильных мира сего, чья рука не скудеет. Но для этого нужно проявить массу привлекательных достоинств, и прежде всего понравиться двору. Ронсар включился в игру, хотя и не без противности. Он отчетливо видел, что скрывается за золоченой мишурой:

*Ужель не видишь ты, как лицемерен двор,
Он в золото одел Донос и Наговор,
Унизил Правду он и сделал Ложь великой...*

(Перевод В. Левика)

Но что поделаешь, необходимо позаботиться о грядущей старости. Ронсар заваливал ворохом хвалебных поэм и торжественных од важных сановников и вельмож. Лишенные вдохновения сочинения оказались настолько скучными, настолько перегруженными тяжелыми, не свойственными французскому языку латинскими оборотами, что вызывали недовольную гримасу на лицах тех, кому посвящались.

Прежде всего это касалось короля Генриха II. Ронсар живо присоединился к хору восторженных поклонников, поклонниц, обожателей и обожательниц и делал все, чтобы его поэтический голос оказался слышнее других. Для чего изобретал фантастические эпитеты и метафоры, не скупясь на лесть. «Король Француз, — утверждал он, — богоподобен. Тебе все подвластно, где бы Ты ни был, от Британского моря до Прованса, от Пиренеев до врат Италии. Ты кашлянешь, и все тут содрогнется!» Вот таким блюдом потчевал Ронсар своего суверена. Но тем не менее поэту удалось добиться расположения монарха, и он часто называл его «своей духовной пищей».

Его поэтические старания не остались незамеченными. В 1552 году Ронсар получил приход в Маролле, в 1554-м — в Ле Мане, в 1555-м и 1556-м — еще два в той же провинции. Вскоре он присоединил к своим владениям и приорат Сент-Косм на островке на Луаре, облюбованный им во время бракосочетания Марии.

Наконец Ронсар получил официальную должность советника короля и ответственного лица за раздачу королевской милостыни. В его единственную обязанность входило ежедневно посещать двор в период с апреля по июнь, за что ему выплачивали солидное жалованье в сто крон.

Пребывая в своем чудном приорате, он получал из Парижа все более тревожные известия. Ему грозила опасность. При дворе объявился новый поэт, метивший в любимцы сильных мира сего. Его звали Филип Депорт, тщеславный мальчишка двадцати четырех лет, сын то ли сапожника, то ли мелкого торговца, но он писал стихи ничуть не хуже Ронсара, и это нужно было признать. Завершив образование в Италии, Депорт приехал в Париж в поисках славы и уже через пару лет фигурировал в списках лучших придворных поэтов наравне с Ронсаром, Реми дю Беле, Баиффом и другими.

Ронсар все еще оставался «принцем поэтов», в этом никто не сомневался, но в последнее время его подолгу не бывало в Париже, так как он занимался делами своих многочисленных приходов. «Где Ронсар? Что случилось со стариком? Уж не умер ли?» — злословили остряки.

Ронсар понял, слава ускользает из рук, нужно предпринимать срочные меры. В августе 1560 года он покинул свой дивный сельский край и вернулся в столицу. Нужно как можно скорее появиться при дворе. Показать всем, что он, Ронсар, все еще остается законодателем в поэзии и никто другой не смеет претендовать на такую роль.

Добравшись до Парижа, Ронсар вновь окунулся в литературную жизнь столицы. Немало времени он проводил в «Академии поэзии и музыки», основанной его старым другом Антуаном де Баиффом. Здесь, в Академии, разрабатывались не только теоретические основы стихосложения и музыки, но постоянно встречались все самые знаменитые поэты его времени — Дора, Жодель, Белло, Понтюс де Триар, Депорт.

Ронсар вместе с другими членами Академии стал частым гостем в самом модном в то время литературном салоне мадам де Ретц, супруги маршала.

Хозяйка дома занимала высокое положение при дворе, числилась официальной воспитательницей королевских детей. Она хорошо разбиралась в поэзии, ораторском искусстве, знала философию, математику, историю. Владела греческим, итальянским, испанским, немного еврейским и часто выступала с торжественными речами по-латыни. Поэты, кормившиеся за ее столом, награждали мадам самыми возвышенными эпитетами, музыканты посвящали ей произведения, которые непременно впервые исполнялись в ее гостиной. Это был изысканный салон, один из первых в стране. В салоне царили платонизм и петраркизм, бесплотное обожание женщины и женственности, все разговор-

вали на изысканном, очищенном от вульгарных выражений французском языке.

Ронсар, отдавший в свое время дань уважения поэзии Петрарки и впоследствии отрекшийся от своего учителя, испытывал в салоне странные чувства — словно к нему вернулась его молодость. Эти люди шли по его стопам, повторяя его ошибки двадцатилетней давности!

Такие мысли обуревали поэта, когда он, вспоминая свою молодость королевского паж, нарочито распаркивался перед прелестными дамами, считавшими такую чопорную формальность пережитком давно минувших дней. Дамы на самом деле были очаровательной стайкой, с именами не менее фантастическими, чем их несусветные наряды.

Там, например, часто бывала Каллипанта, сестра короля, известная всему миру как королева Марго. Появлялась и Пистория — такое галантное имя выбрала для себя герцогиня Наваррская Генриэтта де Клэв. Встречались и Имерея, Статира, Скарита, Фисея, Сигифила, Калитея...

Из всей компании сердце Ронсара задела только одна Статира. И задела надолго. За стенами литературного пристанища мадам де Ретц ее звали Элен, Елена де Сюржер, третья любовь поэта.

Елена была дамой высокого сословия. В середине XV века один благородный испанский дворянин из Галиссии Родерик де Фонсека приехал во Францию, где женился на Луизе де Клермтон, наследнице поместья в Сюржер, в провинции Онис. Его племянник заключил брак с Анн де Кассе-Брисак, и у них родились сын и дочь, которую назвали Еленой. В 1566 году молодую и красивую, с унаследованной от рода Фонсека смуглостью, очаровательным голосом и шапкой густых, черных, как смоль, волос, ввели в королевский двор Карла IX. Она стала одной из фрейлин королевской матери, за что получала весьма солидное жалованье — 200 ливров в год. Эту сумму увеличили вдвое, когда она стала личной камеристкой Екатерины Медичи.

Выделявшаяся даже среди подруг своими знаниями, Елена заслуженно получила кличку «Минерва». Но она отнюдь не казалась педанткой, «ученым сухарем», — напротив, блистала на дворцовых балах и торжественных церемониях.

Она на самом деле была очень красива, ибо в противном случае ей никогда бы не пленить такого избалованного женскими чарами поэта, как Ронсар. «Корявое тело скрывает уродливую душу», — говаривал он. У всех поэтов вошло в моду воспевать в своих стихах Елену, и если верить им, то ее нежность, привлекательность, точеные формы могли войти в легенду.

Хотя Елене еще не исполнилось двадцати лет, ее лик уже был отмечен печатью неизбежного горя. Обрученного с ней капитана королевской гвардии Жака де-ла-Ривьера убили в ходе военной кампании 1569 года. После гибели жениха она по собственному выбору носила траурные, большей частью темно-серого цвета платья, удивительно гармонировавшие с призрачной бледностью ее лица с чуть проступающим оливковым оттенком. Она была анемична, часто болела и постоянно мерзла, даже в августе. Девушка словно давно превратилась в бесплотный дух, в ее лице

не было ни кровинки. Самой большой чести удостоивался тот кавалер, которому она позволяла пожать свою холодную руку.

По его признанию, он начал ухаживать за Еленой в саду Тюильри, где та предавалась мечтам, стоя у фонтана среди зеленых рошиц и прислушиваясь к говору журчащего ручейка. Ронсар не хотел в нее влюбиться, — старое сердце уже не билось столь безрассудно, как в молодости. Просто намеревался пообщаться с образованной светской дамой, немного отвлечь ее от грустных мыслей и тяжелых воспоминаний о недавней горькой утрате. Подойдя к ней, долго и страстно описывал охватившие его чувства, когда однажды он на мессе в храме заметил, как из ее прекрасных глаз покатались слезы.

Впоследствии такие беседы у фонтана превратились чуть ли не в ритуал. Сердце поэта упрямылось всякой любви — ведь последние несколько лет оно было свободно от ее пут. Он мог, конечно, написать в честь Елены несколько сонетов, чтобы унижить противного вертопраха Депорта. Но может ли при этом оставаться уверенным, что сам не падет жертвой своих поэтических любовных признаний? Разве ему мало любовных мук в прошлом? Но, с другой стороны, страдания не лучше ли безразличия и бесчувственности? Нет, нельзя расслабляться, нельзя терять бдительности, не зная наверное, куда все это приведет.

К тому же у него по горло других дел. Он активно работает над монументальным сочинением «Франкиада», национальной эпопеей Франции, должной прославить страну на века. Задумал ее давно под впечатлением от прочитанной «Илиады» Гомера. По его замыслу греческая предсказательница Кассандра, войдя в транс, должна рассказывать о странствиях мифического героя Франка, сына Гектора и Андромахи, который после окончания Троянской войны пробрался в Галлию, где основал Французское королевство и его столицу — Париж. К 1572 году уже составлены первые четыре книги из предполагаемых двадцати четырех — почти шесть тысяч строк, написанных тяжеловесным александрийским стихом. Летом в печать отправлен очередной том.

В воскресенье, 24 августа, отмечался день Святого Варфоломея. Королева-мать на государственном совете приняла наконец решение свести старые счеты с протестантами. Раненого накануне их вождя Гаспара де Колиньи велели прикончить. Это оказался сигнал для парижской черни к выступлению. Началась дикая кровавая расправа над религиозными противниками. Сам король, войдя в раж, убивал из мушкета беглецов из окна Лувра и вопил: «Убивайте! Убивайте! Убивайте!» За три дня и три ночи на парижских улицах осталось лежать более четырех тысяч трупов. Ронсар нигде в своих стихах не упоминает об этих страшных позорных днях. Ему нечего было сказать. Он не стал, подобно знаменитому придворному поэту Дора, воспевать резню. Варфоломеевская ночь стала и для него самого катастрофой. Всего несколько дней назад вышло еще три тома «Франкиады», но сейчас после бурных событий всем было не до эпопеей, никто не мог ее ни прочитать, ни оценить по достоинству. Король за его труды выдал щедрое вознаграждение в 600 ливров, но поэт нуждался не в деньгах, а в широком народном признании. «Франкиада» роди-

лась мертвой в момент, отмеченный общенациональной трагедией. Задуманный гигантский труд так и остался незавершенным, но, может, все и к лучшему, так как, по мнению многих специалистов, это сочинение вызывает зубодробительную скуку. Поэма не имела успеха, а Франк так и не стал национальным героем.

Его провал и связанные с этим переживания, как ни странно, лишь разжигали страсть к Елене. В общении с ней находил утешение от разочарований и невзгод. Хотя он сам датирует начало своего «нового рабства» 1570 годом, Ронсар, судя по всему, до 1572 года не предпринимал никаких энергичных действий с целью завладеть сердцем красавицы. Лишь часто из укрытия наблюдал за прогулками Елены, стараясь не прерывать ее созерцательного настроения. Он испытывал перед ней вполне понятную робость. Ему уже за пятьдесят, искусство эскулапов бессильно, оно не может остановить разрушения временем.

Наконец Ронсар решился. Беседуя с ней у фонтана в Тюильри 1 мая 1572 года, он поклялся в этот день посадить дерево. От проицательной Елены не ускользнул намек — в первый день мая сельские жители обычно высаживают деревья в честь любимой или любимого.

*В сей первомайский день, Елена, вам клянусь
Кастором и Поллуксом, родными близнецами,
Плющом, лозой, столь обожаемыми вами,
Зелеными дугами, вызывающими грусть,
Священною весной, сей дочьерью природы,
Песком, что устилает дно ручья,
Ордой всех соловьев, чарующих меня,
Что больше не найду иного чувства всходов.*

(Перевод авт.)

Выслушав клятву, Елена вполне резонно заметила, что он в таком случае должен подтвердить ее полным отказом от всех своих прежних привязанностей. Он тут же принес Елене в жертву и Кассандру, и Марию:

*Кассандра и Мария, пора расстаться с вами,
Красавицы, свой срок я отслужил для вас,
Одна жива, другой был дан лишь краткий час,
Оплакана землей, любима небесами.*

(Перевод С. Шервинского)

Они подолгу говорили о цветах, которые Елена не только обожала, но и старательно изучала их латинские названия, целебные свойства. Говорили о поэзии, обсуждали последние сочинения поэта. Елена призналась, что ей по душе его печальные песни и куда больше нравится меланхолическое настроение, чем оживленность и галантные манеры. Зная ее склонность к меланхолии, Ронсар точным щипком находил нужную струну. Задумчиво вспоминая светлый образ погибшего возлюбленного Елены Жака де-ла-Ривьера. Сопровождал любимую на кладбище. Елена, убирая могилу цветами, тяжело вздыхала и плакала, утверждая, что смерть вырвала у нее кусок жизни. Ронсар, вторя ей, клялся, что тоже скоро умрет, так как презирает жизнь и обожает смерть больше всего на свете.

Возле того же фонтана он откровенно признался ей в любви. Его благосклонно выслушали, не прерывая поэтически окрашенных излияний страдающей души. Вспоминая ту благословенную минуту, он впоследствии писал, что «сладость неизъяснимая проникла ему в жилы, и он почти терял сознание от испытываемого наслаждения».

Елена позволяла ему кое-какие вольности. Разрешила посещать ее в покоях на самой верхотуре Луврского замка. И он по утрам ожидал ее пробуждения, приветствуя его своими гиперболическими стихами, восхваляя тот день, когда она «подарила ему ярко-красную шелковую нитку». Затем, отхлебнув чая, она передавала ему чашку с «плавающей в нем долькой своего сердца».

Он обращался к ней в стихах, где преобладал жеманный перегруженный деталями стиль, тот самый, с помощью которого придворные поэты пытались скрыть свою физическую страсть к возлюбленной. Он изнывает от любви и становится все более настойчивым. Иногда в присутствии соблазнительной девушки у стареющего поэта вырываются строчки, слишком красноречиво свидетельствующие о разгорающемся в нем отнюдь не петрарковского любовного пламени:

*Я мог бы вас поцеловать в полураскрытость губ,
Сказать о боли вам, обвинив руками-близнецами,
И ощутить сполна сердечных пеньев труб,
Сиянье глаз и кожи перламутр, выказываемые вами.*

(Перевод авт.)

Такие намеки, такая манера ухаживания нравились ей все меньше. И все меньше нравились его сонеты, в которых он дотошно описывал, как при мысли о ней каждую его вену, артерию, каждое сухожилие, нерв охватывает любовная лихорадка. Зачем кричать, целуя ей руку, что от нахлынувшей страсти он готов потерять сознание? Зачем столь неudelикатно указывать на целующихся голубей? Она этого не понимала. «Во всем вы должны винить не меня, а вашу неземную красоту», — неизменно отвечал на ее упреки поэт. Как волновала вдруг обнаружившаяся в нем способность к любовному пылу! Прошлая безответная любовь его так ничему и не научила.

Теперь Ронсар преследовал Елену повсюду, на виду у всего двора, вызывая у нее недовольство своей рыцарской верностью. «Да будь он хоть сто раз поэтом, — убеждала она себя, — но ведь он смешон в глазах окружающих — глуховатый, седовласый, со своими шумными восторгами». Елена тоже чувствовала себя всеобщим посмешищем. Он ей нравился, но лишь наедине, когда она, наслаждаясь своим наркотическим кокетством, не позволяла ему заходить слишком далеко. И терпеть не могла, когда он воспринимал ее игру всерьез. Но Ронсар проявлял невероятно стойкое упрямство, поражая ее поэтическими находками. Однажды, когда они стояли, разговаривая, у окна, на нее упал солнечный луч и тут же погас.

— Солнце захотело поглядеть на вас, но, ослепнув, ретировалось! — прокомментировал он.

— Солнце ужасно надоедливо, — отпугнулась Елена. — Я отдаю предпочтение вам...

Не почувствовав тонкий иронии, поэт взлетел на седьмое небо от счастья.

Их натуры, нужно признать, были крайне далеки друг от друга. Темперамент Ронсара основывался на чувственном опыте сладострастных поэтов Греции и Рима, а Елена находила объяснения сокровенным чувствам в рассудочном платонизме. Она верила, что красота земная порождается истечением божественной гармонии, а истинная, чистая любовь достигается соединением двух духовных сил, высвобождающихся из грубых тел мужчины и женщины и тем самым разрушающих их самих. Земная любовь — лишь временное состояние, она развивает в человеке такие духовные качества, которые необходимы только для последнего ее этапа — вечной любви, проявляющейся в созерцании Бога. Когда Елена с горящими от волнения глазами излагала ему в своем понимании платоновскую доктрину любви, Ронсар лишь недовольно похмыкивал.

Он хотел переубедить ее, не понимая, что это ему не удастся. Она действительно была холодна по природе.

— Я — смесь серы и селитры, а вы — лишь обжигающий лед! — упрекал поэт Елену.

Для Ронсара любовь была самым главным на земле, для Елены — чем-то противным и уродливым, тем, что бросает грозный вызов ее целомудренной душе.

Однажды, когда они стояли возле окна в Лувре и смотрели на рифленые крыши Парижа, уходящие волнами вдаль, до самого Монмартра, на королевский монастырь с разбросанными за ним по крутому склону зелеными полями, она призналась, что думает об уходе в монастырь. Ронсар тут же откликнулся сонетом:

*Вы, милая, сказали, стоя у окна,
Не отводя очей от прелестей Монмартра,
Что унеслись бы в монастырь в низовья Сартра,
Куда бы улетел и я, чтоб не были одна!*

*Горение любви пронзит убогую обитель,
Любовь в пустыне, как и в городах, угодна Богу,
А вы от силы Божьей трепещите!
И ни молитвы, ни посты вам не помогут.*

(Перевод авт.)

Елена, конечно, никогда серьезно не думала об уединении в монастыре. Ей нравились пышное великолепие двора, шумные, роскошные празднества. Больше всего на свете она любила танцы, но не ради бессловесного любовного общения с помощью грациозных движений с партнером, а ради них самих. Она превосходно танцевала и всегда принимала участие во всех балетных постановках как в Тюильри, так и в самом дворце. Затаив дыхание, Ронсар часто наблюдал, как Елена кружилась в танце.

Прошло еще одно лето, еще одна зима, но расчетливая дистанция между ними не сокращалась. Елена, не обращая внимания на вздохи вконец расстроенного поэта, продолжала веселиться и танцевать на маскарадах, надевая маску не только на лицо, но и прикрывая ею сердце.

Весной 1574 года произошло важное событие, сильно взволновавшее нашего поэта. Король Франции Карл IX, подточенный целым «букетом» болезней, слег и уже не поднимался с постели. Его не покидали кошмары пережитой жуткой Варфоломеевской ночи. На своем ложе он, рыдая, причитал: «Нянечка, дорогая нянечка! Сколько крови я вижу! Сколько убийств! Что делать? Я чувствую, конец мой близок...» Он умер 31 мая в возрасте 24 лет.

Смерть короля, его патрона и защитника, сулила Ронсару настоящую катастрофу. Наследник трона, брат Карла, Генрих, бывший польский король, а теперь король Франции, явно отдавал предпочтение более современным стихотворцам и наверняка привезет с собой из Кракова смазливый любимчик, его давнишнего соперника Филипа Депорта. Тот, несомненно, постарается заполучить все поэтические придворные лавры. Такие мысли и скорбь по венценосному другу постоянно настраивали Ронсара на грустный лад.

В этот тяжелый период жизни поэта как никогда прежде успокаивала любовь к Елене, рассеивала дурные пречувствия. Она теперь жгла, как расплавленный свинец, а поэмы жарким потоком текли из страдающего сердца. «Я написал эти сонеты, — признавался он, — в тот месяц под несчастной звездой, когда умер мой юный король. Любовь и Смерть боролись во мне, и я испытывал двойную боль — от холодной строгости моей дамы и от скорби по обожаемому монарху. Мне все приносит несчастья, как живое, так и мертвое. Один любит горькое раскаяние, другой — слезы. В конечном счете Любовь и Смерть — одно и то же...»

После душевного кризиса их взаимоотношения с Еленой вошли в более спокойное, более благотворное для обоих русло. Этому способствовала и долгая, почти годичная разлука. После смерти второго сына Екатерина Медичи со своим двором и, естественно, с фрейлинами отправилась в поездку по стране. Теперь ни его, ни Елену не раздражали повседневные встречи, взаимные упреки и обиды. Ронсар в отсутствие возлюбленной, в томительном ожидании ее возвращения, отдавался поэтической Музе, а Елена, как всегда, холодной умозрительной любви. С юга она присылала ему милые, обворожительные письма, пространно рассуждая о сущности любви. Присылала и подарки — веточку тополя, сладкие плоды граната, а он, выковыривая зернышки, равнял их число с числом своих горестей и напастей. Если она передавала ему лимон или апельсин, то он, пронизав их веревочкой, вешал на шею и носил повсюду, покуда плоды не сгнивали от жары.

Пользуясь частыми отъездами двора, он посещал свои аббатства, особенно приход в Круа-Валь. Там в одиночестве страдал по Елене. В ее честь посадил маленькую сосенку, вырезав на корне деревца их имена с символом любви — пронзенным стрелой сердцем. По этому поводу он написал целый цикл воздушных сонетов и несколько поэм. В одном из них призывал фавнов лелеять древо Елены, лето — не губить его своими жаркими лучами, а зиму — не морозить стужей. Он призывал пастушка, играющего на свирели из овсяной соломки эклогу, ежегодно отмечать день рождения дерева, опрыскивать его листочки молоком и кровью заклан-

ного ягненка, приговаривая при этом: «Вот сосна, священное дерево Елены». В ее честь он назвал близлежащий родник со студеной водой и написал по этому случаю несколько журчащих, как и его вода, стихотворений:

*Чтоб по земле прошли слова твоих хвалений,
Как в небо на коре возносит их сосна,
Я, всех Богов призвав и возлив вина,
Источник посвятил тебе в укропной сени.
Пастух, здесь не паси, сгоняя из селений,
Курчаво-белых стад, но да цветет одна
Здесь утренних цветов прелестных пелена,
Пусть знают, что родник сей посвящен Елене...
Кто вышьет от него, — пусть любит непременно,
И пламя жаркое из влаги пусть вдохнет,
Какое сердце мне сжигает сокровенно.*

(Перевод С. Шервинского)

Елена так растрогалась этими стихами, что даже решила поставить возле «своего родника» мраморный памятник в честь любви к ней великого поэта. Проект, правда, так и остался проектом, но неожиданно родник стал местом паломничества всех возлюбленных и почитателей замечательного творчества поэта.

(В 1924 году, когда весь мир отмечал 400-летие со дня рождения Пьера де Ронсара, сюда, к роднику, приехала труппа театра «Комеди Франсэз», и в течение двух дней тихую заводь оглашали звонкие стихи поэта в исполнении ведущих артистов.)

Ронсар вернулся в Париж, и их мучительная, терзающая, отстраненная близость возобновилась. Когда поэт забывал о своем мужском эгоизме, о грубых, не вяжущихся с чистой любовью желаниях, то трудно было для любой женщины, не только Елены, найти более очаровательного, более пронизательного собеседника и компаньона. В такие минуты Елена настраивалась на шуточный, веселый и озорной лад. Посыпала его голову и бороду пудрой, пропитанной нежными запахами Кипра и Индии. Связав для него венок из мирта и водрузив ему на голову, воскликнула: «Теперь вы будете моим поэтом и будете писать только для меня!» Венок задрожал от охватившего поэта восторга.

Когда он заболел лихорадкой, она, присев на краешек кровати, одним взглядом поставила его на ноги. «Ну какому эскулапу такое под силу?» — умилялся Ронсар.

С ее разрешения он снова приходил к ней рано утром, наблюдал за ее пробуждением, за тем, как встает она с постели. Перехватывая взглядом мелькнувшую лилово-розоватую грудь, мгновенно погружался в любовный транс. Он написал прекрасный сонет о ее сосках, назвав их «молочными лужайками». Ему позволялось присутствовать при ее утреннем туалете, и он свободно мог любоваться темно-каштановыми прекрасными волосами, ниспадающими до самых пят. Все эти волнующие привилегии лишь умножали его бессонные ночи. Елена, которой скорее льстила, чем волновала брызжущая искрами накаленная страсть вандомца, оставалась недоступной любовному горению, она предлагала ему в любви то, что могла, то, к чему побуждал ее вялый темперамент.

Однажды после особенно теплого, сердечного вечера, проведен-

ного наедине с поэтом, Елена, подчиняясь нежелательному пронзительному импульсу, уступила его домогательствам. Крепко обняв ее, он осыпал Елену жаркими поцелуями. Когда, попрощавшись, Ронсар уходил, она сказала с притворной страстностью:

— Я люблю вас, Ронсар, но лишь по воле Судьбы. Небо заставляет меня любить вас. Ни ваши знания, ни ваша незаурядная личность, ни ваш бредущий по осени жизни возраст, ни ваша душа. Это всего лишь несправедливая, проявляемая небом жестокость. Я хотела бы вас забыть, но, увы, не в силах этого сделать. Это — фатум.

Поэт был вне себя от радости, несмотря на всю желчность, которую Елена умудрилась вложить в свои милые объяснения. Тем более что, кроме поцелуев, она ничем его больше не наградила. Исследователи располагают вполне достоверными данными ею впоследствии свидетельствами по поводу строго охраняемого до конца жизни своего целомудрия.

Поэт в любви становился безрассудным, как простодушный мальчишка. Он мог подолгу выслеживать ее на лестнице, чтобы только увидеть, как возлюбленная проходит мимо. Однажды при ее приближении его так свело судорогой любви, что он чуть не свалился с лестничной площадки. Елена приветливо помахала ему рукой.

— Не сделай она того, — потом искренне признавался поэт, — я бы непременно умер в тот момент!

И снова первого мая, в день всех возлюбленных, он клялся. Клялся Кастором и Поллуксом, клялся лозой, обвивающей стан вяза, оцетинившимися зеленой травой лугами, хрустальным перезвоном ручья, всеми возвышенными словами на свете, что она, Елена, будет его последней большой любовью.

Кажется, это оказалась единственная клятва в верности, которую он на самом деле сдержал. Елена поклялась ему в том же, сидя за столом, украшенным гирляндой из лавра, зеленым символом вечности.

Но, как известно, боги клятв не принимают. Елена вскоре пошла на клятвопреступничество. Ей показалось, что восторги пожилого Ронсара докучливы и к тому же компрометируют ее в глазах двора. Поведение любимой вызвало у поэта новые упреки, а его нудные жалобы у нее — приступы гнева. Теряя самообладание, Ронсар неосторожно сказал о том, что его всегда мучило.

— Когда я влюблен, то бодрится мой дух, упругим становится слог, полет воображения выше, Муза крепчает. Поэтому я обязан любить ради своего рассудка, зачинать детей от слова, прославлять свое имя за счет мучительных терзаний сердца. Мог ли я для этого избрать лучший объект, чем тот, который вселял радость и чувственность в Гомера, — божественную Елену, средоточие всех добродетелей?

Пораженная его признанием, Елена с возмущением бросила:

— Ах вот оно что! Выходит, для вас любовь — подобие духовной гигиены?

Замешательство Ронсара сменилось яростным негодованием.

— Ну почему мне не покончить с этим ярмом, вызывающим повсюду только смех? — возмутился он. — Вы любите меня только

из-за моих песен. Мои волосы еще не настолько побелели, чтобы я не мог найти другую девушку, которая с радостью займет ваше место.

Что на такой вызов могла ответить любая девушка, даже не столь одаренная, как Елена? Последовала трехмесячная ссора. Но стоило как-то невзначай Елене улыбнуться ему, как поэт сразу растаял. Наступило радостное примирение.

Ронсар прекрасно понимал: все его ухищрения безнадежны. Для чего же напрасно тратить время, изводить остаток зрелых лет? Он не мог дать на этот вопрос вразумительного ответа — тому постоянно мешала разгоравшаяся лихорадочная страсть к той, чья привязанность все ослабевала.

Его мучения, конечно, не могли не отразиться на его здоровье. Однажды, когда брадобрей пустил ему кровь, в комнату вошла Елена. Она с любопытством рассматривала тазик.

— Какая черная у вас кровь! — воскликнула она, улыбаясь.

Больше прелестница не произнесла ни слова, хотя, вероятно, и понимала, что это она попортила немало крови изнемогающему от любви поэту. «Если я выздоровлю, то порву с этой каторжной любовью!» — дал он себе зарок.

Елена постоянно досаждала ему, совершая неблагоразумные поступки. Он принимал их за проявление полного к себе пренебрежения и очень мучился этим. Но она так поступала только потому, что считала себя абсолютно свободной женщиной и не желала связывать себя его капризами.

Пообещав ему подарить локон своих волос и портрет, так и не сдержала слова, будучи занятой чем-то другим. Она вообще о нем не думала, когда его не было рядом, и он знал об этом. Елена часто уезжала из Парижа, не оставив для него даже записки. Ради умирения ноющего сердца он убеждал себя, что все его предположения ложны, но от такого притворства легче не становилось. Чем больше отчаивался, тем становился настойчивее.

— Почему, почему, — горячо убеждал ее, — почему вам не уступить моей маленькой просьбе? Чего вы боитесь? Чего стыдитесь?

В ответ она что-то лепетала о постоянстве и девичьей чести.

— Все это жульничество, глухой обман, изобретенный нашими просвещенными отцами, пустые слова, позволяющие нам отметать самые восхитительные дары матери-природы! Вы тем самым наносите оскорбление своему полу, обманываете его. Вы искусственно сдерживаете свои чувства, насильно подавляете в себе желание, прикрываясь строгостями закона. Закон — уловка для дураков, а меня никогда не удастся провести вокруг пальца, меня представление об истинном на ложное!

— Истинном? — переспросила Елена. И решила высказать ему все до конца, откровенно, холодным, ровным тоном.

— Нет, не закон сдерживает меня, не страх, не почитание богов, никакое иное принуждение. Просто я не получаю никакого удовольствия от этого. Тело мое холодно от природы. Я далеко не сладострастная Венера. Я питаю отвращение к подобным забавам, любовные утехы для меня — яд! Короче говоря, я не желаю.

— Боже, так говорить может только королева, — взвился Рон-

сар. — Я не желаю, мне не доставляет это удовольствия, я требую исполнения своей воли! Вы охотно распространяетесь на любовные темы, но немедленно отступаете перед самой любовью. Душа без тела — ложное представление, голубая мечта. Любя только разум, вы попадаете в вакуум, летите навстречу крушению, как Икар. Вы обожаете только одноцветный серый холст, лишенный красок. Мадемуазель, любить рассудок означает любить безумие. Какая польза в том, чтобы постоянно говорить о любви и не отдаваться ей? Можно ли видеть солнце и не любить его тепло?

И тут разгневанная Елена произнесла непростительные слова:

— Если вы так считаете, то почему бы вам не найти какую-нибудь готовую на все потаскушку и не облегчить с ней свои страдания? Посетите известное заведение мадам Жанны под хмельком, и все будет в порядке! Я вам разрешаю.

Возмущенный Ронсар, чуть не задыхаясь от негодования, обратил весь свой яростный гнев на свою возлюбленную.

— Нет, вы меня не любите, — закричал он. — Стрела любви задела лишь краешек вашего сердца. Если бы она поразила цель, то ваше сердце охватил бы пламень, оно само превратилось бы в комок пылающей серы. Вы бы ревновали мою тень. Вы следовали бы за мной повсюду, беснуясь от язвущего любовного пыла, от похоти, неистовства и страсти. Вас приводила бы в ужас мысль о возможности потерять меня. Нет, ваша любовь — ленивая лошадка, она никогда не понесет вас галопом. Ваша любовь — любовь двора, но там мало огня, зато полно дыма.

Это был конец. После долгих лет добровольного рабства Ронсар наконец сбросил с себя тяжкие цепи. Он отрезвел.

«В разгаре следующих одна за другой войн, в это утратившее веру время, разве не верх глупости — писать о любви? — сокрушался поэт. — Как я могу, посевший, большой человек, полагаться на законы любви? Боги, благодарю вас за прозрение. Любовь — неистовая страсть, превращающая свои жертвы в слепцов, в маленьких детей, безумных, как и она сама. Вина мне, паж, вина! Прощайте, все заботы, все огорчения, больше такой жизни у меня не будет! Жить без удовольствий все равно, что жить наполювину погребенным. Природа и без того несет нам немало бед, зачем гоняться за другими? Голым пришел я в этот мир, голым его и покину. Какой толк в слезах? Они лишь наполняют сердце вечной мукой. Вино прогонит все печали. Я победитель над любым страданием, когда вино — мой секундант!»

«Я слишком долго воспевал любовь без всякой награды. Пусть послужит впредь вам тот, кому охота. А я ухожу. Но я твердо знаю — ни один галантный кавалер на свете не услужит вам лучше меня».

Как и подобает поэту той поры, когда на горизонте Средневековья лишь забрезжил рассвет Ренессанса, он прибег к черной магии церемонии уничтожения прошлой любви.

Вместе со своим пажом он отправился в Мон-Валерьен к тому гроту, в котором, обливаясь слезами, пережил столько любовных страданий. Сорвав пару веток с куста можжевельника, опрыскал их ладаном, развел небольшой костер. Паж по его знаку, развязав мешочек, вытряхнул на языки огня перчатки Елены, ее портрет.

локон волос. Туда же полетели разорванные клочки ее писем.

Но предстояло еще одно прощание. На сей раз с любовью, той любовью, в тенетах которой он утратил не только рассудок, но и исковеркал себе всю жизнь. Приведем его горькие слова отречения.

«Несчастлив тот, кто доверяет этому обнаженному ребенку с крыльшками за спиной — Амуру. Я хотел припасть к сосцам нежной юности, из-за любви горячая кровь мутила мне рассудок, меня глодала самонадеянность, темная лень портила бодрый дух, утомляла погоня за тщетными, растаивающими, как дым, радостями бытия. Кассандра восхитила меня, Мария пленила, и вот теперь я, седебородый придворный бард, вновь потерял голову, запамятавав, что любовный жар — тот же огонь от вспыхнувшей соломинки».

К счастью, все великие поэты умеют со временем вырабатывать в себе противоядие от беспросветного, казалось, отчаяния. Пусть утрачена любовь, пусть все потеряно, но остается увлечение, остается главная страсть — поэзия! Ронсар, одаривая Елену окропленными каплями крови своего поэтического сердца сонетами, не забывал сохранять копии. Вот их-то он не разорвал, не бросил в огонь вместе с ее посланиями. В издание избранных стихов 1578 года он включил две книжки любовных стихов — «Сонеты к Елене».

В этом цикле Елена достойным образом предстает в идеализированном свете — она чиста, возвышенна, целомудренна и неприступна. Но некоторые стихи были далеки от идиллической картины. В одних сквозила откровенная интимность, в других он прославлял телесную любовь, говоря о своих желаниях, в третьих вспоминал о ее минутной полусдаче, в четвертых рассказывал о холодности ее лишнего темперамента тела с божественными формами. Он мог бы, конечно, их не публиковать, но такая жертва казалась выше его сил. Понимая, какую реакцию это вызовет у его героини, он придумал редкостную по своей бестактности уловку, повторив, по существу, ту же проказу, что и с Кассандрой. Не вызывает сомнения, что она диктовалась острым желанием отомстить. После разделов, посвященных любви к Кассандре и Марии, он под рубрикой «Прочие любви» поместил экстравагантные эротические стихи, посвященные безымянным давно забытым юным распутницам. Приведем из них только один сонет, далеко не самый откровенный. Он называется «Амуретт».

*Пока свой лед кует зима седая,
Давай с тобой мы греться, дорогая,
Не возле дров, под воющей трубой,
Но меж себя, вступив в любовный бой.*

*Вот, сидя здесь, на этом мягком ложе,
Целуй меня, тянись губами тоже,
Тесней мою сожми руками грудь
И матушку на время позабуди.*

*Позволь куснуть твой сосцы нагие,
За нитью нить власы развить тугие,*

*Не надобно, когда хотим играть,
Как в воскресенье, косы убирать.*

*Я говорю, что буду прикасаться
К твоим грудям. Не станешь опасаться?
Не убегай же молча, — вижу я,
Что не страшна тебе моя рука.*

*Нежнейший я насильник в миг желанья.
Уж падаешь? Как будто бездыханна?
Какой восторг вдруг овладел душой!
Ведь сделай я не так, ты надо мной*

*Смеялась бы одна в своей постели,
Ну — свершено все то, чего хотели...
Начнем же вновь, чтоб в лучшие года
Столь сладкий бой нас согревал всегда.*

(Перевод С. Шервинского)

Он восхвалял животы, пупки, лоно, груди, ягодицы, липкие поцелуи в тесных и душных будуарах. В середине этой вакханалии он вставил строгие, чистые стихи о возвышенной любви к Елене. Разумеется, он не упомянул ее имени, поставив лишь инициалы Е. С. в надежде, что она не догадается, — мало ли имен с такими инициалами?

Но мудрая Елена сразу догадалась. Она страшно разгневалась, что ее отвергнутый поклонник, злорадствуя от души, посмел поместить ее в компанию шлюх и потаскух. Она очень дорожила своей незапятнанной девичьей честью.

Через несколько лет, узнав, что Ронсар готовит новое издание этого сборника, она в отчаянии обратилась к Скеволе, их общему приятелю, принимавшему участие в подготовке нового сборника, с просьбой вмешаться.

Написав по этому поводу Ронсару, тот получил от него сухой ответ: «Дорогой друг! Как верно заметил Аристофан, какая тягость служить умному хозяину. Следуя этому афоризму, хочу заключить: какое несчастье служить возлюбленной, которая ничего не смыслит в поэзии. Поэтому, месье, умоляю вас не обращать внимания на просьбы мадемуазель де Сюржер и не добавлять, равно как и не изымать, ничего из моих сонетов. Если они ей в силу каких-то причин не нравятся, то пусть она оставит их в покое и не забивает ими себе голову». Когда до него дошли слухи, что хитроумная Елена в ответ на твердое обязательство не публиковать посвященные ей сонеты готова поставить памятник у «ручья любви», Ронсар написал другу: «Если она на самом деле хочет поставить мраморную плиту или изваяние возле родника, то на это ее воля. Но, как известно, все женские обещания живут лишь один день. Но прежде всего они настолько скупы, что никогда не потратят из своего кошелька и кроны на благородное дело. Можете показать ей мое письмо, если пожелаете. Ваш покорный слуга, всегда готовый к услугам Пьер де Ронсар.

Круа-Валь, 5 июля 1576 года».

Сам он сдержал клятву. Сделал ее знаменитой. Посвященными Елене сонетами зачитывались все, не только королевский двор. Екатерина Медичи хранила с них списки с не меньшим благоговением, чем сама Елена.

Ронсар — уже в который раз! — доказал свое превосходство над своим постоянным соперником, несносным парвеню Филипом Депортом! Он радовался новому взрыву своей популярности, а Елена постоянно опасалась, как бы он не выкинул еще чего-нибудь, что могло бы повредить молве о ее свято хранимом целомудрии.

Ее опасения не развеялись и после смерти поэта. Через несколько лет, когда началась подготовка к печати мемориального сборника его сонетов и поэм, Елена в салоне мадам де Ретц подошла к другу Ронсара, кардиналу Перрону.

Она убедительно просила священнослужителя предварить цикл стихов «Сонеты к Елене» письменным доказательством, что Ронсар никогда ее не любил постыдной, греховной любовью. Кардинал, оскорбившись за светлую память умершего друга, бросив на просительницу язвительный взгляд, ответил: «Вместо такого предисловия достаточно поместить ваш портрет!»

Перечитывала ли она потом стихи Ронсара, раскаивалась ли, что отказала ему в физической любви, — мы не знаем. Но проникательный поэт все заранее предсказал в великолепном сонете, который теперь зубрят в школе все французские мальчики и девочки.

*Старухой после медленного дня,
Над пряжей позабывши о работе,
Вы нараспев стихи мои прочтете, —
Ронсар в дни юности любил меня...*

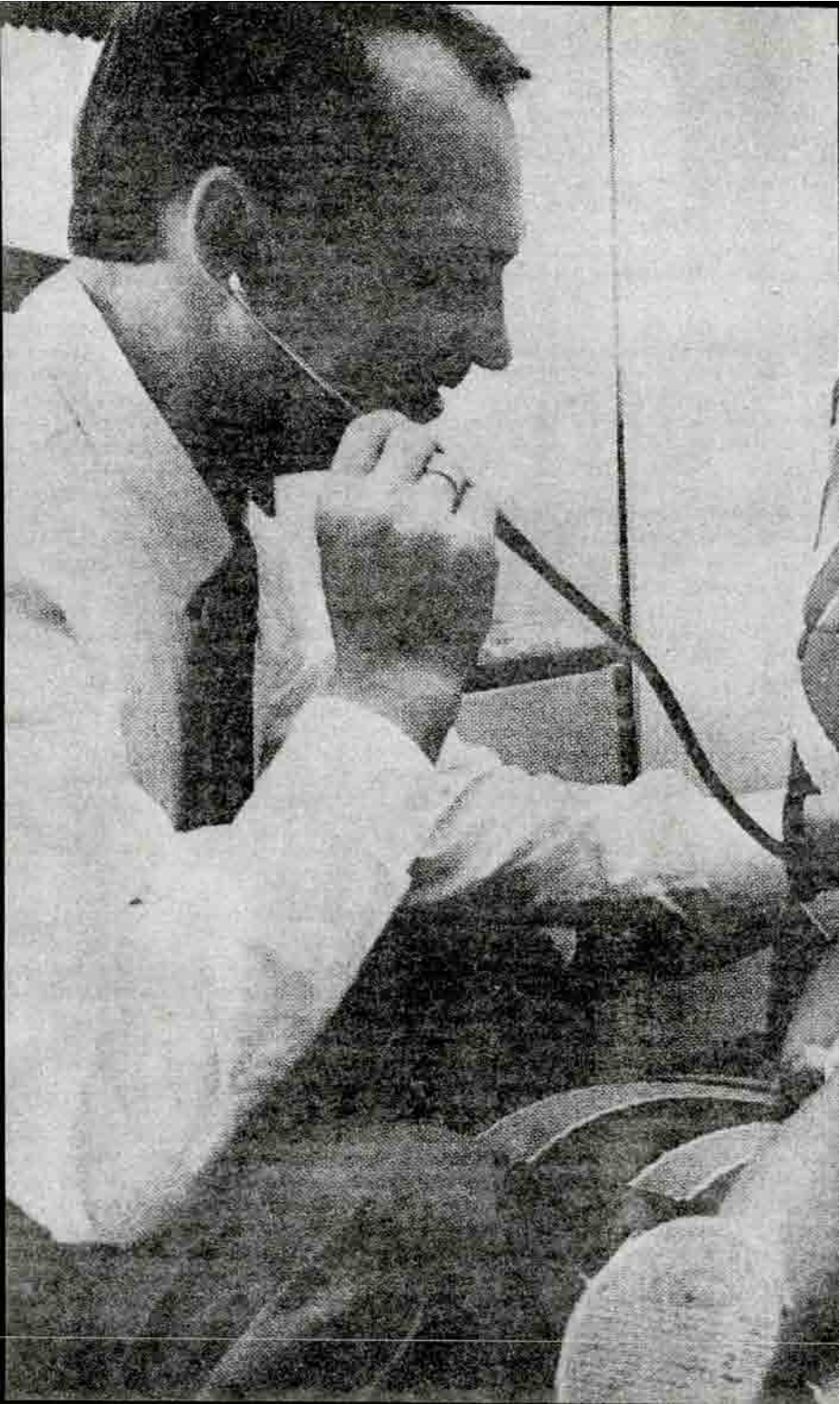
*Окликнете — ответить не сумею,
Я буду мертвым, под землей истлею,
И прежде вы скажете, грустя:
«Зачем его любовь я отвергала?»*

*Вот роза расцветает, — час спуста
Ее не будет, — доцвела, опала.*

(Перевод И. Эренбурга)

«Сонеты к Елене» стали и выражением совершенства его зрелого поэтического дарования. Никому из французских поэтов вплоть до нового расцвета французской поэзии в XIX веке не удалось добиться такой звонкой выразительности, такой ярко окрашенной эмоциональности стиха, — на то он и «принц поэтов»!

«Сонеты к Елене» заставили трепетать великое множество сердец, не затронули они по-настоящему лишь одно сердце — самой Елены. Она дожила до глубокой старости, по-прежнему строго охраняя свое целомудрие, которое уже никого не интересовало...

Хотите попробовать другую жизнь?

КЛАРА СКОПИНА

Есть такое понятие — качество жизни. Много чего оно включает в себя, но первое — это, конечно, здоровье. А где его взять в наше некачественное, смутное время, где и спасительная таблетка становится проблемой? Вся надежда на то, что найдется какой-то необыкновенной души врач, который через всеобщую потерянность, нищету, отчаяние протянет руку и позволит тебе прислониться к нему с надеждой. Да где его найти?

Вот в такую минуту почти полного душевного крушения Т. В. услышала фамилию — доктор Чижов. Она лежала очередной раз в больнице, дважды была в реанимации — всеми известными способами ее спасали от астмы. Но приступы следовали за приступами, она перестала спать, и уже месяц, ночь за ночью, одевалась и сидела, даже не ложась в постель, чтобы не умереть ночью. Пленники астматического удушья и выворачиваю-

щего душу кашля знают этот ночной кошмар и мучительное ожидание спасительного рассвета, дающего надежду на новый день. Она не могла ни оставить работу, ни поискать чего-нибудь полегче — потеряла мужа, одна растила дочку и надеяться могла только на себя. «Я просто не могла позволить себе погибнуть», — вспоминает она сейчас. До последней больницы Т. В. уже побывала у доброй половины московских знаменитых экстрасенсов, не избегала и шарлатанов и знахарей; в ожидании чудесного открытия ездила на ученые консультации и научные конференции, а результат тот же: не помогают уже ни гормональные препараты, ни весь набор известных астматикам лекарств...

Вот тут-то в больнице кто-то из соседок по палате и спросил ее: не слыхала ли она о докторе Чижове и «Горном воздухе»? Обитает он где-то в санатории-профилактории при каком-то предприятии. Потребовалось все ее упорство, чтобы «вычислить» Косинскую трикотажную фабрику на окраине Москвы, где действительно существовал кабинет «Горный воздух». Ей достали туда путевку. Для спокойного лечения она могла там оставаться круглосуточно, но Т. В. боялась потерять работу. И так слишком много больниц.

В первые дни ее привозили и отвозили на машине: городским транспортом ей без приступа не доехать... После четвертого сеанса она почувствовала, как разжимаются тиски удушья и страха. Она сама дошла до автобуса, взобралась на ступеньки, вошла... Снаружи валил снег, непогода была ее врагом, но она просто об этом не думала. Она ехала... На открытую платформу в метро «Выхино» она поднялась по высокой лестнице — сама, одна, без подпорок. Она чувствовала, что слезы заливают

лицо... «Я и сейчас помню эти минуты, эти первые ощущения освобождения от страха... Я прошла двухмесячный курс и родилась заново... Я стала всем рассказывать об этом чуде — «Горном воздухе». Теперь я спокойно ездила на любом транспорте на любые расстояния. Конечно, приходилось соблюдать жесточайшую дисциплину — делать дыхательную гимнастику, соблюдать режим, в очень небольших дозах принимать гормональные препараты, но теперь все это давало результат — я жила полной жизнью!

Через два года я снова разыскала доктора Чижова (и опять с трудом: переехал и он сам со своей семьей из однокомнатной квартиры от мамы, и его кабинет был теперь на Шаболовке — его коллективу, к сожалению, все время приходилось искать пристанища), и с тех пор я профилактически постоянно прохожу поддерживающий курс. Живу, радуюсь, справляюсь с тяжелой работой — я директор крупного предприятия... Доктор Чижов для меня — самый настоящий спаситель. Если хотите понять врача — спросите о нем пациента. Я столько перевидела на своем веку врачей, да и вообще людей (такая работа), что уже сразу чувствую человека. Чтобы лечиться, надо поверить в доктора. Алексею Ярославовичу как будто вручаешь не только здоровье, но и душу...»

Так кто же он, доктор Алексей Ярославович Чижов, о методе которого уже собрались сотни вот таких пылких и благодарных рассказов?

Удивительно в наше «сдвинутое» время, где знахари, экстрасенсы, зарядальщики воды и врачеватели на расстоянии по фотографии признаны спасителями и чудотворцами, где вчерашний эстрадный певец сегодня излечивает взглядом, физкультурник

управляет толпой с помощью кодового слова, — удивительно встретить человека с последовательной медицинской биографией, полной внутреннего смысла, гармонии, преданности, упорства и самоотверженности. Одно это уже дает надежду, что и мы все еще вернемся к истинной жизни — последовательному восхождению от простого к сложному, от малого к большому, от незнания к знанию, от поиска к мастерству. Только б не поверить, что время авантюристов — это навсегда. И только б выстоять таким, как доктор Чижов.

...Сейчас, когда жизнь доктора Чижова открылась мне в ее непростых поворотах, не оставляет ощущение какой-то predeterminedности его судьбы. Кажется, все внешние обстоятельства жизни служили тому, чтобы сформировать именно такую душу и подтолкнуть именно к этому пути.

Он родился в страшном сорок втором, осенью. Мама, ленинградская студентка, знавшая уже, что такое пайка хлеба в 125 граммов и работа на рытье окопов, в эвакуацию попала с родителями на глухую башкирскую станцию. Зина была восьмой в семье, жалела родителей, старалась, как могла, облегчить им жизнь в эвакуации. Чувствуя, что вот-вот родит, она все же пошла в тот день в лес за хворостом. Споткнувшись, упала, но пересилила себя, дотащила огромную охапку до дома. Ночью начались роды. Не только врача, но и медсестры на станции не было. Спасибо, бабушку старую нашли. Роды были трудные, но бабушка оказалась непугливая, сумела спасти ребенка. Он справился с самым страшным стрессом в человеческой жизни.

Через много-много лет доктор Чижов вернется к истории своего рождения, и она впишется в другие истории и станет еще одним под-

тверждением его открытия. Но — это много спустя. А пока началась жизнь в самое не подходящее для нее время.

Молоденькая мама решила ехать в Ташкент, куда эвакуировали Ленинградский политехнический, продолжать учебу. Надо было думать о будущем...

Поселили их в летней кухне узбекской семьи. Да недолго протянула Зинина мама, поехавшая с ними: полуголодная жизнь, тревога за всех разбросанных детей — ведь еще два сына на фронте...

Схоронила Зина мать и перебралась с Алешей в общежитие. Карточки сдавали в столовую. Хлебали знаменитое блюдо под названием «капустная хряка» (из верхних листьев капусты). Свою хлебную пайку Зина меняла на козье молоко для Алеши.

И подхватил Алеша коклюш. Страшная болезнь по тем временам. Заходился в крике, синел, задыхался. В общежитии-клубе — двести человек в огромном зале на самодельных раскладушках. Духота. Ее научили: бери малыша и уходи ночью к арыку, к влаге. А у арыка Зину комар малярией наградили. Перелили Алеше кровь, чтоб поднять силы, заразили и его малярией...

В августе сорок четвертого двинулись в Ленинград. Ехали десять дней. Доехали живые. Поселили Зину в аспирантскую комнатку, Алешу двухлетнего тут же забрали в больницу.

А она еще несколько дней пробыла одна в лихорадке, но и ее отвезли в ту же больницу. Когда она очнулась, медсестры обрадовались как родной. Носили медсестры ей свою еду из дома — большие щи с черным хлебом, которых Зине так хотелось, ее бы просто убили. Они оба перенесли дистрофию, и оба одновременно сталиправляться, и когда она выпроси-

лась к сыну в палату, в первый момент она Алешу не узнала. Черноглазый, темноволосый, с румянцем на круглых щеках! Выходили врачи да сестры. Два больничных месяца вернули им обоим жизнь.

В сорок седьмом, закончив институт по индивидуальному графику, Зина распределилась в Свердловск на «Уралмаш». Ее с Алешей поселили в общежитие, кроме них, в комнате еще пять человек. По утрам объявляли: «Все на разгрузку угля!» Читали список: «Чижова, Чижов...» — «Чижова пойдет, а Чижов нет...» — «Это еще что такое?! Почему?» — «Потому что Чижов в детсад идет...» Общее веселье.

У него обнаружили бронхоаденит, преддверие туберкулеза. Но тут выпал подарок — дали им комнату: восемь метров в деревянном доме. Четыре метра занимала печь-спасительница. Ну а когда переселили в одиннадцатиметровую комнату с батареей — вообще началась замечательная жизнь. Алеша ходил в садик последний год, а Зина поступила учиться на заочный историко-филологический в Уральский университет. Хотелось дать волю душе. А душа была в книгах. Из скудного бюджета она всегда умела выкроить на подписные издания (приходилось ночами отмечаться в очередях), на хороший фильм, на театр.

Судьба Алеши определилась в седьмом классе. Он заболел тяжелым воспалением легких, попал в больницу. И каждый раз, когда Зинаида Павловна пробиралась к окошку, она видела Алешу в окружении малышей, а то и с младенцем на руках — с «младшим братом по несчастью». Он помогал нянечкам управляться с малышами, гладил пеленки — по-свойски вписался в больничную жизнь.

Первые слова после выписки: «Мама, я пойду в педиатрию, ну, детским врачом... Решено».

...Конкурс в знаменитый Свердловский мединститут был 19 человек на место. Он блестяще сдал все предметы и завалил английский — не сумел изложить по-английски тему чартистского движения. «Подумаешь, не поступил, это не конец жизни», — бодро сказала мама, а на работе не один день вытирала слезы. Очень нелепо это было: чартистское движение перекрыло человеку путь в медицину.

Но только не для Алеши. Опыт преодоления — разве не в этом была вся материнская жизнь, прошедшая на глазах и разделенная им? Не зря говорят, что биография человека и общества — это и история их болезни; не зря говорят, что материнское право на любовь и преданность детей выстраданы матерью у постели больного ребенка, в ее борьбе с темной силой, замахнувшейся на его жизнь, и каждая победа — это и опыт морального возрождения, утверждение душевных и духовных сил. Если мать не сдалась в той заброшенной узбекской мазанке, где приютили их в войну; в общежитии, где двести человек засыпали в одном помещении и где надрывно ночи напролет кашлял сынок — единственное оставшееся ей сокровище; в медленном поезде войны, vezшем их в послеблокадный Ленинград, где в малярном полубеспамятстве мать все же сумела сберечь его, двухлетнего... Да разве можно сравнить со всей прожитой матерью жизнью его первое собственное испытание — мандраж перед английским?

Подготовительные курсы. Английский за пазухой — за столом, в постели, в трамвае. И работа. Работа по великому благу. Через целую цепочку добрых людей попал к главврачу прославленной Первой горбольницы с нижайшей просьбой взять в санитары. «Да не нужны здесь парни! Тут надо парашу вы-

носить, постели перестилать... Грязь, гной, кровь... Тебя бабы за-ключают, если чего не сделаешь или нос отвернешь!» — «Да все я смо-гу...» — «Ну, смотри, до первой жа-лобы — выгоню к чертовой ма-тери!»

Он вылетел от главврача сияю-щий, и она, мать, может быть, впер-вые увидела, какой сыночек вы-рос — в первом в жизни хорошем костюмчике, сшитом на выпускной вечер, тоненький, стройный, с ум-ным, добрым лицом, огромными глубокими глазами, — дружок, крепкий орешек. «И зарплата сор-ок рублей, здорово, мама?»

Здорово. Вот теперь все было здорово.

Когда на будущий год он посту-пил в институт, работу так и не оставил. Учился очно, в больнице работал вечерами, дежурил ноча-ми. После института совершенно естественно остался в Первой гор-больнице, в педиатрическом отде-лении.

Теперь, в девяностые годы, ко-гда он не только пришел к своему открытию в медицине, но отстоял его, защитил от неверия и превра-тил в практику защиты самого че-ловека, может быть, главным аргу-ментом в пользу его метода вос-принимается сама его жизнь в ме-дицине — и детское предощущение своей предназначенности ей, и медленное, шаг за шагом, восхо-ждение к знанию и пониманию че-ловека, живое, до боли и болезнен-ности, сострадание, изнуряющее сердце. От гибели девочки, кото-рую не смогли спасти — рак пече-ни, он едва оправился сам. Мать пыталась вразумить: «Алеша, ведь не всегда можно сотворить чудо и в медицине, ты же должен это пони-мать!» «Мама, ведь это — ребенок! Он должен жить долго. Ведь при-рода заложила в человека огром-ные резервы. Почему мы не можем их задействовать?»

Думаю: откуда в нем и сейчас та-кое сострадание к людям, постоян-ная готовность помочь, тревога за отброшенных за черту бедности, — ведь как бы ни было трудно усто-ять самому кабинету «Горный воз-дух», Чижов и его коллеги все вре-мя старались лечить стариков, ве-теранов, инвалидов, просто бед-ных людей за полцены, а то и вовсе бесплатно. Так сказать, по дохо-дам и плата. Он способен понять и принять любые уровни жизни, но бедный человек — это его боль.

Откуда это? Да из детства. Из высоко нравственного детства. Кого-то невзгоды семьи, выпавшие на детский возраст, ожесточают, а вот благодаря его неунывающей, полной духовных интересов мате-ри, его собственной терпимости ко всему, что посылает судьба, испы-тания обернулись благом пожиз-ненного сострадания к людям. Со-страдания, без которого нет врача. Того, которому можно доверить усталую душу.

Жизнь его полна символов и зна-ков, а то первое горе — гибель де-вочки, может быть, подтолкнуло его к главному научному поиску — как укрепить человека, где же спрятан ключ от драгоценного лар-ца с тайной жизненной силы? Вот ребенок — до года почти не боле-ет; иногда при землетрясениях, в развалинах, где откапывают толь-ко погибших, вдруг раздается плач: именно младенец продержался дольше всех. А рождение — это ли не чудо: перенести такой стресс и выйти на волю здоровым и силь-ным!? А чем дальше от первого года жизни, тем менее защищен-ным становится организм, — хотя по сравнению с утробной жизнью, где ограниченное снабжение кис-лородом, взрослый человек просто купается в нем...

Человек и кислород — это стало главным интересом еще в студен-ческие годы. Эта тема не оставля-

ла его, когда он стал врачом, потом заведующим отделением анестезиологии и реанимации, где самой большой болью был уход человека, которого не удалось спасти, потому что его собственные резервы не помогли усилиям врачей...

Свою кандидатскую он сформулировал так: «Полярнографическое напряжение кислорода в тканях у детей с хроническими заболеваниями легких в анестезиологической практике». Тема пришла из жизни: он много занимался детьми, больными тяжелыми бронхитами — операции, откачка гноя, удаление части легкого... А есть ли другие, принципиально иные пути? Какие?

...Москва возникла в жизни доктора Чижова, как и все, естественно и закономерно. Он ее не искал, не добивался, — она позвала его сама. В семидесятых после одной из научных конференций анестезиологов-реаниматологов, на которую приехал из Свердловска, ему предложили работу в Первой больнице знаменитого Четвертого управления. После жизни, исполненной постоянного сверхнапряжения, оказалось трудно адаптироваться к условиям, в которых нагрузка на врача была в одиннадцать раз меньше, чем в обычной больнице. Это таило опасность — можно потерять форму. Но для ума ищущего было и великое благо — возможность заниматься наукой. Вот он и развернул огромную научную работу, и снова — в главной своей теме: человек и кислород.

Мало кто знает, что именно тогда, в семидесятых годах, впервые в мировой практике профессор Ростислав Борисович Стрелков и кандидат наук Алексей Ярославович Чижов разработали метод профилактики, лечения, реабилитации, а также защиты от ионизирующего облучения с помощью дыхательной газовой смесью с пониженным

содержанием кислорода — гипоксической смесью.

Вдумайтесь — ведь это же революция! — лечение с помощью понижения содержания кислорода! Всегда в критических ситуациях — кислородная подушка, кислородный коктейль, кислородная палатка, барокамера. Парадокс: спасение от гипоксии — недостатка кислорода — ею же, гипоксией!

Прежде чем прийти к этому заключению, Стрелков и Чижов поставили десятки, тысячи опытов на животных. Тысячи крыс, сотни собачек благополучно вдыхали смесь с недостаточным содержанием кислорода, подтверждая выводы ученых. Какую-то щемящую благодарность испытывал Алексей Ярославович к 178 обезьянкам из Сухумского заповедника, где провел все свои отпуска. Любимая обезьянка Машка недвусмысленно всхлипнула при прощании — привязалась.

Работая еще какое-то время в больнице Четвертого управления, Чижов все больше и больше базировался на Институте мозга, опираясь на лабораторию нейрофармакологии адаптивных процессов мозга, которую возглавлял профессор Стрелков. Искали средства защиты от гипоксии мозга самой же гипоксией. Экспериментальным путем выявили: снижение поглощаемого кислорода вдвое против его естественного содержания в воздухе (т. е. вместо 21 процента — 10 процентов) не дает отрицательных последствий. А положительные — есть ли такие, каков механизм воздействия? Вопросы, вопросы, вопросы...

Развернуть огромную экспериментальную работу им очень помогло задание Госкомитета по науке и технике — изыскать средства радиационной защиты детей.

В 1982 году в докладах ВОЗ появилось сообщение, что в России

изобретен метод реальной защиты от радиации.

В это время Чижов уже работал в Центре охраны здоровья матери и ребенка, без сожаления перейдя сюда из престижного 4-го управления. Надо было полностью уходить в науку, чтобы ответить самому себе: почему гипоксическая смесь дает такие потрясающие результаты — положительно воздействует на все системы жизнеобеспечения живого организма. Экспериментальные результаты дали право на внедрение в практику их метода при лучевой терапии и онкологических заболеваниях. При этом в процессе прохождения такого курса очень многие параметры здоровья выправлялись. В несколько раз повышалась сопротивляемость организма к очень многим заболеваниям: астме, гипертонии, бронхитам, гриппам, пневмониям, ангине. Но почему, почему?

В Институте охраны здоровья матери и ребенка он получил ответ. Теперь это кажется символическим — где же и лежат все ответы, как не в Природе, которую символизирует Женщина-Мать?

До того Чижов много лет исследовал кислород во всех органах и тканях организма. Во всех, кроме матки и плода. Впервые, когда он ввел электрод в матку животного, эффект был потрясающий: писк так и забегал, обнаруживая какой-то мощный ритм. Что он означал? Новое направление их исследований привело к ключевому объяснению их удивительных экспериментальных результатов. Они подглядели ответ у самой природы. Оказалось, организм матери снабжает плод кислородом в прерывистом ритме, образуя искусственный дефицит. Теперь ясно, почему человек не только хорошо переносит воздействие гипоксической смеси, но и буквально возрождается, активизируются все его жизненные

функции. Да потому, что воздействие гипоксической смесью знакомо организму от рождения, оно как бы включает резервные силы организма, которые огромны.

Вот что рассказывает об этом сам Алексей Ярославович Чижов.

«Когда мы обнаружили, что мать снабжает своего будущего ребенка кислородом в определенном прерывистом режиме, наши экспериментальные результаты получили теоретическое объяснение. Когда «кислородный кран» закрывается, ребенок как бы оказывается в высокогорных условиях, где концентрация кислорода значительно снижена. В результате его организм привыкает к недостатку кислорода, что очень помогает ему в родах (ведь роды — это колоссальный стресс для дитя!). Устойчивость новорожденных в условиях дефицита кислорода в 8—10 раз выше, чем у взрослого организма.

Если учесть, что любые нарушения работы органов и систем, стресс и различные заболевания связаны с нарушениями в кислородном обмене клеток, то естественно, что организм, тренированный к пониженному содержанию кислорода, имеет более высокий защитный барьер к самым различным неблагоприятным факторам, которые лежат в основе заболеваний, вплоть до радиационного загрязнения окружающей среды.

После рождения происходит постепенная утрата защитных механизмов, так как в нашей атмосфере кислорода значительно больше, чем нужно для жизни, и ребенку уже не приходится «бороться» за него. Выработанные природой защитные механизмы не исчезают бесследно, а оказываются «спрятанными» в генетическую программу клеток и, если «напомнить» организму об его удивительных резервных способностях, то они, проявившись, не только помогут

справиться с заболеваниями или предотвратить их, но и подарят человеку долголетие, высокий жизненный и творческий потенциал».

Но все это так стройно, логично и неоспоримо выглядит теперь, в девяностые годы, когда результаты лечения, профилактики, оздоровления могут подтвердить десятки тысяч человек, прошедшие курс «Горный воздух» и болевшие после этого в четыре раза меньше обычного. Когда Центр получил более 25 тысяч отзывов своих пациентов (в том числе из тубдиспансера и центра подготовки спортсменов) в нашей стране и за рубежом.

Чижов открыл Центр «Горный воздух» в Малайзии и лечил там принца и его семью и других высокопоставленных особ так же, как и рядовых граждан, и пользовался их безграничным доверием; каждый обращался в Центр, к русским врачам, со своей проблемой, не схожей с другими: шестидесятилетний принц Абдулла Тунку и его жена японка, у которых масса деловых поездок, нуждались просто в обновлении жизненных ресурсов и были в восторге от результатов; у президента фирмы Тунку Махмуда возникли проблемы с позвоночником от страстного увлечения верховой ездой, от которой он не мог отказаться, и после курса комплексного лечения президент снова просто летал на коне; женщину из Саудовской Аравии спасли от тяжелой бронхиальной астмы, другую — вылечили от бесплодия... Лечили бедных и богатых вместе — только по разной цене, а некоторых — и бесплатно. Разницу составлял только сервис: принца обслуживали две ассистентки, он мог провести время в приятной беседе, выпить чашечку кофе, а человек бедный, получая то же самое лечение, обходился без «избыточного» комфорта, но результаты были одинаковы...

Системой лечения в «Горном воздухе» заинтересовались в Индии, Англии, Колумбии, куда доктора Чижова приглашали с лекциями и для организации центров. Всплеск интереса к «Горному воздуху» в разных странах проявился в 1993 году после блестящего выступления доктора Чижова в Германии, в Дюссельдорфе, где его экспозиция по проблемам безмедикаментозного лечения была признана лучшей. Там из стран СНГ было представлено двадцать шесть экспозиций, и признание первенства за российской экспозицией «Горный воздух» было не случайной победой. Издающийся в Англии бюллетень «Здоровье мира» посвятил «Горному воздуху» целую страницу, и вскоре последовали новые приглашения.

...В беседе Алексей Ярославич не один раз скажет: «Наши эксперименты и наше открытие возможны были при старой системе государственной медицины. Ныне эти сотни опытов — нереальны! Нет денег. Загоняя сейчас науку, мы становимся крохоборами, прагматиками... Ну, а пока — хотя бы не растерять наработанного, обратить во благо людям, превратить в практику, в дело и, конечно, развивать научный поиск, идти дальше...»

Вот странно — он, сформированный прежней системой, сумевший при ней добиться глубоких результатов, сумел встретить общий развал не только в медицине, но и в государстве, без паники, без вздохов и бесполезных жалоб. Он защитился делом!

Это особая глава его жизни. И в ней должно быть сказано особое слово о его жене — очаровательной Татьяне Александровне, нереально изящной, элегантной, хрупкой восточной красавице, которая рядом со своими тремя детьми (одиннадцать, семь и два года)

вполне сойдет за старшую сестру. Таня, кандидат исторических наук, без пяти минут доцент, талантливый преподаватель, без сожаления и колебаний оставила работу, чтобы вместе с мужем заняться организацией совершенно новой жизни.

«Понимаете, это не было жертвой, как сначала подумал Алексей Ярославович. При его сверхделикатности и доброте для него даже подумать мучительно о чьем-то «утеснении», о чьих-то потерях. А на самом деле мое решение было трезвым и расчетливым. Если хочешь быть матерью, надо быть рядом с детьми, поближе к их интересам. Работа в вузе отбирала меня у семьи. Это — во-первых. Если хочешь быть с мужем, раздели его дело. А я понимала, чем он владеет — ведь он же глубокий ученый и практик, умеющий все. У него золотая душа и золотые руки, он годами работает без отпусков, тянет на своих плечах все, за что берется, — никогда не перекинет на других. Его метод мы испытали на себе все: его мама, моя мама — и они забыли о гипертонии. Когда я ждала Иринку, я трижды прошла курс «Горный воздух», — и вы посмотрите, у дочки практически чистая медицинская карта (а старший, Алеша, переболел всем, что только носится в воздухе). Поэтому мне даже не нужны были десятки тысяч отзывов, чтобы понять: Алексей Ярославович просто обязан создать этот Центр, вырваться на свободу — от начальников, прихлебателей, завистников. Пусть результат определяет не конкуренция связей в высших эшелонах, а умение врачевать и организовать!»

Все, кто проходит у нас курс, всегда могут опереться на нас в трудную минуту — посоветоваться, позвонить, проконсультироваться. Он еще и друг всем нуждающимся в нем — между ним и людьми не сто-

ят чиновники. Разве забудет его женщина с рассеянным склерозом, которая и по комнате едва передвигалась, а сейчас по лестнице ходит сама? Или студентка, умиравшая от астмы, теперь здоровая и счастливая, ставшая женой и матерью, уже смело путешествующая по миру — побывала на Кипре, в Америке?»

Татьяна Александровна могла бы рассказать о многих и многих, о ком я узнаю по книге записей и рассказам в Центре: о женщине, избравшейся от мучительнейших посттравматических головных болей; об излеченной пятилетней девочке, у которой от диатеза ручки покрывались чешуей; о страдавших нейродермитом, анемией, эпилепсией, бронхиальной астмой, гипертонией, — о сотнях и тысячах людей, получивших облегчение, вернувшихся к радостям жизни.

Да, хрупкая Таня оказалась стальной пружинкой в этом деле: она села за книги, изучила менеджмент и нашла в нем себя. Она дважды прошла курсы массажа и получила сертификат международного уровня. Алексей Ярославович изучил методы мануальной терапии.

И когда один за другим начали разваливаться первые кооперативы, снявшие сливки, купившие «мерседесы» и на этом почившие, — они выжили. Потому что сразу избрали верный путь: в их Центре люди должны иметь возможность получить весь комплекс безмедикаментозных медицинских услуг — от компьютерной диагностики до лазерной и мануальной терапии, определения реагирования на гомеопатические препараты... Весь современный спектр медицинской помощи должен быть ими освоен. Деньги не проедаются, а вкладываются в развитие Центра, в дорогостоящую аппаратуру, в препараты.

Совсем не случайно вокруг него собрались не сослуживцы, а соратники, ставшие уже друзьями. Как на себя, он может положиться на своего заместителя Константина Федоровича Закощичкова, коллегу и земляка и в научных работах, и в практике работы.

Прекрасно работают созданные с помощью Чижова и Центра филиалы в Красноярске; на Курской атомной станции; во Владивостоке на базе Дальневосточной Морской Академии (руководит там Центром страстный энтузиаст Ирина Юрьевна Пшеничникова); в Мурманске, где усилиями Тамары Александровны Кононенко (сестры Татьяны Александровны) удалось добиться даже строительства специального здания, прекрасно оснащенного новейшей аппаратурой, и там сейчас ведется огромная научная и практическая работа по адаптации людей (и особенно детей) к условиям Севера и неблагоприятной экологической обстановке вообще. Все ясней определяется направление поисков «Горного воздуха» как центра защиты человека от неблагоприятных факторов окружающей среды, повышения его сопротивляемости, адаптационных возможностей.

Московский Центр и его сотрудники — это действительно Центр: и методический, и духовный, и научный, — он постоянно в поиске.

В Центре — каждый день новые задачи, и опять Алексей Ярославович пять лет без отпуска, и впереди все новые поездки по миру. Очень пригодились Танино знание языков, ее образованность, способность осваивать новое; все деловые бумаги, факсы проходят через ее руки. Но из всех работ Центра основная — это лечебная процедура «Горного воздуха», дыхание газовыми гипоксическими смесями.

— Понимаете, доступность это-

го метода может дать ему всеобщность, — говорит Алексей Ярославович, — а это так важно! Ведь подняв защитные силы организма человека, мы поднимаем генотип нации, который катастрофически падает. Представьте: когда будущая мать проходит курс «Горного воздуха» во время беременности, она рождает жизнестойкого ребенка, способного переносить неблагоприятные факторы и при этом проявить все природные потенции. Мы все больше и больше должны думать, как защитить человека его собственными силами, «изнутри», так сказать. Весь мир сейчас очень много говорит об экологии, о кризисе, о поисках выхода. Понимается это однозначно: оздоровление среды обитания. Но сколько это потребует времени, средств и усилий всего человечества, если учесть масштаб и качество изменений, внесенных в биосферу пребыванием в ней человека?

— Параллельно с борьбой за оздоровление среды, — продолжает доктор Чижов, — должен существовать второй путь: пробуждение резервных сил, запрограммированных в человеке природой, «обученных» в материнской утробе и усыпленных в последующей жизни.

Доктор Чижов, его коллеги, единомышленники убеждают, просвещают, учат. Готовят программу и методическое обеспечение для магистров экологического факультета Университета Дружбы народов, где сейчас и нашел новое пристанище кабинет «Горный воздух» и где Алексей Ярославович читает лекции.

Если система «Горный воздух», подтвержденная многими документами, станет частью бытовой культуры каждого человека — вот тогда мы увидим свой уставший от бед народ очнувшимся и ожившим.

Разработанный в Центре новый безмедикаментозный метод с успе-

хом применяется при ишемической болезни сердца и стенокардии; постинфарктном кардиосклерозе; гипертонической болезни и гипотонии; бронхиальной астме и хроническом бронхите; хронических воспалительных и аллергических заболеваниях; анемии; сахарном диабете; ожирении и других нарушениях обмена веществ; неврозах, неврастении, депрессивных и астенических состояниях; бессоннице. Он используется для повышения умственной и физической работоспособности, сопротивляемости к стрессам, простудным и инфекционным заболеваниям, для улучшения психоэмоционального состояния и снижения утомляемости.

...А теперь, после всех деловых сведений о Центре «Горный воздух», я возвращаюсь к рассказу своего сибирского друга, который первым познакомил меня когда-то с доктором Чижовым: «Знаешь, все, что я тебе говорил о своих ощущениях после прохождения курса, можно выразить очень коротко: это возвращенное чувство бессмертия. Помнишь, как было в юности? Казалось, что мы будем жить вечно или, во всяком случае, очень-очень долго. И вдруг замечаешь за собой, что начинаешь оглядываться и прикидывать: вот это я еще успею, а вот это, пожалуй, уже и нет... Так вот, чудо Чижова — это и есть возвращенное чувство бесконечности жизни...»

Телефоны Центра в Москве:
(095) 958-02-78,
958-19-80.

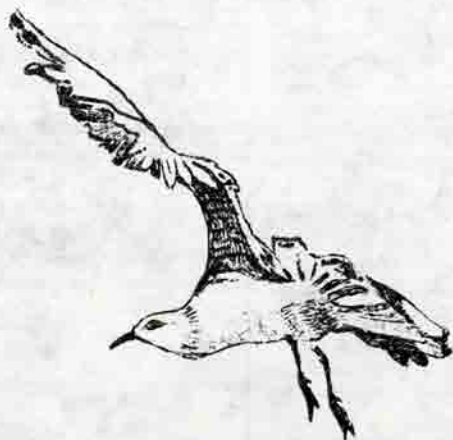
Он был великолепным художественным редактором, работал в разных столичных журналах и газетах.

К несчастью, он легкомысленно отнесся к своему музыкальному дару: все откладывал на потом начатую работу над записью диска со своими песнями. Но главное — он был ярким, удивляющим разнообразием приемов иллюстратором, умевшим рисовать и для детишек, и для всех других. Он тяготел к новому искусству, обожествляя при этом искусство рисования, умение нарисовать кого и что угодно. Он был одним из немногих хранителей этого древнейшего ремесла.

Он много работал в «Смене», выбрав для журнала из богатой своей палитры всегда узнаваемый читателями почерк.

И вдруг... его нет!

Вместе с его семьей мы потрясены и скорбим о так рано ушедшем от нас талантливом
СЛАВЕ ЛОСЕВЕ.

ЭДВАРД БЕНСОН

морской ТУШМАН

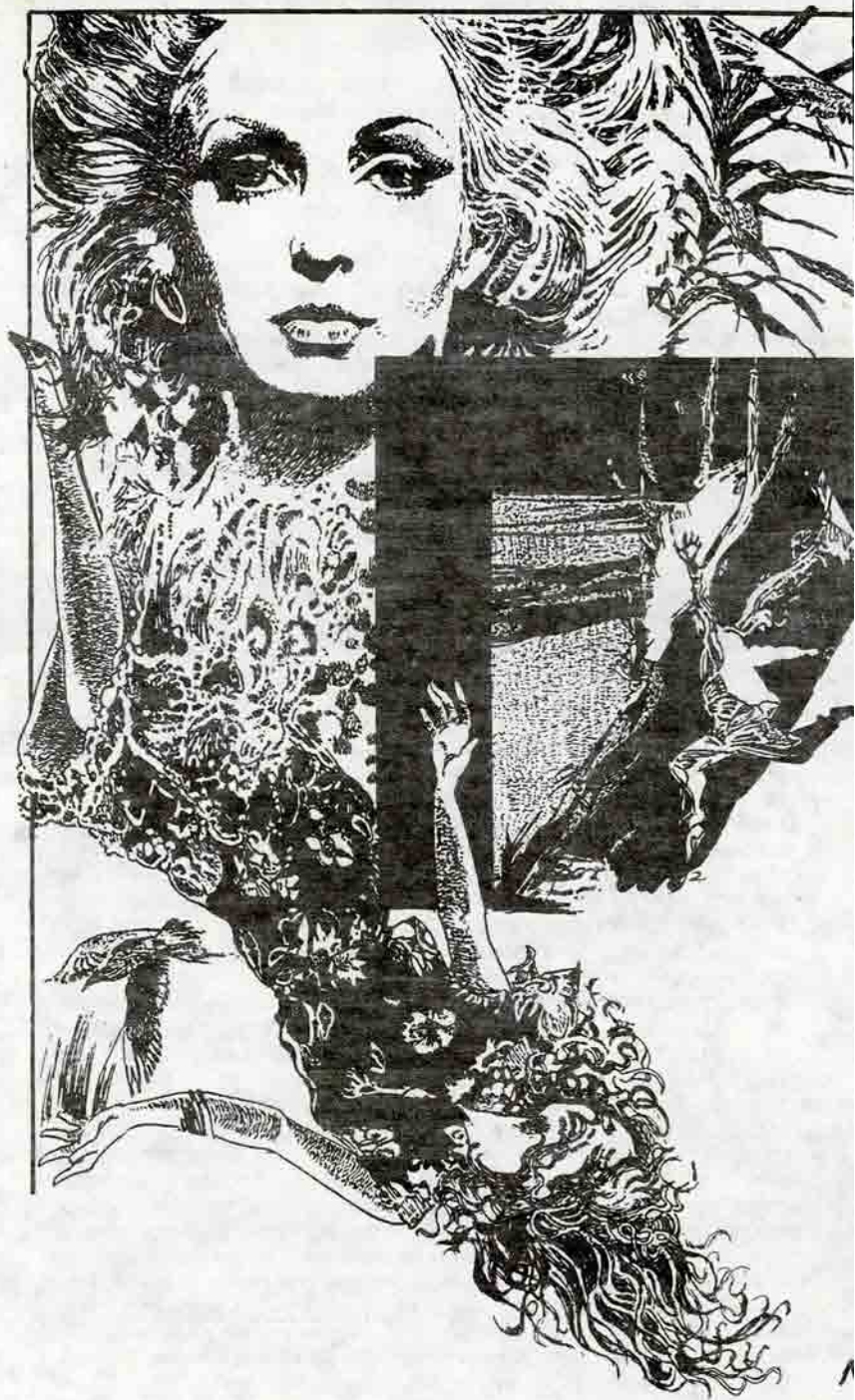
Все жители маленького городка искренне сочувствовали мистеру Джону Верраллу из-за обрушившейся на него ужасной семейной трагедии, так как он давно уже пользовался вполне заслуженным уважением. На протяжении более чем двадцати лет здесь не было гражданина, которого так чтили за его честность, великодушие и неистощимый пыл, с каким он ратовал за их интересы. Мистер Верралл родился и вырос здесь; его бакалейная торговля на Хай-стрит, полученная в наследство от отца, была образцом дешевизны и качества, и, как человек здравомыслящий, он сам обслуживал за прилавком, когда другие обязанности позволяли ему это. Последние были обременительными: он долгое время являлся членом городского совета, затем муниципалитета, а теперь стал мэром. Кэролайн, его жена, была скромной

и достойной супругой мэра, в качестве каковой принимала живейшее участие в скаутской организации для девочек, в обитательницах работного дома, а также в делах больницы. Она не обладала приветливостью мужа, но редко пропускала собрания комитетов тех учреждений, которые находились в ее ведении. Кэролайн была старше его лет, пожалуй, на десять, но и в шестьдесят сохранила свою энергию и физическую силу.

Оба были страстными натуралистами. Не так давно мэр презентовал громадную коллекцию бабочек и мотыльков, помещенную в прекрасный шкаф с застекленными, с пробковой прокладкой ящиками, местному музею, но по-прежнему не оставлял своего увлечения и время от времени пополнял аккуратные ряды новыми экземплярами или заменял ветхие образцы более свежими. В погожие деньки муж и жена вдвоем отправлялись через осушенные болота, тянувшиеся на юг от города к галечным насыпям вдоль побережья, на свои вылазки. Он нес сачок для бабочек, и карманы его оттопыривались от множества коробков со стеклянными крышками, готовых принять своих пленниц; у нее была жестяная коробка для растений, которые позже займут свое место в бесчисленных стеллажах, наполненных образцами засушенной флоры Хэмпшира. Супруги были бездетны, но благодаря своей непритязательной, полной трудов жизни и пылкости увлечений, требовавших длительных, неспешных прогулок на свежем воздухе, они, безусловно, могли надеяться на долгий и безмятежный закат своих дней.

Несчастье произошло поздней весной. Мэр и его жена вышли из своего дома, стоявшего на отлете от города, на одну из своих продолжительных прогулок. В полумиле от них, ближе к морю, стоял полуразрушенный замок, построенный во времена Генриха VIII на случай внезапного нападения французов. В наружную стену круглой башни была встроена каменная лестница, доходившая до уровня бойниц на высоте сорока футов от земли, откуда расплавленный свинец и другие подобные средства могли изливаться на головы осаждавших. Балюстрада и внутренняя стена наверху совершенно разрушились, так что последняя ступенька нависала над пропастью. Замок был любимым охотничьим угодьем миссис Вэрралл, так как его обвалившиеся стены и упавшие каменные глыбы служили прибежищем многочисленным видам растений. Выпив пораньше чаю, супружеская пара направилась в сторону замка.

Спустя три часа, когда вечерние сумерки уже начинали сгущаться, Джон Вэрралл вернулся один и обнаружил, что жены еще нет, но в этом не было ничего удивительного. Он объяснил симпатичной молодой женщине, выполнявшей у них все работы по дому, что, как это часто бывало, они разделились. Кэролайн решила побродить вокруг замка, а он пошел к зарослям ив и черной ольхи, росшим у канавы неподалеку, в поисках гусениц. Он и в самом деле был в прекрасном настроении, так как ему удалось отыскать парочку гусениц чрезвычайно редкого ольхового мотылька, и, поджидая, пока она вернется, он посадил их — подложив им побольше корма — в один из своих садков. Но она все не возвращалась, и, съев немного холодного ужина в одиноче-

стве, Верралл начал тревожиться. Спустилась ночь, и тогда, не сомневаясь уже больше в том, что с ней что-то случилось, он побежал в полицейский участок.

Нет, в городе ее не видели. Почти тотчас пришел констебль, и они отправились к замку, где мистер Верралл в последний раз видел Кэролайн. Возможно, пробираясь через развалины, она вывихнула ногу и лежала там, не в силах пошевелиться. К счастью, ночь была теплой, так что она не пострадает от холода. Луна была большая и полная, но хорошо все-таки, что констебль захватил с собой фонарик, так как вскоре густая пелена морского тумана повисла над головой, поглотив свет. Десять минут быстрой ходьбы привели их к замку; они звали и кричали, но никто не отозвался. Вскоре они нашли ее, изувеченную, у подножия полуразрушенной лестницы. Должно быть, она ударилась головой о какую-нибудь каменную глыбу.

Было проведено расследование, без труда установившее причину гибели. Вероятно, она поскользнулась, стоя на верхней ступеньке, в сорока футах над землей, и смерть наступила мгновенно. Муж рассказал, как он оставил ее днем около замка, и в ответ на некоторые болезненные, но необходимые вопросы добавил, что ничто вроде бы не угнетало ее; их супружеская жизнь на протяжении двадцати лет была идеально счастливой. Следовательно, зарегистрировав смерть в результате несчастного случая, выразил глубокое сочувствие вдовцу и предложил поставить ограждение на верхней площадке каменной лестницы, чтобы столь прискорбное происшествие не могло повториться.

Джон Верралл был достаточно благодарен и не позволил тяжелой утрате помешать ему в выполнении долга. Было бы совершенно бесполезно и даже, более того, вредно удалиться от мира, пестуя свое одиночество. Как только похороны остались позади, он с новой энергией взялся за дела. Его вдовствующая сестра, жившая в городке, переехала к нему на недельку, чтобы разобрать вещи бедной Кэролайн. Но стоило ей намекнуть, что она не прочь была бы обосноваться тут навсегда, как мистер Верралл без колебаний отклонил ее предложение, поскольку она была из той породы женщин, которые, точно грипп, распространяют вокруг себя уныние.

— Очень любезно с твоей стороны, Эми, — сказал он, — и я, конечно, ценю твои добрые побуждения. Но никто не сможет стать мне таким другом, каким была Кэролайн. Лучше мне оставаться одному.

— Но как же хозяйство, эти нескончаемые мелочи, Джон, дорогой? — возразила она. — Ты не сможешь постоянно присматривать...

— Все будет в полном порядке, — твердо ответил Джон. — Харриет Кокс уже десять лет в доме и хорошо знает мои привычки. За ней не нужно присматривать.

Таким образом, миссис Рид вернулась в свой городок с новым платьем, принадлежавшим Кэролайн, кое-каким бельем и аметистовой брошью. Джон нашел, что Харриет Кокс замечательная экономка и устроила все как нельзя лучше. Она трудилась с куда

большим рвением теперь, когда сама за все отвечала и никто ею не командовал; стряпня ее сделалась вкуснее, еженедельные расходы уменьшились, и весь дом так и заблестел чистотой и уютом.

Обширный участок сада за домом был вотчиной Кэролайн. Дважды в неделю приходил на пару часов садовник, чтобы помочь с тяжелой работой — вскопать землю и подстричь лужайку. Как-то вечером, прогуливаясь в саду перед ужином, Джон подумал, что следовало бы кое-что изменить здесь. Устроить бордюры из полевых цветов — выдумка Кэролайн. В глубине стояла решетка, увитая жимолостью; тут были островки высоких круглоголовых маргариток, красной и белой валерианы, росли смолевка и вербейник, а впереди травы пониже — колокольчики, львиный зев, воловик. За ними она устроила декоративную каменную горку с травами вроде тех, что буйно разрастались в расщелинах стен. Остановившись перед этой каменной грудой, Джон Верралл почувствовал, как горло его сжалось от отвращения. Ее посадки не прижились; у них был жалкий, поникший вид, и нагромождения камней и шлака, среди которых они тянулись, казались скорее уродством, чем украшением. Джон подозвал человека, работавшего на огородных грядках за домом.

— Я хочу, чтобы вы убрали эти булыжники, — сказал он. — Можете начать прямо сегодня. Просто откатите камни в сторонку; это займет у вас не больше часа.

Взгляд его упал на бордюры из полевых цветов. Они тоже напоминали ему о прогулках Кэролайн через болота.

— Да, и бордюры хорошо бы убрать, — добавил он. — Скопище сорняков. Осенью мы все здесь засадим розами.

День выдался необыкновенно жаркий, и, как часто бывало в прохладе вечерних сумерек, клочья тумана начали подниматься над полями. Они висели совсем низко, и Джон Верралл, сидевший после ужина на террасе со своей трубкой, мог видеть верхушки замковых стен, четкими силуэтами выступающие в гаснущем сиянии заката. Какое-то время он читал вечернюю газету, затем, снова подняв глаза, заметил, что туман плотными волнами наплывает на сад. Какая-то фигура, неясно очерченная, склонилась к земле на самом краю бордюра из полевых цветов, как раз там, где была декоративная горка Кэролайн. Должно быть, уборка камней заняла у садовника гораздо больше времени, чем он предполагал. Джон встал, так как становилось прохладно, и вошел в дом. Харриет Кокс как раз вносила в гостиную поднос с виски и содовой и, заперев дом, вернулась, чтобы сыграть в безик, в который они часто играли с хозяином перед сном. Она на удивление быстро освоила правила игры, и время, таким образом, проходило очень приятно.

Кэролайн абсолютно ничего не смыслила в картах. Она предпочитала сидеть у лампы и что-нибудь вязать или вышивать, и вечера проходили томительно скучно. Джон не особенно любил читать, позевывая над книгой, он то и дело поглядывал на нее, желая, чтобы она ушла наконец в свою спальню. Некоторые ее привычки раздражали его, но он находил тайное удовольствие,

подмечая их: жеманная манера проводить кончиком языка по верхней губе, а потом слегка приоткрывать рот, короткие пощелкивающие звуки — из-за зубного протеза, подогнанного не слишком удачно.

Без сомнения, вечера теперь стали куда веселее благодаря партиям в безик с Харриет, статной, миловидной женщиной лет тридцати. Ее глаза искрились весельем и смехом, когда она веером выкладывала на стол карты одной масти или четыре туза.

— Двести пятьдесят, — радостно воскликнула она, — да еще прежние сто. Ну и везет же мне сегодня!

Радостное восклицание прервал резко дребезжащий электрический звонок.

— Наверно, у входной двери, — сказала Харриет и заторопилась открывать. Джон услышал скрежет отодвигаемых засовов и щелканье ключа в замке. Потом стало тихо, вскоре входная дверь снова закрылась, и Харриет вернулась в комнату.

— Удивительное дело, мистер Верралл. Никого. Я осмотрела дорогу в оба конца, да еще сходила к заднему ходу на всякий случай. Сейчас загляну в кухню, проверю индикатор, тогда мы узнаем, что это был за звонок.

— Вовсе это и не входная дверь, — сообщила она, вернувшись в комнату. — Звонок был из комнаты хозяйки, диск все еще раскачивался. Что-то там, видно, не в порядке; вот и вчера было то же самое. Завтра посмотрю, в чем дело. Мне снимать? Надо же! Как раз то, что я хотела!..

Джон плохо спал этой ночью, но в конце концов задремал. Его разбудил негромкий стук в дверь. Шотландский терьер тоже проснулся от стука, явно ему не понравившегося, так как он выскочил из своей корзинки и яростно залаял. Джон зажег свет, поднялся и выглянул за дверь. Свет падал прямо на лестничную площадку, там никого не было. Что-то коснулось рукава его пижамной куртки. Или это ему показалось? Он посмеялся над собой за минутный страх. Видимо, просто сквозняк, потянувший снизу от лестницы. Но Патси не успокоилась; вместо того, чтобы вернуться в корзину, она поскуливала у двери, требуя, чтобы ее выпустили. Капризная маленькая леди, вечно настаивавшая на своем. Джон снова поднялся с постели и услышал, как она пробежала по лестнице к своей любимой циновке в холле.

Эти ночные страхи съезжились на следующее утро до подобающей им ничтожности, и мистер Верралл вспоминал о них как об обрывках какого-то кошмарного сна. Он отправился в город, чтобы председательствовать в городском суде, и обнаружил там довольно-таки длинный список дел. Большинство из них были самыми обычными: езда на автомобилях и мотоциклах с просроченными правами или без положенных сигнальных огней; два маленьких мальчика обвинялись в поломке ограждения, недавно возведенного на вершине лестницы в замке. Видели, как они подобрались почти к самому роковому краю, а внизу, на земле, лежали сломанные части ограждения. Но никаких явных улик против мальчиков не было, и суд закрыл дело. Джон Верралл, как обычно во время слушания, что-то рассеянно чертил на листе бумаги, лежавшем перед ним на столе, и вдруг заметил, к своему

удивлению, что делал наброски лестницы, ведущей вверх, куда-то в пространство, и затем обрывающейся.

Позже он встретился с городским землемером по поводу проекта нового ограждения и сказал ему, что оно должно быть восстановлено немедленно. Следовало сделать его гораздо более прочным и зацементировать в каменную кладку стены. Очень опасное место, ужасно, если произойдет еще одна трагедия.

Вернувшись домой, Джон увидел, что садовник выполнил его просьбу. Булыжники декоративной горки были свалены за сарайчиком для инструментов, а бордюр с полевыми цветами заново перепахан. Глупо со стороны Кэролайн притащить в сад то, что было частью полей и живых изгородей, и он с удовлетворением смотрел на пустую грядку и разрушенную горку, напомиравшие ему о Кэролайн каким-то особенным, глубинным образом. С их исчезновением словно какой-то уголок его сознания очистился для новых и более декоративных насаждений. Как постарела жена за последний год, каким удручающим и тягостным было для него ее присутствие...

Воздух над полями дрожал от жара, и очертания замка, казалось, колыхались. Ни разу со дня ее смерти мистер Верралл не был там. Однако пора покончить с прошлым — уничтожение посадок Кэролайн должно было, казалось, помочь забвению. Как-нибудь в ближайшее время он сходит к замку и убедится, что его указания насчет более прочного ограждения на вершине сломанной лестницы выполнены. Может быть, ему следовало сходить туда раньше и бесстрашно взглянуть в лицо всему, что связано с этим местом, но он чувствовал, как в мозгу его образовалась маленькая черная заводь страха, в которой отражалось то место, где лежало ее изувеченное тело. Нельзя позволять ей растекаться...

Патси лежала неподалеку, в тени от сарайчика для инструментов; благоразумная маленькая леди наслаждалась свежим воздухом, укрывшись от солнца. При виде собаки воспоминание о ночном стуке в дверь, который разбудил его и заставил ее неистово лаять, вернулось к Джону с внезапной отчетливостью. Патси всегда боялась и недолголюбивала Кэролайн; обычно она выскальзывала из комнаты, если та входила, и скорее осталась бы без обеда, чем приняла пищу из этих рук. Когда Кэролайн занималась своими посадками, а Джон проходил через сад с собакой, Патси обходила ее стороной.

Было время ленча, и он позвал:

— Патси, иди поешь!

Собака побежала за ним через сад, с готовностью устремившись к своей миске. Но тут произошло нечто непонятное. Когда они подошли к тому месту, где была декоративная горка, Патси остановилась и принялась лаять не то яростно, не то испуганно, пристально уставившись на что-то. Затем скользнула прочь, под прикрытием изгороди из бирючины, и помчалась к дому.

Всего на мгновение маленькая черная заводь страха, что таилась у Джона в глубине подсознания, расширилась, затопив все; расплавленное солнце, казалось, внезапно стусилось, вобрав в

себя самый дух Кэролайн. Но он призвал на помощь здравый смысл; просто-напросто вид Патси, спасающейся бегством, когда Кэролайн оказывалась поблизости, вызвал странную иллюзию, что она здесь, у своей разрушенной горки и перепаханной грядки полевых цветов. Все это — лишь плод моего воображения, сказал он самому себе. Этому надо положить конец, надо, не откладывая, пойти в замок. Сегодня же днем он возьмет сачок и ящички со стеклянными крышками и пройдет, шаг за шагом, тот последний путь, который проделал вместе с Кэролайн, до самого замка. Патси на этот раз пойдет с ним.

Они отправились через сад. Воспоминание об утреннем волнении изгладилось из памяти Патси. Какой-то запах привлек ее внимание там, где стояла горка. Пригнувшись, она с восторгом устремилась на засеянную спаржей грядку, плюхнулась в одну из канав и выкопала крота, не требуя награды. Вскоре прямо перед ним возник замок. Как мудро я поступил, подумал Джон, что постарался взять себя в руки; вид замка не вызвал в нем никакого волнения; было просто любопытно снова взглянуть на него. Вот здесь они с констеблем, освещая себе путь фонариком, наткнулись на ее тело; он с необычайной ясностью вспомнил влажное поблескивание крови около головы. Прямо над ним висел неогороженный край лестницы, и Джон чуть не расхохотался при мысли, что все эти недели в нем жил черный, глубоко запрятанный ужас. Теперь пустая фантазия развеялась; ни малейшей дрожи, ни трепета не пробежало по его телу; напротив, было что-то странно притягательное в этих воспоминаниях. Пожав плечами, он обошел башню; поймав по дороге редкий экземпляр бабочки-комма, снова вернулся ко входу в замок.

Патси куда-то запропастилась, и Джон решил, что она, должно быть, убежала вперед. Однако ее нигде не было видно, он вернулся назад и посвистел, подзывая собаку. В ответ послышался отрывистый испуганный лай. Подбежав к основанию лестницы, Джон взглянул вверх. Патси была там, почти на самом верху, и, увидев его, умоляюще заскулила. Почему она не спускается, удивился он. Вот она, лестница, прямо перед ней; стоит лишь пробежать по ступенькам, и она окажется рядом с ним. Но Патси жалась к стене, словно пытаясь выскользнуть, и тогда Джон понял — существует что-то — или кто-то? — невидимое для него, чему она не могла противостоять. Собака повернулась и поползла наверх, еще на одну ступеньку. Она лежала там, тяжело дыша, и скулила, взывая о помощи.

— Патси, ко мне, ко мне! — звал Джон, но голос его был не громче шепота. Он понял, что точно так же не может подняться к ней, как она не может к нему спуститься. Внезапно все кончилось. С отчаянным воем Патси взлетела по последним ступенькам и прыгнула в пустоту. Мистер Верралл подбежал к ней; вот она — маленькая собачка — лежит на земле, с головой, залитой кровью, но за пределами страха.

Джон Верралл хотел только одного — бежать отсюда. Он не осмеливался ни о чем думать, пока не окажется подальше от этого места. Но где можно скрыться от невидимого?

— Что это было? — спрашивал он себя, ступая по земле, пре-

гретой солнцем. — Разве мертвые возвращаются? Все их сношения с внешним миром закончены. Они тихо лежат под землей, и только смятенное воображение живущих может заново связывать их с ночью и днем, с солнечным светом или морским туманом. Ему, Джону Верраллу, нужно просто покрепче взять себя в руки, чтобы сделать эти страхи бессильными.

Он возвращался домой, полный решимости не поддаваться невидимой силе, в которую отказывался верить. Харриет, удивленная тем, что Джон так быстро вернулся, поинтересовалась, где Патси. Он ответил, что собака убежала охотиться на кроликов в кустах утесника; такое часто случалось, и она всегда находила дорогу домой.

Но Патси не вернулась в тот вечер, и в обрывочных снах он видел себя взбегающим по ступенькам нескончаемой лестницы, преследуемый чем-то невидимым и неразличимым. Наутро один из рабочих, посланных в замок, чтобы установить надежное ограждение по его указанию, догадался по имени на собачьем ошейнике, кому она принадлежала, и принес маленькое искалеченное тельце домой.

На какое-то время грозное нашествие приостановилось. Лето прошло, и ни разу больше страх спазмами не сжимал ему горло. Так он и думал: человеку достаточно запретить страхам проникать себе в душу, и они перестанут терзать его. Неделя спокойно текла за неделей, и постепенно Джон Верралл позволил себе оглянуться — с чувством торжества от преодоленной опасности — на те два-три дня, когда был на грани паники, воображая, будто мог вернуться дух женщины, которая спала вечным сном под новым, великолепным памятником на кладбище. Ужас сам порождал свои призраки. «Вот какие шутки способны сыграть с человеком нервы, если только позволить им распусться, — размышлял Джон, поспешно направляясь к церкви в это октябрьское утро. — Ну и сюрприз будет для тех, кто придет сегодня на богослужение!»

Сюрприз произвел должный эффект, и в церкви началась суматоха, когда впервые было прочитано оглашение о предстоящем браке между Джоном Верраллом, вдовцом, и Харриет Кокс, девицей, «оба из этого прихода». Он сидел на скамье рядом с сестрой и чувствовал, как она застыла от удивления и возмущения. Конечно, прошло всего шесть месяцев с тех пор, как с Кэролайн произошло ужасное несчастье, но что проку от ожидания?

Джон Верралл смотрел прямо перед собой, пока зачитывали оглашение. Он ощутил легкое прикосновение к своей руке, над самым запястьем, и обернулся к пустому сиденью слева. Там стояла Кэролайн, она повернулась к нему лицом, провела кончиком языка по верхней губе и приоткрыла рот, точно собираясь заговорить. Видение было кратким, как вздох, и быстро исчезло.

Лоб Джона мгновенно стал холодным и липким от пота, но он снова овладел собой и собрал всю свою силу воли, чтобы не поддаться страху. Вместе со всеми пропел псалом, вслушиваясь в слова молитв. Вскоре толпа повалила из церкви под торжествующий гром органа. Обычно Джон ненадолго задерживался у выхода, чтобы перекинуться словечком с друзьями, и сегодня кое-кто из них пожал ему руку, поздравляя и желая счастья, но, как

показалось ему, несколько сухо, будто сюрприз вовсе не был им приятен. Однако это не слишком его волновало; нечто другое взывало к нему, требуя внимания. Его расстроенное воображение сыграло с ним злую шутку именно в тот момент, когда объявили о его скорой свадьбе. Священник спросил, нет ли какого-нибудь препятствия к браку... И тут Джон почувствовал нечто странное, словно холод или онемение в руке. Он отвернул рукав пиджака и увидел, что на месте, где ощутил прикосновение, остался след, уже побледневший, но отчетливый по форме — точно отпечатки трех пальцев.

День выдался холодный, морской туман постепенно напознал на болота. Мистер Верралл решил остаться дома и заняться счетами за месяц, которые завтра должны быть представлены в городской финансовый комитет. Он просмотрел список расходов: несколько крупных сумм, истраченных на подведение водопровода к новым домам на окраине города; замена газовых труб на одной из улиц; колонка различных мелких расходов, среди которых значилась установка прочного ограждения на вершине лестницы в замке...

Он поднялся. Чтобы побороть страх, лучше всего еще раз пойти в замок. И на том самом месте, которое и породило страх, уничтожить его. Иначе не знать ему больше покоя. Морской туман был совсем прозрачным; он не рискует заблудиться, если выйдет прямо сейчас. Крикнув Харриет, что пойдет прогуляется на полчаса, Джон отправился к замку.

Через десять минут он был уже у входа и, обойдя башню, подошел к вырубленной в стене лестнице. Он стал подниматься; ни малейшего отзвука страха не отдавалось в нем, а с каждым шагом росла уверенность, что все умерло и похоронено. На вершине стояло ограждение; работа сделана на совесть — деревянные брусья плотно и прочно вбиты в каменную кладку. Джон для проверки навалился на них всем телом. Затем спустился по лестнице быстрой, легкой походкой и вышел из замка.

Неожиданно туман сгустился, клубами наплывая с моря. Джон не сомневался, что достаточно хорошо знает, куда надо повернуть, чтобы пройти полмили, отделявшие его от сада. Возможно, он чувствовал бы себя увереннее, если бы Патси была с ним, так как она находила дорогу в плотном тумане быстро и безошибочно. Вдруг из тумана показались очертания деревьев, и Джон обнаружил, что находится на краю канавы.

Странно, он не мог сообразить, что это за канава. Снова что-то надвинулось на него, не деревья, а нечто массивное и прямоугольное. Джон опять оказался у наружной стены замка. Он прошел к воротам и постарался заново сориентироваться, зная, что ворота выходят прямо на его дом. Он предпринял вторую попытку, и туман мгновенно поглотил его.

Теперь Джон решил, что, вероятно, разумнее идти вдоль канавы: правда, это удлинит путь, зато выведет его на пригородную дорогу у подножия холма. А потому взял вправо, уверенный, что канава именно в той стороне. Но перед ним снова вырос замок, и снова в нем проснулся страх. Казалось, какая-то невидимая сила неслышно водит его, возвращая на то же место. С ужа-

сом, переросшим в панику, Джон интуитивно и безошибочно понял, что это за сила. Он бросился бежать, пытаясь спастись от нее...

И вновь, после отчаянного бегства вслепую, он очутился у стены замка. Властная сила подхватила его и пронесла через ворота к подножию башенной лестницы. Он понял, к какому неизбежному концу влекла его эта сила, и в последнем, неистовом усилии попытался прорваться мимо темного зева входа. Но был столь же бессилён, как соломинка, вихрем закрученная в водовороте черной воды. Слабея с каждым шагом, Джон стал подниматься по ступенькам. Воспоминания пробились сквозь завесу ужаса, окутавшую его душу. Он отчетливо видел, как поднимался вслед за Кэролайн по этой лестнице, откуда ей уже не суждено было спуститься; вспомнил, как Патси пыталась пробраться мимо чего-то невидимого, толкавшего ее — как подталкивало сейчас и его — вперед и вверх. На мгновение забрезжил луч надежды, когда он вспомнил, как меньше часа назад проверял на прочность новое ограждение на площадке и нашел его добротным и крепким. Джона с силой прижимало к ограждению; он слышал его треск, чувствовал, как оно поддается под тяжестью чего-то невидимого.

Когда ограждение рухнуло, мистер Верралл, падая в распахнутую пустоту, увидел в темном проеме входа лицо той, которую своими руками сбросил через разрушенный барьер.

ВНИМАНИЕ! КОНКУРС!

Издательство АРМАДА

объявляет конкурс на лучший криминальный роман для серии «Отечественный детектив». Произведения-победители будут опубликованы, авторов (кроме гонораров) ждут солидные премии.

Рукописи высылать по адресу:

125449, Москва,

Кронштадтский бульвар, 37б.

Объем от 10 до 20 авторских листов.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

...и снова - Слава

Рисунки ВЯЧЕСЛАВА КАПРЕЛЬЯНЦА

Наши сомнения в том, что потеряла архитектура и приобрела карикатура в лице г-на Капрельянца («Смена» № 7, 1995), читатель разрешил просто и однозначно: архитектура не потеряла ничего, а карикатура приобрела многое. «Над его рисунками хохочешь до слез», — пишет студент Володя Прибытков из Саратова. Что ж, если верить мудрым людям (в частности, г-ну Монтескье), и смех, и слезы равно очищают душу. Л. Никитин из Уфы

еще категоричнее: «...лучше уж помереть от смеха, чем от скуки!». Тут мы возразим: помирать не нужно — смейтесь на здоровье...

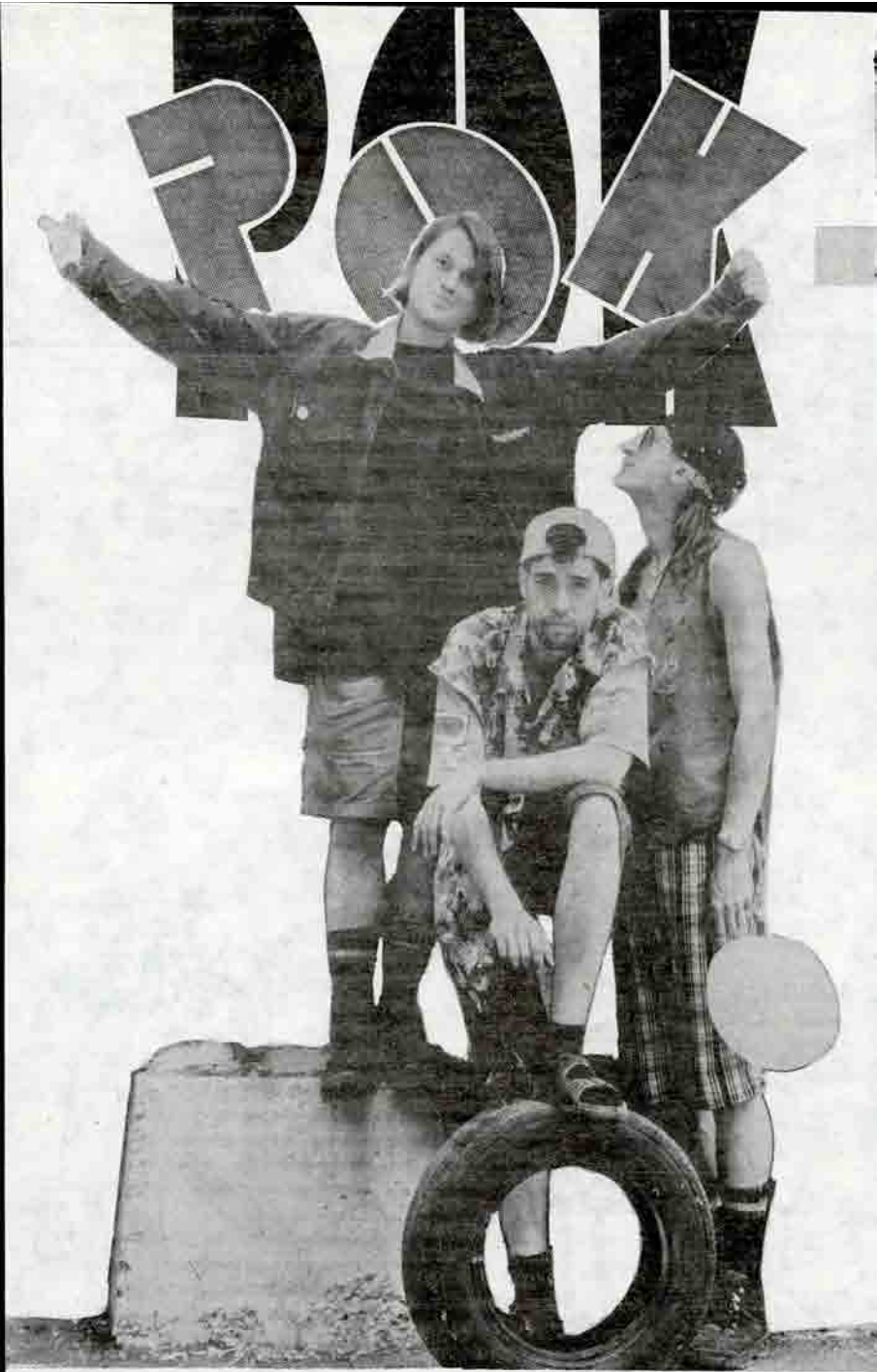
— Что же сейчас подделывает г-н Слава Капрельянц? — интересуются читатели.

Отвечаем: рисует карикатуры и стаптывает отечественные подошвы, разнося эти самые карикатуры по редакциям. Заскакивает, между прочим, и к нам, чему свидетельство — нынешние рисунки.

МУЗОН

Многие современные группы пытаются удивить своей музыкой. Эта удивляет еще и названием. Название обязывает, поэтому музыка группы «Ногу свело!» неподражаемо странна и насквозь пропитана юмором.

По отзывам членов группы, генератор идей и энергии в группе — Максим Покровский, с которым мы и беседуем.

— Для начала вопрос, на который вам уже, наверно, надоело отвечать: когда и при каких обстоятельствах у вас впервые «свело ногу»?

— Зимой 1989 года. Название родилось у меня и его поддержал Антон Якомульский, барабанщик, с которым мы создавали группу. Остальной состав нас не понял и «застремался», как тогда было принято выражаться.

Потом в начале весны участвовали в Фестивале надежд. Мы тогда маялись и не знали, под каким именем себя заявить. Ольга Опрятная, директор рок-лаборатории, зная о вариантах названия, внесла нас в списки как «Ногу свело!». Словом, стала нашей крестной мамочкой.

— Поставьте диагноз, почему свело: от холода, от того, что отсидели?

— Свело, наверное, от безделья. Глубже толковать наше название отказываемся.

— Название рассчитано на элиту?

— Скорее на «коммерческий успех». Тогда коммерческий успех понимали совсем по-другому, потому что денег за выступления мы не получали в принципе. Высшим проявлением успеха считалось, когда к тебе после концерта подходили парни в навороченных ботинках и говорили: «О, чуваки, у вас ништяк... Стёбный музон прет... Нехило цепляет...»

Но и для коммерческого успеха в теперешнем понимании наше название неплохо подходит — запоминается, откладывается в головах.

— Сами-то вы как для себя определяете музыку, которую играете? «Стёбный музон»?

— Слово «стёб» уже архаизм. Нам больше нравится понятие «около-рок». Невдалеке от рока. На наш взгляд, в музыке должна быть нормальная доля иронии и самоиронии. Потому что скучно ко всему относиться серьезно, и к себе в том числе.

— Вы к этому сразу пришли?

— Нет. Сначала была эпоха альбома «1:0 в пользу девочек», когда мы занимались ритмикой и чуть ли не авангардом. У народа шло на «ура». Авангард был какой-то... патологический. Во, кстати, отличный термин придумал: патологический авангард.

Потом мы все-таки захотели играть красивые, запоминающиеся мелодии. А тогда это было дело рискованное. Публика, привыкшая к нашему стилю, могла не простить и гнилыми помидорами на сцене забросать. Существовало жесткое разграничение: все, что не металл и не панк, то диско, и вообще — «попса». Чтобы не выглядеть «попсовыми», мы «заюморили» нашу музыку. И то, что сделали не от хорошей жизни, теперь нам очень здорово помогает.

Весной 1991 года с приходом гитариста Игоря Лапухина в нашем творчестве начался новый период. И уже в июне на Фестивале надежд мы выступили в обновленном составе — я, Антон Якомумский и Игорь Лапухин — это и есть та «Ногу свело!», которую знают.

— Песни вы пишете коллективно?

— Начинается все на маленьком диванчике, что стоит на кухне у моей мамы. Если я что и сдам в музей, коли понадобится, так его. У каждого должен быть такой диван.

Я сажусь на него и начинаю наигрывать что-нибудь на гитаре... Так добрая половина наших песен или заготовок появилась. «Хара», «Пляжный рок-н-ролл» — с того дивана.

Потом прихожу к остальным, и мы все несколько часов мучаемся, пока я не смогу объяснить, чего хочу. Есть вещи, которые придумываю сам от начала до конца. Иногда придумываю только на строение.

— Что это у вас за тяга к чужеродным языкам? Английский, немецкий, да еще и какой-то свой собственный сочинили...

— Это самый родной наш язык. Альбом «Капризы манекенщиц» исполнялся на собственном языке, с уходом в английский.

— Музыка — «около-рок». Те-

перь еще и тексты — «около-английские»?

— Одно время наш язык действительно слегка отдавал английским. Теперь же он стопроцентно собственный.

— Для вас что же, написать текст по-русски проблема?

— Есть музыканты — сперва пишут текст, а потом осмысливают его и пишут музыку. Мы же идем от музыки и настроения к фонетике. Играется песня — выговариваются слова. Если какая-нибудь лесная зверюга орет в лесу, что она в это вкладывает? Кайф ей просто, и все. Погорланит и нормально.

— Как вы справляетесь с иностранными языками?

— Запросто. Текст песни «You are big» я писал по словарю. Появилась тема: я маленький, ты большая, я вокруг тебя увиваюсь, а ты смотришь на меня снисходительно... Стал по словарю подбирать подходящие рифмы. Нашел слово «tick» («клоп»), рифмовавшееся с «big», подходящее по теме... И так далее. Почти техническая работа. Как ни странно, текст получился довольно большой и осмысленный. А как составлять времена «present continues» и «present indefinite», друзья объяснили.

— А песни на немецком?

— На немецком у нас одна — «Fraulein». Слова писала Анечка Сенкевич, певица. Я прекрасно помню, как создавалась песня. Я сидел все на том же диванчике, и на одной струне, на басочке, наяривал: «та-та-фройляйн, та-та-та-поликлиник». Два ключевых слова сразу появились. И стало ясно, о чем песня. О фройляйн, которая идет в первый раз к гинекологу, и вся нация ее провожает. Ибо это — очень важное дело.

Рассказали о песне Анечке, и она написала текст. «Я фройляйн,

я иду в поликлинику, и нация за меня радуется».

— На каких языках еще собираетесь петь?

— Хотя бы одну на украинском или на польском. Только поляка надо найти такого, чтоб шипел как кобра: «кр-ш, пр-ш». Еще хочется попеть по-французски.

— Как вы собрались вместе?

— С Антоном мы встретились, когда я пришел купить у него картонки из-под яиц, чтобы отделать стены. Это очень хороший звукопоглощающий материал...

Тогда ведь все, занимавшиеся рок-музыкой, чуть ли не поголовно фарцевали кто чем. Помню, как купил первый бас. Потом продал его и рублей 150 заработал. Купил второй, сдал его с выгодой... На этой почве очень многие перезнакомились.

А дальше... Представьте ситуацию: ни концертов, ни денег. «Хара» и многие вещи уже записаны. Мы никому не известны, и одна фирма за другой нас «кидает». Стали зарабатывать тем, что брали на складе оптом «Амаретто» польского розлива и развозили по коммерческим ларькам. Наверное, пол-Москвы снабжали.

И все-таки мы пробились. Потому что отличались поразительным занудством и увлеченностью. Не пьянствовали, умели находить контакты. И перли как танк. Нас не интересовали ни книжки, ни фильмы, ни девочки. У каждого по одной — любимой — и все.

— Теперь, когда ваши записи расходятся по стране, можно ли жить на доходы от них?

— С хорошим издателем — можно. В одной фирме, например, мы получаем поквартально. Если разбить по месяцам, то наберется нормальная старушечья пенсия.

Сейчас появилось очень много пиратских записей. Недавно на ве-

щевом рынке увидел на лотке наш альбом на пиратском компакт-диске. «Откуда?» — спрашиваю. «Из Пекина, вестимо», — отвечает продавец.

— Значит, остается только гастролировать?

— Гастроли — в кайф. Не секрет, сейчас музыканты стонут — гастролей нет. У нас же — в среднем два раза в месяц.

— На гастроли вылетаете на нескольких «Боингах», как «Pink Floyd»?

— Пока по железной дороге, в нескольких купе. Но, видно, придется скоро арендовать целый вагон, чтобы другим пассажирам не мешать — мы в дороге любим расслабляться. В дальнейшем планируем открыть свою авиакомпанию. Как она будет называться, не придумали, но только не «Ногу свело!»

Беседовал ДМИТРИЙ ДЕНИСОВ.

**Фото из IV-й обложке
ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА**

Дмитрий Алексеев

Дмитрий Алексеев — молод (ему только 32), общителен (в круг его друзей входят многие состоятельные люди, покупающие его работы для своих офисов и квартир), не ютится на жалких метрах в какой-нибудь «хрущобе» (обитает в центре Москвы, на Маяковке, плюс загородный дом), весел (скорее всего от выше перечисленного), удачлив и, несомненно, талантлив. К этому можно добавить, что Дмитрий любит животных (в доме про-

живает красавец колли), увлекается игрой на фортепиано (берет уроки музыки вместе со своим четырехлетним сыном) и изучает английский. Еще стоит упомянуть, что Дмитрий — потомок Боратынского. В прошлом году он и другие потомки славной фамилии передали в дар Музею имени А. С. Пушкина изображение генеалогического древа этого рода и миниатюры детских портретов — самого юного Боратынского и членов его семьи.

Рисованием Дмитрий увлекся еще в детстве: учась в общеобразовательной школе, посещал и художественную, а затем продолжил образование в Текстильном институте на факультете прикладного искусства. После окончания института работал художником-постановщиком в кино и театре.

На его полотнах, за редчайшим исключением мы не увидим лиц, фигур, вообще человека. Только природу. Скромные, милые сердцу пейзажи России, суровые, неприязнательные — Шотландии. И неистовое буйство красок на полотнах с видами щедро залитых солнцем Испании, Италии, Турции... Дмитрий любит путешествовать. Из каждой поездки он привозит множество рисунков, этюдов, зарисовок. Затем появляются серии с видами Кельна, Лондона, Парижа, Мадрида, Севильи. Была у Дмитрия и серия, посвященная старой Москве. (Была, потому что ее моментально раскупили, и теперь старой Москвой любуются граждане Германии, Англии, Америки.)

Вообще поездки — важная часть творческой жизни Дмитрия. В них художник черпает вдохновение, будоражит свою фантазию. Но не только...

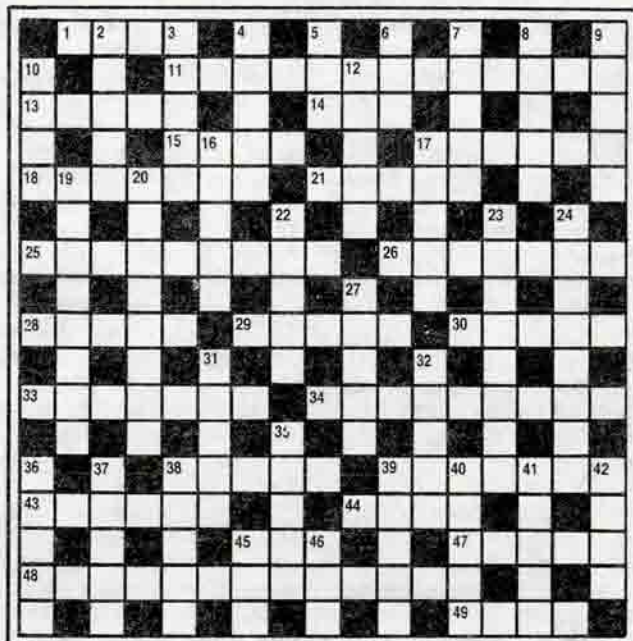
— Всегда стремлюсь к тому, — говорит Дмитрий, — чтобы в моих картинах присутствовало настроенное. Стараюсь усилить его, обольстить им. Когда человек понимает

смысл полотна, он яснее представляет тот волшебный мир, который скрыт в его глубине. Для меня картина начинает существовать, когда видна работа мысли, «работа» красок. Стараюсь, чтобы цвета проникали один в другой, не смешиваясь, а как бы соседствуя друг с другом. Тогда полотна получают многослойными, создается ощущение бесконечности пространства.

Состояние моих картин — покой. Только так возможно заметить, что уходит от нашего взгляда в повседневной жизни. Наслаждение для меня — философская категория, раскрывающая мир во всем величии. Через наслаждение миром становятся понятны его трепетность, совершенство и в то же время удивительная незащищенность. А мой мир, как правило, вымышленный. Хотя и пишу, отталкиваясь от реальности, меняя сюжеты и состояния.

Художнику удается достичь полного единства формы и цвета, колорита и композиции. В палитре его картин особую роль играет декоративность. Цвета приковывают и захватывают, а мир, созданный художником, оказывается новым и любопытным...

ЛЮДМИЛА КАНДАЛОВА

1. Булавочный ... — мелкое, но язвительное замечание. 11. Течение, принципы которого в России развил К. Коровин. 13. Молитвенный салат мусульман. 14. Дальний от мачты конец гафеля, гика или шпринтова на яхте. 15. Защита от удержания в борьбе самбо и дзюдо. 17. Раввинская книга. В Париже в середине XIII века сожгли двадцать четыре тома ее рукописей. 18. Зимнее «жилье» для домиков с гудящим населением. 21. Римский консул, разбитый и плененный Карфагеном. 25. Звание Г. Державина в двадцать лет. 26. Металл. Его блеску в восточной поэзии равен блеск шеи или рук любимой. 28. Одно из сравнений бури в стихотворении А. Пушкина «Зимний вечер». 29. Чертова свадьба. 30. Композитор, написавший оперы «Сила судьбы» для Петербурга и «Дон Карлос» для Парижа. 33. Философ, чьи идеи Ф. Достоевский «прочел как бы за свои». 34. Стеклообразный сосуд для измерения плотности веществ. 38. Родственник, которого герой в известной песне В. Высоцкого советует Зине не трогать. 39. Епископское кресло в ранних христианских церквях. 43. Римский сатирик, чьи слова: «Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом» — со временем стали употреблять в прямо противоположном смысле. 44. Абу ... — первый халиф Арабского халифата. 45. Озеро, на канадском берегу которого расположен национальный парк Пойнт-Пили. 47. Церковный раскол. 48. Советский режиссер, которому Г. Крэг объяснял, что шекспировская Офелия «жал-

кая девушка». 49. Французский художник, чьей последней работой стал памятник А. Дюма.

По вертикали.

2. Растение, к корням которого нырнул Егорушка в «Стели» А. Чехова. 3. Подхалим. 4. Повесть А. Платонова, за которую он был удостоен сталинской резолюции: «Свoločь». 5. Обычная подпись В. Маяковского в письмах к Лиле Брик. 6. Челобитная в наше время. 7. Скальный козел, способный перепрыгнуть широкую расселину. 8. Русское краесогласие (суть). 9. Народ, чью страну литовские князья не раз трусливо отдавали немцам. 10. «Дочь мадам...» — оперетта Ш. Лекока, чей текст перевел В. Курочкин. 12. Форма, держащая, по словам А. Григорьева, «душу в приличной узде». 16. Любовница попавшего в оперу М. Мусоргского «Сорочинская ярмарка». 17. Самая крупная ржанка. 19. Поэт, на вечеру у З. Волконской отломивший руку у статуи Аполлона, а на статуе написавший стихи. 20. Боксерский удар взрывного характера. 22. «Пролетарий богов» по А. Камю. 23. Придурковатость. 24. Шелковая ткань, «гарнитур» в поэме Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». 27. Шестьнадцать вершков. 31. Старинное название взятки. 32. Верблюжья колючка, пустынное топливо. 35. Каждая строка восточного двустишия (бейта). 36. Французский архитектор, в 1934—1937 годах работавший в СССР. 37. Рядовая рыба в сибирском улове. 38. Предмет-будильник в руке дремлющего Аристотеля. 39. Головной убор первого парня на деревне в недавние времена. 40. Знаменитый психолог, учившийся, как и И. Сеченов, у Эрнста Брюкке. 41. Река, унесшая идолов Древней Руси. 42. Сказочный конь героев в адыгском фольклоре. 45. «Не больше, как пиво» (Н. Чернышевский. «Что делать?»). 46. Дерево, сравненное А. Фетом с зеленым водопадом.

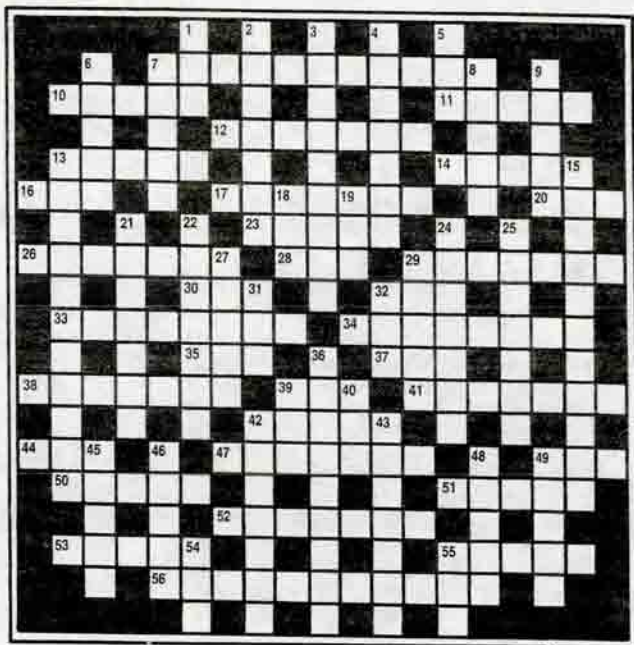
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали.

1. Рябь. 3. Злоба. 10. Табаков. 11. Джанибеков. 13. Монтескье. 14. Шопен. 18. Цекки. 19. Миф. 23. Удод. 24. Дубитель. 25. Икона. 26. Часы. 29. Осия. 32. Стерн. 33. Наводчик. 35. Шлык. 36. Лем. 37. Каноз. 42. ...слава... 43. Винчестер. 47. Заболонник. 48. Орхидея. 49. Фазан. 50. Тяга.

По вертикали.

1. Руда. 2. Благородство. 4. Лжец. 5. Бром. 6. Хартлиб. 7. Фарси. 8. Софья. 9. Шипец. 12. ...воз. 15. Нерка. 16. Сканы. 17. Мужчина. 19. Мул. 20. ...Фин. 21. Пенсильвания. 22. Льянка. 27. Отвар. 28. Аргос. 30. Адл. 31. Ним. 34. Ченслер. 38. Элиот. 39. «Гидра». 40. Ячник. 41. Жез... 44. Пара. 45. Мода. 46. Экса.

КРОССВОРД
Составил
А. ЗАВЬЯЛОВ,
Козельск
Калужской
области

По горизонтали.

7. Продолжение отложенного шахматного поединка.
10. Каждая из обрезанных частей в «Тришкином кафтане» И. Крылова.
11. Электронная лампа.
12. Народ в России, у которого прежде молеельное сооружение было одновременно и летней кухней.
13. Роль А. Демьяненко в фильме «Кавказская пленница».
14. Бесчестие.
16. Порядок церковной службы.
17. Кража.
20. Самая казачья река России.
23. Отрывок, часть произведения.
26. Канат, облегчающий посадку дирижабля.
28. Главный бог Мемфиса в египетской мифологии.
29. Создатель классической латинской художественной прозы.
30. Единица высоты звука.
32. ... Божий — прозвище Аттилы.
33. Внезапный свет догадки, идеи.
34. Дождливая или снежная погода.
35. Соправитель Аскольда в Киеве, убитый князем Олегом.
37. Рыба, какой на Байкале предпочитают омуля.
38. Церковный праздник, отмечаемый в августе.
39. Гора в Югославии.
41. Бой быков.
42. Участок земной коры, поднятый относительно смежных участков.
44. Удушливый дым.
47. Соль или эфир муравьиной кислоты.
49. Восточный, греческий, длинный, орлиный, с горбинкой.
50. Герой весенней песни: «А где он ногою, там жито копою, а куда он взглянет, там колос зацветает».
51. Темнохвойный лес.
52. Пионерский побудчик.
53. Французский скульптор, доказавший, что для художника женское тело неотразимо.
55. Незаросшее место в лесу.
56. Самый талантливый из сотоварищей М. Глинки.

По вертикали.

1. Библиейский праведник. 2. Собиратель земляники, черники, клюквы. 3. Топкость. 4. Туда — сюда, туда — сюда. 5. Единица количества информации. 6. Одежда матери в известном стихотворении С. Есенина. 7. Создатель национального музея в Лувре. 8. Актер, работавший в МХТ. 9. Причина смерти боярыни Морозовой. 13. Польская исполнительница, удостоенная в Петербурге звания придворной пианистки. 15. Альпийская роза. 18. Название в народе мясной вырезки. 19. Археологическая культура. 21. Житель юго-западной части Грузии. 22. Жанр, созданный Аристофаном. 24. Русский адмирал, совместно с П. Витгенштейном проваливший операцию на Березине при отступлении армии Наполеона. 25. Знаменитый итальянский искусствовед. 27. Дело хора. 29. Человек без стыда и совести. 31. Король, по собственной воле ставший самым несчастным из монархов. 32. Дух тьмы у христиан. 36. В письме к В. Боткину В. Белинский сказал: «Пушкин умер не без наследника» (наследник). 39. Сильный клев рыбы. 40. Буква греческого алфавита. 42. Музыкант. 43. Водитель машины с шашками на боку. 45. Автор цикла романов «Проклятые короли». 46. Русский поэт, написавший, что мать обучила его «грамоте, песенному складу и всякой словесной мудрости». 48. Химический элемент. 49. Северные сани. 54. Наполеоновский маршал, расстрелянный Бурбонами. 55. Певчая птица, любящая купаться.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали.

1. Диоген. 7. Незвал. 11. Пекинес. 14. Броненосец. 15. Косторез. 17. Ясак. 18. Толстовка. 19. Чили. 22. Этика. 23. Алмаз. 24. Защита. 26. Иви. 29. Йог. 30. Екмалан. 31. Цитолог. 32. Юла. 34. Мос. 35. Бедкер. 36. Феномен. 37. Янг. 40. Тей. 41. Горит. 42. Ампер. 43. Топаз. 48. Арча. 49. Хронометр. 50. Фрау. 53. ...гардероб... 55. Камшеломка. 57. Водород. 58. Лавсан. 59. «Тамань».

По вертикали.

1. Дубняк. 2. Ономастика. 3. Елей. 4. Лес. 5. Виц. 6. Чек. 8. Есть. 9. Вергилий. 10. Лезвие. 11. Порок. 12. Кетсаль. 13. Сотка. 16. Нотация. 20. Украшение. 21. Жаворонок. 22. Эвелинг. 25. Полонез. 27. Дятел. 28. Шорец. 33. Лемминг. 34. Метаграмма. 38. Гончаров. 39. Фермуар. 44. Разгул. 45. Ершов. 46. Стенд. 47. Щукарь. 51. Жена. 52. Елка. 54. Бой. 55. Кот. 56. Мор.

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
Виктора Чепижного

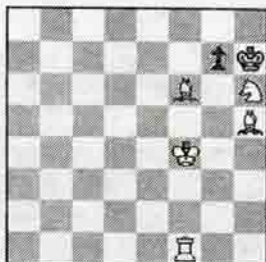
Продолжаем публикацию итогов III международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр журнала «Смена» за 1994 год. В конкурсе трехходовок участвовали 164 задачи 88 авторов (опубликованы 44). Из конкурса исключены: №№ 23, 34, 53, 54, 67, 86, 94, 101, 117 — из-за предшествующих, №№ 7, 33, 41, 43, 70, 85, 113 — из-за побочных решений, №№ 6, 24, 66 — как ранее опубликованные.

Присуждение предварительное. Замечания принимаются в течение двух

месяцев после публикации итогов конкурса.

I ПРИЗ

М. ЧЕРНУШКО
Усурийск

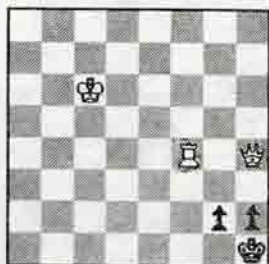

1. Cf7! gf, g6, g5, gh 2. Kf5, Cg8, Kpg4, Лh1

Автор нашел новый и четкий механизм на тему пикенини (четырежды игра черной пешки, стоящей на седьмой горизонтали). К сожалению, трижды матует один и тот же ход — 3. Лh1 ×, правда, матовые картины различные.

II ПРИЗ

В. ЖЕЛТОНОЖКО
Екатеринбург

1. Фf6! g1Ф 2. Лf1, 1...g1K 2. Лg4
1. Фg5? g1Ф 2. Фd5, 1...g1K 2. Лf2, но 1...Kpg1!

1. Фf2? g1Ф! 2. Лf1?, 1. Фh5? g1K! 2. Лg4?

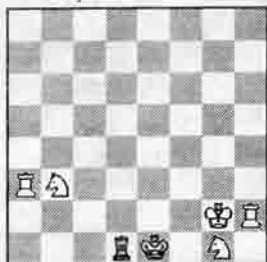
Подобный механизм уже встречался, например, В. Кожакин, «Вестник», 1991 г. (Крс6, Фа6, Лd3 — Крh1, nn. g2,

h2, 1.Фа2!). Однако в миниатюре уральского проблемиста представлены две равноценные фазы с переменной матом на два превращения черной пешки. Приятны и ложные следы с взаимным перекрытием ферзя и ладьи белых. Как видим, и в старых схемах можно найти новые возможности!

III ПРИЗ

А. СЕЛИВАНОВ

*Краснотурьинск
Свердловской обл.*

1. Лh1 — цугцванг! 1...Л~ 2. Кf3 Крe2 3. Кd4x или 3. Кс1x. 1...Лd3! 2. Кf3 Крe2 3. Ле1x, 1...Лd2 2. Кe2 Крe2 3. Кс1x.

Трудная для миниатюры тема черной коррекции, но далась она автору большой ценой: нет ответа на шах в начальной позиции.

1-й почетный отзыв — задаче № 115 **В. Щербины** (Донецк, Украина).

Задача логического стиля с двумя правильными матами. Неприятна короткая угроза.

2-й почетный отзыв — задаче № 14 **В. Мельниченко** (Котовск, Украина).

Симпатичная четырехфигурная трехходовка с тонким вступлением (хотя и с шахом)! Ближний шах — 1.Фd2? — приводит к перекрытию ферзя своим же королем: 1...b2 2. Крс3 Кра3 3. Фа5??

3-й почетный отзыв — задаче № 102 **М. Чернушко** (Уссурийск).

Две пары эхо-матов (два из них правильных) в симметричной схеме.

4-й почетный отзыв — задаче № 55 **В. Кожакина** и **О. Сакса** (Магадан).

Четкая игра ладейной батареи на три хода черного короля подкреплена точным вступлением белого коня.

5-й почетный отзыв — задаче № 112 **С. Радченко** (Ростов-на-Дону).

Два правильных мата со слабым превращением и чередованием вторых и третьих ходов.

1-й похвальный отзыв — задаче № 65 **Л. Грольмана** (Казань).

2-й похвальный отзыв — задаче № 42 **В. Кожакина** (Магадан).

3-й похвальный отзыв — задаче № 16 **В. Иванова** (пос. Повенец, Карелия).

В известную схему добавлен еще один вариант с блокированием.

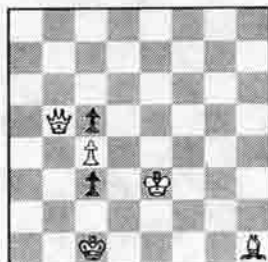
4-й похвальный отзыв — задаче № 104 **А. Каргалолова** (с. Чистое, Курганская обл.).

5-й почетный отзыв — задаче № 114 **В. Кожакина** (Магадан) и **В. Свергунова** (Карелия).

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗ

С. ДЕМИДЮК

Брест, Беларусь

1. Са8! с2 2. Фb7! Крd1 3. Фh1x, 1...Крс2 2. Се4 Крс1 3. Фb1x

Второй вариант является существенным добавлением к содержанию известной задачи В. фон Гольцгаузена (Крd3, Фg5, Са1 — Крf1, пп. f2, f3, f5) 1903 г. Белый слон в миниатюре белорусского проблемиста не только пассивно освобождает путь ферзю, но и активно вступает в игру во втором варианте.

Специальный почетный отзыв — задаче № 95 **В. Антипова** (Боровичи) и **Н. Чистякова** (Омск).

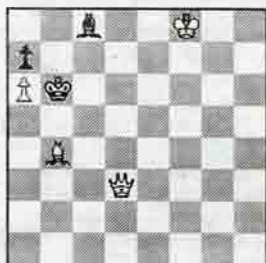
Добавлением одной белой пешки в старую задачу авторы добились перемены правильных матов.

Специальный похвальный отзыв — задаче № 87 **В. Кожакина** (Магадан).

ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ

103. М. ВЛАСОВ

д. Карбас Пермской обл.

Мат в 2 хода

104. Н. НЕПТАЕВ

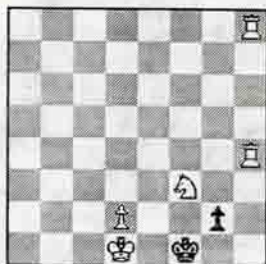
г. Балашиов Саратовской обл.

Мат в 2 хода

105. В. КОВАЛЕНКО

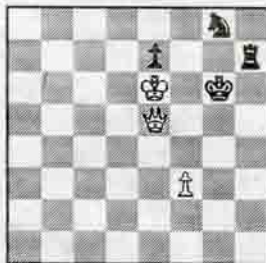
г. Большой Камень Приморского края

Мат в 3 хода

106. С. ТКАЧЕНКО

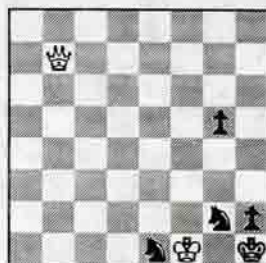
с. Приазовское Украина

Мат в 5 ходов

107. Б. КОЦДОН

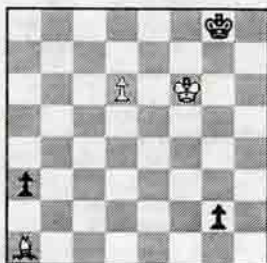
ФРГ

Мат в 6 ходов

108. А. КУППИНИ

Италия

Мат в 9 ходов

«СМЕНА» — 96

В первом полугодии мы планируем опубликовать: новую повесть Николая Леонова о любимом всеми Лёве Турове, триллер известной английской писательницы Сьюзен Хилл «Женщина в черном», повесть немецкого писателя Франка Брауна «Одной пули хватит», классический американский детектив Фрэнка де Фелитты «Похоронный марш марионеток», приключенческий роман французского писателя Шарля Эксбрая «Любите ли вы Пако?».

Министерство связи РФ
„Роспечать“

Ф. СП-I

АБОНЕМЕНТ на _____ журнал		70820									
«СМЕНА»		(индекс издания)									
		<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 100px;">Количество комплектов</td> <td style="text-align: center; font-size: large;">I</td> </tr> </table>	Количество комплектов	I							
Количество комплектов	I										
на 1996 год											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____			_____								
(почтовый индекс)			(адрес)								
Кому _____											
(фамилия, инициалы)											

ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	ли-тер	на _____ журнал	70820							
				(индекс издания)							
«СМЕНА»											
Стои-мость	подписки пере-адресовки	руб. руб.	коп. коп.	Количество комплек-тов	I						
на 1996 год											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____	_____										
(почтовый индекс)	(адрес)										
Кому _____											
(фамилия, инициалы)											

«СМЕНА» — 96

Это — 5900 рублей за один номер, 17 700 — за три, полугодовая подписка — 35 400 рублей (цены указаны по каталогу «Роспечати» без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи.

Проверьте правильность оформления абонемента!

На абонементе должен быть поставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

.....

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ-МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВ. Лодки в бухте.

Испанский дворик.

группа

"НОГОВО"
ДЕНЬ

